МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Судебно-психологическая экспертиза

Ф. С. Сафуанов

Глава 3. Участие клинического психолога в судебно-психиатрической экспертизе 53
3.1. Судебно-психиатрическая экспертиза 53
3.2. Возможности использования психологического психодиагностического исследования в судебно-психиатрической практике 56
3.3. Основные задачи экспериментально-психологического исследования в судебно-психиатрической экспертизе 58
3.4. Структура заключения по результатам экспериментально-психологического исследования 70
3.5. Типичные образцы заключений патопсихолога по данным экспериментально-психологического исследования 71
Ключевые понятия (тезаурус) 76
Вопросы и задания для самоконтроля 77

РАЗДЕЛ II. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Глава 4. Организационно-правовые основы судебно-психологической экспертизы 80
4.1. Организация судебных экспертиз с участием психолога в Российской Федерации 80
4.2. Права и обязанности судебного эксперта 82
4.3. Порядок назначения экспертизы 85
4.4. Виды судебных экспертиз с участием психолога 89
4.5. Этапы производства экспертизы 93
4.6. Форма и структура экспертного заключения 94
4.7. Оценка экспертного заключения органом или лицом, назначившим экспертизу 96
Ключевые понятия (тезаурус) 98
Вопросы и задания для самоконтроля 100

Глава 5. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Судебно-психологическая экспертология 101
5.1. Принципы судебно-психологической экспертологии 101
5.2. Объект судебно-психологической экспертизы 103
5.3. Предмет судебно-психологической экспертизы 106
5.4. Проблема специальных знаний в психологии 107
5.5. Теория экспертных понятий 112
5.6. Пределы компетенции эксперта-психолога 115
Ключевые понятия (тезаурус) 117
Вопросы и задания для самоконтроля 117

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ф. С. Сафуанов

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УЧЕБНИК
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по психолого-педагогическому образованию для обучающихся по направлению подготовки 050400 Психолого-педагогическое образование

Допущено УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки (специальности) 030300 Психология, 030401 Клиническая психология ФГОС ВПО

Книга доступна в электронной библиотечной системе biblio-online.ru

Москва ▪ Юрайт ▪ 2014

УДК 340.6(075.8)
ББК 67.5я73
С21

Автор:

Сафуанов Фарит Суфиянович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель лаборатории судебной психологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Рецензенты:

Дворянчиков Н. В. – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета;

Ткаченко А. А. – доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

Сафуанов, Ф. С.

С21 Судебно-психологическая экспертиза : учебник для академического бакалавриата / Ф. С. Сафуанов. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – 421 с. – Серия : Бакалавр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-3564-6

В первом отечественном учебнике по судебно-психологической экспертизе освещены организационно-правовые, теоретические, методологические и этические основы судебно-психологической экспертизы. Приводятся современные представления о предметных видах судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз в уголовном и гражданском процессах с учетом действующего законодательства.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения и методологическим требованиям, предъявляемым к учебным изданиям. Нормативные акты используются по состоянию на 1 декабря 2013 г.

Для студентов, обучающихся по психологическим направлениям и специальностям, аспирантов и преподавателей психологических и юридических вузов, судебно-психологических и судебно-психиатрических экспертов.

УДК 340.6(075.8)
ББК 67.5я73

ISBN 978-5-9916-3564-6

© Сафуанов Ф. С., 2014
© ООО «Издательство Юрайт», 2014

Оглавление

Предисловие **10**
Принятые сокращения **15**

Раздел I. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Глава 1. Место судебно-психологической экспертизы в системе научного знания **18**
1.1. Соотношение теоретических областей и практических отраслей психологии. Юридическая психология как прикладная отрасль психологии 18
1.2. Структура юридической психологии 22
1.3. Место судебно-психологической экспертизы в структуре юридической психологии 24
1.4. Основные формы применения психологических знаний в судебной экспертизе 24
1.5. Междисциплинарные связи судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз 25
1.6. Краткая история судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз 29
Ключевые понятия (тезаурус) 37
Вопросы и задания для самоконтроля 38

Глава 2. Формы использования специальных психологических знаний в уголовном и гражданском процессах **39**
2.1. Процессуальные и непроцессуальные формы использования психологических знаний 39
2.2. Экспертиза 40
2.3. Заключение специалиста 41
2.4. Участие в допросе несовершеннолетних 43
2.5. Справочно-консультативная деятельность 44
Ключевые понятия (тезаурус) 51
Вопросы и задания для самоконтроля 52

Глава 3. Участие клинического психолога в судебно-психиатрической экспертизе 53
3.1. Судебно-психиатрическая экспертиза 53
3.2. Возможности использования психологического психодиагностического исследования в судебно-психиатрической практике 56
3.3. Основные задачи экспериментально-психологического исследования в судебно-психиатрической экспертизе 58
3.4. Структура заключения по результатам экспериментально-психологического исследования 70
3.5. Типичные образцы заключений патопсихолога по данным экспериментально-психологического исследования 71
Ключевые понятия (тезаурус) 76
Вопросы и задания для самоконтроля 77

РАЗДЕЛ II. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Глава 4. Организационно-правовые основы судебно-психологической экспертизы 80
4.1. Организация судебных экспертиз с участием психолога в Российской Федерации 80
4.2. Права и обязанности судебного эксперта 82
4.3. Порядок назначения экспертизы 85
4.4. Виды судебных экспертиз с участием психолога 89
4.5. Этапы производства экспертизы 93
4.6. Форма и структура экспертного заключения 94
4.7. Оценка экспертного заключения органом или лицом, назначившим экспертизу 96
Ключевые понятия (тезаурус) 98
Вопросы и задания для самоконтроля 100

Глава 5. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Судебно-психологическая экспертология 101
5.1. Принципы судебно-психологической экспертологии 101
5.2. Объект судебно-психологической экспертизы 103
5.3. Предмет судебно-психологической экспертизы 106
5.4. Проблема специальных знаний в психологии 107
5.5. Теория экспертных понятий 112
5.6. Пределы компетенции эксперта-психолога 115
Ключевые понятия (тезаурус) 117
Вопросы и задания для самоконтроля 117

Глава 6. Методологические основы судебно-психологической экспертизы 118
6.1. Системный подход 118
6.2. Норма и патология регуляции поведения 119
6.3. Методологические принципы проведения судебно-психологической экспертизы 121
6.4. Планирование психодиагностического исследования 127
6.5. Психологический анализ материалов уголовного или гражданского дела 138
6.6. Основные этапы психологического исследования при проведении судебной экспертизы 144
Ключевые понятия (тезаурус) 145
Вопросы и задания для самоконтроля 145
Глава 7. Этические проблемы судебно-психологической экспертизы 147
7.1. Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы 147
7.2. Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога 150
Ключевые понятия (тезаурус) 156
Вопросы и задания для самоконтроля 156

Раздел III. ПРЕДМЕТНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 8. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого 160
8.1. Юридическое значение 160
8.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 163
8.3. Варианты существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемых на криминальные действия 166
Ключевые понятия (тезаурус) 172
Вопросы и задания для самоконтроля 173
Глава 9. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза ограниченной вменяемости обвиняемых 174
9.1. Юридическое значение 174
9.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 175

9.3. Критерии экспертной диагностики ограничения способности обвиняемого к осознанию и регуляции своих действий 177
9.4. Варианты ограниченной вменяемости обвиняемых в криминально-агрессивных действиях 183
9.5. Критерии назначения принудительных мер медицинского характера 196
Ключевые понятия (тезаурус) 198
Вопросы и задания для самоконтроля 198
Глава 10. Судебно-психологическая экспертиза аффекта у обвиняемого 199
10.1. Соотношение понятий аффекта в общей и судебной психологии 199
10.2. Юридическое значение 205
10.3. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 207
10.4. Критерии судебно-психологической экспертной оценки аффекта 209
10.5. Объем судебно-психологического экспертного понятия аффекта 220
10.6. Дифференциальная диагностика аффекта с другими эмоциональными реакциями и состояниями 222
10.7. Заключение экспертов 226
Ключевые понятия (тезаурус) 227
Вопросы и задания для самоконтроля 227
Глава 11. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка 228
11.1. Юридическое значение 228
11.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 232
11.3. Алгоритм комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка 237
11.4. Варианты экспертной оценки психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка 239
Ключевые понятия (тезаурус) 245
Вопросы и задания для самоконтроля 245

Глава 12. Судебно-психологическая экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.....246
12.1. Юридическое значение.....246
12.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия.....249
Ключевые понятия (тезаурус).....256
Вопросы и задания для самоконтроля.....257
Глава 13. Судебно-психологическая экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания.....258
13.1. Юридическое значение.....258
13.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия.....259
Ключевые понятия (тезаурус).....266
Вопросы и задания для самоконтроля.....267
Глава 14. Судебно-психологическая экспертиза способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление.....268
14.1. Юридическое значение.....268
14.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия.....270
Ключевые понятия (тезаурус).....274
Вопросы и задания для самоконтроля.....274
Глава 15. Судебно-психологическая экспертиза потерпевшего по делам о мошенничестве 275
15.1. Юридическое значение.....275
15.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия.....276
15.3. Клинико-психологические механизмы беспомощного (беззащитного) состояния потерпевших.....277
Ключевые понятия (тезаурус).....282
Вопросы и задания для самоконтроля.....283
Глава 16. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством.....284
16.1. Диагностика суицидального поведения.....284
16.2. Юридическое значение.....290

16.3. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 291
16.4. Ограничения при производстве судебно-психологической экспертизы суицидентов 298
16.5. Источники информации 300
Ключевые понятия (тезаурус) 301
Вопросы и задания для самоконтроля 302

Раздел IV. ПРЕДМЕТНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 17. Судебно-психологическая экспертиза способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки ... 304
17.1. Юридическое значение 304
17.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 309
Ключевые понятия (тезаурус) 319
Вопросы и задания для самоконтроля 319

Глава 18. Судебно-психологическая экспертиза по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка 320
18.1. Юридическое значение 320
18.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Этапы экспертного исследования 323
18.3. Клинико-психологические факторы, имеющие экспертное значение 329
18.4. Методы судебно-экспертного психологического исследования 334
Ключевые понятия (тезаурус) 338
Вопросы и задания для самоконтроля 338

Глава 19. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда 339
19.1. Юридическое значение 339
19.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия 341
Ключевые понятия (тезаурус) 347
Вопросы и задания для самоконтроля 347

Раздел V. КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Глава 20. Теоретические и процессуально-правовые проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 350

20.1. Теория комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 350
20.2. От теории комплексных судебных экспертиз к практике 353
20.3. Практика комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 354
20.4. Процессуальный статус комплексных судебных экспертиз 355
20.5. Подходы к взаимодействию психолога и психиатра в комплексной экспертизе 357
20.6. Модели интеграции судебно-психологических и судебно-психиатрических знаний 358
Ключевые понятия (тезаурус) 363
Вопросы и задания для самоконтроля 363
Глава 21. Организационно-правовые проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 364
21.1. Ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 364
21.2. Роль психолога при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 367
21.3. Форма и структура заключения экспертов 370
21.4. Состав экспертной комиссии при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 371
21.5. Нормы нагрузки эксперта-психолога при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 372
Ключевые понятия (тезаурус) 373
Вопросы и задания для самоконтроля 373
Глава 22. Экспертные оценки при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы обвиняемых 374
22.1. Психопатологические и психологические факторы, ограничивающие осознанную волевую регуляцию криминального поведения 374
22.2. Варианты судебно-экспертных клинико-психологических оценок 375
Ключевые понятия (тезаурус) 384
Вопросы и задания для самоконтроля 384
Учебно-тематическая программа по предмету «Судебно-психологическая экспертиза» для студентов психологических вузов 385
Приложение 393
Рекомендуемая литература 420

Предисловие

В настоящее время в нашей стране сложилась достаточно развитая инфраструктура судебно-психологической экспертной деятельности. Основную массу психологов, участвующих в судебной экспертизе, составляют медицинские психологи, работающие в судебно-психиатрических экспертных учреждениях системы Минздрава России. Методическим центром является Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Минздрава России, в структуре которого функционируют две научные лаборатории, разрабатывающий теоретические, методологические и организационно-правовые проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в уголовном, гражданском процессах, а также экспертизы лиц детского и подросткового возраста. К государственным экспертам относятся также психологи, работающие в судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Научно-методическим центром деятельности психологов-экспертов является Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России. Кроме того, в стране существует ряд негосударственных судебно-экспертных учреждений, в которых успешно работают специалисты в области психологии. И, наконец, отдельные экспертизы выполняются психологами (как правило, преподавателями вузов), которым следователями или судами в соответствии с процессуальным законодательством поручается производство судебно-психологических экспертиз.

Закономерно возникает вопрос о до- и постдипломном образовании психологов, участвующих в проведении судебных экспертиз. Согласно действующему отечественному законодательству эксперт должен иметь высшее профессиональное образование и пройти подготовку по конкретной экспертной специальности. Уже на стадии высшего образования желательно прохождение обучения по дисциплинам, так или иначе связанным с судебной экспертизой.

Первый такой курс для психологов — «Судебно-психологическая экспертиза» — был разработан М. М. Кочеповым и читался им на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова с середины 70-х до середины 80-х гг. XX в. В последующем этот курс читался В. В. Гульданом до 1992 г. После некоторого перерыва в 1995 г. Ю. Ф. Поляков, возглавлявший кафедру нейро- и патопсихологии, возобновил обучение студентов по данной дисциплине. Этот спецкурс читался Ф. С. Сафуановым.

При создании специальности «Клиническая психология» (2000) в Федеральный образовательный стандарт была включена в число основных дисциплина «Клиническая психология в экспертной практике». Программа дисциплины была разработана Ф. С. Сафуановым и опубликована в сборнике «Программы дисциплин Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 030302.65 — Клиническая психология» (М. : Акрополь, 2006). Дисциплина «Судебно-психологическая экспертиза» вошла в число обязательных и в Федеральный государственный образовательный стандарт третьего поколения по специальности 030401.65 — Клиническая психология (2010 г.). Таким образом, додипломная подготовка медицинских психологов во всех вузах страны, проводящих обучение по специальности «Клиническая психология», включает подготовку по судебной экспертизе с формированием следующих компетенций: способность и готовность к овладению теорией и методологией проведения психологических экспертиз с учетом их предметной специфики и к самостоятельному проведению экспертиз и составлению заключений в соответствии с задачами экспертизы и нормативными правовыми документами. Стандарт по специальности 050407.65 — Педагогика и психология девиантного поведения (специализация № 3 «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения») также содержит модуль «Психолого-педагогическая экспертиза» и соответствующие компетенции.

Последующая постдипломная подготовка судебных экспертов-психологов в идеале должна формировать полный набор профессиональных компетенций, которые можно разбить на четыре блока.

А. Знание и понимание:

1) теории и методологии производства судебных экспертиз с участием психолога, специфики предметных видов судебных экспертиз в уголовном и гражданском процессах;

2) основных методов (герменевтических, качественных и количественных) судебно-психологического экспертного исследования;

3) организационно-правовых основ и этических принципов производства судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях и при производстве негосударственных (частных) экспертиз;

4) отношений между теорией судебной экспертологии, научными исследованиями в общей, клинической и юридической психологии и практикой проведения судебных экспертиз с участием психолога;

5) разделов психологии, психиатрии, права и других смежных наук, необходимых для судебно-психологической экспертной практики.

Б. Интеллектуальные навыки:

1) владение методами (герменевтическими, качественными и количественными) судебно-психологического и клинико-психологического исследования;

2) использование результатов научных исследований в различных областях психологии и смежных наук в судебно-психологической экспертной практике;

3) аналитическое и критическое мышление, способность решать профессиональные задачи в разнообразных судебно-экспертных ситуациях;

4) развитие способности к метаанализу судебно-психологической экспертной практики;

5) использование полученных психологических профессиональных знаний в различных формах в практике расследования преступлений и судопроизводства.

В. Практические навыки:

1) умение самостоятельно провести судебно-психологическое экспертное исследование и составить заключение эксперта в соответствии с нормативными правовыми документами;

2) умение входить в продуктивный контакт с подэкспертными, в том числе с лицами с психическими расстройствами;

3) умение применять различные стратегии взаимодействия и коммуникации с подэкспертными в зависимости от вида судебной экспертизы (уголовный или гражданский процесс), процессуального статуса подэкспертного (обвиняемый, потерпевший, свидетель, истец, ответчик), уровня его возрастного психического развития, пола, психического

состояния и установок по отношению к экспертизе (симуляция и ее разновидности);

4) умение строить взаимодействие с подэкспертным лицом с учетом его прав и обязанностей, базисных этических принципов судебно-экспертного исследования живых лиц;

5) умение эффективно взаимодействовать с органом или лицом, назначающим судебную экспертизу, а также с судебными экспертами-психологами и экспертами смежных специальностей (психиатрами, сексологами, наркологами).

Г. Универсальные умения:

1) умение излагать свои мысли устно и письменно, аргументированно защищать свою точку зрения во взаимодействии с другими психологами-экспертами, судебно-психиатрическими экспертами, с работниками правоохранительных органов (дознавателями и следователями) и участниками суда (судьями, прокурорами и адвокатами);

2) умение планировать и распределять время в зависимости от исследовательских и практических судебно-экспертных задач;

3) умение работать с информацией, в том числе и с электронными базами данных, в научно-исследовательской работе и в практике производства судебных экспертиз;

4) самостоятельность мышления, способность к выработке «внутреннего убеждения» на основе полного, всестороннего и научно обоснованного анализа всех имеющихся данных;

5) чувство ответственности, умение использовать границы ответственности и компетенции, заданные законодательно и этически.

Многие из перечисленных компетенций формируются у студентов уже на стадии бакалавриата, специалитета, магистратуры путем изучения широкого спектра психологических, юридических и естественно-научных дисциплин и прохождения производственных и научных практик. В то же время знания, навыки и умения, которыми овладевает обучающийся при изучении отдельных дисциплин, требуют интеграции в рамках курсов лекций и практических занятий, посвященных судебным экспертизам с участием психолога.

С этой точки зрения выглядит парадоксальным тот факт, что до сих пор в нашей стране не издавалось учебника по судебно-психологической экспертизе для психологов. Студенты и практикующие эксперты-психологи пользуются в основном книгами М. М. Коченова «Введение в судебно-

психологическую экспертизу» (М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980), Ф. С. Сафуанова «Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе» (М. : Гардарика ; Смысл, 1998), «Медицинская и судебная психология : курс лекций» (под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова ; М. : Генезис, 2004, 2005, 2009) и рядом малотиражных учебных пособий, изданных в региональных вузах.

Настоящее издание восполняет этот пробел, содержит материал, соответствующий современным образовательным стандартам и учитывающий действующее законодательство. В нем по сравнению с предыдущими научно-практическими и учебными пособиями содержатся и новейшие разработки как в области теоретико-методологических, организационно-правовых и этических основ судебных экспертиз с применением психологических знаний, так и в области производства предметных видов судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз в уголовном и гражданском процессах.

Учебник состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен различным формам использования психологических знаний в судебной экспертизе и в судопроизводстве в целом. Второй раздел знакомит с теоретическими, методологическими, организационно-правовыми и этическими основами судебно-психологической экспертизы. В третьем разделе описываются предметные виды судебной экспертизы в уголовном процессе, в четвертом — в гражданском процессе. И, наконец, в пятом разделе рассматриваются особенности производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз.

Принятые сокращения

1. Нормативные правовые акты[1]

Конституция РФ – Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ)

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая – Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая – Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть третья – Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ; часть четвертая – Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации – Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ

Закон о ГСЭД – Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях – Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации – Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации – Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ

---

[1] При самостоятельном изучении нормативных правовых актов, упоминаемых в учебнике, необходимо учитывать изменения и дополнения, которые были внесены в них с момента вступления в действие. С официальными текстами документов можно ознакомиться на Официальном интернет-портале правовой информации (http://www.pravo.gov.ru).

2. Органы власти, организации

ВС РФ — Верховный Суд Российской Федерации

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минздрав (России, РСФСР, СССР) — Министерство здравоохранения (Российской Федерации, РСФСР, СССР)

Минздравсоцразвития России — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

3. Прочие сокращения

гл. — глава (-ы)

ИПО — индивидуально-психологические особенности

КСППЭ — комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза

КСЭ — комплексная судебная экспертиза

ОИП — опрос с использованием полиграфа

ООП — органы опеки и попечительства

п. — пункт (-ы)

ПППП — психологический портрет предполагаемого преступника

разд. — раздел (-ы)

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СПЭ — судебно-психологическая экспертиза

СПЭУ — судебно-психиатрическое экспертное учреждение

СЭУ — судебно-экспертное учреждение

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья (-и)

США — Соединенные Штаты Америки

ч. — часть (-и)

ЭПИ — экспериментально-психологическое исследование

РАЗДЕЛ I
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Глава 1
МЕСТО СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- структуру юридической психологии, ее основные разделы;
- историю становления судебно-психологической экспертизы в России;

уметь

- определять место теории и практики судебно-психологической экспертизы в системе теоретических дисциплин и практических отраслей психологии;
- устанавливать междисциплинарные связи судебно-психологической экспертизы;

владеть

- навыками соотнесения теоретических дисциплин психологии и смежных наук с судебно-психологической экспертизой.

1.1. Соотношение теоретических областей и практических отраслей психологии. Юридическая психология как прикладная отрасль психологии

Практика применения специальных знаний в СПЭ сразу ставит множество теоретических, методологических, организационно-правовых и этических вопросов. Какие психологические знания используются в деятельности судебного эксперта-психолога? В какой форме это происходит? С какими разделами научной психологии вплотную смыкается судебная психология? Какие психодиагностические методы необходимы для формулирования экспертных выводов? Должны ли ограничиваться знания судебного эксперта-психолога

пределами психологии или в объем его специальных знаний должны входить и иные, не психологические науки? Совпадает ли научная терминология, используемая в СПЭ, с понятийным аппаратом академической психологии? Одновременно возникают и важные проблемы, связанные с научным теоретическим статусом, прикладным содержанием, ведомственной регуляцией и этикой профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога. Для того чтобы иметь возможность подойти к решению перечисленных вопросов и проблем, определим место судебно-экспертного использования психологических знаний в системе психологических наук.

Психология является очень разнородной наукой. В любом психологическом словаре можно найти не менее двадцати разделов психологии: одни психологи занимаются психически здоровыми, другие — психически больными; одних психологов интересуют закономерности развития психики в детском и подростковом возрасте, других — в старческом; психологи, специализирующиеся в социальной психологии и изучающие процессы общения, взаимодействия людей, могут порой не понимать зоопсихологов, и таких примеров можно привести множество. В каждой области выработан свой теоретический и методологический аппарат, различны методы и объекты исследования. Более того, даже в рамках одного раздела психологии существует множество теорий, объясняющих одно и то же явление, которые не соотносятся, а порой и противоречат друг другу. Классическим примером может служить работа, проведенная американским психологом Г. Оллпортом, который еще в 1949 г. показал, что в философской, социологической, психологической литературе существует не менее 50 определений личности, которые не пересекаются друг с другом. Поэтому, чтобы разобраться с теоретическими, методологическими и организационно-правовыми проблемами профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога, необходимо четко определить ее место в системе психологических наук и их практических, прикладных задач.

Условно можно выделить две плоскости классификации разделов психологической науки (табл. 1.1). С одной стороны, психология подразделяется на *частные теоретические дисциплины*, конкретизирующие предмет общей психологии – закономерности развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности – по отно-

шению к его различным аспектам: возрастной динамике психики, ее функционированию в социальных группах, патологии психической деятельности и т.п., т.е. на возрастную, социальную, клиническую и др. Эти предметные области обычно составляют базовые дисциплины образовательных стандартов для бакалавров, магистров и специалистов по психологии. С другой стороны, можно выделить *прикладные (практические) области* психологии, в которых общие и частные теоретические дисциплины психологии находят применение в какой-либо конкретной области человеческой жизнедеятельности — в спорте (психология спорта), в юриспруденции (юридическая психология), в системе школьного образования (школьная психология) и т.д. Эти конкретные области применения психологических знаний можно обозначить как отрасли психологии, они различаются не по предмету, а по объекту исследования. Если число теоретических областей психологии достаточно ограничено, то количество прикладных отраслей принципиально бесконечно — сфер человеческой жизнедеятельности чрезвычайно много, и в каждой из них существует человеческий фактор, который может стать объектом исследования психологии. В каждой прикладной отрасли психологии могут быть востребованы в той или иной степени знания из теоретических областей. Так, в школьной психологии кроме знаний общей психологии необходимо использовать разработки клинической психологии (с учетом высокой доли пограничных нервно-психических расстройств у школьников), достижения социальной психологии (для понимания динамики такой малой группы, как школьный класс), закономерности психологии развития и т.п.

Таблица 1.1

Соотношение теоретических областей и прикладных отраслей психологии

Прикладные отрасли	Теоретические области					
	общая	клиническая	социальная	возрастная	педагогическая	...
Школьная						
Спортивная						
Военная						

Окончание табл. 1.1

Прикладные отрасли	Теоретические области					
	общая	клиническая	социальная	возрастная	педагогическая	...
Юридическая						
Психология чрезвычайных ситуаций						
...						

Важнейшей отраслью психологии является *юридическая психология* – наука, изучающая круг психологических проблем, связанных с психической деятельностью человека в правовом контексте. В юридической психологии востребованы в основном следующие теоретические психологические области.

1. Общая психология, психология личности. Данные дисциплины по отношению к специфическому объекту (участникам правовых отношений) реализуются в следующих областях исследования[1]:

– понятие личности в психологии;

– индивидуально-психологические особенности личности как участника правовых отношений;

– психология личности преступника;

– психология аномального поведения;

– психология личности юриста;

– мотивация деятельности людей в сфере правоотношений;

– психология преступного поведения.

2. Социальная психология и психология управления по отношению к специфическому объекту (профессиональной деятельности юриста) отражены в других областях исследования:

– психологические механизмы совершенствования взаимоотношений в правоохранительной сфере;

– социально-психологическая характеристика профессиональной деятельности юриста;

– организационно-управленческая подструктура профессиональной деятельности юриста;

---

[1] Области исследования приведены по Паспорту специальности научных работников 19.00.06 – Юридическая психология.

– психология управления в правоохранительной деятельности;

– психологические барьеры общения в профессиональной деятельности юриста.

3. Психология труда по отношению к специфическому объекту (процессуальным видам деятельности: следствию, судопроизводству и исполнению наказаний) воплощена в еще одной группе областей исследования:

– психологические особенности судопроизводства;

– психология расследования преступлений;

– психология предварительного следствия.

4. Клиническая психология по отношению к специфическому объекту (преступники и потерпевшие, истцы и ответчики с психическими расстройствами) используется в таких исследованиях, как:

– профилактика девиантного (в том числе преступного) и виктимного поведения;

– психологические аспекты применения принудительных мер медицинского характера к лицам с психическими расстройствами, совершившими общественно опасные деяния;

– комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Этот список легко продолжить, но мы привели его для того, чтобы показать прикладной характер юридической психологии, в которой используются знания теоретических областей психологии. В то же время исследования в самой юридической психологии являются источником постановки проблем в названных теоретических областях, поскольку практические психологи нередко сталкиваются с задачами, для решения которых достижения теоретических дисциплин оказываются недостаточными. Это, к примеру, психология регуляции криминального или виктимного поведения, психология криминальной агрессии (в том числе лиц с психическими расстройствами), проблема аффекта и т.п.

1.2. Структура юридической психологии

Юридическая психология имеет неоднородную структуру. Если выделять разделы юридической психологии по объекту исследования (рис. 1.1), то в ее структуру будут входить криминальная, судебная и исправительная психологии, а также такой раздел, как правовая психология.

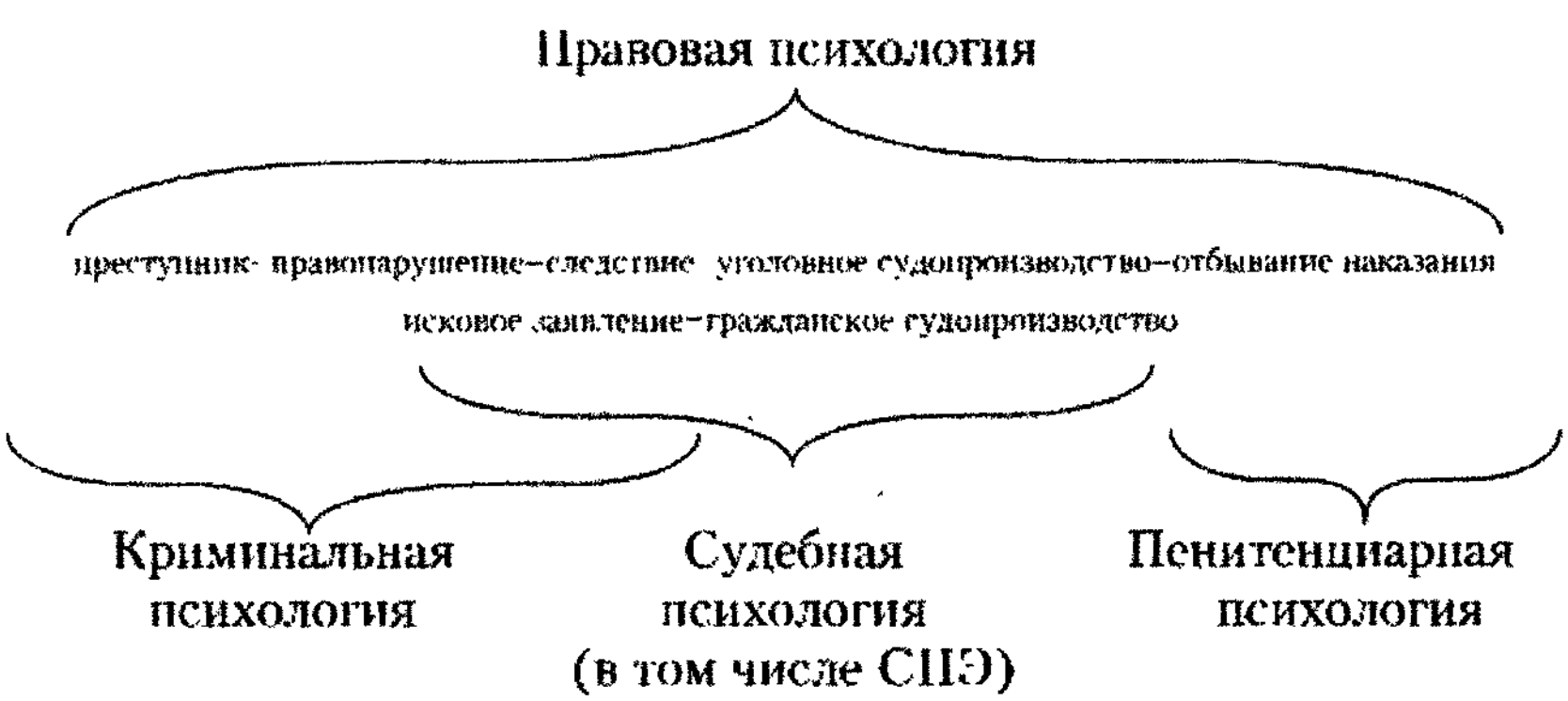


Рис. 1.1. **Структура юридической психологии**

Криминальная психология изучает психологические механизмы противоправного поведения и личность правонарушителей. *Судебная психология* изучает психологические проблемы, относящихся к судопроизводству: уголовному, гражданскому, административному и т.п. *Пенитенциарная психология* изучает психологические проблемы, связанные с социальной адаптацией и ресоциализацией осужденных. Поскольку все участники правоотношений (преступники, потерпевшие, свидетели, истцы и ответчики — с одной стороны; следователи, судьи, адвокаты, прокуроры и т.п. — с другой) обладают различными особенностями правосознания, можно выделить и такой раздел юридической психологии, как *правовая психология.*

Данные определения раскрывают роль важнейших разделов юридической психологии лишь в общем виде. Так, среди основных задач судебной психологии — исследование не только психологических особенностей личности преступника и других участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, истцов и ответчиков), но и социально-психологических проблем преступности, изучение психологических особенностей следственной, прокурорской, судебной и адвокатской деятельности, разработка психологических основ проведения следственных действий информационного характера и т.п. Все эти задачи отличает одна особенность — психолог выступает здесь как исследователь, стоящий как бы «вне» или «над» деятельностью работников правоохранительных органов, осуществляющих судопроизводство, и изучающий их со стороны как объект исследования. В то же время важнейшей задачей судебной психологии является разработка

теоретических, методических, организационных и этических основ деятельности судебного эксперта-психолога, где психолог выступает не только как исследователь, но и как непосредственный участник процесса судопроизводства.

1.3. Место судебно-психологической экспертизы в структуре юридической психологии

Судебно-психологическая экспертиза является частью судебной психологии – одного из важнейших разделов юридической психологии. При этом психолог может изучать психологические аспекты психической деятельности не только разнообразных участников правовых отношений, но и самого психолога, выступающего в роли эксперта. Роль психолога в области СПЭ (в отличие от других сфер деятельности юридического психолога) «раздваивается»: он может выступать и как исследователь проблем, связанных с проведением судебной экспертизы с участием психолога, и как собственно практик, осуществляющий само производство экспертизы.

Психолог как исследователь занимается *судебно-психологической экспертологией* – теоретической областью, изучающей закономерности, методологию и процесс формирования и развития научных основ СПЭ.

Психолог как практик непосредственно осуществляет *производство судебных экспертиз.*

1.4. Основные формы применения психологических знаний в судебной экспертизе

В настоящее время специальные психологические знания используются в судопроизводстве в двух основных формах – в виде однородной СПЭ и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ).

Судебно-психологические экспертизы до недавнего времени выполнялись в основном психологами научно-исследовательских институтов, вузов, учреждений здравоохранения, которые не относятся к государственным СЭУ и которым орган или лицо, ведущие производство по делу, поручили производство экспертизы. В мае 2002 г. Ученым советом Российского федерального центра судебной экспертизы было принято решение о включении СПЭ в структуру судебных

экспертиз, выполняемых в СЭУ Минюста России. В 2003 г. психологическая экспертиза вошла в перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в СЭУ Минюста России, официально введена экспертная специальность 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека».

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится в судебно-психиатрических экспертных учреждениях (СПЭУ) Минздрава России. Согласно Положению о производстве КСППЭ в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (1998) однородные судебно-психологические экспертизы в Центре не проводятся. Аналогичным образом они не проводятся и в территориальных СПЭУ.

Таким образом, в настоящее время существует три типа участия психологов в производстве судебных экспертиз.

Медицинские психологи, работающие в СПЭУ Минздрава России, выступают в качестве судебных экспертов при проведении КСППЭ.

Эксперты-психологи, работающие в СЭУ Минюста России, проводят однородные СПЭ.

Однородные СПЭ проводятся и психологами, не являющимися сотрудниками государственных СЭУ, по поручению следователей (судов). Такое положение дел не противоречит действующему законодательству и соответствует ст. 41 Закона о ГСЭД. При назначении СПЭ вне экспертного учреждения необходимо: 1) наличие у лица, привлекаемого в качестве эксперта, специальных знаний в психологии; 2) отсутствие законных оснований для отвода эксперта; 3) наличие условий для производства СПЭ.

1.5. Междисциплинарные связи судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз

При проведении СПЭ и КСППЭ требуются всесторонние и глубокие знания *основных теоретических областей психологии.* Стержнем судебно-экспертного психологического изучения психических процессов, свойств и состояний является *общая психология.* Необходимость учета влияния пограничных психических расстройств на юридически значимую деятельность подэкспертных лиц показывает важность использования в СПЭ и особенно КСППЭ знаний в *клинической психологии.* Большое количество среди подэкспертных лиц

несовершеннолетних (обвиняемых, свидетелей, потерпевших, детей как объектов судебного спора между родителями) определяет прочные связи СПЭ с *психологией развития* (возрастной психологией). Судебно-психологическую экспертную оценку психической деятельности обвиняемых, совершивших групповые общественно опасные деяния, или потерпевших в ситуации конфликтного взаимодействия с преступником невозможно дать без знаний *социальной психологии.*

Судебно-психологическая экспертиза, являясь разделом психологии, тем не менее имеет существенную специфику, связанную с тем обстоятельством, что она призвана обеспечивать решение задач, стоящих перед правосудием. Судебный эксперт-психолог, являясь самостоятельной и независимой фигурой в уголовном и гражданском процессах, в своей профессиональной деятельности руководствуется знанием не только научной психологии, но и *правовыми знаниями.* Связь СПЭ с правом осуществляется в двух направлениях.

Во-первых, это тесная интеграция с *процессуальным правом*, отраженным в Законе о ГСЭД, УПК РФ и ГПК РФ. Процессуальное законодательство четко регламентирует деятельность эксперта, его права и обязанности, порядок назначения и производства СПЭ. В Законе о ГСЭД определены принципы судебно-экспертной деятельности — объективность, беспристрастность и независимость.

Во-вторых, СПЭ связана с *материальным правом.* Эксперт-психолог исследует психические явления под особым углом зрения — применительно к нормам уголовного, гражданского и семейного права. Диагностика психических процессов, свойств и состояний в уголовном или гражданском процессе требует дополнительной квалификации в виде судебно-психологической экспертной оценки. Например, в СПЭ недостаточно квалифицировать эмоциональное состояние обвиняемого во время совершения им общественно опасного деяния необходимо соотнести данное состояние с судебно-психологическими экспертными критериями определения аффекта, только тогда суд сможет использовать заключение эксперта как доказательство того, что преступление совершено в состоянии внезапно возникшего душевного волнения (аффекта), являющегося одним из квалифицирующих признаков составов преступления по ст. 107 или ст. 113 УК РФ. При СПЭ потерпевшего по делу об изнасиловании недостаточно диагностировать уровень психического развития жертвы, нужно определить, позволяет ли данный уровень

зрелости понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление насильнику. Иными словами, судебный эксперт-психолог должен ясно представлять юридическое значение диагностируемых им психических явлений, должен понимать возможные правовые последствия своего исследования и своих экспертных выводов.

Глубокие связи СПЭ и КСППЭ имеют и с психиатрией, прежде всего с *судебной психиатрией*. Основная форма использования психологических знаний в судебной экспертизе на сегодня — это КСППЭ: в государственных СПЭУ Минздрава России в последнее время проводится около 50 тыс. комплексных экспертиз, в то время как в государственных СЭУ Минюста России — только около 2 тыс. однородных психологических экспертиз. Многие вопросы, которые ставятся перед судебными экспертами-психологами, требуют тесного взаимодействия с судебными психиатрами (в разных предметных видах экспертизы — с различной степенью интеграции). Так, констатация отставания в психическом развитии несовершеннолетнего обвиняемого в зависимости от того, связано оно с психическим расстройством или нет, будет приводить к отличным друг от друга экспертным выводам. В случае, когда обвиняемый был способен не в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими во время совершения преступления, установление отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, вызовет необходимость применения ч. 3 ст. 20 УК РФ, согласно которой данное лицо не подлежит уголовной ответственности. Если же такое отставание связано с психическим расстройством, в этом случае действуют нормы ст. 22 УК РФ, а выявленное экспертами обстоятельство может учитываться судом при назначении наказания и служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Даже при экспертной квалификации психических явлений, входящих в исключительную компетенцию психолога, необходимо учитывать данные психиатрической диагностики — например, при диагностике уголовного значимого аффекта у обвиняемого следует помнить, что более чем в половине случаев аффекты возникают на почве пограничных психических расстройств, которые вносят свою специфику в возникновение и течение эмоциональных реакций.

Довольно часто психолог проводит комплексные экспертные исследования в содружестве не только с психиатрами,

но и сексологами. При этом объектами исследования могут быть обвиняемые в сексуальных преступлениях, потерпевшие от сексуальных деликтов и т.п. Решение таких экспертных задач определяет связи СПЭ и КСППЭ с сексологией, преимущественно с таким ее разделом, как *судебная сексология*.

При решении экспертных задач психолог нередко сталкивается с необходимостью квалифицировать психическое состояние подэкспертного лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения или наркотического одурманивания (например, при диагностике аффекта у обвиняемого). Соответственно, СПЭ и КСППЭ связаны и с такой областью медицины, как *наркология*.

И, наконец, необходимость экспертного исследования обвиняемых, потерпевших (в том числе — суицидентов) обусловливает тесные взаимосвязи СПЭ и КСППЭ с такими комплексными научно-практическими направлениями, как *криминология, виктимология и суицидология*.

Схематично место СПЭ в системе наук показано на рис. 1.2.

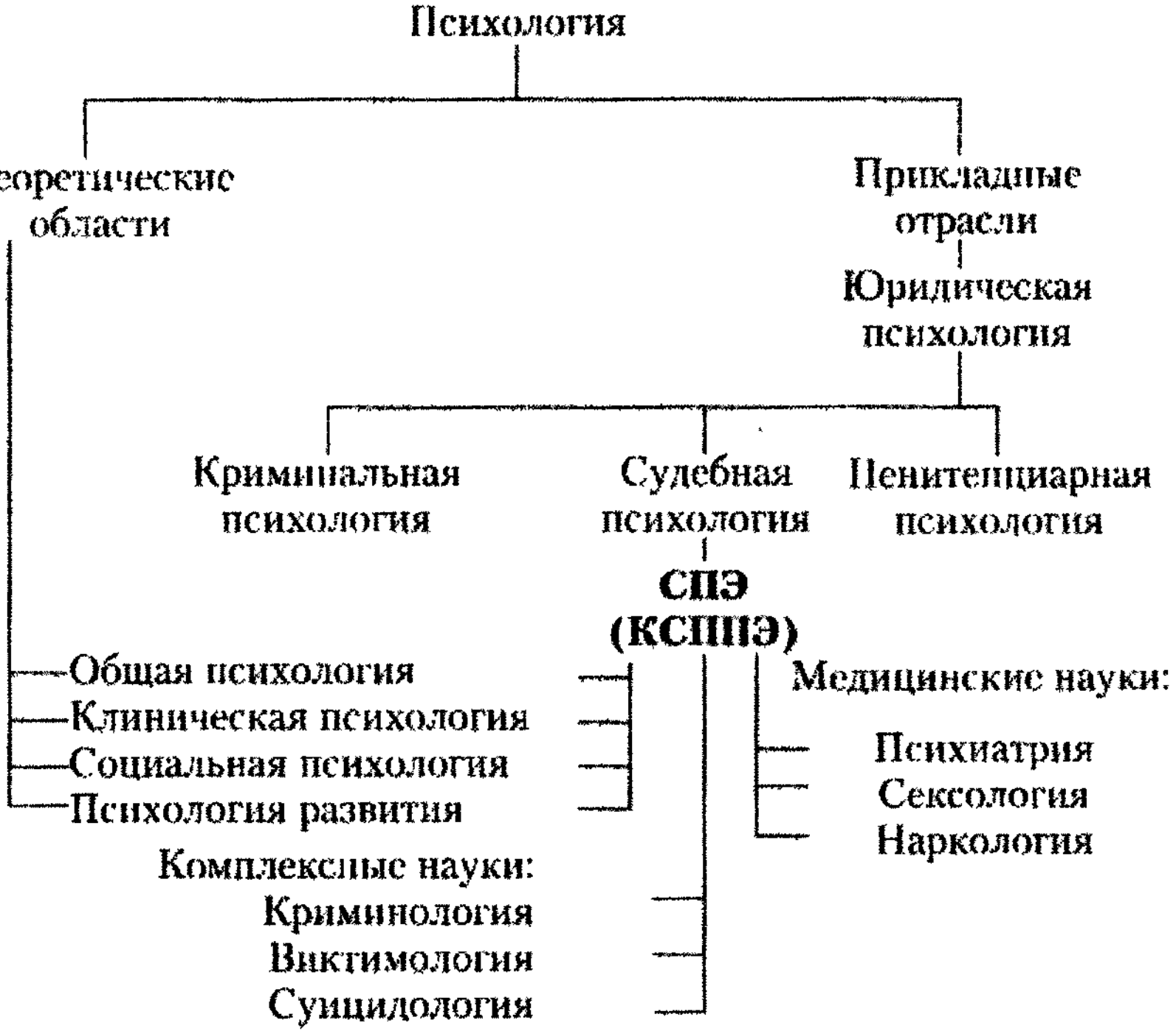


Рис. 1.2. **Междисциплинарные связи СПЭ**

1.6. Краткая история судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз

Анализ истории развития СПЭ и КСППЭ позволяет выделить три основных этапа формирования данного вида экспертизы как особой формы применения специальных знаний в психологии в уголовном процессе.

Первый этап. Возникновение СПЭ и КСППЭ. Этот период связан с постановкой проблемы возможности производства судебной экспертизы с применением знаний в психологии. Данная проблема возникла под влиянием запросов прежде всего судебной практики. Характерно, что первоначально проблема необходимости использования психологических знаний в уголовном процессе была сформулирована не самими психологами, а юристами в конце 50-х и в 60-х гг. XX в. (Г. М. Миньковский, Л. И. Рогачевский, А. Р. Ратинов, А. С. Экмекчи и др.). Создание СПЭ как теоретического и практического раздела юридической психологии в России связано в первую очередь с трудами М. М. Коченова и его учеников (О. Д. Ситковская, С. Н. Ениколопов, Л. Н. Конышева, Н. Р. Осипова и др.), работавших в Отделе правовой психологии Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре СССР (ныне — Академия Генеральной прокуратуры РФ). Деятельность М. М. Коченова со своими сотрудниками по разработке СПЭ, начатая в 1968 г., была впервые обобщена в монографии «Судебно-психологическая экспертиза», изданной в 1977 г. под грифом «Для служебного пользования». В сокращенном варианте данная монография под названием «Введение в судебно-психологическую экспертизу» была опубликована в издательстве Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1980 г. и стала доступна специалистам в области психологии. В 1991 г. М. М. Коченовым была защищена докторская диссертация «Теоретические основы судебно-психологической экспертизы».

М. М. Коченов (1935—1999)

Постановка вопроса о комплексировании психологических знаний с психиатрическими при производстве судебной

экспертизы — это заслуга в первую очередь судебных психиатров. С начала 70-х гг. прошлого века Н. И. Фелинской, Н. Н. Станишевской, Т. П. Печерниковой и другими начата разработка вопросов КСППЭ. Именно на этот период приходится четкое осознание недостаточности узко психиатрических исследований для полных, глубоких и всесторонних судебно-экспертных оценок психической деятельности подэкспертных лиц и необходимости применения психологических знаний при экспертной оценке широкого круга явлений: пепатологических эмоциональных реакций («физиологического аффекта») при экспертизе обвиняемых с пограничными формами психической патологии; ограничения способности в полной мере понимать значение своих действий и руководить ими, обусловленного умственной отсталостью, не связанной с психическим заболеванием, при экспертизе несовершеннолетних обвиняемых; способности осознавать характер и значение насильственных сексуальных действий обвиняемого или оказывать ему сопротивление при экспертизе малолетних и несовершеннолетних потерпевших, не обнаруживающих выраженной психической патологии; способности малолетних и несовершеннолетних свидетелей правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания. Нарушения указанных юридически значимых способностей подэкспертных лиц, как показали и практика судебно-психиатрической экспертизы, и исследования, проводимые в рамках изучения компетенции СПЭ, могут быть обусловлены не только психопатологическими факторами («медицинским критерием» судебно-психиатрической экспертной оценки), но и чисто психологическими (личностными, эмоциональными, возрастными) причинами.

Основным итогом первого этапа наряду с признанием (в первую очередь со стороны практики) возможности применения психологических знаний в экспертизе стало выделение предметных видов СПЭ.

В то же время научные разработки в области исследования возможности использования специальных знаний в психологии поставили перед теорией СПЭ множество новых проблем, требующих своего решения для более эффективного применения психологических исследований в судебной практике. Актуализация этих проблем определялась не только логикой научных исследований, но и теми реальными затруднениями, которые возникали при производстве СПЭ и КСППЭ в каждодневной практике.

Эти проблемы касались широкого круга теоретических, методологических, организационно-правовых вопросов комплексных экспертиз, связанных с взаимодействием экспертов разных специальностей (психологов и психиатров); взаимодействием экспертов с органом, назначившим экспертизу; разработкой и уточнением экспертных критериев судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической оценок.

Таким образом, на первом этапе СПЭ выделилась как самостоятельная форма применения специальных знаний в уголовном процессе, были определены основные предметные виды СПЭ и одновременно с этим обозначились прикладные и фундаментальные проблемы, требующие своего дальнейшего решения.

Второй этап. Развитие СПЭ и КСППЭ. Этот этап охватывает исследования от начала 80-х гг. до 1997 г. — времени введения в действие УК РФ. Именно с этим периодом можно связать бурное развитие разнообразных проблем СПЭ и КСППЭ. Он характеризуется активизацией изучения различных аспектов теории судебных психологических и психолого-психиатрических исследований, методологии психодиагностической судебно-экспертной деятельности, организационных и правовых проблем производства экспертизы, а также проведением фундаментальных психологических исследований, актуальных для разработки судебно-психологических экспертных критериев оценки психической деятельности подэкспертных лиц.

В рамках развития *теории СПЭ* М. М. Кочнов выделил общий и частные предметы. Общий предмет он определил как компоненты психической деятельности (психики) в ее целостности и единстве, устанавливаемые на основе исследования психической деятельности человека и имеющие значение для органов правосудия. Частные предметы он соотносил с юридическими критериями в предметных видах экспертизы. В широком смысле, по его мнению, предмет СПЭ можно обозначить как индивидуально-своеобразные черты психического отражения действительности субъектом. И. А. Кудрявцев, автор первой отечественной монографии, посвященной КСППЭ[1], уточнил это определение, включив в предмет наряду с отражением «рефлексию и регуляцию

---

[1] *Кудрявцев И. А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М. : Юридическая литература, 1988.

поведения» и указав факторы, влияющие на эти психические процессы: взаимодействие болезненных (психопатологических) и неболезненных (возрастного, ситуационного, эмоционального, личностного) психических факторов.

Тесно связанной с определением объекта и предмета исследования судебного эксперта-психолога является проблема его специальных знаний. В принципе она — одна из основополагающих в контексте понимания того, чем деятельность психолога как судебного эксперта отличается от любой другой психодиагностической работы психолога. Разработка проблемы специальных знаний судебного эксперта-психолога велась в основном косвенно, в несколько преобразованном виде — через определение пределов его компетенции в противопоставлении компетенции судебно-следственных органов, с одной стороны, и компетенции судебных психиатров – с другой. Границы компетенции психолога в разных предметных видах СПЭ и КСППЭ (до введения УК РФ в 1997 г.) практически всеми авторами (М. М. Коченов, И. А. Кудрявцев, В. В. Гульдан и др.) рассматривались одинаково.

При разработке вопросов *методологии СПЭ* традиционным для работ этого периода является перечисление конкретных психодиагностических методов, используемых при судебно-экспертном исследовании, а также указание на то, что экспериментальные методы исследования должны сочетаться с психологическим анализом материалов уголовного дела и других имеющих значение для дела документов для ретроспективной оценки предмета экспертизы. Осмыслению более общих методологических проблем, связанных с судебно-экспертной деятельностью, посвящены работы М. М. Коченова и И. А. Кудрявцева. В них обосновывалась необходимость применения в судебной экспертизе системного подхода к психическим явлениям с анализом их уровневого строения, динамики, внутренних и внешних детерминант, соотношения биологического и социального. Указывалось, что развитие судебных экспертиз с участием психолога требует разработки особых специальных психодиагностических приемов и методов — к таким относятся, к примеру, «ретроспективный анализ психических состояний» (О. Д. Ситковская, М. М. Коченов), выделение «патопсихологических симптомокомплексов» (Н. Н. Станишевская, В. В. Гульдан, И. А. Кудрявцев, Ф. С. Сафуанов), сопоставление в экспериментальном психодиагностическом

исследовании феноменологии патопсихологических нарушений со стимульным материалом тестов (А. Н. Лавринович, Е. П. Москаленко).

В целом данный этап развития ознаменовался тем, что СПЭ и КСППЭ были успешно ассимилированы общенаучные методологические принципы, принятые в отечественной психологии, очерчен основной круг наиболее валидных и надежных экспериментальных методов, используемых в экспертной практике, и разработаны специальные методические приемы изучения объекта судебно-экспертного исследования.

При анализе основных *организационно-правовых проблем* СПЭ и КСППЭ велись дискуссии и разработки вопросов, связанных как с взаимодействием экспертов с судебно-следственными органами, назначающими экспертизу и оценивающими ее заключение, так и с взаимодействием экспертов-психологов и экспертов-психиатров при непосредственном проведении комплексной экспертизы.

Для рассматриваемого периода развития СПЭ и КСППЭ характерно полное отсутствие работ, посвященных *этическим принципам* проведения судебно-экспертного психологического исследования. Пробел в этой области был тем более очевиден на фоне ряда работ, посвященных этическим и деонтологическим принципам деятельности судебного эксперта-психиатра, и принятого 19 апреля 1994 г. Кодекса профессиональной этики психиатра.

На данном этапе развития велись активные *разработки в различных предметных областях СПЭ*. В рамках судебной экспертизы обвиняемых работы этого периода касаются в основном анализа двух понятий, являющихся предметом исследования психолога: аффекта и ИПО (М. М. Коченов, О. Д. Ситковская, В. В. Гульдан, И. А. Кудрявцев, Ф. С. Сафуанов, Л. В. Алексеева, С. С. Шиппин и др.). Вопросы судебных и следственных органов о наличии состояния аффекта в момент совершения инкриминируемого обвиняемому деяния, а также об его ИПО и меры их влияния на криминальное поведение являются преобладающими при назначении экспертизы. И, несмотря на то что данные вопросы относятся к разным предметным видам СПЭ, нередко они задаются одновременно. Во многих работах (Т. И. Печерникова, В. В. Гульдан, В. В. Остришко, И. А. Кудрявцев и др.) анализировалась содержательная проблема роли психических расстройств в генезе возникновения и развития эмоцио-

нальных реакций и состояний, имеющих юридическое значение. О. Д. Ситковской была сформулирована и проверена на практике возможность экспертной диагностики аффекта у лиц, находящихся в легкой степени простого алкогольного опьянения в момент совершения преступления. Был сделан вывод, что при наличии основных экспертно-диагностических признаков возможна квалификация их эмоционального состояния как физиологического аффекта.

Судебно-психологическая экспертная оценка ИПО обвиняемых не имеет, в отличие от других традиционных предметных видов СПЭ и КСППЭ, прямого соотнесения с «юридическими критериями» в тексте уголовного законодательства. Однако, как указывалось в юридической литературе (П. С. Дагель, М. Ф. Озрих, А. В. Кузнецов и др.), понятие «личность преступника (обвиняемого)» необходимо для: а) решения вопросов, касающихся определения оснований уголовной ответственности и юридических мотивов отдельных видов преступлений; б) индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Поэтому в судебной психологии личность обвиняемого была выделена М. М. Коченовым как самостоятельный предмет исследования.

При исследовании личностного опосредования криминальной агрессии в этот период велись также работы по изучению роли отдельных черт личности (М. М. Кочеков, И. А. Кудрявцев, Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан), групповых влияний (Ф. С. Сафуанов, Е. В. Макушкин), этнокультуральных факторов (Ф. С. Сафуанов), мотивации (Б. С. Волков, В. В. Гульдан, Л. П. Конышева), возрастных факторов (Т. П. Печерникова, В. В. Гульдан, И. А. Кудрявцев, Е. Г. Дозорцева), а также психических расстройств в формировании и реализации общественно опасных действий.

В работах М. М. Коченова, Л. П. Конышевой, Ю. Л. Метелицы, И. А. Кудрявцева, Н. Б. Морозовой, М. В. Морозовой и других были разработаны судебно-экспертные критерии оценки способности потерпевших и свидетелей (в основном малолетних и несовершеннолетних) правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них показания, а также их способности понимать характер и значение действий виновного в половом преступлении или оказывать ему сопротивление.

Третий этап. Развитие СПЭ и КСППЭ в условиях нового законодательства. Введение в действие с 1 января 1997 г. УК РФ явилось новым и важным этапом в разви-

тии отечественного уголовного законодательства. Одним из достоинств нового уголовного закона является, по выражению О. Д. Ситковской, значительная его «психологизация». Она же отмечала, что в первоначальный период в судебно-психологических работах, появившихся после принятия УК РФ, в подавляющем большинстве случаев авторы (обычно профессиональные психологи) не оценили в должной мере важных изменений, внесенных УК РФ.

Наиболее дискуссионные проблемы возникли при обсуждении экспертизы аффекта и юридически значимых экспертных категорий, возникающих при необходимости судебной квалификации деяния по ст. 22 УК РФ.

Долгое время велась дискуссия об объеме экспертного понятия аффекта, о возможности одновременной судебно-экспертной квалификации аффекта и так называемой ограниченной вменяемости, о возможности установления аффекта на фоне алкогольного опьянения и т.п. Результатом этих творческих споров явилось издание в 2004 г. Методических рекомендаций «Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого». Они составлены сотрудниками Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, утверждены Минздравом России и Минюстом России как унифицированные и единообразные критерии, рекомендованные для государственных СЭУ. В них рассмотрен алгоритм проведения судебной экспертизы аффекта, показаны особенности диагностики аффекта на патологической почве, на фоне алкогольного опьянения, у несовершеннолетних обвиняемых, приведены критерии дифференциальной диагностики «нормального» и «патологического» аффектов, разграничения аффекта и эмоциональных реакций (состояний) в рамках «вменяемости» и «ограниченной вменяемости».

Проблема «ограниченной вменяемости» разрабатывалась в основном в рамках судебно-психиатрической экспертизы, в то же время в работах Ф. С. Сафуанова, Е. Н. Лапшиной, И. А. Кудрявцева и других авторов были показаны возможности комплексной психолого-психиатрической оценки способности обвиняемых с психическими расстройствами осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими не в полной мере.

Активно разрабатывались также проблемы СПЭ и КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых. В работах Е. Г. Дозор-

цевой, В. А. Гурьевой, И. А. Кудрявцева, О. Д. Ситковской, Г. М. Миньковского, С. С. Шипшина, Ф. С. Сафуанова и других обсуждалось содержательное психологическое наполнение критериев определения отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, обусловливающего ограничение возможности обвиняемого осознанно и произвольно регулировать свои криминальные деяния.

В это период был выделен новый предметный вид СПЭ и КСППЭ в уголовном процессе — экспертиза психического состояния матери, совершившей убийство новорожденного ребенка, имеющий значение для квалификации ст. 106 УК РФ (Т. Б. Дмитриева, М. А. Качаева, Ф. С. Сафуанов, Е. Я. Щукина и др.).

Новые подходы были сформулированы и в отношении экспертизы лиц, окончивших жизнь самоубийством (Ф. С. Сафуанов, Т. П. Печерникова, Т. Н. Туденева).

Значимым признаком данного этапа развития СПЭ и КСППЭ явилось распространение судебных экспертиз с участием психолога на гражданское судопроизводство. После принятия новых ГК РФ и СК РФ исследователи выделили целый ряд предметных видов экспертизы, в которых необходимо использование знаний в области психологии. Впервые такая попытка была предпринята юристом Т. В. Сахновой, которая еще в 1990 г. издала книгу с характерным названием «Зачем суду психолог? О психологической экспертизе в гражданском процессе». С начала нового столетия вопросы психологических исследований в гражданском процессе стали активно разрабатываться в судебно-экспертном контексте.

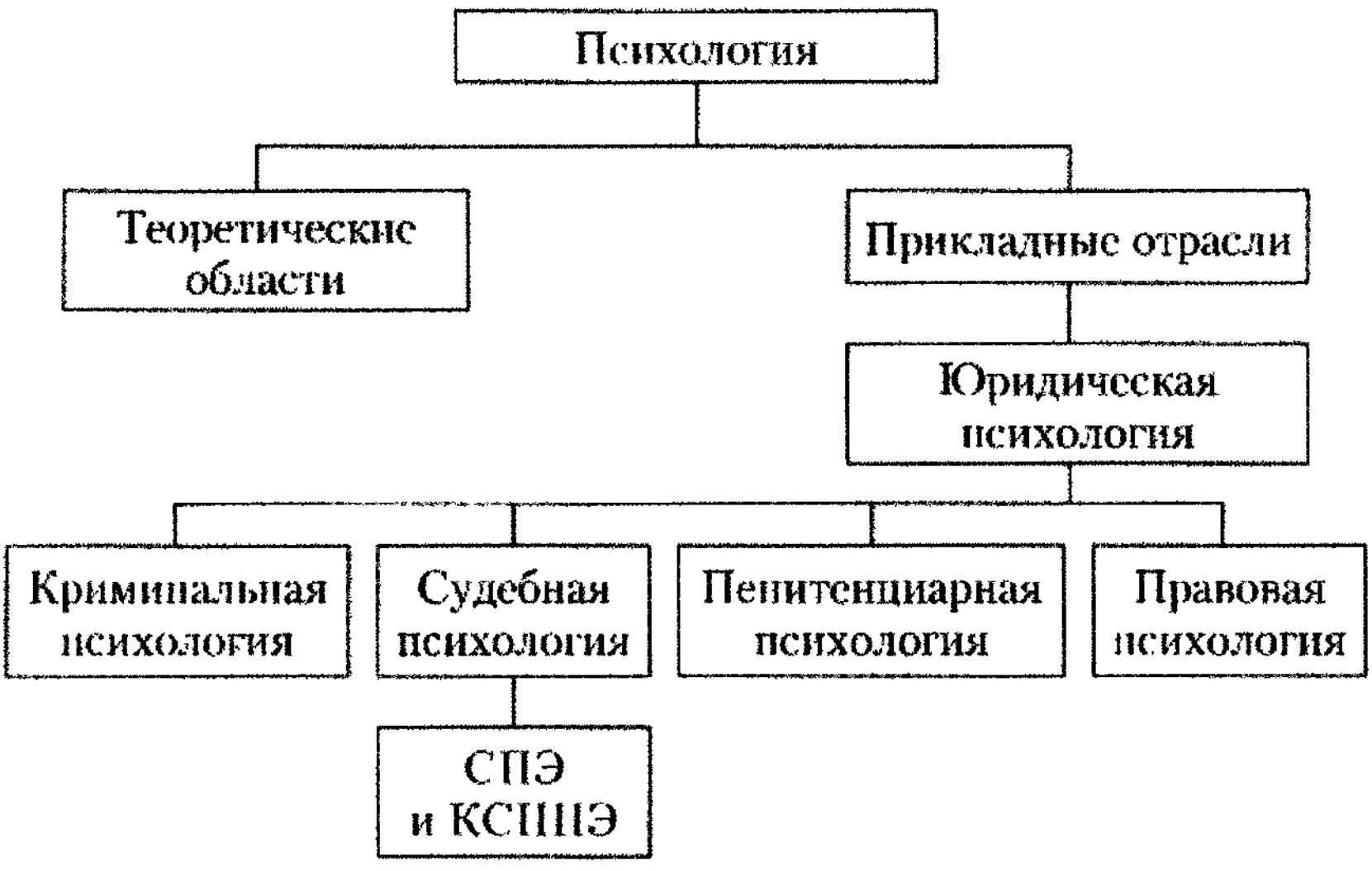
В соответствии с необходимостью определения «порока воли» при совершении сделки вследствие неспособности гражданина хотя и дееспособного, но находившегося в таком состоянии, которое лишало его способности понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), или в состоянии заблуждения (ст. 178 ГК РФ), был выделен новый вид СПЭ и КСППЭ — экспертиза «сделкоспособности» (Н. К. Харитонова, Ф. С. Сафуанов, Т. Н. Секераж, Д. А. Малкин, О. Д. Ситковская и др.).

Бурное развитие получила экспертиза по гражданским делам, связанным с защитой интересов ребенка. Своеобразным итогом разработок в этой области стала монография Ф. С. Сафуанова, Н. К. Харитоновой и О. А. Русаковской «Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка» (2011).

Новой предметной областью СПЭ и КСППЭ в гражданском процессе стала экспертиза по делам, связанным с компенсацией морального вреда (ст. 151 ГК РФ). Были выделены факторы, имеющие юридическое значение для установления степени выраженности «нравственных страданий» истца и их причинно-следственной связи с причинением вреда (Е. Н. Холопова, Ф. С. Сафуанов, А. Н. Калинина, С. С. Шипшин и др.).

В настоящее время продолжают оставаться актуальными теоретические проблемы СПЭ, непосредственно вытекающие из оценки законодательных нововведений. Центральной проблемой СПЭ является разработка экспертных критериев судебно-психологической оценки юридически значимых способностей подэкспертных лиц. Она зависит от решения основополагающих теоретических вопросов (определения объекта, общего и частных предметов исследований судебного эксперта-психолога, его специальных знаний и границ компетенции), разработки методологических принципов (учитывающих своеобразие судебно-экспертного подхода к психодиагностике и правовые аспекты ее применения), поиска оптимальных организационно-правовых форм взаимодействия экспертов с правоохранительными органами и взаимодействия (в рамках КСППЭ) экспертов-психологов с экспертами-психиатрами.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. Определите специфику двух плоскостей классификации разделов психологической науки.
2. Раскройте структуру юридической психологии.
3. Дайте определение юридической психологии и ее основных разделов (криминальная, судебная, пенитенциарная, правовая психология).
4. Каково место СПЭ в системе юридической психологии?
5. Каковы основные формы применения психологических знаний в форме судебной экспертизы?
6. Охарактеризуйте междисциплинарные связи СПЭ и КСППЭ.
7. Раскройте специфику основных этапов истории развития СПЭ и КСППЭ.

Глава 2
ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• основные формы использования психологических знаний в следственной деятельности и судопроизводстве (консультант, специалист, эксперт);

уметь

• выделять главные виды справочно-консультативной деятельности психолога в следственной деятельности;

• определять задачи психолога как специалиста (в процессуальной роли);

• определять основные задачи психолога на разных этапах комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы;

владеть

• основными понятиями, характеризующими деятельность сведущего в психологии лица (лица, обладающего специальными знаниями) во взаимодействии со следователями и судьями.

2.1. Процессуальные и непроцессуальные формы использования психологических знаний

По мнению В. Н. Махова, сведущие лица в уголовном или в гражданском процессах — лица, обладающие специальными знаниями и навыками их применения, не заинтересованные в исходе дела, призванные следователем, судом для оказания содействия в установлении истины по делу в случаях, формах, определенных законом[1].

---

[1] *Махов В. Н.* Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография. М. : Изд-во РУДН, 2000.

Специальные знания при расследовании преступлений и в уголовном или гражданском судопроизводстве могут использоваться как в процессуальных, так и в непроцессуальных формах. Процессуальные формы применения знаний сведущих лиц определяются УПК РФ и ГПК РФ. Согласно данным кодексам лицо, обладающее специальными знаниями (в том числе и в психологии), может выступать в качестве таких процессуальных фигур, как эксперт и специалист. Кроме того, в УПК РФ предусмотрена возможность и необходимость привлечения педагога или педагога-психолога к процедуре допроса в определенных случаях. Непроцессуальные формы сводятся к разнообразным видам справочно-консультативной деятельности психолога при взаимодействии со следственными или судебными органами.

2.2. Экспертиза

Основной процессуальной формой использования специальных психологических знаний является СПЭ и комплексные с нею виды судебных экспертиз (в первую очередь — КСПИЭ).

Обычно понятие «эксперт» употребляется в двух значениях. Первое подразумевает под этим словом сотрудника СЭУ или СПЭУ, занимающего должность эксперта. Во втором значении согласно ст. 12 Закона о ГСЭД государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного СЭУ, проводящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

В данном учебнике понятие «эксперт» будет употребляться во втором значении — процессуально-правовом. И сотрудник СЭУ или СПЭУ, и лицо, не являющееся работником экспертного учреждения, становятся «экспертом» в процессуальном смысле только при проведении конкретной судебной экспертизы, когда им поручено производство СПЭ или КСПИЭ по основаниям и в порядке, предусмотренном законом. В этом случае эксперт обладает определенными УПК РФ и ГПК РФ правами и обязанностями, он должен строго придерживаться процессуальных норм производства экспертизы[1]. Эксперт несет уголовную ответственность за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ) и за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

---

[1] Подробнее см. гл. 4 настоящего учебника.

Таким образом, как указано в ст. 9 Закона о ГСЭД, судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а заключение эксперта — письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом.

УПК РФ

Статья 57. Эксперт

1. Эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Статья 195. Порядок назначения судебной экспертизы

2. Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

ГПК РФ

Статья 79. Назначение экспертизы

1. При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

2.3. Заключение специалиста

Возможно привлечение следователем лица, обладающего психологическими знаниями, в качестве не эксперта, а специалиста. Специалист может быть вызван как для участия в расследовании преступления, так и для участия в судебном разбирательстве. Основные функции специалиста-психолога — это участие в производстве процессуальных действий для содействия следователю в обнаружении доказательств и для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (в уголовном процессе), и дача консультаций и пояснений на основе своих профессиональных

знаний (в гражданском процессе). Как видно, закон не ограничивает круг вопросов, по которым психолог в роли специалиста даст разъяснения или консультации.

УПК РФ

Статья 58. Специалист

1. Специалист — лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

ГПК РФ

Статья 188. Консультация специалиста

1. В необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества).

2. Лицо, вызванное в качестве специалиста, обязано явиться в суд, отвечать на поставленные судом вопросы, давать в устной или письменной форме консультации и пояснения, при необходимости оказывать суду техническую помощь. Консультации и пояснения специалиста могут быть получены путем использования систем видеоконференц-связи в порядке, установленном статьей 155.1 настоящего Кодекса.

3. Специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда.

Как и эксперт, специалист обладает совокупностью определенных прав и обязанностей, несет уголовную ответственность по ст. 307 и 310 УК РФ. Однако коренное различие деятельности эксперта и специалиста заключается в том, что специалист дает заключение (письменное или устное), *не проводя специального исследования*. Ответы эксперта на вопросы являются результатом выводного знания, тогда как ответы специалиста представляют собой суждения. По отношению к психологу как специалисту это означает, что он не проводит ЭПИ подозреваемых, свидетелей и потерпевших на стадии предварительного расследования, а также участников судебного процесса на стадии уголовного или гражданского судопроизводства. На практике психологов не так часто привлекают в качестве специалистов. Среди распространенных

видов работы специалиста-психолога можно выделить консультации при выборе вида судебной экспертизы (однородных судебно-психологической или судебно-психиатрической, или комплексных судебных психолого-психиатрической или психолого-лингвистической экспертиз), постановке грамотно сформулированных вопросов эксперту-психологу, не позволяющих ему выходить при составлении заключения за пределы своей компетенции. Иногда психолога в качестве специалиста просят дать оценку обоснованности экспертных и неэкспертных заключений, данных другими психологами.

2.4. Участие в допросе несовершеннолетних

Еще одна форма деятельности психолога в следственных и судебных процессуальных действиях — это участие в допросе.

Согласно современному процессуальному законодательству педагог или психолог привлекаются к участию в допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего (ст. 191, 280 УПК РФ), подозреваемого или обвиняемого (ст. 425 УПК РФ). При этом участие педагога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих психические недостатки, и педагога или психолога — в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, — обязательно.

Следует учесть, что многие психологи обучались в рамках высшего профессионального образования по специальности «Педагогика и психология» с квалификацией специалиста «Педагог-психолог». Это обстоятельство позволяет привлекать к участию в допросе несовершеннолетних в качестве педагога не только лиц с педагогическим образованием, но и с психолого-педагогическим.

В отличие от процессуальных фигур эксперта и специалиста, закон не оговаривает ни прав и обязанностей психолога как лица, привлекаемого к допросу, ни его уголовной ответственности за общественно опасные деяния, связанные с его участием в данном процессуальном действии.

Ориентиром для лиц, привлекающих психолога для участия в допросе, и самих психологов, участвующих в допросе, могут служить методические пособия Л. П. Конышевой

и М. М. Коченова «Использование следователем психологических знаний при расследовании дел об изнасиловании несовершеннолетних», М. М. Коченова и Н. Р. Осиповой «Психология допроса малолетних свидетелей»[1]. Авторы рекомендуют следующие этапы взаимодействия следователя и педагога или психолога.

1. Выбор специалиста: знакомый ребенку педагог или психолог должен быть приятен ему или эмоционально нейтрален; при допросе потерпевших по половым преступлениям детей школьного возраста в большинстве случаев лучше приглашать незнакомого им специалиста.

2. Постановка следователем задачи перед педагогом или психологом: следователь должен сообщить ему, что известно о психологических особенностях ребенка по материалам дела, в чем состоит основное содержание уголовного дела, о чем предполагается допрашивать ребенка, в чем, исходя из оценки имеющихся данных, может потребоваться помощь специалиста во время допроса (в установлении контакта с ребенком, в определении момента необходимого перерыва, в сохранении и поддержании у ребенка эмоционального равновесия, в постановке ребенку некоторых вопросов и пр.).

3. Знакомство и беседа педагога или психолога с ребенком в присутствии следователя с целью определения психологических особенностей ребенка и установления контакта между педагогом и ребенком.

4. Обсуждение с педагогом или психологом результатов проведенной им беседы и уточнение формы предполагаемых вопросов с учетом всей совокупности сведений о ребенке.

5. Допрос ребенка в присутствии и с участием педагога или психолога.

6. Беседа с педагогом о его впечатлениях о поведении ребенка, общем уровне его развития, ИПО, обнаружившихся во время допроса, и т.п. Эти данные в дальнейшем могут быть учтены при оценке доказательств и для решения вопроса о проведении судебно-психологической экспертизы.

2.5. Справочно-консультативная деятельность

В следственной и судебной практике возможны и другие формы использования специальных психологических

---

[1] *Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М. : Генезис, 2010. С. 163–253.

знаний — в первую очередь справочно-консультационная деятельность. Это не процессуальная, не регулируемая законодательством деятельность психолога, действующего в качестве сведущего лица. Консультация психолога, составленные им справочные данные могут учитываться при вынесении различных процессуальных решений.

В последние годы практика привлечения психологов к доследственной проверке, предварительному следствию и судопроизводству в непроцессуальных формах получила достаточно широкое распространение. В качестве таких психологов помимо сотрудников СЭУ и СПЭУ привлекают работников любых учреждений, чаще всего педагогов-психологов или преподавателей учреждений системы образования, медицинских психологов системы здравоохранения. В отличие от процессуальных форм использования психологических знаний, такого рода исследования, где психолог выступает в качестве консультанта или специалиста (не в процессуальном, а в образовательном значении этого понятия) и часто дает письменное заключение, нормативно никак не регламентированы. Вследствие этого такая практика порождает большое количество проблем при взаимодействии психолога с правоохранительными и правоприменительными органами.

Рассмотрим наиболее распространенные виды справочно-консультативной деятельности психологов.

1. ***Определение целесообразности (необходимости) назначения экспертизы, выбора вида экспертизы и содействие при постановке вопросов эксперту.*** Эта задача обычно решается при обращении лица, собирающегося ходатайствовать о назначении экспертизы (прокурора или защитника в уголовном процессе, адвокатов истца или ответчика — в гражданском) или назначающего экспертизу (следователя, судьи), к опытному эксперту-психологу. Как запрос, так и ответ могут быть или устными (в том числе и по телефону), или письменными (в том числе и по электронным средствам связи). Основная проблема заключается в том, что та же задача может решаться в рамках деятельности специалиста, принимающего участие в уголовном (ст. 58 УПК РФ: «...для постановки вопросов эксперту») или гражданском судопроизводстве (ст. 188 ГПК РФ: «...при назначении экспертизы»). Особенности же выполнения сведущим в психологии лицом данной функции в качестве консультанта или специалиста нигде не определены, поэтому

на практике взаимодействие между лицом, привлекающим психолога для консультации, и самим психологом осуществляется в произвольной форме.

2. ***Обследование членов семьи и их взаимоотношений психологами учреждений здравоохранения или социальной защиты по поручению органов опеки и попечительства (ООП) при подготовке к судебному разбирательству по семейно-правовым спорам о воспитании детей.*** Обычно ООП ссылаются при запросе на проведение психологического исследования семьи (или ребенка) на свое право запрашивать информацию у государственных органов и иных учреждений по вопросам, входящим в их компетенцию в соответствии с п. 3 ст. 12 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Однако представляется сомнительной законность самой процедуры поручения о проведении психодиагностического исследования, которое, на наш взгляд, не равнозначно запросу информации (подразумевающей запрос заключения по уже проведенному обследованию ребенка или семьи и хранящемуся в архиве учреждения).

При психодиагностическом исследовании семьи по запросу ООП возможно обследование ребенка (объекта спора о воспитании между родителями) как добровольное со стороны психолога (или учреждения, в котором есть психологическая служба) выполнение просьбы о консультации в непроцессуальной форме, но не как обязательное исполнение законного поручения в качестве обладающего процессуальным статусом специалиста. Также в этих случаях возможно психологическое обследование в государственном учреждении системы образования или социальной защиты по просьбе родителей (или одного из родителей). В последнем случае будет законным со стороны ООП истребование информации, т.е. заключения психолога, хранящейся в архиве данного учреждения.

К этой же проблеме относятся ситуации, когда сотрудникам образовательных учреждений судьи поручают провести психологическое обследование ребенка или семьи, ссылаясь на п. 6 ст. 1 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Имея возможность назначить СПЭ или КСППЭ, они, тем не менее, иногда предпочитают процедуру психологического обследования без предоставления психологам (которые в данном случае

выступают в роли консультантов, а не обладающих процессуальным статусом экспертов или специалистов, и могут допрашиваться в суде только в качестве свидетелей) материалов гражданского дела и приобщенных к нему материалов. Основная проблема, ставящая психологов в затруднительное положение, заключается в том, что суд задает им «экспертные» вопросы, имеющие юридическое значение, ответы на которые требуют не только очного освидетельствования членов семьи и учета их объяснений, но и тщательного психологического анализа материалов дела.

3. ***Проведение опроса с использованием полиграфа (ОИП).*** Этот метод прикладной психофизиологии получил достаточно широкое распространение в практике раскрытия и расследования преступлений. Он показал определенную эффективность как непроцессуальная форма использования знаний в психофизиологии как одного из разделов психологии. Основная проблема заключается в стремлении некоторых работников правоохранительных органов и самих специалистов-полиграфологов применять этот метод в форме судебной экспертизы и, соответственно, представить результаты ОИП как доказательство по делу. Легко представить ситуацию, когда при отсутствии доказательной базы единственным источником обвинения будут служить данные полиграфолога. Однако даже среди самих психофизиологов нет единства в понимании теоретической базы и основных методических принципов ОИП, имеются противоречивые (по преимущественно отрицательные) данные о валидности полиграфического исследования. Несмотря на это, при отсутствии законодательства об использовании полиграфа, при отсутствии в номенклатуре государственных судебных экспертиз этого вида судебно-психофизиологической экспертизы такого рода исследования в форме судебной экспертизы все равно проводятся. Иногда полиграфологов привлекают к расследованию преступлений в качестве специалиста (в процессуальном значении этого слова), что противоречит как ст. 58 УПК РФ, так и п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»: обе правовые нормы предполагают, что специалист не проводит специального исследования. Между тем ОИП является ярким примером экспериментального исследования.

4. ***Составление психологического портрета предполагаемого преступника (ППП).*** На разных этапах след-

ствия по уголовным делам составление ППНП (профайлинг) может помочь в решении разных задач: сужение круга подозреваемых лиц по делу, прогнозирование поведения преступника при задержании, построение эффективной тактики допроса лиц, проходящих по делу, и др.

В настоящий период разработаны различные модели портретирования, в основе которых лежат принципиально разные подходы к установлению связи между признаками преступления и признаками личности преступника (индуктивный и дедуктивный криминалистический профиль; модель ФБР; модели Д. Кантера, Д. К. Россмо, А. И. Анфиногенова, Р. Л. Ахмедшина и Н. В. Кубрак, А. А. Протасевича и др.). Существует два принципиально разных подхода к составлению разыскного профиля неизвестного преступника — статистический и смысловой. Статистический подход, активно развивающийся в США и Западной Европе, основан на использовании накопленной компьютерной базы соответствующих данных, строится на коэффициентах корреляции между признаками преступления и признаками устанавливаемого преступника. Смысловой подход базируется на психологическом анализе материалов уголовного дела, необходимом для выявления субъективных детерминант криминального поведения. При построении психологического портрета в рамках смыслового подхода возникает возможность связать криминалистические характеристики и механизм совершения преступления с личностью преступника, раскрыв детерминанты его преступного поведения. Психологический анализ структурной и содержательной сторон мотивов, формирующихся на основе осознанных и неосознаваемых потребностей и побуждений под действием личностных и ситуационных переменных, позволяет определить мотивацию преступного действия виновного и, соответственно, индивидуальные характеристики преступника как субъекта деятельности и субъекта психической активности.

Например, психолог был привлечен к составлению психологического портрета неизвестного преступника, совершившего серию особо тяжких преступлений — убийств девушек[1]. Потерпевшие принадлежали к одной возрастной группе, имели схожий внешний типаж, работали продавцами специализированных, малопосещаемых магазинов по продаже товаров

[1] Автор психологического портрета – д-р психол. наук Е. В. Васко. Портрет приведен в сокращенном виде.

для животных и фейерверков, находящихся в шаговой доступности друг от друга. Потерпевшим были нанесены множественные ножевые ранения, у одной из девушек было надорвано нижнее белье. На руки и шею одной из потерпевших, прижизненно поставленной «на четвереньки», были одеты поводки для собак; на полу около головы другой потерпевшей лежали нетарды.

В ходе расследования данной серии работники следственных органов отрабатывали версию совершения преступлений с корыстным мотивом. Однако, несмотря на то что преступником были похищены сотовые телефоны потерпевших и часть денежных средств из выручки магазинов, на месте преступлений оставались большие суммы денег, которые преступник без труда мог найти и взять. При этом в одном эпизоде преступник похитил изношенную дамскую сумочку потерпевшей, в которой находилась косметичка девушки. В другом эпизоде преступник взял помаду из дамской сумочки потерпевшей, которая была обнаружена открытой на месте преступления с разбросанным по полу ее содержимым, в том числе и кошельком.

Психологический анализ способа совершения преступления позволил профайлеру предположить сексуальный смысл насильственных действий при вторичном характере корыстной мотивации. Психологическая интерпретация следов преступления с большой долей вероятности указывала на наличие у преступника «трофея», играющего для него роль фетиша. С высокой степенью вероятности можно говорить, что в основе криминальной агрессии лежит глубокий внутриличностный конфликт, связанный с внешними данными потерпевших. Именно девушки с таким типажом в сознании преступника могут являться постоянным источником психотравмирующего воздействия, сопровождающегося чувством ненависти и мести. Можно предположить, что эти переживания носят болезненный характер и связаны с психическим расстройством, в том числе расстройством сексуального влечения. Скорее всего, это мужчина 30 – 35 лет, проживающий один (либо с одним из родителей), из малообеспеченных слоев общества, занятый неквалифицированной работой, хорошо знающий район совершения убийств (проходные дворы, заброшенные дома) и, соответственно, проживающий где-то рядом.

Преступник был задержан вскоре после составления психологического портрета. Оказалось, что этому мужчине 34 года, проживает с престарелой матерью на соседней с магазинами улице, имеет образование 9 классов, работает грузчиком. Проведенная судебно-психиатрическая экспертиза показала, что он страдает органическим расстройством личности, парафилией в виде сексуального садизма. Суд признал преступника вменяемым в отношении содеянного.

5. ***Разъяснение психологических аспектов следственных версий*** включает, как правило, ознакомление с материалами дела и приобщенных к нему материалов (просмотр и анализ аудио- и видеоматериалов, продуктов творчества фигурантов дела и т.п.).

Классическим примером данной разновидности консультативной деятельности является работа М. М. Коченова «Опыт участия специалиста-психолога в расследовании уго-

ловного дела» (2010)[1], в которой исследование материалов уголовного дела позволило автору дать письменную консультацию, в которой были раскрыты основные социально-психологические факторы, способствовавшие формированию бандитской группы, выявлены ИПО членов группы, установлена иерархическая организация банды. Психологическая консультация была использована следователем при подготовке обвинительного заключения.

В целом ситуации, в которых психолог мог бы разъяснять психологические аспекты следственных версий, весьма разнообразны и не поддаются унификации.

6. ***«Рецензирование» экспертных (судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических) заключений сведущими лицами, в качестве которых выступают в основном действующие эксперты.*** Правовой основой этого вида деятельности является подп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в котором говорится, что адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

Хотя и существует точка зрения, что использование для обозначения сведущего лица правового термина «специалист» придает ему статус, имеющий вполне определенное процессуальное значение, очевидно, что этот вид деятельности психолога (несмотря на то что он составляет документ, обычно называемый «Заключение специалиста») не является процессуальным. Психолог в этой ситуации выступает не в качестве специалиста в смысле ст. 58 УПК РФ, ст. 188 ГПК РФ, а в роли консультанта адвоката в рамках личных (или через какую-либо организацию) договорных отношений с последним. Он не назначается в качестве специалиста органами предварительного расследования или судом. Ему не разъясняются права и обязанности, его не предупреждают об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 310 УК РФ. Общее между психологом-консультантом и психологом, выступающим в роли специалиста в процессуальном значении этого понятия, только то, что они являются сведущими в психологии лицами и не проводят специального исследования. Если заключение психолога о полноте и обосно-

---

[1] *Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. С. 254 323.

ваности экспертного заключения будет приобщено к делу и для разъяснения заключения суд вызовет его на допрос, то на допросе психолог будет выступать не в качестве специалиста (в процессуальном значении), а в качестве свидетеля.

Мы рассмотрели наиболее типичные и распространенные виды использования психологических знаний в непроцессуальной форме. Перечень возможных форм консультативно-справочной деятельности психологов при расследовании преступлений и в уголовном, и в гражданском судопроизводстве может быть расширен.

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте определение сведущего лица в уголовном или в гражданском процессе.
2. Каковы две формы использования психологических знаний сведущего лица?
3. Охарактеризуйте основные процессуальные формы использования специальных психологических знаний в судопроизводстве.
4. Что общего и чем различаются функции эксперта и специалиста?
5. Раскройте специфику участия психолога в допросе.
6. Охарактеризуйте основные виды справочно-консультационной деятельности психолога в уголовном и гражданском процессах.

Глава 3
УЧАСТИЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- основные задачи судебной психиатрии;
- соотношение патопсихологии и психопатологии;

уметь

- выделять основные и дополнительные задачи ЭПИ в рамках судебно-психиатрической экспертизы;

владеть

- понятиями «патопсихологический симптомокомплекс» и «диагностическая информативность патопсихологического симптома»;
- основными понятиями, характеризующими формы симуляции и диссимуляции.

3.1. Судебно-психиатрическая экспертиза

Судебно-психиатрическая экспертиза — это вид судебной экспертизы с использованием специальных знаний в области психиатрии. Предметом данного вида экспертизы являются уголовно- и гражданско-релевантные психические расстройства, или, иными словами, психические расстройства, имеющие юридическое значение в уголовном и гражданском процессах.

Основным и наиболее распространенным видом *судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе* является экспертиза способности лица во время совершения им общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психиче-

ского расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики (ст. 21 УК РФ). При судебно-психиатрическом установлении отсутствия такой способности суд может признать данное лицо невменяемым. Невменяемые лица не подлежат уголовной ответственности, и суд может назначить им принудительные меры медицинского характера, предусмотренные УК РФ.

Формула ***невменяемости*** состоит из двух критериев: медицинского и юридического, установление невменяемости возможно только при их единстве.

Медицинский критерий объединяет четыре группы психических расстройств.

Хроническое психическое расстройство охватывает заболевания с длительным течением и тенденцией к утяжелению психического состояния больных. Чаще всего это шизофрения, отдельные варианты органического психического расстройства.

Временное психическое расстройство — это обратимое заболевание, имеющее свое начало и конец. Они могут быть различной длительности — от кратковременных патологических форм аффекта, психотических форм опьянения до более или менее длительно протекающих реактивных психозов, алкогольных психозов и т.п.

Слабоумие объединяет стойкие и необратимые психические расстройства с глубоким снижением интеллекта и соответствующими изменениями психики. Эти расстройства могут быть врожденными (умственная отсталость) или приобретенными (старческие деменции, органические расстройства травматического, инфекционного и т.п. генеза).

Под иными *болезненными состояниями психики* понимают психические расстройства, не попадающие в первые три группы: это, к примеру, расстройства личности (психопатии) и некоторые другие виды психических аномалий.

Юридический критерий определен в УК РФ как неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Его часто называют психологическим критерием, поскольку он сформулирован в психологических понятиях. Наличие юридического критерия в понятии невменяемости указывает на то, что невменяемость наступает не при любом психическом заболевании, а только тогда, когда психическое расстройство нарушает способность

лиц к осознанно-волевой регуляции своего криминального поведения. Выделяют два элемента юридического критерия невменяемости: так называемые *интеллектуальный* (неспособность осознавать свои действия) и *волевой* (неспособность руководить своими действиями). Между ними стоит союз «либо», что означает достаточность нарушения хотя бы одного из названных составляющих для признания обвиняемого невменяемым.

В гражданском судопроизводстве судебно-психиатрическую экспертизу назначают чаще всего при признании гражданина ***недееспособным*** (ст. 29 ГК РФ).

Суд может признать недееспособным гражданина, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. Над таким лицом устанавливается опека, и от его имени сделки совершает опекун. Формула недееспособности также содержит медицинский и юридический критерии. Однако медицинский критерий менее дифференцирован и охватывает, как правило, наиболее тяжелые формы хронических психических расстройств и слабоумия. В отличие от экспертизы невменяемости судебно-психиатрическая экспертная оценка является не ретроспективной (психическое состояние обвиняемого оценивается только на момент совершения общественно опасного деяния), а проспективной (прогнозируется неспособность к осознанно-волевой регуляции своего поведения при осуществлении гражданско-правовых отношений).

В зависимости от процессуального статуса подэкспертного лица (свидетель, потерпевший, истец и ответчик) проводятся и иные, отличные друг от друга, предметные виды судебно-психиатрической экспертизы, однако практически во всех этих видах экспертизы психиатры определяют как медицинские, так и юридические критерии. Так, в отношении свидетелей определяется нарушение способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания вследствие психического расстройства. В отношении потерпевших по делам об изнасиловании предметом экспертного исследования психиатра будет выступать неспособность жертвы понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление вследствие того же фактора — психического расстройства.

3.2. Возможности использования психологического психодиагностического исследования в судебно-психиатрической практике

В практику современной психиатрии психологические знания внедрены уже довольно широко. Теоретические достижения и методические средства клинической психологии активно используются в психодиагностической деятельности врача-психиатра, при назначении адекватных способов реабилитации и лечения, и особое место они занимают в судебно-психиатрической экспертизе. Необходимость применения профессиональных знаний психолога в экспертной психиатрической практике определяется целым рядом моментов, среди которых первостепенными являются следующие.

Прежде всего рассмотрим соотношение таких теоретических дисциплин, как *патопсихология* и *психопатология*. Патопсихология как наука находится на стыке психологии и психиатрии, оставаясь при этом разделом психологии. Она исходит из теоретических представлений общей психологии, но направлена на решение задач (теоретических и прикладных), поставленных перед ней психиатрией. Если общая психология в целом изучает закономерности строения и протекания психической деятельности, то патопсихология исследует закономерности протекания и особенности структуры нарушений или расстройств психической деятельности.

У патопсихологии и психопатологии один и тот же объект исследования – психика человека. Именно это обстоятельство и позволяет проводить комплексные исследования, объединив усилия психиатров и психологов в самых разных прикладных областях, в частности в судебной экспертизе. Но из данного объекта патопсихология и психопатология получают разное содержание: предмет этих наук имеет свои особенности, отличные друг от друга. Если психопатологическое исследование выявляет закономерности проявлений (феноменологии) нарушенных психических процессов, то патопсихологическое – отвечает на вопрос: каковы нарушения или особенности протекания и структуры самих психических процессов при том или ином психическом заболевании. Именно поэтому психопатология описывает психику человека на другом языке, нежели патопсихология, на языке клинических симптомов, синдромов, т.е. поведенческих проявлений, в то время как патопсихология

оперирует психологическими понятиями, требующими психодиагностического исследования с целью проникновения в механизмы психической деятельности. Понятийный аппарат патопсихологии и психопатологии лишь частично пересекается в тех областях, где психология описывает проявления поведения (такова, к примеру, категория «характер»). Некоторые понятия, употребляемые и психиатрами, и психологами (например, «сознание»), наполнены в этих науках разным содержанием. Не случайно патопсихология может выступать как теория психопатологии — по существу, как отмечал Ю. Ф. Поляков, в истории психиатрии прослеживаются только два направления теоретических исследований – биологическое и психологическое[1]. Примером психологического направления может служить глубинная психология, или психоанализ, являющийся теоретической и методологической основой психодинамической психиатрии. Методы психопатологии — опрос, анамнестическое исследование, наблюдение, изучение продуктов творчества – тоже направлены на изучение феноменологии. Психология же использует психодиагностику, центральное место в которой занимает экспериментальный подход.

Из этого следует, что ЭПИ является дополнением клинического изучения психики человека и стало одним из наиболее эффективных параклинических методов психиатрии. Этому способствует нацеленность ЭПИ на решение задач, соотносимых с практическими задачами клинической диагностики в судебно-психиатрической экспертизе.

Экспериментально-психологическое исследование дополняет клиническое, реализуя естественно-научный, экспериментальный подход к психике человека как к целостной системе, при этом сочетая качественный и количественный анализ патопсихологических данных и учитывая не только измененные, но и сохранные стороны психической деятельности обследуемого. Эффективное использование патопсихологического материала в клинических целях обусловлено и применением медицинским психологом в ситуации судебной экспертизы всестороннего методического арсенала: как правило, при ЭПИ патопсихолог задействует до 10—15 методик, направленных на изучение особенностей познаватель-

---

[1] *Поляков Ю. Ф.* О методологических проблемах взаимосвязи психиатрии и психологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1977. Вып. 12. С. 1822 – 1832.

ной деятельности (восприятия, внимания, памяти, мышления) и динамики умственной работоспособности, набор ориентированных на исследование личностных особенностей проективных методов, опросников. Кроме того, необходимость решения экспертных медицинских вопросов, касающихся каких-либо периодов жизни испытуемого, позволяет привлечь метод психологического анализа различных документов (материалов уголовного дела, медицинской документации, содержащих объективные данные об особенностях развития человека, психическом состоянии в интересующий суд период времени).

Вместе с тем возможность с помощью психологических методов выявлять и описывать особенности структуры самосознания, мотивации, раскрывать психологические механизмы поведения обусловливает более точное решение экспертных вопросов, касающихся установления и юридических критериев в разных видах судебно-психиатрической экспертизы. Особо высока роль использования психологических данных при судебно-психиатрической оценке пограничной психической патологии, когда клиническая квалификация психического состояния подэкспертного в юридически значимой ситуации не позволяет однозначно и с очевидностью решать вопросы о наличии или отсутствии того или иного юридического критерия, интересующего суд.

В целом использование психологических знаний в рамках судебно-психиатрической экспертизы способно повысить надежность, достоверность и информативность экспертных психиатрических выводов, обусловить большее доверие к ним со стороны судебных органов. К примеру, ЭПИ в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского в настоящее время подвергается более 80% всех испытуемых, проходящих разные виды судебно-психиатрической экспертизы за год.

3.3. Основные задачи экспериментально-психологического исследования в судебно-психиатрической экспертизе

Экспериментально-психологическое исследование подэкспертного лица (изучение познавательных процессов и ИПО) является обязательным компонентом экспертного исследования при СПЭ и КСППЭ. Вопрос об использова-

ции психологического исследования в качестве параклинического метода в процессе судебно-психиатрической экспертизы решается каждый раз индивидуально, но не судом, а экспертом-психиатром (или комиссией экспертов-психиатров). Следует подчеркнуть, что в разных видах судебных экспертиз у психиатров нет обязанности привлекать психологов для решения экспертных вопросов во всех случаях и они не должны прибегать к помощи психологического исследования в отношении каждого подэкспертного, но могут применять его в тех случаях, когда это представляется целесообразным и необходимым.

Основными самостоятельными задачами ЭПИ в рамках судебно-психиатрической экспертизы являются:

1) предоставление дополнительных патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики;

2) установление степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств.

Дополнительными задачами по отношению к основным являются:

1) выявление структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности;

2) определение установок испытуемых по отношению к патопсихологическому обследованию и к ситуации экспертизы в целом.

Их достижение обязательно как при решении первой, так и второй самостоятельной задачи.

Рассмотрим подробнее содержание выделенных задач патопсихологического исследования в контексте целей судебно-психиатрической экспертизы.

Дифференциальная диагностика. Основные сложности, возникающие при решении данной задачи, связаны, во-первых, с различными реактивными наслоениями на психическую деятельность вследствие привлечения к уголовной ответственности, во-вторых, с преобладанием в практике судебно-психиатрической экспертизы смешанных и стертых форм психической патологии. Кроме того, у лиц, ранее совершавших правонарушения и подвергавшихся принудительному лечению, наблюдается лекарственный патоморфоз. Это обусловливает поиск таких эффективных форм организации и проведения ЭПИ, которые нивелировали бы упомянутые сложности. Как известно из патопсихологической литературы, некоторые патопсихологические показатели нарушений психической деятельности чаще встречаются при одних

видах психической патологии, а некоторые — при других. В то же время эти показатели не являются нозологически специфичными. Так, искажение процесса обобщения, как показано Б. В. Зейгарник, может встречаться и при шизофрении, и при психопатии[1]. В связи с этим перспективным путем представления патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики является выделение патопсихологических симптомокомплексов нарушений и особенностей познавательной деятельности.

Патопсихологический симптомокомплекс — это совокупность особенностей и нарушений познавательных процессов, относительно специфичных для той или иной клинической нозологии, имеющая в своей основе определенные психологические механизмы. На сегодняшний день выделены и описаны патопсихологические симптомокомплексы нарушений и особенностей познавательной деятельности при шизофрении, психопатии и органическом поражении головного мозга, т.е. при наиболее часто встречаемых в судебно-психиатрической экспертизе нозологических формах психической патологии. Они обладают значительной диагностической информативностью и существенно повышают эффективность клинической диагностики.

Для патопсихологического симптомокомплекса, свойственного больным шизофренией, наиболее патогномичным является следующий набор показателей: неадекватность ассоциаций с их формальностью или выхолощенностью, бессодержательностью; использование при обобщении несущественных, маловероятных (латентных) признаков объектов или субъективных критериев; некритичность мышления; резонерство; явления разноплановости; соскальзывания на случайные ассоциации в суждениях; использование вычурных или усложненных речевых высказываний; искаженное толкование условного смысла; колебания внимания и снижение его активности. Характерно, что выявленный комплекс нарушений познавательных процессов не зависит от уровня интеллекта — в данный симптомокомплекс с равной частотностью входят и категориальный, и функциональный, и конкретный уровни обобщения.

Патопсихологические расстройства при органическом психическом расстройстве имеют качественно иной характер. В патопсихологическом симптомокомплексе преобладают

---

[1] *Зейгарник Б. В.* Патология мышления. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962.

нарушения познавательной деятельности, связанные со снижением интеллекта: низкий (конкретный и конкретно-ситуационный) уровень обобщения; конкретный уровень ассоциаций; непонимание условного смысла; трудности установления логических (вербальных и наглядно-образных) связей и отношений. Обнаруживаются обстоятельность суждений, инертность мыслительных действий, «застревание» на несущественных деталях. В целом вербальный интеллект ниже наглядно-образного. Нарушены мнестические процессы: уменьшен объем непосредственного и опосредованного запоминания. Характеры нарушения умственной работоспособности — колебания внимания, снижение его активности (расстройства концентрации и распределения внимания), замедленный и неравномерный темп умственной деятельности.

Основу патопсихологического симптомокомплекса, присущего расстройству личности (психопатии), составляют эмоциональная насыщенность ассоциаций (при их адекватности), аффективно обусловленное рассуждательство, претенциозность суждений, преобладание оценочных комментариев, использование при обобщении субъективных эмоциональных критериев. Отмечаются актуализация несущественных признаков при обобщении и парциальная некритичность. Как и у больных шизофренией, эти качественные нарушения и особенности не зависят от уровня интеллекта.

Выделение патопсихологических симптомокомплексов имеет не только практическую ценность, но и теоретическое значение. Оно позволяет выявить факторы, лежащие в основе тех или иных патопсихологических синдромов.

Так, исследования показали, что «органический» симптомокомплекс определяется одним общим фактором — снижением всех психических функций: внимания, памяти, мышления[1]. Патопсихологические симптомокомплексы больных шизофренией и расстройством личности (психопатией) имеют полиморфную структуру.

В патопсихологическом симптомокомплексе при шизофрении выделяются три группы нарушений. Первая их них, объединяющая патопсихологические данные о снижении

---

[1] *Кудрявцев И. А., Сафуанов Ф. С.* Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1989. Вып. 6. С. 86–92.

некоторых психических функций, по всей видимости, отражает нарастающий дефект психики у части больных шизофренией. На первый взгляд, он схож с выделенным фактором снижения интеллекта при органическом поражении головного мозга, однако имеются достаточно четкие качественные различия, связанные с иной природой болезненного процесса. При органическом психическом расстройстве интеллектуальное снижение сопровождается проекцией собственных эмоциональных переживаний в материал заданий, а при шизофрении — формальностью ответов, нередко — их выхолощенностью, а также актуализацией несущественных свойств объектов при обобщении, что отражает типичные изменения мотивационно-смысловой сферы и нарушения селективности познавательной деятельности.

Вторая группа нарушений познавательной деятельности определяет качественные операциональные и мотивационно обусловленные нарушения мышления при шизофрении.

Основу последней группы расстройств составляют нарушения логического компонента мышления.

Патопсихологический симптомокомплекс, присущий психопатическим личностям, также состоит из трех групп нарушений и особенностей познавательной деятельности. Первая группа отражает особенности операциональной сферы мышления, имеющие эмоциональную, аффективную природу.

Вторая группа включает претенциозность суждений, склонность к рассуждательству и оценочным комментариям, т.е. те показатели, которые зависят от аффективной логики, характерной для лиц, страдающих расстройством личности.

Особый интерес вызывает третья группа нарушений, которая включает в себя такие нарушения мышления, как искажение процесса обобщения с использованием латентных признаков предметов и понятий, искаженное объяснение условного смысла, неадекватность ассоциаций и использование личностных субъективных предпочтений в обобщениях. Эти нарушения схожи с теми, которые входят в патопсихологический симптомокомплекс, свойственный больным шизофренией, но психологический теоретический и экспериментальный анализ показывает, что, несмотря на схожую феноменологию, в основе данных нарушений лежат различные психологические механизмы. В отличие от нарушений мышления при шизофрении искажения процесса обобщения и абстрагирования у психопати-

ческих личностей: 1) развиваются в наиболее четкой форме в состояниях эмоциональной напряженности (а не в любых условиях, как при шизофрении), 2) возникают преимущественно в ответ на аффективно и личностно значимые стимулы экспериментальных методик (а не на нейтральные, как при шизофрении), 3) при психопатиях нарушается смысловой компонент, но не происходит распада значения, как при шизофрении.

Следует отметить, что из-за преобладания у подэкспертных смешанных и стертых форм психической патологии часто при ЭПИ обнаруживаются патопсихологические показатели, которые трудно увязать в единый непротиворечивый симптомокомплекс. В связи с этим актуальным и перспективным направлением исследований является разработка проблемы *информативности патопсихологических показателей*, моделирующая алгоритм вероятностного решения дифференциально-диагностических задач.

Исследование информативности патопсихологических показателей особенностей и нарушений познавательной деятельности и умственной работоспособности больных с использованием статистического анализа большого массива ЭПИ показало, что одни показатели экспериментально-психологических заключений имеют большую информативность и должны обязательно учитываться при вынесении диагноза, другие — меньшую, причем следует отметить, что одни и те же показатели могут иметь большую меру информативности при одних видах дифференциальной диагностики и не нести существенной информационной нагрузки — при других.

Так, при отграничении шизофрении от органического психического расстройства первостепенное значение имеют показатели, отражающие качественные особенности мыслительной деятельности (адекватность ассоциаций, искажение процесса обобщения, разноплановость, резонерство, критичность мышления).

При отграничении же органического поражения головного мозга от расстройства личности на первый план выступают иные показатели: нарушения внимания, уровень обобщения, снижение объема опосредованного запоминания, претенциозность суждений и т.п.

При дифференциальной диагностике между шизофренией и расстройством личности наряду с качественными особенностями мыслительной деятельности имеет значение снижение активности внимания, которое обусловлено при шизо-

френии не нарушениями умственной работоспособности (как при органическом поражении головного мозга), а снижением побудительной силы мотивов. Оказалось также, что данные ЭПИ наиболее информативны при дифференциальной диагностике шизофрении и органического психического расстройства и наименее — при разграничении шизофрении и расстройства личности.

Отметим, что представление об информативности патопсихологических признаков имеет значение не только для психиатров, проводящих дифференциальную диагностику, но и для патопсихологов: прежде всего становится понятным, квалификация каких нарушений познавательной деятельности важна при тех или иных видах дифференциальной диагностики. Это вызывает необходимость приводить в патопсихологических заключениях сведения не только о выявленных нарушениях, но и об отсутствии определенных показателей (т.е. целесообразно указывать на сохранность некоторых сторон познавательной деятельности, имеющих высокую информативность при дифференциальной диагностике).

Определение степени выраженности (глубины) нарушений психической деятельности. Данная задача ставится перед патопсихологом в основном при сомнениях экспертов-психиатров не при диагностике, а при определении способности больного (чаще всего это лица с органическими поражениями головного мозга, больные с умственной отсталостью) адекватно понимать значение своих поступков и полноценно их регулировать. Экспериментально-психологическое исследование наряду с определением патопсихологического симптомокомплекса психических расстройств при решении этой задачи включает выявление следующих обязательных компонентов.

1. *Общий уровень развития познавательной сферы.* Выявление общего уровня развития восприятия, внимания, памяти, мышления является основополагающим звеном оценки умственного развития подэкспертного. В психиатрии и психологии накоплен большой объем исследований недоразвития тех или иных психических процессов при умственной отсталости разной этиологии. В области перцептивных процессов — это прежде всего данные о замедленности и сужении объема зрительного восприятия, нарушения узнавания, опознания предметов, снижение активности восприятия, поверхностность или искажение смыслового вос-

приятия ситуаций различной степени сложности. Наиболее типичные расстройства внимания при психическом недоразвитии или инволюционном развитии — снижение его активности, в основе которого могут лежать нарушения концентрации или распределения внимания; колебания внимания и умственной работоспособности; истощаемость психических процессов. Для умственно отсталых лиц характерны различные нарушения памяти — непосредственного и опосредованного запоминания, долговременной и кратковременной памяти, смыслового и механического запоминания. Основной недостаток мышления у невменяемых лиц — конкретность и примитивный характер обобщений, нарушения функций анализа и синтеза, непонимание условного смысла, недостаточная сформированность или несформированность полноценных умственных действий, нарушения логики суждений, слабость регулирующей функции мышления.

2. *Объем общих сведений и знаний испытуемого.* При патопсихологическом обследовании в судебно-психиатрической экспертной практике необходимо выявлять и специальный аспект общего уровня развития познавательных процессов, связанный с определением того, насколько подэкспертное лицо поддается социально-педагогическим воздействиям: общий словарный запас, объем общих сведений и знаний, полученных в результате учебной деятельности и собственной познавательной активности испытуемого.

3. *Принципиальная способность испытуемого ориентироваться в практических, житейских ситуациях.* Экспериментально-психологические данные об уровне общей ориентировки подэкспертного так же, как и установление объема общих сведений и знаний, имеет важное косвенное значение для судебно-психиатрической оценки способности обследуемого лица осознавать значение своих действий и осуществлять их произвольную регуляцию.

4. *Степень обучаемости.* При ЭПИ с целью определения степени выраженности психических расстройств очень важно не ограничиваться установлением только «актуального» уровня психического развития подэкспертного лица, необходимо, как показано А. Я. Ивановой, особенно при исследовании несовершеннолетних, устанавливать и «зону ближайшего развития», т.е. потенциальные возможности овладения новыми способами умственных действий,

новыми знаниями и умениями[1]. Это имеет большое значение при судебно-психиатрическом отграничении умственной отсталости, связанной с болезненным процессом (олигофрения, органические поражения головного мозга и т.п.), от случаев педагогической или социальной запущенности лиц, являющихся в принципе психически здоровыми или имеющими нерезко выраженные психические аномалии. Выделение этого аспекта психической деятельности обусловливает построение ЭПИ при определении глубины психических нарушений у испытуемого не только как диагностической, но и как обучающей процедуры. Принципы обучающего эксперимента описаны А. Я. Ивановой и включают в себя: использование дозированной помощи со стороны экспериментатора на материале разного рода экспериментальных методов; регламентация отдельных видов помощи от наиболее скупых и сжатых «подсказок» до развернутых и подробных «уроков»; исследование восприимчивости к помощи, способности к логическому переносу и ориентировочной деятельности испытуемого. Сам эксперимент проводится по схеме, состоящей из трех этапов: ориентировочный, основное задание (находящееся в «зоне трудности» для испытуемого), аналогичное задание.

5. *Уровень развития эмоционально-волевых структур.* Это наиболее сложная задача психодиагностического исследования, требующая высокой квалификации патопсихолога. Установление уровня личностной зрелости возможно только при одновременном анализе результатов выполнения экспериментальных методов (ведущее место среди которых занимают проективные методики, задания, направленные на изучение жизненных ценностей испытуемого, особенностей смыслового восприятия, структур самосознания), данных беседы и наблюдения, сведений из материалов уголовного дела.

Последовательность перечисленных задач ЭПИ определяет и их приоритетность по отношению к решению общих экспертных вопросов. Так, если общий уровень интеллектуального развития испытуемого таков, что препятствует ему осознавать значение своих действий и руководить ими, то не возникает большой необходимости привлекать патопсихологические данные об уровне развития эмоционально-

---

[1] *Иванова А. Я.* Обучаемость как принцип оценки умственного развития детей. М. : Изд-во Моск. ун-та. 1976.

волевых структур. Если же испытуемый обнаруживает пограничный уровень развития интеллекта, для точного решения вопроса о вменяемости необходимо использовать патопсихологические данные об уровне практической ориентировки, об обучаемости, об особенностях личностного развития и т.п. Такие комплексные требования к патопсихологическому исследованию обусловлены еще и тем, что кроме решения экспертных вопросов возникает необходимость выбора реабилитационных мероприятий в отношении освидетельствуемых лиц, например при отграничении умственной отсталости от отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, вследствие социальной и педагогической запущенности. Необходимо отметить, однако, что определение уровня зрелости эмоционально-волевых структур является наиболее сложной и наименее разработанной клинико-психологической проблемой.

Определение структуры нарушений психической деятельности. Проведение ЭПИ в контексте судебной экспертизы требует обязательного решения данной задачи и при дифференциально-диагностической направленности патопсихологического исследования, и при определении глубины психической патологии испытуемого. Это обусловлено прежде всего тем, что не существует однозначного соответствия между клинико-нозологической диагностикой и решением экспертных вопросов: так, часть больных шизофренией в состоянии ремиссии могут признаваться способными осознавать фактической характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, напротив, часть страдающих расстройством личности в состоянии декомпенсации могут быть признаны неспособными к осознанно-волевой регуляции криминальных действий — в конечном итоге экспертное решение во многом зависит не только от диагноза, но и от установления структуры психических нарушений, соотношения сохранных и патологических структур психики, содержания психологических факторов, лежащих в основе тех или иных нарушений психической деятельности.

Здесь особенно наглядно проявляется принцип системно-структурного анализа психической деятельности: выявление качественных особенностей отражательных и регуляторных структур, соотношения их сохранных и нарушенных компонентов чрезвычайно важно для экспертного определения способности подэкспертного в реальной жизненной ситуации

осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Следует также особо отметить, что количественные данные многих методик (типа теста Векслера) не являются информативными по отношению к решению экспертных вопросов — часто результаты лиц, признаваемых вменяемыми и невменяемыми, при выполнении этих методик не отличаются друг от друга.

Определение структуры нарушений психических процессов, их соотношения с сохранными сторонами психической деятельности может при некоторых видах судебно-психиатрической экспертизы выступать и как самостоятельная задача исследования.

Так, в рамках судебно-психиатрической экспертизы при определении ограниченной способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства в заключении ЭПИ кроме определения степени выраженности расстройств психической деятельности рекомендуется отразить прежде всего структуру психических нарушений, соотношение сохранных и патологических звеньев психической деятельности, содержание психологических факторов, лежащих в основе тех или иных нарушений психической деятельности. Особое внимание следует обратить на сохранность критичности, степень опосредованности своих действий, компенсаторные психологические механизмы и т.п.

В СПЭ определение структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности также является важной задачей, создавая предпосылки ответа на экспертные вопросы, задаваемые эксперту-психологу судебно-следственными органами. Особое значение решение данной задачи имеет при судебно-психологическом определении меры регуляции криминального поведения у несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а также при установлении существенного влияния ИПО взрослого обвиняемого на его поведение в криминальной ситуации.

Определение установок испытуемых. Различные смысловые установки испытуемых по отношению к экспертизе в целом и к ситуации патопсихологического обследования в частности очень широко представлены в судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизах.

Это прежде всего *симуляция* — осознанное и целенаправленное предъявление несуществующих признаков психических расстройств.

Более сложными для диагностики являются формы симуляции, возникающие на патологической почве у лиц с уже имеющимися психическими нарушениями: аггравация, метасимуляция и сюрсимуляция.

Аггравация — осознанное преувеличение незначительно выраженных психических изменений, особенно часто проявляющееся при ЭПИ в виде демонстрации выраженного слабоумия лицами, имеющими нерезко выраженный интеллектуальный дефект (легкая степень умственной отсталости, больные с органическим психическим расстройством и др.).

Метасимуляция заключается в осознанном предъявлении психопатологической симптоматики когда-то перенесенного психического заболевания, которым к моменту исследования подэкспертный уже не страдает.

Особо сложной для распознавания является *сюрсимуляция* — когда подэкспертный действительно страдает каким-либо психическим заболеванием, но при этом предъявляет картину другого, не свойственного ему нарушенного психического состояния. Поведение больного в этих случая определяется сложным переплетением смысловой установки с искаженным восприятием действительности и самого себя, психопатологическими мотивами и нарушениями мышления, характерными для его психического заболевания.

Кроме того, необходимо выделить деятельность подэкспертного, обратную симуляции, — *диссимуляцию*. Диссимуляция — это сокрытие или утаивание психически больным проявлений своего болезненного состояния, собственных психических расстройств.

Такое разнообразное проявление различных смысловых установок по отношению к ситуации судебной экспертизы определяет необходимость их выявления практически при каждом ЭПИ подэкспертных для реализации его основных задач — определения патопсихологического симптомокомплекса в целях дифференциальной диагностики и установления истинной степени выраженности имеющихся психических расстройств. При решении данной задачи особую актуальность приобретает разработка адекватных приемов квалификации установок испытуемых: в первую очередь эффективными способами определения установок являются целостный синдромальный анализ данных

патопсихологического исследования и применение некоторых дополнительных критериев — сопоставление прямых и косвенных результатов деятельности испытуемых в ситуации эксперимента, сопоставление уровня объективной сложности патопсихологической методики и уровня их выполнения испытуемым и др. Не теряют своей актуальности и такие приемы распознавания аггравации, как предъявление сверхлегких заданий, которые заведомо могут быть выполнены и слабоумными больными; сопоставление латентного периода при выполнении методик разного уровня сложности и т.п.

Определение вида смысловой установки подэкспертного имеет значение и для судебно-психиатрического распознавания симуляции и ее разновидностей. Следует, однако, иметь в виду, что часто подэкспертные, подготовившись к демонстрации, предъявлению не существующих у них психопатологических симптомов перед врачами-психиатрами, теряются в ситуации ЭПИ, поскольку готовы к искажению своего анамнеза, соответствующему поведению во время клинической беседы, при общении с другими подэкспертными, но не понимают, как те же поведенческие и речевые нарушения должны проявляться при выполнении экспериментальных методик. В то же время сама ситуация экспериментального исследования нередко провоцирует подэкспертных к тем или иным формам симуляции, которые не проявляются при клиническом психиатрическом обследовании. Так, при выполнении заданий, направленных на изучение уровня интеллекта, может проявиться аггравация; характер вопросов опросника MMPI (Миннесотский многоаспектный личностный опросник (англ. Minnesota Multiphasic Personality Inventory)) иногда провоцирует ответы, утяжеляющие психическое состояние, или, напротив, способствует диссимуляции имеющихся психических нарушений.

3.4. Структура заключения по результатам экспериментально-психологического исследования

Данные (результаты) ЭПИ оформляются психологом в виде заключения, которое сохраняется в медицинской документации, а само заключение (или его резюмирующая часть) может быть включено в заключение судебно-психиатрических экспертов, в раздел «психическое состояние»,

для обоснования экспертных выводов. В структуре заключения рекомендуется отразить следующие моменты:

1) общее введение: особенности поведения испытуемого в исследовании и в беседе, понимание им цели экспертизы, психологические аспекты внутренней картины болезни, актуальные установки, планы на будущее, жалобы;

2) особенности деятельности испытуемого в экспериментальной ситуации: понимание и усвоение инструкций, особенности выполнения заданий, реакция на успех и неуспех, на корригирующие замечания, помощь. Здесь же можно отразить особенности умственной работоспособности, внимания;

3) данные об уровне развития различных сторон памяти, об особенностях и нарушениях мнестических процессов;

4) данные об особенностях ассоциативных процессов;

5) данные об уровне развития интеллекта, об операциональных, динамических и мотивационных нарушениях процесса обобщения и абстрагирования, о расстройствах логики и особенностях других сторон мыслительной деятельности;

6) данные об особенностях личности, эмоционально-волевой сферы, смыслового восприятия, самосознания и т.п.;

7) резюмирующая часть: обобщение экспериментальных данных об особенностях и нарушениях познавательной деятельности и личностной сферы и результатов наблюдения при исследовании.

Форма представления обобщенных патопсихологических данных должна определяться тем, какого рода затруднения испытывает эксперт-психиатр при решении им диагностических и экспертных вопросов, и, соответственно, задачей, которую он ставит перед психологом.

3.5. Типичные образцы заключений патопсихолога по данным экспериментально-психологического исследования

Пример 1. Испытуемая Б., обвиняется в хищении важных документов. Задача исследования: дифференциальная диагностика между шизофренией и психопатией. Экспертам-психиатрам кроме традиционных вопросов о наличии душевного заболевания у Б. и ее способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими следователем был задан вопрос о склонности Б. к патологическому фантазированию.

Во время исследования испытуемая держится ровно, спокойно, на вопросы отвечает последовательно, по существу. Цель экспертизы понимает

верно, свое психическое состояние в период инкриминируемых ей действий и в настоящее время оценивает как «нормальное». Причины суицидальной попытки объясняет кратко («не нашла выход из сложившейся ситуации»), свои переживания не раскрывает. Жалоб не предъявляет.

При выполнении экспериментальных заданий инструкции усваивает, придерживается их в работе. Уровень притязаний достаточно высокий. Выраженных расстройств внимания и умственной работоспособности не обнаруживается, темп деятельности средний.

Объем запоминания в пределах нормы. При непосредственном запоминании из 10 слов воспроизводит 5, 10, спустя 1 ч – 9 слов. При опосредованном запоминании («Пиктограмма») из 15 понятий, опосредованных образными ассоциациями, верно воспроизводит все 15. Ассоциации в целом высокого уровня (метафорические, символические), в ряде случаев – формальны и отдаленны. Например, на слово «одиночество» рисует дерево («есть песня про рябину в поле, которая стоит одна»), понятие «надежда» опосредует рисунком телефона («обычно все хорошие новости я узнавала по телефону»).

При исследовании мыслительной деятельности на фоне доступности испытуемой категориальных обобщений в целом обнаруживается неравномерность процесса обобщения с трудностями дифференцирования существенного и несущественного и эпизодическим снижением качества ответов вне зависимости от объективной сложности стимульного материала (может сложные задания выполнять на категориальном уровне, а более простые – на конкретно-ситуационном). Выявляется нечеткость мышления с использованием широких обобщений: так, объединяет в одну группу цветок, яблоко и пальто («везде растения, если пальто из х/б – тоже растение»), противопоставляет изображение журавля группе предметов, состоящей из молотка, стола и очков («журавль – это полет, свобода, а остальное – приземленное, усидчивость, работа»), находит общее между сумкой, чемоданом, кошельком и книгой в том, что это «вместилища», при этом указывает, что книга – «вместилище духовных, а другие – материальных вещей», находит различие между ветром и солью в том, что «соль – материальная субстанция, а ветер ни увидеть, ни подержать нельзя». В ряде случаев использует при обобщении маловероятные латентные признаки объектов. К примеру, объединяет гитару, телефон и радио – «звук издают», находит общее между ботинком и карандашом – «ботинком можно писать, подошва пишет на полу, рисует на песке, снегу», различие между рекой и озером объясняет тем, что «река – это полоса, а озеро – это круг или овал». Условный смысл пословиц передает верно. Способна к установлению логических связей и отношений («Пиктограмма», «Исключение предметов», «Исключение понятий», «Пословицы», «Простые аналогии», «Сравнение понятий»).

Применение проективной методики ТАТ (Тематический апперцептивный тест) и направленной беседы повышенной склонности к фантазированию не обнаруживает. Напротив, рассказы, продуцируемые испытуемой по неструктурированным сюжетным картинкам, очень кратки, редуцированы, в них отсутствуют проникновение во внутренний мир персонажей, развитие сюжета. Действия персонажей характеризуются неконкретно, приблизительно, не может придумать, что предшествовало ситуации, изображенной на картинке, и чем она закончится.

По данным MMPI, опросника Кеттелла и теста Розенцвейга выявляются следующие ИПО: выраженная интровертированность, отгороженность, эмоциональная холодность, независимость от групповых мнений и оценок, сниженная чувствительность к нюансам межличностного общения, нерешительность, сдержанность, подчиняемость, ригидность установок, эмоциональная незрелость, высокий контроль своего поведения, склонность усложнять внутренние проблемы и фиксироваться на фрустрирующих обстоятельствах, хорошее осознание социальных требований, эмоциональная устойчивость. Следует отметить невыраженность в настоящее время тревоги и эмоциональной напряженности.

Таким образом, при ЭПИ на первый план выступают нарушения мыслительной деятельности: нечеткость мышления и неравномерность процесса обобщения с трудностями дифференцирования существенного и несущественного, эпизодическим снижением качества ответов вне зависимости от объективной сложности заданий, искажение процесса обобщения с использованием широких обобщений и маловероятных латентных признаков объектов, а также отдаленных ассоциативных связей. Выраженных расстройств внимания, памяти, умственной работоспособности не обнаруживается. Интеллектуальный уровень в целом высокий – испытуемая способна к абстрагированию, объяснению условного смысла, установлению логических связей. Повышенной склонности к фантазированию не отмечается. Выявляются следующие ИПО: выраженная интровертированность, отгороженность, эмоциональная холодность, независимость от групповых мнений и оценок, сниженная чувствительность к нюансам межличностного общения, нерешительность, сдержанность, подчиняемость, ригидность установок, эмоциональная незрелость, высокий самоконтроль, склонность усложнять внутренние проблемы и фиксироваться на фрустрирующих обстоятельствах, осознание социальных требований, достаточно высокий уровень притязаний, эмоциональная устойчивость. Следует отметить невыраженность в настоящее время тревоги и эмоциональной напряженности.

Окончательный диагноз: «Шизофрения».

Пример 2. Испытуемый Ш., обвиняется в убийстве. Задача исследования: дифференциальная диагностика – разграничение расстройства личности и органического психического расстройства.

Во время исследования испытуемый подробно рассказывает о себе, о содеянном, часто плачет. Склонен в сложившейся ситуации обвинять себя, свою «бесхарактерность». Считает себя «очень нервным». Фон настроения снижен. Эмоционально неустойчив. Оценивая свои качества, говорит, что он «довольно умный, с хорошим, но податливым характером», заявляет, что «если бы все такие были, как я, – легче бы жилось».

При выполнении заданий придерживается инструкций, активно интересуется результатами выполнения отдельных заданий и всего исследования, мнением экспериментатора о своих способностях. В ходе исследования в целом и в отдельных методиках обнаруживаются колебания умственной работоспособности (например, на пять таблиц Шульте затрачивает соответственно 90, 75, 50, 85, 72 с), нарушения концентрации и распределения внимания. Темп сенсомоторной деятельности замедлен (12 – 22 счетных операций в минуту в «Счете по Крепелину»). Под влиянием сильной мотивации достижения деятельность дезорганизуется.

Объем запоминания существенно снижен. При непосредственном запоминании 10 слов воспроизводит: 4, 6, 5, 5, 6, спустя 1 ч – 5 слов. В «Пикто-

грамме» воспроизводит верно 5 и 4 — близко по смыслу из 15 опосредованных образными ассоциациями понятий.

Образные ассоциации адекватны, конкретного уровня, отражают ситуационные переживания испытуемого. Например, при предъявлении слова «печаль» рисует склонившуюся березу: «Природа... а здесь природы нет — одна тоска». При объяснении опосредующей связи понятия и образа склонен к рассуждательству. Вербальные ассоциации в целом адекватны. Выявляется бедность ассоциативных связей: на несколько разных слов-стимулов отвечает одинаково: «любовь — вражда», «мир вражда», «измена — вражда». Обнаруживаются выраженные колебания времени реакции (от 1 до 20 с) на общем фоне замедленного ассоциирования (в среднем латентный период ответных ассоциаций — 2—5 с).

При исследовании мыслительной деятельности выявляются снижение уровня обобщения, недостаточность абстрагирования, конкретность мышления. Обобщает предметы по конкретно-ситуационным связям, второстепенным конкретным признакам, затрудняется в подборе обобщающего слова для группы предметов или понятий («Классификация предметов», «Исключение предметов», «Исключение понятий»). Не может объяснить переносный смысл пословиц, малознакомых или незнакомых испытуемому («Объяснение пословиц»), не сразу улавливает смысл короткого рассказа («Проба Эббингауза»), с трудом устанавливает последовательность событий по серии сюжетных картинок. В объяснение простых пословиц привносит собственные переживания, факты своей биографии. В ходе выполнения заданий контроль умственных действий снижен.

Личность испытуемого (по данным теста Розенцвейга и теста «Самооценка») характеризуется эмоциональной неустойчивостью, эгоцентризмом, ригидностью, склонностью к реакциям самообвинения в сочетании со стремлением возложить ответственность за конфликты на окружающих.

Таким образом, ЭПИ выявляет интеллектуально-мнестическое снижение — снижение объема непосредственного и опосредованного запоминания, низкий уровень обобщения и абстрагирования, конкретность мышления в сочетании с колебаниями умственной работоспособности, замедленность темпа деятельности, нарушения концентрации и распределения внимания.

Контроль умственных действий в ходе исследования снижен. Отмечается дезорганизация деятельности под влиянием аффективно значимых воздействий.

Обнаруживаются следующие ИПО: слабодушие, эмоциональная неустойчивость, эгоцентризм, ригидность, склонность к реакциям самообвинения в сочетании со стремлением возложить ответственность на окружающих в стрессовых ситуациях. Состояние испытуемого характеризуется сниженным фоном настроения и фиксацией на собственных переживаниях.

Диагноз комиссии экспертов-психиатров: «Органическое поражение головного мозга травматического генеза с аффективной неустойчивостью».

Пример 3. Испытуемый В., 15 лет, обвиняется в краже. Предположительный диагноз — «Умственная отсталость». Задача исследования: установление степени выраженности психических изменений.

Испытуемый в начале беседы вял, пассивен, характеризует себя как «заядлого хулигана». Говорит, что у него «никогда ничего не получается». В ходе исследования оживляется, начинает обнаруживать адекватные эмоциональные реакции, самооценка выравнивается. Правонарушение отрицает. Заявляет о своем согласии с мнением врачей, что у него «эпилепсия, оли-

гофрения, умственная отсталость, задержка развития — это же не я ставил, а они с детства».

Задания выполняет в достаточно быстром темпе, усваивая инструкции с первого раза. При выполнении заданий ориентируется на оценки экспериментатора, соглашается с его замечаниями, стремится учесть их при исправлении своих ошибок.

Запас общих сведений и знаний достаточный — называет фамилии известных писателей, космонавтов, руководителей правительства ряда стран, перечисляет страны света, столицы крупных государств и т.п.

Обнаруживает хорошую ориентировку в практических ситуациях (из субтеста Векслера).

Процесс запоминания в пределах нормы. Динамика заучивания 10 слов (непосредственное запоминание): 5, 6, 8, 9, 10, отсроченно (через час) воспроизводит 9 слов. При опосредованном запоминании (метод «Пиктограмма») из 10 понятий, опосредованных образами, воспроизводит точно — 9 и близко по смыслу — 1 понятие.

Опосредование понятий образами затруднений у испытуемого не вызывает — продуцирует образные ассоциации быстро, способен опосредовать и абстрактные понятия типа «печаль», «развитие» и пр. По содержанию образы адекватны, по уровню в основном конкретны, но в отдельных случаях и более высокой степени обобщенности.

При исследовании мыслительных процессов выявляется достаточно высокий уровень обобщения и абстрагирования — испытуемый правильно группирует предметы («Классификация предметов»), дает образованным группам обобщающие названия, на последнем этапе справляется с образованием более обобщенных групп предметов («живые существа», «хозяйственные принадлежности», «растительные»).

Испытуемый обнаруживает понимание причинно-следственных логических связей как на вербальном, так и на наглядно-образном материале. Правильно устанавливает последовательность событий по серии сюжетных картинок, составляет по ним рассказы, улавливая подтекст разворачивающегося сюжета. Справляется с завершением предложений, прерывающихся на «потому что...» и «хотя...».

Выявляется недостаточная сформированность навыков счета и письма — пишет медленно, с грамматическими ошибками; в арифметических операциях сложения и вычитания допускает ошибок мало, но считает очень медленно (в «Счете по Крепелину» 15–25 операций в минуту).

При исследовании конструктивного мышления («Кубики Кооса») самостоятельно справляется со складыванием простейших орнаментов из четырех кубиков. При переходе на девять кубиков испытывает затруднения, но после дозированной помощи — объяснения экспериментатором принципа выполнения задания — усваивает способ действия и осуществляет перенос усвоенного способа на другие варианты орнаментов.

В ходе исследования обнаруживаются нерезко выраженные нарушения распределения и переключения внимания.

Таким образом, при ЭПИ выявляется достаточный запас общих сведений и знаний, ориентировка в практических ситуациях.

Объем запоминания в пределах нормы. Уровень обобщения и абстрагирования достаточный — на фоне конкретных группировок объектов испытуемый способен и к более категориальным обобщениям. Формальная логика суждений, способность к установлению причинно-следственных

связей не нарушены. Недостаточно сформированы навыки письма, счета, оперирования зрительно-пространственными представлениями.

Обнаруживается обучаемость испытуемого. Отмечаются резко выраженные нарушения распределения и переключения внимания.

На основании клинического исследования и с учетом заключения психолога испытуемому был снят диагноз «Умственная отсталость», установлена «Социальная и педагогическая запущенность».

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите основные задачи судебной психиатрии.
2. Раскройте формулу невменяемости.
3. Каково соотношение таких теоретических дисциплин, как патопсихология и психопатология?
4. Охарактеризуйте основные задачи ЭПИ в судебно-психиатрической экспертизе.
5. Дайте определение патопсихологического симптомокомплекса.
6. Раскройте содержание патопсихологических симптомокомплексов при шизофрении, расстройстве личности, органическом психическом расстройстве.
7. В чем заключается информативность патопсихологических симптомов?
8. Из каких компонентов состоит определение патопсихологом степени выраженности (глубины) нарушений психической деятельности?
9. Каковы основные формы симуляции и диссимуляции?
10. Какова структура заключения по результатам ЭПИ?

РАЗДЕЛ II
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Глава 4
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- правовые и организационные основы СПЭ в уголовном и гражданском процессах;
- права и обязанности судебного эксперта-психолога;

уметь

- ориентироваться в этапах производства судебных экспертиз с участием психолога;

владеть

- навыками применения правовых знаний, необходимых при производстве СПЭ и входящих в специальные знания эксперта-психолога;
- основными классификациями судебных экспертиз с участием психолога.

4.1. Организация судебных экспертиз с участием психолога в Российской Федерации

Правовую основу производства СПЭ и КСППЭ, равно как и других видов судебной экспертизы, составляют Конституция РФ, ГПК РФ, УПК РФ, Закон о ГСЭД, законодательство РФ о здравоохранении, другие федеральные законы, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы. Судебными являются экспертизы, которые проводятся по назначению суда при производстве по уголовному или гражданскому делу[1].

[1] Теоретически СПЭ и КСППЭ могут назначаться и в административном процессе, но на практике это происходит крайне редко.

В уголовном процессе такие экспертизы могут назначаться также на стадии предварительного расследования дознавателем, следователем, а также руководителем следственного органа. В гражданском процессе судебные экспертизы назначает только суд.

Большинство СПЭ проводится в государственных СЭУ Минюста России. Психологи СЭУ занимают должности экспертов, старших экспертов, ведущих экспертов, главных экспертов в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России и в региональных СЭУ. Они обязаны пройти аттестацию на право самостоятельного производства судебной экспертизы. Такое право присваивается работникам СЭУ, имеющим высшее профессиональное образование, прошедшим подготовку по конкретной экспертной специальности в соответствии с приказом Минюста России от 15.06.2004 № 112 «Об утверждении Положения об организации профессиональной подготовки и повышения квалификации государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации». Право самостоятельного производства судебной экспертизы в СЭУ Минюста России присваивается сроком на 5 лет. Через каждые 5 лет экспертно-квалификационной комиссией рассматривается вопрос о его продлении.

Производство КСПЭ практически всегда осуществляется в государственных СПЭУ Минздрава России. Судебно-психиатрическое экспертное учреждение может состоять из одного или нескольких отделений. Существует три типа таких отделений: 1) амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, 2) стационарной судебно-психиатрической экспертизы для лиц, не содержащихся под стражей, 3) стационарной судебно-психиатрической экспертизы для лиц, содержащихся под стражей.

В этих отделениях предусмотрены ставки медицинских психологов. Согласно приказу Минздрава России от 19.05.2000 № 165 «О медицинском психологе в судебно-психиатрической экспертизе» предусмотрена одна должность медицинского психолога на 250 судебных психиатрических и комплексных с ней экспертиз, проводимых в амбулаторном отделении за один год (для экспертиз несовершеннолетних — на 200 проводимых комиссией экспертиз в год), а в стационаре — одна должность медицинского психолога предусмотрена на 15 коек.

4.2. Права и обязанности судебного эксперта

При назначении на должность руководитель экспертного учреждения разъясняет работнику права и обязанности судебного эксперта, ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ) и за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), о чем у эксперта берется подписка, которая приобщается к его личному делу. При производстве экспертизы вне экспертного учреждения эксперту разъясняются права и обязанности при вручении постановления следователя (или объявлении определения суда) о назначении СПЭ, а также он предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, и об этих действиях следователь делает пометку в самом постановлении, которая удостоверяется подписью эксперта. В суде эксперт расписывается в протоколе судебного заседания или на специальном бланке.

Данные права и обязанности определяются процессуальным законодательством и ст. 16 и 17 Закона о ГСЭД.

Эксперт-психолог обязан:

1) принять к производству порученную ему экспертизу, провести полное исследование предоставленных ему объектов и материалов, включая необходимое обследование (ЭПИ) подэкспертного (при очной экспертизе), и дать обоснованное заключение по всем вопросам, входящим в его компетенцию, поставленным на разрешение экспертизы;

2) отказаться от дачи экспертного заключения, если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний или предоставленные материалы недостаточны или непригодны для дачи заключения. В этих случаях эксперт составляет письменное сообщение о невозможности дать заключение. В нем кратко описываются проведенные исследования и излагаются основания, по которым невозможно дать заключение;

3) являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора, суда (судьи) в предусмотренных процессуальным законом случаях в связи с назначаемой, назначенной или уже проведенной экспертизой (для производства судебной экспертизы за пределами экспертного учреждения или для допроса в качестве эксперта);

4) заявить руководителю экспертного учреждения самоотвод при наличии данных, указанных в законе в качестве оснований для отвода судебного эксперта. В ст. 70 УПК РФ и ст. 18

ГПК РФ перечислены следующие основания для отвода эксперта. Эксперт-психолог подлежит отводу, если:

— он является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному или гражданскому делу;

— он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному или гражданскому делу;

— он находился либо находится в служебной или иной зависимости от кого-либо из лиц, участвующих в деле, их представителей;

— обнаружится его некомпетентность;

— имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного или гражданского дела.

Участие эксперта в предыдущем рассмотрении данного дела в качестве эксперта или специалиста не является основанием для его отвода (кроме случаев назначения повторных экспертиз);

5) обеспечить сохранность представленных объектов исследования и материалов дела;

6) не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, сведения, составляющие государственную, врачебную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;

7) не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если эксперт был об этом заранее предупрежден дознавателем, следователем или прокурором в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

Эксперт-психолог не вправе:

1) самостоятельно собирать объекты и материалы для экспертного исследования;

2) без ведома органа или лица, назначивших экспертизу, вести переговоры с участниками процесса по вопросам, связанным с судебной экспертизой; вступать в личные контакты с участниками процесса и иными лицами, если это ставит под сомнение незаинтересованность эксперта в исходе дела;

3) сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;

4) принимать поручение о производстве экспертизы в экспертном учреждении непосредственно от каких-либо

органов или лиц (включая дознавателя, следователя, прокурора, судей), кроме руководителя экспертного учреждения, в котором работаст эксперт.

Эксперт-психолог вправе:

1) знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету порученной ему экспертизы;

2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения;

3) ходатайствовать перед руководителем экспертного учреждения о необходимости привлечения к производству экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;

4) участвовать с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда (судьи) в следственных или судебных действиях и задавать участникам этих действий вопросы, относящиеся к предмету экспертизы. Обычно это право реализуется при проведении экспертизы в суде;

5) давать в пределах своей компетенции заключение по вопросам хотя и не поставленным в постановлении или определении о назначении экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования (право так называемой экспертной инициативы);

6) делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или его показаний;

7) приносить жалобы на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, суда (судьи), нарушающие права эксперта;

8) получать возмещение расходов, связанных с явкой к дознавателю, следователю, прокурору или в суд (расходы по проезду, найму жилого помещения, суточные), а в случаях, когда экспертиза производилась на платной основе, — получать вознаграждение за проведенную экспертизу.

Права и обязанности эксперта распространяются на любое лицо, производящее порученную ему экспертизу. При производстве СПЭ все эксперты обладают равными правами и несут равные обязанности, предусмотренные законодательством в отношении судебного эксперта. Распределение функций между отдельными членами экспертной комиссии не должно нарушать равноправия экспертов и требования закона о личной ответственности каждого из них за проведение им исследования и данное заключение.

4.3. Порядок назначения экспертизы

Юридическими основаниями производства судебной экспертизы в экспертном учреждении являются только постановление или определение о ее назначении, вынесенные дознавателем, следователем, прокурором, судом или судьей. Экспертиза считается назначенной со дня вынесения постановления или определения. При этом постановление (определение) о назначении экспертизы должно быть составлено в соответствии с требованиями, предъявляемыми к этому документу процессуальным законодательством.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством независимо от их собственного согласия либо согласия других лиц подвергаются экспертизе только подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и лицо, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, а также потерпевший, направленный на экспертизу в соответствии с п. 4 ст. 196 УПК РФ. Иные же лица могут быть направлены в экспертное учреждение для прохождения экспертизы только с их добровольного согласия или, в отдельных случаях, с согласия их законного представителя.

Если формулировка содержащегося в постановлении (определении) вопроса (вопросов) экспертам непонятна или недостаточно ясна, они заявляют ходатайство перед органом (лицом), назначившим экспертизу, с просьбой дать необходимые разъяснения. В случае неудовлетворения ходатайства эксперты могут не отвечать на такой вопрос (или на такие вопросы), но обязаны указать в своем заключении, почему они сочли вопрос непонятным или недостаточно ясным.

Орган или лицо, назначившие экспертизу, предоставляют экспертам все объекты исследований и материалы дела, необходимые для проведения исследований и дачи заключения. Обычно к материалам, которые исследуются при производстве экспертизы, относятся материалы уголовного или гражданского дела с приобщенными к ним документами и объектами — медицинской документацией, характеристиками, аудио- или видеозаписями проведенных в процессе следственных или судебных действий и пр. Если эксперты обнаружат неполноту материалов, предоставленных на исследование, они должны заявить ходатайство о предоставлении им дополнительных материалов перед органом (лицом), назначившим экспертизу. Также нужно отметить, что мате-

риалы дела находятся в распоряжении экспертов в течение всего срока производства экспертизы.

Все ходатайства перед органом (лицом), назначившим экспертизу, заявляются экспертами через руководителя экспертного учреждения. Ходатайство составляется в двух экземплярах, каждый из которых подписывается руководителем экспертного учреждения. Первый экземпляр направляется адресату, второй — остается в архиве СЭУ.

В реальной практике производства СПЭ мы часто встречаемся с ошибками при ее назначении, при этом ошибки в основном касаются правильной формулировки вопросов, обращенных к судебному эксперту-психологу. Рассмотрим ***типичные ошибки при формулировке вопросов*** эксперту-психологу.

1. Недостаточно полно с психологической точки зрения формулируется вопрос об ИПО обвиняемого. Часто вместо обобщенного термина «индивидуально-психологические особенности» следователи используют более узкие понятия, отражающие лишь отдельные стороны личности человека, например такие, как «черты личности», «особенности темперамента», «особенности характера», «тип высшей нервной деятельности» и т.п. При экспертном исследовании ИПО обвиняемого предмет и объем психодиагностической деятельности психолог определяет исходя из фабулы каждого конкретного уголовного дела и представления о возможных механизмах и мотивации правонарушения. Очевидно, что на стадии назначения СПЭ орган или лицо, назначающее экспертизу, не обладая специальными знаниями в области психологии, не в состоянии указывать психологу предмет и объем предстоящего исследования личности.

2. Нередко ошибочно формулируется вопрос «Какие ИПО обвиняемого способствовали совершению преступления?». Ответ на данный вопрос *не входит* в компетенцию эксперта-психолога, поскольку он касается обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. Установление названных обстоятельств является обязанностью следователя и дознавателя. Заключение же психолога о наличии у подэкспертного определенных ИПО может служить только необходимой предпосылкой для такого установления.

3. Неверным является и вопрос «Каковы мотивы инкриминируемого обвиняемому деяния?». Ответ на данный вопрос также *не входит* в компетенцию судебного эксперта-психолога, поскольку понятие «мотив» в уголовном праве

наполнено несколько иным содержанием, нежели в научной психологии. Мотив в юридическом (а не психологическом) смысле этого слова является компонентом состава целого ряда преступлений — очевидно, что в таком случае квалификация мотивов преступления находится всецело в компетенции следствия и суда. Кроме того, перечень юридически устанавливаемых криминальных мотивов («из хулиганских побуждений», «корыстные» и т.п.) отражает их оценочную, а не психологическую сторону. Следовательно, экспертное установление мотивов преступления ничего не говорит о психологических предпосылках вины и ответственности в том смысле, который принято вкладывать в названные понятия в уголовном праве.

4. В связи с тем что в современном УК РФ (по сравнению с предыдущим) существенно модифицирована квалификация преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, теряет свое значение вопрос следователя или суда «о наличии у обвиняемого в момент совершения правонарушения состояния аффекта или иного эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на его сознание и поведение». Формулировка данного вопроса была связана с двояким использованием понятия «сильное душевное волнение» в ранее действовавшем УК РСФСР 1960 г., которое выступало и как смягчающее ответственность обстоятельство (п. 5 ст. 38 УК РСФСР), и (при наличии «внезапности» его наступления) как квалифицирующий признак составов преступления по ст. 104 и 110 УК РСФСР. В действующем УК РФ «внезапно возникшее сильное душевное волнение (аффект)» используется только как квалифицирующий признак.

5. Основной ошибкой при назначении экспертизы несовершеннолетнего обвиняемого является формулировка вопросов: «Соответствует ли уровень психического развития несовершеннолетнего обвиняемого его паспортному (календарному) возрасту?», «Если психическое развитие несовершеннолетнего не соответствует его календарному возрасту, то какому возрасту оно соответствует?» Необоснованность и неправомерность постановки перед экспертами подобных вопросов обусловлена тем обстоятельством, что в научной психологии психологический возраст рассматривается как качественно определенный возрастной период психического развития, что неравноценно календарному паспортному возрасту и гораздо шире его границ. Кроме того, существует

межиндивидуальная вариативность показателей психиче ского развития, а также вариативность, связанная с культур ными и региональными различиями. К тому же при нали чии у подростка какой-либо психической патологии или особой социальной ситуации развития применение обыч ных возрастных нормативов (разрабатываемых, как правило на психически здоровых людях) практически невозможно поскольку в этом случае отличия от этих нормативов буду не столько количественные, сколько качественные. Основ ным же аргументом может служить то обстоятельство, что юридическое значение имеет не констатация соответствия уровня психического развития тому или иному календар ному возрасту, а дифференцированное решение вопроса о мере способности несовершеннолетнего обвиняемого осоз навать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими. Как показано выше варианты экспертного решения этого вопроса в зависимо сти от наличия или отсутствия психического расстройства а также отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, влекут принципиально раз личные правовые последствия.

6. Часто встречается следующий ошибочный вопрос при назначении КСППЭ лиц, покончивших с собой: «Мо ли потерпевший в момент совершения самоубийства осозна вать фактический характер и общественную опасность свои действий либо руководить ими?» Этот вопрос представляет собой механический перенос формулы невменяемости в экс пертизу по факту самоубийства. Данная формула юридиче ски значима только в отношении обвиняемых, и ответ на не в отношении другой процессуальной фигуры — лица, покон чившего жизнь самоубийством, никаким образом не раскры вает вопроса о причинной связи его психического состояния с действиями обвиняемых. Насилие, жестокое обращение или систематическое унижение личного достоинства могут обусловить развитие психогенного психического заболева ния, которое, достигая психотического уровня, будет пре пятствовать суициденту осознавать значение своих действий и контролировать их, в то же время непонимание своих суицидальных действий может зависеть и от хронического душевного заболевания, абсолютно не связанного с какими либо действиями обвиняемых. Кроме того, во многих слу чаях утвердительный ответ на этот вопрос может затушевы вать искомую причинную связь, давая возможность защит

обвиняемого отрицать и сам факт насилия, жестокого обращения или унижения, аргументируя это тем, что эти факты существовали только в воображении душевнобольного, не понимающего, что происходит вокруг. Формулировка данного вопроса корректна только в тех ситуациях, когда лицо, пытавшееся покончить жизнь самоубийством, является одновременно и обвиняемым в преступлении, связанном с его суицидальной попыткой. Например, военнослужащий совершает незавершенный суицид (остается в живых) и обвиняется в членовредительстве; женщина совершает расширенное самоубийство — при суицидальном акте лишает жизни и своего ребенка (или детей).

7. В гражданском процессе наиболее часто ошибки связаны с тем, что в качестве предмета исследования эксперту-психологу предлагают правовые понятия, определение которых является исключительной прерогативой суда: «порок воли при совершении сделки», «психологическая целесообразность определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей», «размер компенсации морального вреда» и т.п.

4.4. Виды судебных экспертиз с участием психолога

Существует несколько классификаций видов экспертиз по разным основаниям.

Основная и дополнительная экспертизы. Экспертиза, назначенная для решения поставленных перед экспертом задач, называется основной. По отношению к ней может быть назначена дополнительная экспертиза. Она назначается в связи с недостаточной ясностью или неполнотой заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств. Суд может поручить проведение дополнительной экспертизы тому же или другому эксперту.

Первичная и повторная экспертизы. Экспертиза, проводимая впервые по делу в отношении конкретного лица, именуется первичной. Повторная (их может быть несколько) экспертиза назначается в связи с возникшими сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения, наличием противоречий в заключениях нескольких экспертов. Проведение повторной экспертизы поручается другому эксперту или другим экспертам.

Очная и заочная экспертизы. По возможности непосредственного освидетельствования подэкспертного лица можно выделить экспертизы очную и заочную. При очной экспертизе эксперт-психолог имеет возможность обследовать подэкспертное лицо, непосредственно взаимодействуя с ним, применяя методы беседы, наблюдения и ЭПИ. Заочные экспертизы проводятся только по предоставленному эксперту уголовному или гражданскому делу и приобщенным к нему материалам. Особой разновидностью заочной экспертизы является экспертиза *посмертная*. Наиболее часто в СПЭ проводятся посмертные экспертизы по делам о самоубийстве в уголовном процессе, посмертные экспертизы по способности понимать значение своих действий и руководить ими при составлении завещания — в гражданском.

Единоличная и комиссионная экспертизы. По количеству лиц одной специальности, обладающих специальными знаниями, которые участвуют при производстве судебной экспертизы, различают экспертизы единоличную и комиссионную. При проведении комиссионной экспертизы каждый эксперт проводит исследования в полном объеме и члены комиссии совместно анализируют полученные результаты. Придя к общему мнению, эксперты составляют и подписывают совместное заключение (или сообщение о невозможности дать заключение). Важно отметить, что в случае возникновения разногласий между экспертами каждый из них или эксперт, который не согласен с другими, дает *отдельное заключение*.

Судебно-психологическая экспертиза может проводиться как единолично, так и комиссией экспертов. Ясно, что КСПЭ всегда проводится в форме комиссионной экспертизы. В ст. 23 Закона о ГСЭД комплексная судебная экспертиза обозначена как «комиссия экспертов разных специальностей»[1].

По месту и условиям проведения СПЭ подразделяются на амбулаторные и проводимые в зале судебного заседания. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, кроме того, может проводиться в стационарных условиях, когда возможно длительное обследование подэкспертного лица в условиях психиатрического стационара. Отметим, что однородная СПЭ практически не проводится в стацио-

---

[1] Подробнее процессуальные и содержательные проблемы КСПЭ рассмотрены в разд. V настоящего учебника.

парных условиях. Между тем именно при стационарной экспертизе, длящейся 30 дней, имеются возможности для полного, глубокого и всестороннего психолого-психиатрического обследования подэкспертных лиц — в этом несомненное организационное преимущество КСППЭ перед СПЭ.

По процессуальному положению подэкспертных лиц в уголовном процессе можно выделить экспертизу обвиняемых (подозреваемых, подсудимых), свидетелей и потерпевших. Подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо которое задержано по подозрению в совершении преступления, либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения. Обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Свидетелем является любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Потерпевшим является человек, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, после того как решение о признании потерпевшим оформлено постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда.

В гражданском процессе экспертиза проводится в отношении истцов, ответчиков и лиц (детей), в чьих интересах ведется гражданское судопроизводство. Истец — это лицо, обращающееся к суду с просьбой о защите своего права или охраняемого законом интереса. Лицо, на которое истец указывает как на нарушителя своего права и которое вследствие этого привлекается (извещается) судом к ответу, называется ответчиком.

Наиболее важная классификация касается ***предметных видов СПЭ***.

При проведении экспертизы в уголовном процессе решаются вопросы, входящие в компетенцию судебного эксперта-психолога или в совместную компетенцию судебного эксперта-психиатра и судебного эксперта-психолога:

а) определение ИПО обвиняемого и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний;

б) определение аффекта у обвиняемого в момент совершения инкриминируемых ему деяний;

в) определение способности несовершеннолетнего обвиняемого во время совершения инкриминируемых ему деяний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством;

г) определение способности свидетеля или потерпевшего с учетом его психического состояния, ИПО и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания;

д) определение способности потерпевшего (чаще всего — жертв половых преступлений) с учетом его психического состояния, ИПО и уровня психического развития понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление виновному;

е) определение психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством;

ж) определение психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка.

В гражданском процессе выделяют следующие предметные виды экспертиз:

з) определение способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими, а также состояния заблуждения, при совершении сделки;

и) определение возможного негативного влияния психического состояния и ИПО родителя на психическое развитие ребенка при судебных спорах между родителями о месте жительства ребенка или о порядке встреч отдельно проживающего родителя с ребенком;

к) определение изменений психического состояния потерпевших по делам о компенсации морального вреда.

Часть из перечисленных видов экспертизы решается преимущественно в форме КСППЭ.

Этот перечень не является исчерпывающим — в принципе, СПЭ и КСППЭ могут назначаться и по поводу иных обстоятельств, установление которых требует специальных знаний в психологии и психиатрии, если указанные обстоятельства имеют значение для уголовного или гражданского дела и их установление входит в компетенцию судебного эксперта-психолога.

4.5. Этапы производства экспертизы

Этапы проведения СПЭ и КСППЭ описаны в трудах М. М. Кочепова, И. А. Кудрявцева. В целом они выделяют три стадии экспертного исследования: подготовительный, исследовательский и заключительный (формулировка экспертных выводов). Л. А. Ткаченко при рассмотрении этапов судебно-психиатрической экспертизы считает значимыми следующие стадии: подготовительную, аналитическую, сравнительную и синтезирующую[1]. Эту схему в целом с учетом специфики психологического исследования можно использовать в СПЭ и КСППЭ.

На *подготовительной* стадии происходит уяснение фабулы дела, понимание повода назначения экспертизы и уяснение экспертного задания, т.е. сути вопросов, поставленных на разрешение экспертизы, их оценка с точки зрения пределов компетенции экспертов. На этом же этапе определяется общий план экспертного исследования, а при производстве комиссионной экспертизы назначается эксперт-организатор (при проведении КСППЭ – эксперт-докладчик), который обеспечивает надлежащую организацию и координацию деятельности комиссии экспертов в целях решения поставленных задач.

Аналитическая стадия заключается в полном исследовании предоставленных материалов и документов. Согласно ст. 4 Закона о ГСЭД судебная экспертиза основывается на принципах независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки. Эксперты-психологи используют метод психологического анализа уголовного или гражданского дела и приобщенных к нему материалов в сочетании с экспериментально-психологическим обследованием подэкспертного лица[2].

На *сравнительной* стадии происходит сопоставление всех сведений, которые имеют значение для экспертного заключения, полученных из различных источников информации, содержащихся в деле, — анализа показаний подэкспертных лиц, свидетельских показаний, характеристик, осмотра места происшествия, медицинской документации, видеоматериа-

---

[1] Руководство по судебной психиатрии / под ред. А. А. Ткаченко. М. : Юрайт, 2013. С. 75–109.

[2] Подробнее о методах СПЭ см. в гл. 6 настоящего учебника.

лов, аудиозаписей, продуктов творчества (писем, дневников, рисунков и т.п.), данных других судебных экспертиз и т.п. Эти сведения верифицируются данными непосредственного психологического обследования подэкспертного — беседы, наблюдения, ЭПИ. При проведении комиссионной СПЭ на этом же этапе сравнительному анализу подвергаются промежуточные данные исследований всех экспертов — членов комиссии. При производстве КСППЭ, кроме того, эксперты разных специальностей (психологи и психиатры) сопоставляют результаты исследования для согласования интегративных выводов, для устранения возможных несоответствий и противоречий.

Синтезирующая стадия заключается в профессиональной оценке результатов исследования, формулировке оснований для выводов (заключения) эксперта в соответствии с экспертным заданием. Именно на этом этапе все результаты, полученные на аналитической и сравнительной стадиях, рассматриваются под углом зрения их соответствия или несоответствия системе экспертных психологических оценок, выработанных для каждого предметного вида СПЭ. У эксперта вырабатывается внутреннее убеждение, основанное на тщательной и обоснованной системе логической аргументации заключения. При этом необходимо излагать экспертные выводы четким и ясным языком, не допускающим различных толкований, который должен быть понятным и лицам (следователям, судьям и др.), не обладающим специальными знаниями в психологии.

4.6. Форма и структура экспертного заключения

В целом согласно процессуальному законодательству и ст. 25 Закона о ГСЭД в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

1) время и место производства экспертизы;

2) основания производства экспертизы;

3) сведения об органе или лице, назначившем экспертизу;

4) сведения об экспертном учреждении и об экспертах (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым было поручено производство экспертизы;

5) вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;

6) объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту или экспертам для производства экспертизы;

7) сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве экспертизы;

8) содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;

9) оценка результатов исследований, обоснование и формулирование выводов по поставленным вопросам;

10) сведения о предупреждении эксперта (экспертов) об ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения (п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ).

Пункты 1–7 и 10 составляют *вводную* часть экспертного заключения. Кроме того, выделяют *исследовательскую* и *заключительную* части.

Исследовательская часть заключения эксперта или комиссии экспертов содержит результаты проведенных исследований (аналитический блок исследовательской части) и их оценку (синтезирующий блок). В СПЭ эта часть обычно складывается из анализа психологического (при необходимости — патопсихологического) анамнеза подэкспертного лица, данных беседы, наблюдения, ЭПИ, а также психологического анализа уголовного или гражданского дела и приобщенных к нему материалов[1]. Затем дается общая оценка всех полученных данных.

В заключительной части приводится обоснование и собственно формулирование выводов (ответов на вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов). При этом существуют два варианта оформления. При первом вначале приводится психологический анализ всех проведенных исследований, на основании которого формулируются выводы. Например, при СПЭ аффекта у обвиняемого обоснование начинается со слов «Психологический анализ материалов уголовного дела, данных настоящего психологического обследования подэкспертного показывает, что...», а завершается обоснование выделением подраздела «вывод (выводы)»: «Подэкспертный в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился (не находился) в состоянии аффекта». При втором варианте вначале приводится вывод, который сопровождается подробным обоснованием: «Подэкспертный в момент совершения инкриминируемого

---

[1] См. гл. 6 настоящего учебника.

ему деяния находился (не находился) в состоянии аффекта. Об этом свидетельствует психологический анализ материалов уголовного дела, данных настоящего психологического обследования подэкспертного...»

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и являются его составной частью. Документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хранятся в государственном СЭУ. По требованию органа или лица, назначивших судебную экспертизу, указанные документы предоставляются для приобщения к делу.

4.7. Оценка экспертного заключения органом или лицом, назначившим экспертизу

Заключение эксперта (экспертов) составляется не менее чем в трех экземплярах, первый из которых направляется органу (лицу), назначившему экспертизу, а два других остаются в экспертном учреждении. Экспертное заключение должно быть составлено не позже 10 дней после окончания экспертных исследований и формулирования экспертных выводов.

В соответствии с процессуальным законодательством и ст. 22 Закона о ГСЭД при производстве комиссионной экспертизы в случае разногласий между экспертами каждый из них или эксперт, который не согласен с другими, даст отдельное заключение. При этом руководитель экспертного учреждения направляет все заключения экспертизы органу или лицу, назначившему данную экспертизу.

Орган (лицо), назначивший экспертизу, производит оценку заключения СПЭ или КСППЭ.

На стадии предварительного следствия заключение эксперта (комиссии экспертов) предъявляется следователем подозреваемому, обвиняемому и его защитнику. Им разъясняется право ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы (ч. 1 ст. 206 УПК РФ). Если экспертиза проводилась по ходатайству потерпевшего либо в отношении потерпевшего и (или) свидетеля, им также предъявляется экспертное заключение (ч. 2 ст. 206 УПК РФ). Они тоже имеют право ходатайствовать о вызове эксперта на допрос, о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

При назначении СПЭ или КСППЭ судом, если заключение признано полным, ясным и обоснованным, то оно может служить *доказательством по делу*.

Если суд придет к выводу, что экспертное заключение является недостаточно полным и ясным, хотя правильность экспертных выводов не ставится под сомнение, то он может вызвать эксперта на *допрос*. На допросе судебный эксперт разъясняет свое заключение (или отдельные выводы), не проводя исследования (ст. 205 и 282 УПК РФ, ч. 1 ст. 187 ГПК РФ).

Необходимо отметить, что на допрос в качестве эксперта могут быть вызваны лишь те эксперты, которые проводили данную экспертизу. Допрос в качестве эксперта лица, не проводившего данную экспертизу, не допускается. При этом количество экспертов и кто именно вызывается на допрос — определяет орган (лицо), ведущий производство по делу. Если же для допроса вызывается кто-либо из членов экспертной комиссии без указания конкретного эксперта, то решение о том, кто из экспертов, произведших данную экспертизу, обязан явиться по такому вызову, принимает руководитель экспертного учреждения.

Очень важно помнить, что эксперт не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством экспертизы, если они не относятся к предмету этой экспертизы. Это оговорено в ч. 2 ст. 205 УПК РФ и в ч. 3 ст. 31 Закона о ГСЭД. Кроме того, нужно знать, что согласно ч. 1 ст. 205 УПК РФ допрос эксперта до составления им экспертного заключения не допускается.

Дополнительная экспертиза, как отмечалось выше, назначается в случае неполноты или недостаточной ясности заключения предыдущей (основной) экспертизы, а также при возникновении новых вопросов относительно ранее исследованных обстоятельств дела. Производство дополнительной экспертизы может быть поручено как эксперту или экспертам, проводившим основную экспертизу, так и другому эксперту (другим экспертам).

Повторная экспертиза может назначаться по мотивам необоснованности или сомнений в правильности предыдущего экспертного заключения (экспертных заключений), а также при наличии противоречий в экспертных выводах. Повторная экспертиза назначается по тем же вопросам, что и предыдущая (предыдущие), и может быть поручена только другому эксперту (другим экспертам). При производстве повторной экспертизы эксперты обязаны провести все необходимые для дачи заключения исследования и не должны ограничиваться ссылкой на прежние экспертные исследования и выводы с указанием на свое согласие с ними.

Ключевые понятия (тезаурус)

- Свидетель
  - Способность давать показания
- Потерпевший
  - Способность понимать характер и значение действий насильника или оказывать сопротивление
  - Психическое состояние в период, предшествовавший самоубийству
- Истец
  - Способность понимать значение своих действий или руководить ими
  - Состояние заблуждения
  - Изменения психического состояния вследствие причинения вреда
- Ответчик
- Ребенок, в чьих интересах ведется судопроизводство
  - Негативное влияние на психическое развитие ребенка

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Охарактеризуйте организацию СПЭ и КСППЭ в России.
2. Перечислите права судебного эксперта-психолога.
3. Назовите обязанности судебного эксперта-психолога.
4. В чем заключается порядок назначения СПЭ и КСППЭ?
5. Какие встречаются типичные ошибки при формулировке вопросов эксперту-психологу?
6. Перечислите основные классификации судебных экспертиз с участием психолога.
7. Назовите основные предметные виды СПЭ.
8. Раскройте основные этапы производства СПЭ.
9. Раскройте структуру заключения СПЭ.
10. Каковы возможные правовые последствия оценки заключения СПЭ органом или лицом, назначившим экспертизу?

Глава 5
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• определения понятий «специальные знания судебного эксперта-психолога», «объект исследования» и «предмет исследования»;

• теорию экспертных понятий;

уметь

• определять границы компетенции судебного эксперта-психолога;

владеть

• основными принципами судебно-психологической экспертологии.

5.1. Принципы судебно-психологической экспертологии

Общая теория судебной экспертологии, по мнению А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, является формой научного знания о закономерностях и методологии формирования научных основ судебных экспертиз[1]. Это метанаучная область по отношению к предметным судебным наукам. Она объясняет, как материнские (базовые) науки трансформируются в систему специальных знаний в предметной судебной науке и как эти знания реализуются в практической деятельности при производстве судебных экспертиз. Накопленный теоретический и практический опыт СПЭ на современном этапе развития требует построения и предметной

---

[1] *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология. Волгоград, 1979.

судебной метанауки — судебно-психологической экспертологии. Она, выступая как частная теория судебной экспертологии, должна раскрывать механизм трансформации общепсихологических теоретических знаний и методологических принципов в специальные знания судебного эксперта-психолога, используемые в различных организационно-правовых формах для судебно-психологической оценки психической деятельности подэкспертных лиц (в том числе и с психическими расстройствами).

Наряду с применением принципа *сравнительного экспертоведения*, предусматривающего выявление опосредованной зависимости психологических знаний, используемых в судебной экспертизе, от уровня развития общей, медицинской психологии и от юридического значения различных предметных видов экспертизы, комплексный характер экспертного исследования при КСППЭ требует использования и другого принципа — *диалектического единства интеграции и дифференциации судебной психологии и судебной психиатрии как предметных экспертных наук.*

Основными составляющими экспертологического анализа являются понятия объекта и предмета практической деятельности судебного эксперта-психолога, на основе которых становится возможным сформулировать содержательное определение специальных познаний, очертить их объем, раскрыть психологическую структуру представленности этих знаний в сознании эксперта, понять механизм конкретного их применения в экспертном исследовании. Это, в свою очередь, позволит понять трансформацию основных общепсихологических понятий в понятия судебно-психологические, «экспертные», которые, не теряя своей психологической основы, адаптированы к правоприменению, соотносятся с теорией уголовного права, в частности с уголовно-правовым значением этих психологических категорий.

Рассмотрение указанных вопросов предусматривает экспертологический анализ объекта, предмета, специальных познаний, основных экспертных понятий и в плане сопоставления этих судебно-психологических категорий с общепсихологическими и с судебно-психиатрическими. Это важно для понимания возможностей комплексирования названных судебных наук в конкретных экспертных исследованиях, осмысления пределов интеграции различных специальных знаний и границ их компетенции.

5.2. Объект судебно-психологической экспертизы

Под объектом знания в философии понимается элемент реальной действительности, противостоящий субъекту в его познавательной деятельности и существующий независимо от его сознания. Наиболее распространенным является определение объекта СПЭ, данное М. М. Коченовым в одной из работ, согласно которому им является психическая деятельность психически здорового человека. И. А. Кудрявцев также отмечает, что СПЭ изучает «полную норму», а при КСППЭ психолог должен, по его мнению, исследовать лиц с пограничной психической патологией (в том числе и с крайними индивидуальными вариантами психического здоровья), не исключающей вменяемости.

Обе точки зрения отражают существующую сегодня практику назначения судебных экспертиз, решающих психологические вопросы. Действительно, на СПЭ направляются подэкспертные, чье психическое здоровье либо не вызывает сомнений у правоохранительных органов, либо подтверждено уже проведенной судебно-психиатрической экспертизой. Комплексная экспертиза назначается в основном тогда, когда требуется одновременное решение судебно-психиатрических и судебно-психологических вопросов и, соответственно, судебный психолог решает психологические вопросы только в случае решения вопроса психиатрами об отсутствии нарушений юридически значимых способностей (например, способности обвиняемого осознавать свои действия и руководить ими во время совершения инкриминируемых деяний, — а ими нередко оказываются лица с пограничной психической патологией). Но в то же время в поле зрения СПЭ, как показывает та же практика, очень часто попадают лица с пограничной патологией психики и очень часты случаи проведения КСППЭ в отношении и психически здоровых (так называемой полной нормы), и психически больных лиц.

Точны ли данные определения с теоретической точки зрения? Могут ли быть у психолога разные объекты экспертного исследования в зависимости от того, в рамках какой экспертизы — судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической — он обследует подэкспертное лицо?

Определение объектов судебных экспертиз, имеющих дело со сферой психического в человеке, по критерию нали-

чия или отсутствия психического заболевания (или патологии психики) предполагает и различение объектов базовых научных дисциплин (психологии и психиатрии) по тому же принципу. Но психиатрия отличается от психологии не тем, что она изучает психические болезни, а психология — так называемую нормальную психику. Психология может иметь одним из своих объектов первно-психическую патологию психической деятельности.

Важнейшей особенностью деятельности судебного эксперта-психолога является применение такой теоретической области психологии, как клиническая психология с ее развитым концептуальным аппаратом анализа патологии познавательной деятельности и личности, со сложившимся психодиагностическим инструментарием, чьим объектом изучения как раз и является патология психической сферы человека. И судебный психолог, деятельность которого протекает в рамках судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, сталкивается с подэкспертным, о психическом здоровье которого априори судить невозможно. Следовательно, объектом исследования эксперта-психолога независимо от вида экспертизы, в которой он участвует, не может быть заведомо «нормальная» или «пограничная» психика. Эксперт-психолог имеет дело с особенностями психической деятельности человека, обусловленными как патологическими, так и непатологическими факторами. Следует отметить, что в последних работах М. М. Коченов придерживался аналогичной точки зрения и отмечал, что «главным объектом судебно-психологической экспертизы является психика человека».

Однако и такое определение объекта СПЭ является неполным, поскольку оно не выявляет его специфики, качественного отличия от объекта психологии как теоретической дисциплины. Если рассматривать деятельность судебно-психологического эксперта в рамках системы судебной экспертологии, то становится ясным, что создание специальной прикладной судебной предметной науки является результатом необходимости трансформации категорий базовой науки в качественно иные категории, в том числе и трансформации объекта науки. Как справедливо указывают Ю. Л. Метелица и С. Н. Шишков, объектом судебно-экспертного исследования являются особенности психики человека не вообще, а только в юридически значимых ситуациях, под которыми понимаются юридически значимые периоды времени или

ситуации, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность подэкспертного лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев (табл. 5.1)[1]. К примеру, при СПЭ обвиняемого такой значимой ситуацией будет ситуация совершения инкриминируемого ему деяния, при экспертизе свидетелей – предкриминальная, криминальная и посткриминальная ситуации, стадии предварительного расследования, судебного разбирательства. При СПЭ, назначаемым по делам о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей, юридически значимой ситуацией будет постсудебная.

Таблица 5.1

Юридически значимые ситуации в различных предметных видах СПЭ в уголовном процессе

Объект СПЭ	Юридически значимая ситуация				
	предкриминальная	криминальная	посткриминальная	следственная	судебная
Обвиняемый (аффект)	+	+	+	–	–
Несовершеннолетний обвиняемый	+	+	–	–	–
Свидетель	+	+	+	+	+
Потерпевший (изнасилование)	+	+	–	–	–
Потерпевший (суицидент)	+	+	–	–	–

Таким образом, можно определить ***объект исследования эксперта-психолога как психическую деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях***.

Особенностью такого определения является то, что оно практически не отличается от определения объекта судебно-психиатрической экспертизы, данного Ю. Л. Метелицей и С. Н. Шишковым. Действительно, при судебно-психологической, так же как и при судебно-психиатрической, экс-

---

[1] *Метелица Ю. Л., Шишков С. Н.* Объекты судебно-психиатрической экспертизы // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы. М., 1987. С. 143–153.

пертизе в качестве противостоящего субъекту знания элемента объективной реальности выступает вся психическая сфера испытуемого в рамках заданных эксперту ситуаций, и только на предметном уровне психолог и психиатр находят свой аспект гносеологического освоения объекта. В то же время данное определение позволяет психологу участвовать в КСПЭ не только лиц с пограничными состояниями психики, но и в работе с любыми подэкспертными — психически больными, здоровыми, с пограничными состояниями. Это имеет важное значение для перспектив судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз. Уже в настоящее время разрабатываются проблемы, в решении которых эксперт-психолог может участвовать наряду с психиатрами, несмотря на то что речь будет идти о психически больных с выраженной патологией — это проблемы ограниченной вменяемости, процессуальной дееспособности, сделкоспособности и др.

5.3. Предмет судебно-психологической экспертизы

Как уже отмечалось, при всей схожести объектов судебной психологической и психиатрической экспертиз предметы их отличаются друг от друга. Это несходство вытекает из различия предмета базовых научных дисциплин — психиатрии и психологии. Под предметом знания в общем виде понимаются зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объекта, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах. Психиатрия имеет дело с закономерностями проявлений нарушенных психических процессов, а психология — с закономерностями протекания или структуры (а патопсихология — с их нарушениями) самих психических процессов. Предметом судебной психиатрии, по определению С. Н. Шишкова, являются психические расстройства, имеющие юридическое значение в уголовном и гражданском процессах[1]. Юридически значимы такие расстройства, которые в достаточной мере дизрегулируют поведение субъекта права, лишая его способностей, обязательных для самостоятельного осуществления прав и обязанностей, несения ответственности и т.п. Такие

[1] *Шишков С. Н.* Предмет судебной психиатрии // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 31–38.

расстройства осваиваются правом в категориях невменяемости, недееспособности и некоторых других.

Соответственно, ***предметом исследования судебного эксперта-психолога выступают закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия.***

В этом определении подчеркнуто, что предметом экспертного исследования психолога являются особенности функционирования психической деятельности человека в юридически значимых ситуациях независимо от того, являются ли они патологическими или непатологическими (возрастными, личностными, эмоциональными), и четко указана конечная цель, ради достижения которой они исследуются. Суд интересует не собственно диагностика особенностей психики человека, и это хотелось бы особо выделить, его интересует наличие или отсутствие у этих особенностей таких свойств, которые определяют их юридическую значимость. Это отражено в праве в качестве юридических критериев той или иной способности подэкспертного лица или иных правовых категорий. В СПЭ обвиняемых, к примеру, основное значение имеют понятие способности к осознанно-волевому поведению, психологические факторы, влияющие на эту способность. Такое понимание предмета экспертного исследования обвиняемых позволяет психологу в рамках КСППЭ использовать дифференцированные экспертные оценки способности подэкспертного к осознанию и произвольной регуляции криминального поведения в отношении не только психически здоровых, но и в отношении лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (аффект на патологической почве, ограниченная вменяемость).

5.4. Проблема специальных знаний в психологии

Обобщенное определение специальных знаний в отечественном уголовном праве дано В. Н. Маховым: специальные знания в уголовном процессе — это знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях

содействия установлению истины по делу в случаях, формах и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством[1]. По мнению Т. В. Сахновой, специальные знания — это всегда научные знания неправового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками, используемые для достижения определенных юридических целей, они должны быть обособленными от других способов и средств осуществления процессуальной деятельности, в том числе связанных с судебным познанием[2].

Отталкиваясь от этих формулировок, проанализируем специальные знания в психологии, необходимые для проведения судебной экспертизы.

Во-первых, это должны быть знания относительно сущности предмета исследования судебного эксперта-психолога, и их особенностью является то, что они не выступают как чисто теоретические — достижения теории психологии и различные методические средства психодиагностики и психологического анализа объекта исследования должны быть научно обоснованными, внедренными в практику и составлять часть профессионального опыта. Такое ограничение связано с тем обстоятельством, что в современной научной психологии существует множество общепсихологических и более специализированных теорий и концепций (одно их перечисление заняло бы объем настоящей главы), эклектичное и некритичное применение которых не позволило бы использовать заключения эксперта-психолога в целях установления истины по делу. Так, по одному и тому же делу психоаналитическая трактовка глубинных бессознательных механизмов преступных действий и бихевиористская интерпретация поведения в рамках парадигмы «стимул-реакция» мало совместимы друг с другом и не согласуются с общими представлениями о человеке в отечественном уголовном праве.

Раскроем это положение на примере возможности применения теории психоанализа в судебной экспертизе[3].

---

[1] *Махов В. Н.* Сущность и понятие специальных знаний в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 56—66.

[2] *Сахнова Т. В.* Судебная экспертиза. М. : Городец, 1999.

[3] Подробнее см.: *Сафуанов Ф. С., Шишков С. Н.* Человек в зеркале психоанализа и уголовное право // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 1992. № 3. С. 92—97.

Если внимательно вникнуть в содержание действующего уголовного законодательства, особенно статей, посвященных вине, то нетрудно прийти к выводу, что отечественному уголовному праву человек (как субъект преступления) представляется существом сугубо рациональным. Он всегда, кроме случаев невменяемости и недостижения определенного возраста, осознает свои поступки, предвидит возможные последствия своего поведения, имеет возможность их не допустить, спланировав свои действия заранее и таким образом, чтобы избежать нарушения уголовно-правового запрета. Перечисленные психологические качества субъекта делают возможной саму постановку вопроса об ответственности, и когда человек ими не обладает (например, все тот же невменяемый), возложение уголовной ответственности недопустимо.

Такому взгляду наиболее адекватно отвечают «рационалистические» представления о человеке. Классический же психоанализ парадоксальным образом сочетает идеи о психологической структуре личности, которые примыкают к представлениям антропологической и социологической школ уголовного права.

С одной стороны, главными детерминантами человеческой активности в фрейдизме выступают имманентно присущие человеку эгоизм, агрессивность, стремление к разрушению, к смерти и другие бессознательные инстинктивные влечения, подчиняющиеся «принципу удовольствия» (обозначаемые структурным образованием «Id», или «Оно»), что сближает психоаналитическую концепцию личности с биологизаторскими теориями антропологической школы уголовного права о детерминированности преступления исключительно биологическими факторами. С другой стороны, психоанализ постулирует зависимость поведения от социальных факторов, ситуационных воздействий, которые ответственны за формирование такой инстанции личности, как SuperEgo (Сверх Я), включающей социальные запреты (в том числе и правовые), нравственные и моральные нормы, одобряемые обществом ценности и идеалы, т.е. выполняющей функции общественной цензуры. Следует отметить, что Сверх Я действует и в сфере бессознательного. Ответственность за правовое поведение в таком случае возлагается не на ущербную, изначально аморальную и управляемую только инфантильными инстинктами личность, а соответственно взглядам социологической школы уголовного права — на общество в целом,

на окружающую среду. Оба подхода снимают проблему личной и социальной ответственности человека, поскольку и в том, и в другом случае, по выражению В. Франкла, человек остается лишь движимым, он не становится принимающим решения, тем более нравственные. Таким образом, мы видим общую несовместимость «рационалистических» концепций человеческой природы с представлениями о человеке в психоанализе.

Подчеркнем, что научные положения и методы исследования, применяемые экспертом-психологом, должны быть апробированы именно в экспертной практике, поскольку научно обоснованные теории и методы, используемые в одной области прикладной психологии (к примеру, тот же психоанализ в психотерапии), не всегда могут быть адекватно применены в другой.

Во-вторых, специальные знания эксперта-психолога должны быть профессиональными психологическими, полученными в результате специальной подготовки (образования), и не пересекаться с юридическими знаниями: дело в том, что некоторые понятия, такие как «личность», «мотивы» и др., являются объектом рассмотрения и в рамках уголовного права. Например, некоторые юридически значимые мотивы согласно действующему уголовному законодательству введены в состав преступления как его элементы или выступают в качестве квалифицирующего обстоятельства. Поэтому важно дифференцировать психологический и юридический подходы к некоторым психологическим закономерностям душевной жизни человека — специальные психологические знания нельзя идентифицировать с профессиональными знаниями следователя и судьи, они неотделимы от базовой психологической науки.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение: ***специальные знания эксперта-психолога — это психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение; знания, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных и гражданских дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенным процессуальным законодательством.***

Данное определение специальных знаний эксперта-психолога не дает оснований разграничивать пределы его компетенции при участии в разных видах судебной экспертизы: судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической.

По объему специальные знания судебного эксперта-психолога включают профессиональные знания прежде всего в областях общей (в узком смысле), клинической, возрастной (особенно детской и подростковой), социальной психологии, психодиагностики, а также знания психологических аспектов виктимологии, суицидологии, сексологии, наркологии, криминологии. Кроме того, в них входят основы таких дисциплин, как судебная психиатрия, уголовное и уголовно-процессуальное право, гражданское, семейное и гражданское процессуальное право (в объеме, необходимом для ориентировки в экспертной деятельности), теория и методология судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы.

К структурной организации специальных знаний судебного эксперта-психолога мы еще вернемся при обсуждении методологических проблем СПЭ[1], а пока обратимся к содержательной их характеристике.

Как видно из определения, специальные знания судебного эксперта-психолога — это знания прежде всего психологические, центральным звеном которых в рамках СПЭ и КСППЭ являются знания в области общей и медицинской (клинической) психологии. Однако адаптация психологических знаний к процессу судопроизводства требует расширения общетеоретических дисциплин за счет как правовых наук, так и смежных областей знаний, используемых не только в комплексных, но и в однородных судебно-психологических экспертных исследованиях. Таким образом, выявляется *закономерность многопредметного и междисциплинарного формирования и развития судебно-экспертного применения специальных знаний в психологии* в рамках СПЭ и КСППЭ.

С позиций судебной экспертологии справедливо будет полагать, что и специальные знания в судебной психиатрии должны включать в себя не только медицинские науки, но и основы психологии — в первую очередь в силу необходимости решать не только диагностические вопросы (медицинский критерий), но и экспертные, связанные с анализом

---

[1] См. гл. 6 настоящего учебника.

механизмов и мотивации поведения (юридический критерий) подэкспертных лиц. В противном случае мы будем вынуждены признать, что знания в судебной психиатрии перестают отличаться от познаний в общей психиатрии и что КСППЭ тогда может проводить любой общий психиатр (если его деятельность будет ограничена только диагностикой психопатологии) во взаимодействии с судебным психологом, который и должен будет самостоятельно решать не только вопросы, традиционно входящие в круг его компетенции, но и вопросы вменяемости-невменяемости.

5.5. Теория экспертных понятий

Процесс применения специальных судебно-психологических знаний заключается в идентификации «экспертных понятий» на основании использования определенных методов — герменевтических и экспериментальных. Что же из себя представляют «экспертные» понятия?

Специальные знания судебного эксперта-психолога, как было сказано выше, не могут непосредственно переносить общепсихологические теоретические представления о различных психических явлениях в практику экспертизы. Необходимость трансформации данных общей психологии в СПЭ и КСППЭ, вытекающая из метода сравнительного экспертоведения, особенно актуальна при анализе «экспертных» судебно-психологических понятий в разных предметных видах экспертизы в уголовном и гражданском процессах.

Предложение выделить «экспертные понятия» в рамках теории КСППЭ впервые прозвучало в работе А. Н. Лавриновича и А. С. Голева[1], это направление получило развитие в трудах М. М. Коченова, О. Д. Ситковской, И. А. Кудрявцева, Ф. С. Сафуанова и др.

«Экспертные» судебно-психологические понятия занимают промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Они не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь СПЭ с общей психоло-

---

[1] *Лавринович А. Н., Голев А. С.* Экспертные понятия в практике судебной психолого-психиатрической экспертизы // Юридическая психология : тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. М., 1989. С. 43—44.

гией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости, о том, какие правовые последствия могут проистекать из их диагностики. Так, констатация «фрустрации» или «стресса» у обвиняемого в убийстве ничего не будет говорить о возможности правовой квалификации его преступления, если мы не выделим такие качества данных эмоциональных состояний, которые могли бы быть идентифицированы с определенными элементами состава преступления в соответствии с уголовным законодательством. Категория «личности» значима для уголовного права лишь в контексте уяснения ее влияния на осознанно-волевое поведение. Понятие «психическое расстройство» иррелевантно для правовой оценки, если эксперты не укажут на такие его свойства, которые нарушают или ограничивают способность обвиняемого осознавать свои действия или руководить ими.

В то же время «экспертные» судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми — они носят междисциплинарный характер. Следует согласиться с положением, выдвинутым М. М. Кочеповым, что теория судебно-психологической экспертизы имеет дело с психологическим содержанием некоторых юридических понятий, «описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов»[1]. Это юридические критерии, которые, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения.

Таким образом, *юридическое значение имеют не диагностируемые экспертом общепсихологические явления, а «экспертные» понятия.* Анализ «экспертных» судебно-психологических понятий подводит нас к двум основным проблемам.

Во-первых, необходимо уяснить, каким же образом общепсихологические понятия трансформируются в «экспертные» в зависимости от юридического значения их судебно-психологической оценки в отдельных предметных видах экспер-

---

[1] *Коченов М. М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991.

тизы. О. Д. Ситковской рассматриваются следующие виды адаптации общепсихологических категорий к СПЭ:

— через введение «понятия-ограничителя», устанавливающего более узкий круг случаев использования понятия, чем тот, на который оно распространяется (например, понятие «личность обвиняемого»);

— через выделение только тех случаев, охватываемых общепсихологическим понятием, которые имеют уголовно-правовое значение (так, из всего многообразия аффектов эксперта при изучении обвиняемых интересуют аффекты гнева и страха);

— через выделение тех характеристик общепсихологического понятия, которые имеют юридическое значение (эксперт изучает те свойства аффекта, которые могут быть не акцентированы в общей психологии);

— через углубление смысла понятия по сравнению с общепсихологическим его пониманием в силу того, что значимыми оказываются те стороны предмета исследования, которые для общей психологии неактуальны. Этот пункт представляется особенно важным, поскольку в других случаях имеет смысл говорить скорее об адаптации общепсихологических понятий, а в данной ситуации речь идет о подлинной «трансформации»;

— через соотнесение с определенными «нормами» регуляции поведения, задаваемыми уголовным правом, что приводит к выделению дихотомических противоположных категорий (типа «способность или неспособность к осознанно-волевому поведению в уголовно-релевантной ситуации»)[1].

Продуктивной для понимания процесса трансформации общепсихологических понятий в «экспертные» представляется идея О. Д. Ситковской о «многоступенчатости» судебно-психологических категорий, которую она трактует как многоуровневость самих общепсихологических понятий (так, «личность» может раскрываться через свойства, состояния, мотивы, цели и пр.). Признавая справедливость этого положения, необходимо отметить, что и сами экспертные понятия образуют по отношению к общепсихологическим определенную «ступень» и, что самое главное, экспертные понятия судебной психологии могут обладать собственно

---

[1] *Ситковская О. Д.* Психология уголовной ответственности. М. : Норма, 1998.

многоуровневостью: некоторые общие экспертные категории опираются на «промежуточные» экспертные понятия, не сводимые к общепсихологическим.

Во-вторых, учитывая все возрастающую потребность судопроизводства в комплексировании усилий психологов и психиатров при производстве экспертизы, необходимо разграничить специфику «экспертных» психологических и психиатрических понятий. Эта проблема стала четко обозначаться после введения в действие УК РФ, предусматривающего более дифференцированную оценку влияния психического расстройства обвиняемого на возможность осознавать свои действия и осуществлять их произвольную регуляцию (ч. 3 ст. 20, ст. 22 УК РФ и др.).

Основные «экспертные» понятия, используемые при экспертизе, будут подробно рассмотрены в главах, посвященных предметным видам СПЭ и КСППЭ в уголовном и гражданском процессах.

5.6. Пределы компетенции эксперта-психолога

Определение специальных знаний психолога, используемых в судебной экспертизе, позволяет более четко очертить и сферу его профессиональной компетенции. Включение в определение специальных знаний предмета исследования СПЭ позволяет четко отделить именно на предметном уровне профессиональную компетенцию эксперта-психолога от профессиональной компетенции судебного психиатра, с одной стороны, и от компетенции следователей и судей — с другой.

Указание на обязательное использование специальных научных знаний, уже внедренных в экспертную практику, выносит за границы профессиональной компетенции судебного эксперта-психолога следующие моменты:

1) явления, которые недоступны познанию с точки зрения уровня развития современной психологической науки: например, разного рода парапсихологические феномены, широко обсуждаемые в последнее время явления «зомбирования», «колдовства» и пр. В литературе могут существовать различные теоретические концепции, объясняющие такого рода явления, однако они не разделяются большинством специалистов, а считаются гипотезами, нуждающимися в последующей проверке;

2) спекулятивные, малоизвестные, неапробированные в научной психологии и в экспертной практике теоретические положения и методы исследования — предпочтение должно отдаваться испытанным, признаваемым научным сообществом теориям (к тому же совместимым с имплицитным представлением о человеке в действующем законодательстве), валидным и надежным методам, отработанным и получившим широкое распространение в судебной экспертизе;

3) явления, которые невозможно исследовать из-за методической специфики проведения СПЭ, которая часто должна реконструировать сущность психических процессов в юридически значимых ситуациях, относящихся к прошлому в момент исследования. Так, недоступно ретроспективное изучение, к примеру, содержания сознания свидетеля в момент совершения преступления, очевидцем которого он был, т.е. невозможно ответить на вопрос, воспринял ли он те или иные события на самом деле. Невозможно реконструировать, понимал ли обвиняемый в изнасиловании, что потерпевшая находилась в беспомощном состоянии вследствие психологических причин;

4) явления, имеющие значение для суда и следствия, но не являющиеся предметом исследования эксперта-психолога и относящиеся к компетенции органа, ведущего производство по делу. Так, оценка достоверности показаний и все вопросы, связанные с этим («Чем можно объяснить изменение показаний обвиняемого в ходе следствия?», «Не склонен ли обвиняемый ко лжи?» и т.п.), относятся исключительно к компетенции правоохранительных органов, которые определяют достоверность показаний на основании оценки всех доказательств, собранных по делу;

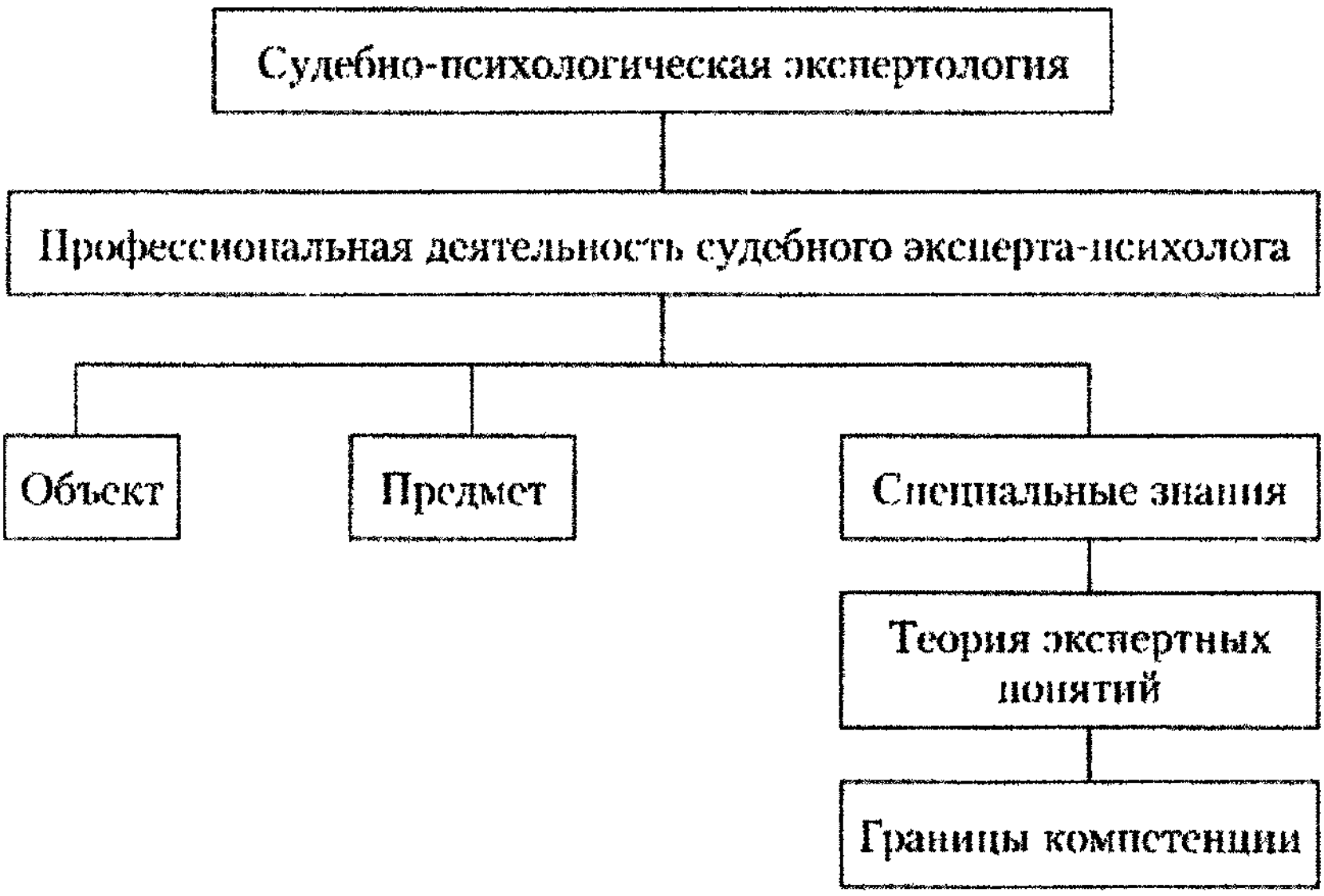
5) явления, относящиеся к изучению психических процессов, но составляющие предмет исследования экспертов-психиатров и находящиеся в их компетенции. Например, недопустимо в рамках СПЭ исследовать способность обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;

6) психические процессы и состояния, в целом входящие в компетенцию эксперта-психолога, но не имеющие юридического значения при тех или иных предметных видах экспертизы. К примеру, ошибочно при экспертизе свидетелей выносить в постановление (определение) вопрос о способности подэкспертного правильно понимать характер и значение

действий обвиняемого, так как этот вопрос имеет значение только при экспертизе потерпевших по делам об изнасилованиях.

И, наконец, определение специальных знаний эксперта-психолога не дает оснований разграничивать пределы его компетенции при участии в разных видах судебной экспертизы — СПЭ и КСПЭ.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы основные принципы судебно-психологической экспертологии?
2. Дайте определение объекта СПЭ.
3. Что такое юридически значимая ситуация в судебной экспертизе?
4. Дайте определение предмета СПЭ.
5. Дайте определение специальных знаний судебного эксперта-психолога.
6. Охарактеризуйте объем специальных знаний судебного эксперта-психолога.
7. Раскройте основные положения теории «экспертных понятий».
8. В чем заключаются пределы компетенции судебного эксперта-психолога?

Глава 6
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• методологические принципы судебно-экспертной психодиагностики;

• соотношение ЭПИ и метода ретроспективного психологического анализа дела и приобщенных к нему материалов в судебной экспертизе;

уметь

• выделять структуру и этапы психодиагностической деятельности эксперта-психолога;

владеть

• классификациями психодиагностических методов по объекту и процедуре исследования.

6.1. Системный подход

Основой производства СПЭ является психодиагностическая деятельность эксперта. Потребность в применении специальных психологических знаний появляется у судебно-следственных органов именно тогда, когда они не могут доступными им средствами получить объективные данные об особенностях психической деятельности человека, имеющие значение для принятия судебного решения, которые могут быть получены только в результате психодиагностического исследования, проведенного профессиональным психологом.

Психодиагностика в целом — это теория и практика постановки психологического диагноза. Психодиагностика применяется в самых разных прикладных отраслях психологии, и различия психодиагностической деятельности психологов, практикующих в этих областях, определяются

не столько тем, какие методы психологического исследования они применяют, сколько тем, какой методологии они придерживаются в своей работе.

Психодиагностическая деятельность эксперта-психолога имеет свою ярко выраженную специфику, обусловленную тем, что она вплотную примыкает к деятельности судебно-следственных органов. Эта специфика вытекает из своеобразного положения психодиагностической деятельности эксперта-психолога, определяемой необходимостью использования специальных психологических знаний для исследования разных сторон психики человека в целях правильного решения правовых вопросов.

Предметом исследования эксперта-психолога являются особенности и нарушения структуры и динамики психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия. В большинстве предметных видов СПЭ объектом внимания становятся такие свойства психики, которые нарушают способность подэкспертного лица к осуществлению той или иной деятельности, предусмотренной уголовным правом и сформулированной в определенных юридических критериях. Эти юридические критерии, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения.

Следовательно, основным методологическим принципом исследования психической деятельности подэкспертных лиц является системный подход. Для конкретизации особенностей системного подхода в судебной экспертизе необходимо проанализировать проблему нормы и патологии регуляции поведения.

6.2. Норма и патология регуляции поведения

Можно выделить три основных операциональных подхода к этой проблеме. Следует подчеркнуть, что они употребляются практически одновременно, только в разных ситуациях на первый план могут выступать те или иные элементы.

Первый подход можно обозначить как *измерительный*. В предельном своем выражении такой подход приводит к пониманию различий между нормой и патологией как количественных. Это, например, методологический прин-

ции Кречмера, рассматривающий различия между здоровьем и психическими заболеваниями как количественные. Согласно такому подходу существует цепочка «нормальные характеры — акцентуированные характеры — психопатические характеры», и не случайно центральным становится понятие не личности, а характера, поскольку в психологии с измерительным подходом связывают в первую очередь инструментальные проявления — характер и темперамент. В судебной психиатрии — это так называемая *осевая* модель[1], построенная по принципу измерения глубины психических расстройств. Таким образом, одним из вариантов рассмотрения проблемы нормы и патологии в отношении свойств психики является понятие «*количественной* (*статистической*) *нормы*».

Другой подход можно обозначить как *оценочный*. В крайнем своем выражении такой подход подразумевает патологию как социальную патологию, поскольку нормативное, адаптивное поведение предполагает социализацию, приспособление к окружающей действительности. Положение о том, что различие между нормой и патологией выступает как социальное, или оценочное, хорошо иллюстрирует история становления взглядов на проблему психопатий. Широко известны попытки ввести термин «социопатия». В основе понимания психопатии как «анетопатии» также лежат социальные основания, отсутствие совести, чувства любви, вины и т.д. В судебной психиатрии такой подход необходим, например, при выборе вида принудительных мер медицинского характера при оценке «социальной опасности» больных, совершивших общественно опасные действия. Итак, другим вариантом соотношения нормы и патологии психических особенностей человека является понятие «*социальной нормы*».

Третий подход к проблеме нормы и патологии — с позиций изучения *структуры психики* (структурно-динамических особенностей мотивационной, эмоциональной, волевой, смысловой сфер и т.д.). В центре внимания такого подхода оказываются различные аспекты психической деятельности, но их объединяет понимание различий между нормой и патологией как различий в структуре психики, мотивации, поведения. Патология выступает как расстройство нор-

---

[1] *Шишков С. Н.* Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории) : монография. М., 2010.

мальной структуры психических функций, как системное нарушение. При таком подходе на первый план выходит *«системно-структурная норма»*.

Итак, проблема нормы и патологии решается с помощью трех элементов: 1) через установление количественных изменений (измерительный подход), 2) через социальную оценку (оценочный подход) либо 3) через установление различий в системно-структурной организации психических процессов (объяснительный подход). Оговоримся, что в термине «объяснительный» главным является не вопрос «почему», не причины поведения, а вопрос «как» — важно, каким образом нарушена структура регуляции поведения.

Понятие «норма» с позиций уголовного права выступает как норма регуляции поведения или лежащей в его основе психической деятельности. У разных подэкспертных данная норма наполняется определенным смысловым содержанием и выступает как норма регуляции криминального поведения у обвиняемых или норма регуляции осознания поведения виновного и способности производить по отношению к нему особые действия у потерпевших и т.д. Именно сохранность у подэкспертных рассматриваемых норм и позволяет им быть полноценными участниками уголовного процесса. Иными словами, если не затрагивать онтологический и гносеологический аспекты проблемы нормы, то в практическом плане это понятие зафиксировано в уголовном праве в виде различных юридических критериев и сформулировано в психологических понятиях способности подэкспертных к тем или иным действиям, раскрывающих, как отмечалось выше, результирующие, наиболее обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения. Необходимость выяснения степени влияния психической патологии на нормальную регуляцию поведения требует в первую очередь объяснительного подхода, системного анализа и экспертной оценки структуры психики.

6.3. Методологические принципы проведения судебно-психологической экспертизы

Системно-структурный подход в СПЭ раскрывается посредством ряда методологических принципов.

Уровневый анализ поведения и деятельности. Конечная цель судебно-психологического исследования — анализ

регуляции поведения и деятельности подэкспертного лица (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) — требует системного рассмотрения иерархической структуры регуляции поведения и деятельности. В современной психологии существует множество подходов к изучению мотивации поведения, но в качестве наиболее обобщенной схемы можно взять схему поведения, разработанную в рамках криминальной психологии и отражающую наиболее значимые звенья генеза поведения.

Первым этапом и одновременно высшим звеном мотивации поведения является формирование личности с определенной социальной ориентацией. Главные ценности личности, ее социальные установки задают основное направление формирования актуальной ситуативной мотивации, однако не предопределяют однозначно содержания конкретных мотивов поведения и планирования поступков. Между «ядром» личности и поступком существует статистическая связь с достаточно высокой вероятностью, но наблюдаемая не всегда, не во всех случаях.

Следующий уровень — формирование у человека конкретной мотивации. В возникновении и выборе конкретных мотивов деятельности важнейшим личностным фактором выступают умение и способность адекватно соотносить ее субъективные моменты с объективно существующими требованиями, связями и отношениями окружающей действительности и имеющейся ситуации. Последнее неизбежно предполагает наличие у субъекта адекватного целостного образа ситуации, в которой осуществляется деятельность. На основе данного образа происходит выбор конкретных актуальных мотивов и целей деятельности, построение схем поведения.

Между мотивацией и поступком лежит еще одно звено — планирование и принятие решения. В основе этого этапа формирования поведения лежит психологический процесс целеполагания, т.е. выбора и постановки целей, на достижение которых будет направлен поступок. Одна из основных личностных структур, участвующих в целеполагании, — это самооценка. При планировании человек должен оценить свои возможности и способности, необходимые для достижения цели, и соотнести их с объективными условиями ситуации.

Последний этап — процесс реализации принятого решения, выбор способа достижения цели.

На каждом этапе происходит субъективная оценка как функция самосознания, с одной стороны, и осознания окружающей действительности — с другой. На основе соотнесения этих оценок осуществляется личностный контроль формирования каждого этапа мотивации поведения и соответствующая результатам контроля коррекция каждого иерархического звена формирования поведения.

Соответственно уровневой организации поведения и деятельности необходимо рассматривать и иерархическую структуру личности. В наиболее широком плане можно выделить различные уровни интеграции личности, влияющие на отдельные звенья генеза мотивации. Так, ценности личности как осознанные и принятые человеком главные мотивы его жизнедеятельности в совокупности с общим строением мотивов личности, их иерархией имеют определяющее значение при формировании конкретной ситуационной мотивации. Характер и темперамент, определяющие в большей степени не содержательные, а инструментальные аспекты поведения, типичные способы действия, влияют на этапы принятия решения и реализации цели. Черты личности, отражающие как особенности мотивационной сферы, так и инструментальные проявления, определяют в зависимости от обстоятельств тот или иной уровень деятельности.

Можно рассматривать организацию личности и более широко, как структурно-динамическую организацию познавательных, аффективных, волевых, физиологических и морфологических особенностей индивида. В любом случае при экспертном исследовании психолог должен уметь выделять интересующий его уровень поведения, деятельности, личности, объясняющий действия подэкспертного лица и, соответственно, имеющий значение для уголовного дела, для целенаправленного аналитического и экспериментального изучения.

Взаимодействие личностных и ситуационных факторов. Объектом исследования эксперта-психолога является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях. В судебной экспертизе в преобладающем большинстве случаев следственные органы и суд интересуют не особенности психики человека вообще, а их функционирование в конкретных ситуациях: например, у обвиняемого или подсудимого — в ситуации совершения правонарушения, у свидетелей — в ситуациях совершения преступления, в следственной ситуации и в ситуации судебного разбирательства.

Это требует от эксперта обязательного учета влияния на психическую деятельность не только личностных факторов, но и различных ситуационных переменных.

При анализе ситуационных факторов необходимо учитывать, каким именно образом они могут оказывать влияние на поведение и интересующие судебно-следственные органы способности человека к осуществлению той или иной деятельности. Как известно, в истории психологии можно проследить две крайние точки зрения на мотивацию поведения: одна из них абсолютизирует ситуационные воздействия, здесь поведение рассматривается как реакция на внешние стимулы (бихевиоризм), другая — игнорируя внешние факторы, утверждает приоритет внутренних субъективных (часто неосознаваемых) детерминант поведения (психоанализ и др.).

В современной психологии мотивация поведения рассматривается как взаимодействие личностных и ситуационных переменных. Следует учесть, что ситуационные факторы в рамках этих представлений нельзя рассматривать упрощенно, как что-то внешнее, противостоящее внутреннему личностному, и как что-то, предшествующее по времени действию и являющееся стимулом, на который реагирует человек. И личностные диспозиции, и особенности ситуации в психологическом взаимодействии репрезентированы в сознании и в когнитивных схемах, которые непрестанно видоизменяются в циклических процессах, включающих действие и воспринимаемую обратную связь с его последствиями. Поскольку когнитивные схемы зависимы от возрастного развития и от различных аномалий психики, обусловливающих нарушения и особенности когнитивных процессов и смысловой оценки, необходимо в рамках личностных переменных учитывать возрастные особенности и психические расстройства человека. Основные элементы психологически адекватного понятия взаимодействия личности и ситуации сформулированы Д. Магнуссоном и Н. Эндлером:

1) актуальное поведение — функция непрерывного многонаправленного взаимодействия или обратной связи между индивидом и ситуацией, в которую он включен;

2) в этом процессе человек является активным деятелем, преследующим свои цели;

3) существенными признаками личностных переменных взаимодействия являются когнитивные и мотивационные факторы;

4) решающим аспектом ситуационного фактора является то психологическое значение, которое ситуация имеет для человека[1].

Единство сознания и деятельности. Сознание — это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей, включающее в себя категорию активности и охватывающее эмоционально-ценностный аспект, соотнесение своих действий с нравственно-этическими ценностями и правовыми нормами, отражение смысловой оценки последствий своих действий, т.е. оно является высшим регулятором деятельности. Это обстоятельство отражено в уголовном праве: каждый юридический критерий, исследуемый экспертом-психологом, представлен не только в психологических понятиях, но состоит из двух частей, характеризующих способность, во-первых, к адекватному осознанию окружающей действительности и самосознанию, во-вторых — к полноценной произвольной регуляции своих действий. Так, при экспертизе потерпевших необходимо исследовать как способность к пониманию характера и значения действий виновного лица, совершившего сексуальное насилие, так и способность оказать ему осознанное сопротивление; у свидетеля важно установить не только его способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, но и способность давать о них правильные показания. Эти примеры показывают обязательность учета рассматриваемого принципа при проведении конкретных судебно-психологических экспертиз.

Важно иметь в виду, что если способность к адекватному осознанию себя и окружающего в интересующей следствие или суд ситуации нарушена, то нарушена бывает и произвольная регуляция своих действий, поскольку действие всегда реализует цель — а цель является осознанным образом предвосхищаемого результата действия. Но если структуры сознания в рассматриваемой ситуации сохранны, необходимо отдельно анализировать звено регуляции поведения или деятельности, которое может быть расстроено и при полном осознании своих действий.

Принцип развития. Достаточно очевидно, что при экспертном исследовании психологу, чтобы полноценно ответить на вопросы судебно-следственных органов, необходимо изучать не только актуальную психическую деятельность

---

[1] Цит. по: *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность : в 2 т. М., 1986. Т. 1.

человека в юридически значимой ситуации, но и проанализировать становление психических особенностей человека в его макродинамике – по существу, в каждой отдельной экспертизе без глубокого исследования «психологической биографии» человека невозможно провести полноценное экспертное исследование. Изучение психики подэкспертного лица в его динамике позволяет понять становление его ценностных ориентаций, мотивационного строения личности, его характера и темперамента, дает возможность выявить уровень развития и особенности отдельных психических процессов — смыслового восприятия, памяти, внимания, мышления и т.п.

В то же время чрезвычайно важно учитывать и «микродинамику» психической деятельности в конкретно разворачивающейся ситуации. Юридически значимые ситуации не бывают одномоментными – они всегда занимают более или менее длительный промежуток времени с изменяющимися окружающими условиями. Понимание мотивации поведения как непрерывного взаимодействия личностных и ситуационных факторов диктует необходимость анализа полной динамики психических процессов в интересующий суд и следствие промежуток времени. Часто именно типичность подобной динамики и позволяет точно квалифицировать психическое состояние подэкспертного лица, как это происходит, к примеру, при диагностике аффекта.

Изменения психического состояния подэкспертного могут даже привести к разным ответам на вопросы судебно-следственных органов применительно к различным юридически значимым ситуациям: например, способность свидетелей преступления правильно воспринимать имеющую значение для дела информацию и давать о ней правильные показания относится и к ситуации совершения криминала, и к ситуации следствия (которая может занимать довольно длинный промежуток времени), и к ситуации судебного разбирательства. Ясно, что за это время психика человека претерпевает изменения и варианты такой динамики, как показывает экспертная практика, достаточно разнообразны.

При таком понимании принципа развития системный подход в СПЭ предстает не только как структурный, но и как структурно-динамический.

Таким образом, наиболее общими принципами психодиагностического исследования судебного эксперта-психолога являются системный структурно-динамический подход, учи-

тывающий единство сознания и деятельности, а также тесное взаимодействие личностных и ситуационных факторов.

6.4. Планирование психодиагностического исследования

Полноценное планирование психодиагностического исследования требует четкого понимания структуры и этапов взаимодействия эксперта-психолога с органом, назначившим экспертизу, с одной стороны, и с подэкспертным лицом – с другой (рис. 6.1).

На первом этапе устанавливается *задача* психодиагностического исследования. При СПЭ в роли «заказчика», определяющего задачи исследования, выступают судебно-следственные органы. Данные психодиагностического исследования, сформулированные в заключении СПЭ, используются судом для принятия судебного (правового, юридического) решения.

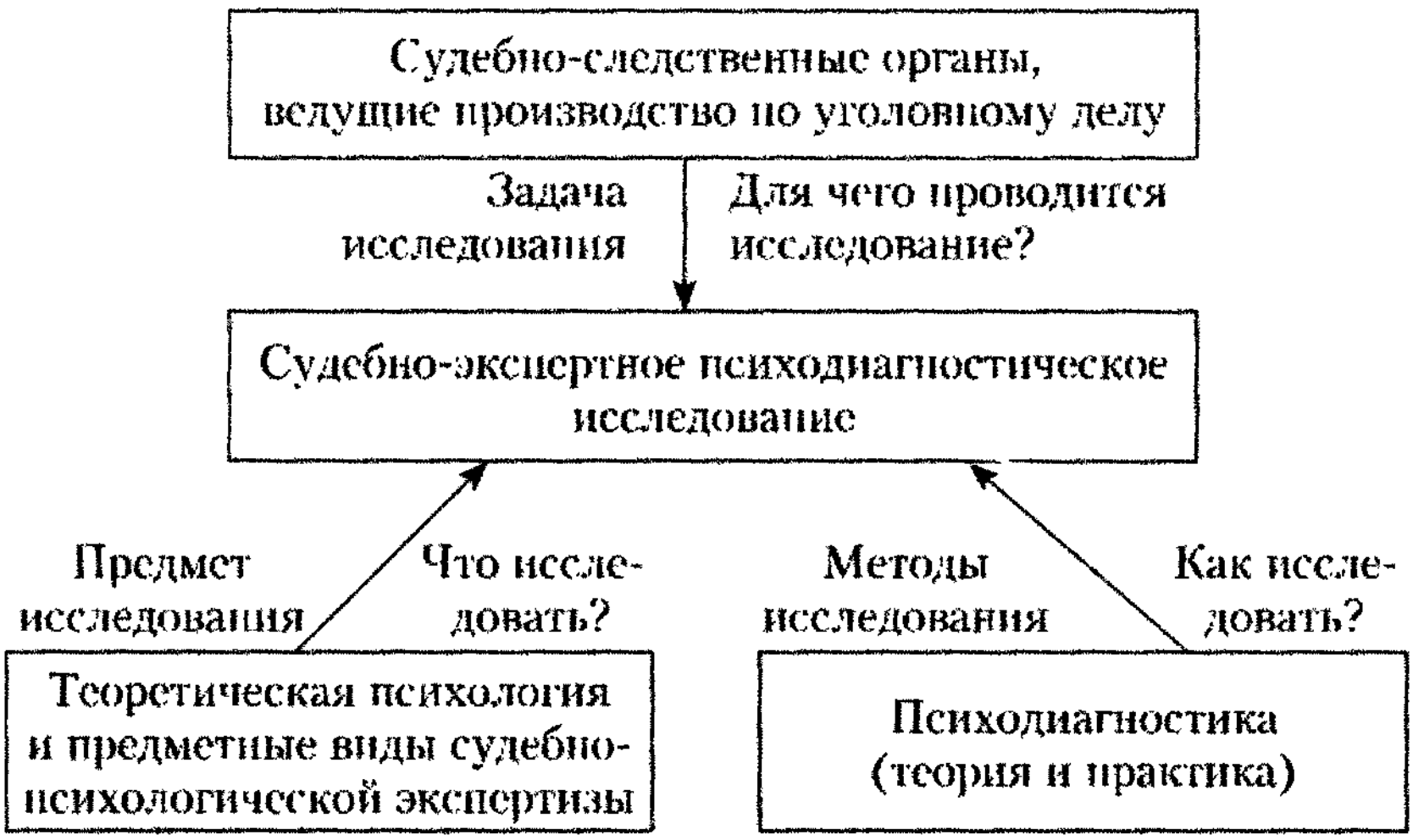


Рис. 6.1. **Структура психодиагностической деятельности судебного эксперта-психолога**

Это обстоятельство ставит перед экспертом-психологом довольно непростую проблему формулировки своего психодиагностического заключения на понятном для заказчика языке. Экспертные выводы должны быть представлены таким образом, чтобы их могли полноценно использовать

судебно-следственные органы и в то же время они не должны терять своей психологической сущности, адекватно отражая исследуемое явление на высоком научном уровне, которым может обладать только профессионал, владеющий специальными знаниями в психологии. Язык судебного эксперта должен быть одинаково понятным как самим судебным экспертам, так и органу или лицу, назначившему экспертизу.

Данная проблема обычно решается путем исследования «экспертных понятий», которые мы обсуждали при рассмотрении теоретических основ КСПИЭ. Эти критерии, отражая закономерности структуры и динамики психики, являются одновременно и юридическими понятиями, поскольку касаются регуляции таких видов психической деятельности, которые имеют юридическое значение и влекут определенные правовые последствия. Поэтому они являются своеобразными правовыми нормами, наполненными психологическим содержанием.

Таким образом, экспертные психологические выводы формулируются на языке «экспертных понятий» (юридических критериев), которые отражают способность обвиняемого лица к осознанию и регуляции криминально-агрессивного поведения и в то же время являются правовыми понятиями, «встроенными» в уголовный и уголовно-процессуальный закон (аффект, ограничение способности к осознанию и руководству своих действий вследствие психического расстройства и пр.). Основой же формулирования экспертного вывода на языке экспертного понятия является психодиагностическое исследование психологических закономерностей и механизмов. Оно описывается в заключении эксперта-психолога в узкопрофессиональной общепсихологической терминологии, которая может быть и малопонятной людям, не обладающим знаниями в психологии, но позволяет суду проверить фактическую и научную обоснованность экспертного заключения по внутреннему убеждению, путем привлечения иных специалистов или повторных экспертиз.

На втором этапе производства экспертизы психолог выделяет *предмет исследования*, т.е. выясняет, какое явление необходимо диагностировать.

В общем случае предмет психодиагностического исследования определяется вопросами, заданными эксперту органом, назначившим экспертизу. В то же время важное значение имеет предварительное ознакомление с материалами

уголовного дела с четким представлением фабулы происшедшего. Дело в том, что некоторые вопросы судебно-следственных органов могут быть сформулированы достаточно обобщенно и эксперт-психолог, основываясь на своих специальных знаниях в теоретической психологии (психологии личности, психологии познавательной деятельности, психологии эмоциональных явлений и т.д.), должен самостоятельно выделить, каким аспектам изучаемого явления он должен уделить основное внимание. Например, при задаче исследования ИПО подэкспертного судебно-следственные органы, как правило, не конкретизируют, какие стороны личности (ценностная сфера, мотивационное строение личности, черты личности, характер, темперамент и т.п.) подлежат исследованию и в каком объеме — это решает сам эксперт-психолог, исходя из предварительного анализа фабулы уголовного дела и существенных для дела фактов. Кроме того, как отмечалось в первой главе, эксперт-психолог имеет право делать экспертные выводы, касающиеся тех обстоятельств, относительно которых не было задано вопросов, — очевидно, что выделение этих обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию, также является прерогативой самого эксперта-психолога и должно основываться на его опыте, степени владения специальными знаниями в психологии и анализе материалов уголовного дела.

Выделение предмета психодиагностического исследования диктуется в каждом конкретном случае и четким представлением эксперта-психолога о юридическом значении экспертного заключения, о том, каким образом суд может использовать его выводы, какие возможные правовые последствия из них вытекают.

На третьем этапе планирования производства экспертизы решается самый важный вопрос: как именно исследовать подэкспертное лицо, какие *методы* применить в конкретном экспертном исследовании?

Не существует и не может существовать заранее подготовленного универсального набора психодиагностических методик, который можно было бы применить ко всем подэкспертным лицам. Каждая экспертиза — это уникальная процедура психодиагностического исследования с выбором конкретных методов исследования, зависящим от множества факторов.

Перечислим наиболее важные из них.

1. Профессиональные знания эксперта-психолога в психодиагностике, в частности — владение различными методами исследования и понимание их направленности.

Наиболее общая классификация психодиагностических методов выделяет три крупные группы.

Первую группу составляют методы, позволяющие получить L-данные путем регистрации реального поведения человека (life record data). В рамках деятельности эксперта-психолога к этой группе можно отнести:

а) метод наблюдения во время клинико-психологической беседы и проведения ЭПИ;

б) анализ дневниковых записей среднего медицинского персонала о поведении подэкспертных во время проведения стационарной КСППЭ;

в) анализ показаний свидетелей и других материалов уголовного дела, в которых фиксируются особенности поведения подэкспертного лица.

Другая группа — Q-данные, полученные путем различных опросников и других методов самооценки и самоотчета (questionnaire data). В судебной экспертизе используются разнообразные методы стандартизированного самоотчета, включающие отличающиеся друг от друга техники психодиагностики (опросники, шкалирование, выбор, классификация и т.п.) и направленные на исследование различных сторон личности, психических состояний, структур самосознания, отдельных психических процессов, интеллекта и пр.

Третью группу составляют Т-данные, получаемые при непосредственном экспериментальном исследовании испытуемых (objective test data). В рамках деятельности эксперта-психолога — это обычно методы, используемые в классическом патопсихологическом экспериментальном исследовании познавательных процессов и уровня интеллектуального развития.

Эксперт-психолог должен четко представлять возможности используемых психодиагностических методов, и в первую очередь — направленность метода, а также особенности техники, процедуры психодиагностического исследования. По этим двум основаниям А. Г. Шмелевым разработана более дифференцированная классификация психодиагностических методов, которую мы приводим в виде, адаптированном применительно к целям СПЭ[1].

---

[1] Основы психодиагностики / под общ. ред. А. Г. Шмелева. Ростов н/Д : Феникс, 1996.

Классификация психодиагностических методов по процедуре исследования

➢ Биографический метод. В деятельности эксперта-психолога данная процедура предстает в виде психологического анализа уголовного или гражданского дела и приобщенных к нему материалов и включает в себя элементы контент-анализа и герменевтики.

➢ Наблюдение. Включает в себя наблюдение подэкспертного во время проведения экспертизы, а также просмотр различных видеоматериалов (если имеются видеозаписи допросов, выхода на место происшествия).

➢ Диалоговые методы. Основной диалоговый метод — это беседа, которая при обследовании несовершеннолетних и малолетних подэкспертных (свидетелей, потерпевших по делам об изнасилованиях) может дополняться различными игровыми интерактивными методами. Основные функции беседы — установление доверительного контакта с подэкспертным, собирание биографических сведений, анализ субъективного отчета о динамике психического состояния в интересующей суд и следствие ситуации, ее смыслового восприятия и осмысления, диагностика особенностей самосознания, личностных черт, особенностей характера, эмоционального реагирования, реакции на стресс, фрустрации, конфликтов и других свойств личности.

Наблюдение, осуществляемое экспертом-психологом, непосредственно связано с особенностями клинико-психологической беседы. Беседа строится обычно свободно и недирективно, неформализованно, но в ней обязательно должны присутствовать определенные компоненты. Наиболее важными из них являются, во-первых, опрос испытуемого по пунктам, имеющим значение для производства экспертизы: анамнез жизни, особенности самосознания, динамика психического состояния в юридически значимой ситуации, отношение подэкспертного к криминальной ситуации и к ситуации судебной экспертизы и т.п.; во-вторых, моделирование в рамках беседы разных ситуаций диалогового взаимодействия с регистрацией поведения испытуемого.

Следует отметить, что эффективность наблюдения зависит от многих факторов, наиболее существенными из которых являются: квалификация эксперта-психолога; личность испытуемого — например, легче наблюдать экстравертированных, нежели интровертированных, испытуемых; природа черт личности – так, явные черты, такие как импульсив-

ность, властность, оцениваются точнее, чем скрытые, такие как объективность-субъективность и др. Это обстоятельство определяет еще одну необходимую функцию наблюдения — формулировку гипотез, которые могут подвергаться экспериментальной проверке и требуют применения соответствующих методов исследования.

➢ Объективные тесты. Характеризуются наличием правильных или нормативных ответов. В деятельности эксперта-психолога обычно используются психометрические методы (типа тестов Векслера, Равена), позволяющие измерить уровень интеллектуального развития, и классические патопсихологические методы исследования познавательных процессов — внимания, памяти, мышления (10 слов, Опосредованное запоминание по Леонтьеву, Пиктограмма, Классификация предметов, Исключение понятий, Исключение предметов, Сравнение понятий, Аналогии, Счет по Крепелину, Проба Бурдона, Отсчитывание, Таблицы Шульте и др.) — с акцентом на качественный анализ данных, отличающихся от нормативных.

➢ Стандартизированные самоотчеты:

— тесты-опросники. Опросники могут основываться на клинико-психологической типологии личности (MMPI), типологии черт личности (16-факторный опросник Кеттелла), характера (опросник Шмишека, Патохарактерологический диагностический опросник А. Е. Личко), темперамента (опросник Стреляу, EPI Айзенка), отдельных черт личности и психических состояний (опросник субъективной локализации контроля Роттера, агрессии Басса — Дарки, тревожности Спилбергера и др.);

— субъективное шкалирование. Чаще всего в СПЭ применяют шкалы самооценки по Дембо — Рубинштейн или более сложные техники выявления личностных конструктов по Келли (репертуарные решетки и др.).

➢ Проективные техники:

— классическая словесная апперцепция. От испытуемых требуется дать вербальное описание достаточно неструктурированного неопределенного стимульного материала или составить на его основе рассказ (Тематический апперцептивный тест, тест Роршаха, тест руки Вагнера и др.);

— проективное предпочтение. Методы, основанные на выборе испытуемым одного или нескольких из предлагаемых стимулов (цветовой тест Люшера, тест Сцонди, цветовой тест отношений А. Эткинда и др.);

— рисуночные тесты. Чаще всего используются рисунки человека, несуществующего животного, семьи. Применяется достаточно унифицированная стандартизированная схема интерпретации. Эффективен при работе прежде всего с малолетними и несовершеннолетними испытуемыми;

— полупроективные тесты. К ним можно отнести тест Розенцвейга, методы незаконченных предложений, Пиктограмму.

➢ Анализ продуктов спонтанного творчества. Применяется в тех случаях, когда в распоряжении эксперта-психолога есть рисунки, картины, литературные произведения подэкспертного.

Классификация методов по объекту психодиагностики

✓ Индивидуально-психологические особенности:

— темперамент (опросник Стреляу, опросник Айзенка);

характер (опросник Шмишека, патохарактерологический диагностический опросник);

— черты личности (опросник Кеттелла);

— интегративные типы личности (MMPI).

✓ Отдельные психические функции (патопсихологические методы исследования внимания, памяти, мышления).

✓ Функциональные и эмоциональные состояния (тест Люшера).

✓ Интеллект (тест Векслера, матрицы Равена и др.).

✓ Самосознание и самооценка (Репертуарные решетки Келли, шкалы самооценки по Дембо — Рубинштейн).

✓ Ценности, социальные установки (тест Рокича).

✓ Эмоционально-мотивационная сфера (Тематический апперцептивный тест, тест Роршаха, тест Розенцвейга и др.).

✓ Саморегуляция (методика «Уровень притязаний» Хоппе, субъективная локализация контроля Роттера).

При выборе конкретных методов психодиагностики важно учитывать и такую характеристику тестов, как экологическая репрезентативность, т.е. приближенность эксперимента к реальным условиям существования человека.

Так, если психолога интересует общее интеллектуальное развитие испытуемого, то он будет применять методы, направленные на изучение уровня обобщения и абстрагирования, в то же время исследование проявлений мыслительных способностей в реальной жизни требует изучения и ориентировки испытуемого в практических ситуациях, общей осведомленности.

При необходимости клинической диагностики испытуемого можно применять такие методы, как тест Роршаха с искусственным стимульным материалом, а для исследования взаимодействия личности с ситуацией более адекватными являются методики со стимульным материалом, близким к тому, с чем сталкивается человек в обыденной жизни: например, тест Розенцвейга выявляет особенности поведения испытуемых в конфликтных ситуациях, при фрустрирующих обстоятельствах; опросник Кеттелла построен на альтернативном выборе вариантов поведения в реальных жизненных ситуациях.

2. Возможность применения методов именно в СПЭ.

В определении специальных знаний эксперта-психолога не случайно подчеркивается, что методы психодиагностического исследования должны быть внедрены в практику судебной экспертизы.

Методы психодиагностики, применяемые в СПЭ, должны обладать двумя основными характеристиками — валидностью и надежностью.

Валидность является комплексной характеристикой методики, включающей сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним.

Наиболее важные типы валидности — это диагностическая (конкурентная, текущая), отражающая способность теста различать испытуемых на основе диагностического признака, являющегося объектом исследования в данной методике, и прогностическая (предсказательная) — отражающая степень точности и обоснованности суждения о диагностируемом психологическом качестве по его результату спустя определенное время после диагностики. Диагностическая и прогностическая валидность в совокупности образуют эмпирическую валидность — наиболее существенное свойство для любой методики, используемой экспертом-психологом.

При психодиагностике малолетних и несовершеннолетних подэкспертных необходимо учитывать также такое важное свойство теста, как валидность по возрастной дифференциации. Это свойство методики отражает соответствие результатов теста теоретически ожидаемым и практически наблюдаемым возрастным изменениям диагностируемого качества. Является одним из главных критериев тестов интеллекта.

Другая необходимая для возможности применения методики в психодиагностических целях характеристика — это *надежность* теста — понятие, отражающее точность психодиагностического исследования и устойчивость результатов к воздействию посторонних факторов.

Одной из главных особенностей контингента испытуемых в условиях судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз является наличие как раз таких дополнительных факторов, которые существенно снижают валидность и надежность психодиагностических исследований. В первую очередь это различные психогенные реактивные наслоения на психическую деятельность подэкспертных, связанные с ситуацией привлечения к уголовной ответственности, с реакцией на содеянное, с лишением свободы и помещением в новые условия жизнедеятельности. Даже у психически здоровых людей ситуация привлечения к уголовной ответственности существенно изменяет структуру самооценки, определяя изменение содержания системы измерений (факторов) самоотношения и самоконтроля. Следует учитывать, что объектом психодиагностической деятельности эксперта-психолога, особенно в рамках КСПЭ, часто являются лица с различными формами психических аномалий, что накладывает дополнительный отпечаток на их смысловое восприятие и осознание изменившейся ситуации существования, на их эмоциональную реактивность, функциональное состояние и другие стороны психической деятельности. И, наконец, одним из ведущих факторов, искажающих результаты психодиагностических методов, являются разнообразные установки подэкспертных по отношению к исходу экспертизы. Психически здоровые лица, обвиняемые в тяжких преступлениях, которым грозит исключительная мера наказания, могут симулировать психические расстройства, напротив, лица с наличием психических нарушений, совершившие незначительные преступления, в ряде случаев скрывают собственные психопатологические переживания.

Поэтому в практике производства СПЭ адекватно может применяться довольно ограниченный круг психодиагностических методов, которые прошли многолетнюю апробацию в условиях экспертного исследования и доказали свою эффективность. Обобщение многолетнего опыта работы судебных экспертов-психологов показывает, что многие

методы, применяемые в ситуации психологического консультирования, профессионального отбора, в других прикладных отраслях психологии, не обладают достаточной валидностью и надежностью в ситуации судебного экспертного психодиагностического обследования.

С этой точки зрения предпочтительнее использовать такие методы исследования, которые содержат оценочные шкалы, отражающие влияние личностных установок и эмоциональных состояний испытуемого (как это сделано в MMPI), или защищены от искажающих влияний при конструировании теста (опросник Кеттелла), или показали свою универсальность и эффективность на протяжении нескольких десятков лет их применения (например, тест Роршаха или ТАТ).

3. Процессуальное положение подэкспертного лица.

При планировании психодиагностического исследования и выборе конкретных методик эксперт-психолог должен обязательно учитывать процессуальное положение испытуемого. Это связано с тем, что в основе интересующей судебно-следственные органы способности подэкспертных лиц к осуществлению той или иной юридически значимой психической деятельности в зависимости от того, является ли обследуемое лицо обвиняемым (подсудимым), свидетелем или потерпевшим, лежат разные психологические предпосылки и, соответственно, разные объекты психодиагностического исследования.

4. Половозрастные факторы.

Психодиагностические методы, как правило, валидизируются на определенных возрастных группах и с учетом половой дифференциации. Валидные и надежные методики обычно имеют различные нормативы обработки и интерпретации данных для определенных возрастных интервалов, содержат мужские и женские варианты. Некоторые методы можно применять только для определенного возрастного контингента испытуемых (нам известен случай, когда судом была назначена повторная экспертиза только на основании того, что экспертом-психологом выводы строились на данных обследования 20-летнего обвиняемого Патохарактерологическим диагностическим опросником, рассчитанным на исследование подростков до 18 лет), другие, такие как тест Векслера, тест Розенцвейга, опросник Кеттелла и др., имеют варианты для каждого определенного возраста.

Только точное знание половозрастной адресации психодиагностического метода позволяет избежать ошибки при комплектовании набора методик в отношении конкретного подэкспертного.

5. Психические аномалии и умственное развитие подэкспертного лица.

Индивидуальные психологические особенности (в том числе и психопатологические) каждого конкретного испытуемого определяют пригодность применения по отношению к нему той или иной методики. Разные психодиагностические методы требуют деятельности испытуемого различной сложности. Испытуемым с низким уровнем умственного развития, с недостатком образования часто недоступно понимание даже инструкций многих используемых методов. В случаях когда не решается специально задача определения уровня интеллекта, следует отбирать для исследования такие методики, которые позволяют изучать интересующее психолога явление и в то же время их выполнение будет доступно для обследуемого лица.

6. Вид экспертизы по месту и условиям проведения.

Этот фактор часто определяет трудоемкость проведения психодиагностического исследования. При комплектовании набора методов эксперт-психолог неизбежно сталкивается с проблемой затрат времени, необходимых для проведения экспериментального исследования, обработки и интерпретации полученных данных, соотнесения их с данными психологического анализа материалов уголовного дела, составления заключения и формулирования экспертных выводов. Ясно, что в условиях стационарной КСППЭ (длящейся обычно до 30 дней) психодиагностическое исследование может включать в себя больший объем применяемых методов с возможной верификацией данных, полученных разными методами, направленными на изучение одного и того же явления, и с возможным ретестированием испытуемого одной и той же методикой. В условиях амбулаторной экспертизы или экспертизы в зале судебного заседания ресурсы времени более ограничены, что накладывает отпечаток на объем психодиагностического исследования и на выбор конкретных тестов. В условиях дефицита времени предпочтение следует отдавать наиболее информативным и занимающим меньше времени тестам.

7. Уровень квалификации эксперта-психолога.

Конечно, в идеале желательно иметь в качестве экспертов таких психологов, которые в совершенстве владели бы всеми методиками, применяемыми в судебной экспертизе. Но на практике экспертизу проводят психологи, обучавшиеся в различных по качеству образования высших учебных заведениях, имеющие различную базовую подготовку, разный опыт работы в экспертизе. Одни эксперты доверяют больше одним психодиагностическим методам, другие — иным. Поэтому в качестве общей рекомендации можно сказать, что предпочтительнее применять меньшее число экспериментальных методов, которыми эксперт владеет на высоком уровне, чем гнаться за количеством и использовать отдельные методы исследования неквалифицированно, неправильно обрабатывая и интерпретируя их результаты.

При производстве СПЭ и КСПИЭ окончательные экспертные выводы складываются не только и не столько из данных ЭПИ, сколько требуют обязательного психологического анализа поведения и деятельности подэкспертного лица по всем имеющимся в распоряжении эксперта материалам. Только при сопоставлении и верификации данных анализа материалов уголовного дела с экспериментальными можно обоснованно формулировать экспертные выводы.

6.5. Психологический анализ материалов уголовного или гражданского дела

Психологический анализ дела и приобщенных к нему материалов является, по существу, разновидностью герменевтического подхода. *Герменевтика — искусство и теория истолкования текстов.* Психологическая герменевтика берет начало с эпистемологии В. Дильтея. Герменевтика определяется им как искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений. В психолингвистике понятие текста может трактоваться и в более широком плане — не только как фиксированный (в современной цивилизации фиксация может быть и письменной, и с использованием аудио- и видеоносителей) текст, но и как определенные события, обладающие сложной смысловой и знаковой структурой.

При производстве судебной экспертизы в качестве текста выступают материалы уголовного или гражданского дела и приобщенные к нему документы: медицинская документация, продукты творчества подэкспертных (письма, дневники, литературные и художественные произведения), аудио- и видеозаписи допросов, следственного эксперимента, выхода на место происшествия и т.п. Как текст можно рассматривать и записи самого эксперта (протокол ЭПИ, данные тестирования), фиксирующие высказывания и особенности поведения подэкспертного. Все эти документы и образуют источники информации, с которыми непосредственно работает эксперт.

Каковы же основные психологические закономерности понимания экспертами источников информации, каков основной механизм психологической герменевтики при их исследовании для экспертной оценки способности к осознанию и регуляции испытуемым своей психической деятельности?

1. *Тип исследуемого текста.* Можно, вслед за А. А. Брудным, выделить три основных типа текстов[1]: первый — многозначный, без опорных точек: это тексты, допускающие множественные проективные интерпретации (типа Апокалипсиса или предсказаний Нострадамуса); второй — однозначный, не допускающий разного толкования: к нему относятся прежде всего научные тексты в точных науках (физика, математика); третий — смешанный, самый емкий, в нем можно выделить и опорные точки, и некий смысловой контекст. Именно к третьему типу и относится большинство текстов, с которыми мы имеем дело в повседневной действительности (научные статьи в области гуманитарных наук, журнальные и газетные публикации и т.п.), в том числе и уголовное дело с приобщенными к нему материалами.

2. *Этапы экспертного понимания текста.* Поскольку психологи имеют дело со смешанными текстами, то на первом этапе они должны выделять *опорные точки*, необходимые для дальнейшего экспертного исследования. Для эксперта-психолога такими опорными точками служат зафиксированные в уголовном деле данные: а) об особенностях психического развития подэкспертного; б) его устойчивых ИПО; в) его актуальном психическом (эмо-

---

[1] *Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М. : Лабиринт. 1998.

циональном) состоянии в криминальной ситуации; г) его структуре отражения и осознания юридически значимой ситуации и регуляции своего поведения в ней; д) развитии самой ситуации; е) взаимодействии личности подэкспертного с ситуацией. В то же время эксперты наряду с опорными точками должны выделять *лакуны, т.е. то, чего в тексте нет или что допускает неоднозначное толкование*. Уголовное дело — текст, созданный в первую очередь не для решений экспертных проблем, а для достижения иной, чисто правовой цели, и поэтому психологи поставлены перед задачей понимания фрагментов текста, либо не содержащих значимой для достижения целей экспертизы информации, либо требующих научной интерпретации. В этом смысле, по выражению А. А. Брудного, понимание текста может быть одновременно пониманием того, что в тексте непосредственно не дано.

Важная для психодиагностики информация, не содержащаяся в лакунах, может быть восполнена двумя способами. Лакуны в ходе экспертного исследования либо *заполняются*, либо *компенсируются*.

Заполнение лакун осуществляется в ходе клинико-психологической беседы, направленного наблюдения, экспериментального обследования подэкспертного, путем запроса дополнительных материалов у следственных органов, при участии в допросах в ходе судебного заседания и т.п. Одна из основных проблем для эксперта состоит в том, что при допросах следователи практически не интересуются субъективной стороной действий подэкспертных, поэтому важно при ходатайстве о дополнительных допросах тех или иных лиц рекомендовать и конкретные вопросы, на которые нужно получить ответы.

Компенсация лакун — это перевод уже имеющихся данных уголовного дела на другой, психологический, язык. Формализованные алгоритмы заполнения лакун и их компенсации можно продуктивно использовать при разработке стандартов судебного психологического исследования.

3. *Использование специальных знаний эксперта при работе с уголовным или гражданским делом*. А. А. Брудным показано, что текст как смысловая структура существует в трех отношениях: текст — реальность, текст — автор, текст — реципиент. Из них наиболее значимой для анализа экспертной деятельности является отношение «текст — реципиент (экс-

перт)». Смысловое понимание уголовного дела и приобщенных к нему материалов зависит от таких переменных, как задача психодиагностического исследования (определяется судебно-следственными органами), предмет исследования (определяется вопросами, требующими экспертного решения). Но главным фактором являются специальные знания судебного эксперта.

Проблема специальных знаний не сводится только к профессиональной компетенции, нужно учитывать и личную компетентность эксперта. Если при рассмотрении теоретических проблем СПЭ[1] была проанализирована содержательная сторона специальных знаний, в данной главе будем акцентировать внимание на структурной стороне психологических знаний судебного эксперта. Ведь специальные знания не являются эквивалентом лишь знаний организационно-правовых, теоретических, методологических, этических основ экспертизы, большое значение имеет и структура представления (категоризации) этих вопросов в сознании эксперта.

Профессиональная деятельность эксперта имеет особую цель — производить «оценки». Другая особенность экспертной деятельности — это производство «оценок» для внешнего заказчика, которые практически всегда и задают критерии требуемых оценок. По выражению С. Л. Братченко, экспертиза — это использование самого человека как «измерительного прибора»[2].

Специальные знания эксперта по своей сути представляют собой профессиональную модель мира, которая «проходит тот же путь формирования и испытывает воздействие тех же формирующих факторов, что и система смыслов — субъективная семантика»[3]. Анализ проблемы специальных знаний эксперта в моделях «образа мира» (а не только в моделях «свойств») может позволить понять и процесс применения этих знаний в рамках модели «психологической структуры деятельности».

В соответствии с парадигмальной моделью движения смысла по слоям субъективного опыта, разработанной

---

[1] См. гл. 5 настоящего учебника.

[2] *Братченко С. Л.* Введение в гуманитарную экспертизу образования. М. : Смысл, 1999.

[3] *Артемьева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М. : Наука : Смысл, 1999.

Е. Ю. Артемьевой, структура специальных знаний судебного эксперта-психолога может быть представлена в виде трех уровней.

Внешний слой — *семантико-перцептивный* — заключается в субъектной идентификации психических явлений в терминах, базовых для СПЭ науки — психологии, а также смежных дисциплин: психиатрии, виктимологии, суицидологии и т.п. Объектно этому уровню соответствуют теоретические и эмпирически выделенные представления о тех или иных сторонах психических процессов, зафиксированные в словарях, глоссариях, всевозможных классификациях (типа МКБ-10), учебниках, пособиях и т.д.

Следующий, более глубинный, уровень — *семантико-гносеологический* — представляет собой трансформацию понятий базовых наук в «экспертные» понятия. Экспертные понятия — промежуточные между правом и психологией — определяют юридическую значимость психических явлений и влекут определенные правовые последствия (квалификация преступлений, установление смягчающих обстоятельств и др.). Объектно этот слой можно описать с помощью тезауруса, центральными смысловыми точками которого будут являться уже не общепсихологические, а правовые понятия, определяющие юридическую значимость диагностируемых на первом уровне психических явлений.

И, наконец, центральным глубинным слоем структуры специальных знаний эксперта-психолога является система генерализованных недифференцированных смыслов, аккумулирующих не только когнитивный, но и эмоционально-мотивационный, и ценностный опыт эксперта. Этот уровень, с одной стороны, *семантико-аксиологический*, а с другой — *семантико-прагматический*, практически не вербализуем, мало осознаваем и составляет ту часть профессиональных знаний, которую обычно называют искусством проведения психодиагностического исследования.

Уровневое смысловое строение специальных знаний судебного эксперта-психолога как концептуальная схема характеризуется следующими признаками: 1) инвариантность, сочетающаяся с фрагментарностью и неполнотой (по мнению Е. Ю. Артемьевой, мир профессии - групповой инвариант субъективного отношения профессионалов к объектам), — это свойство прямо коррелирует и с компетенцией, и с уровнем компетентности эксперта; 2) разный уровень обобщения - в структуре специальных знаний эксперта-

психолога можно выделить «общие» (теорию и методологию экспертного исследования) и «частные» модели (касающиеся отдельных предметных видов экспертизы); 3) личностный, субъективный характер специальных знаний, несмотря на их социальную обусловленность.

Процесс обучения специальным экспертным знаниям в соответствии со смысловым их строением можно представить как движение от внешних слоев к глубинным уровням: от усвоения общепсихологических представлений к формированию «экспертных» понятий и далее, к приобретению мотивационно-ценностного опыта профессиональной деятельности, т.е. формированию профессионального «образа мира». Непосредственное же использование специальных знаний в конкретном экспертном исследовании разворачивается как обратный процесс — от актуализации генерализованных «глубинных» смыслов к семантико-когнитивной и перцептивной переработке изучаемых психических явлений.

В результате применения специальных знаний психолога в целях судебной экспертизы наряду с описанными выше тремя отношениями текста как смысловой структуры выявляется еще одно отношение: «текст — новая реальность». Новой реальностью в конечном итоге (после определения ИПО обвиняемого, его психического состояния в криминальной ситуации, установления психологического механизма его преступного поведения) оказывается *экспертная оценка клинических и психологических явлений*, существовавших до применения специальных знаний в тексте (уголовном или гражданском деле) лишь имплицитно, в неявной форме, неполно и фрагментарно.

В целом психологический анализ материалов уголовного дела состоит из следующих основных компонентов. Изучение *объективного анамнеза* жизни подэкспертного лица — по документам, отражающим его жизненный путь; показаниям родственников, друзей, сослуживцев и т.п.; медицинской документации (истории болезни, медицинские карты, акты судебно-психиатрической экспертизы и др.). Изучение *субъективного анамнеза* жизни — по показаниям подэкспертного лица, клинико-психологической беседе. Изучение *динамики психической деятельности* подэкспертного лица в интересующий судебно-следственные органы период времени — по показаниям свидетелей; по показаниям подэкспертного лица во время следствия и судебного

разбирательства (в случае когда подэкспертный является обвиняемым или подсудимым — и по текстам явки с повинной и чистосердечного признания); по следственным экспериментам и выходу на место происшествия; по материалам других экспертиз (в первую очередь — судебно-медицинских и судебно-психиатрических).

6.6. Основные этапы психологического исследования при проведении судебной экспертизы

Алгоритм экспертного исследования можно представить в виде обобщенной схемы.

1. Четкое уяснение фабулы дела. Эксперт-психолог реконструирует временную последовательность событий, используя все имеющиеся в деле показания (обвиняемого, свидетелей, потерпевших), материалы выхода на место происшествия и следственных экспериментов, а также данные судебных экспертиз. Существенно облегчает понимание динамики ситуации и поведения подэкспертного текст обвинительного заключения, если оно имеется в уголовном деле.

2. Психологический анализ ИПО подэкспертного по уголовному делу и приобщенным к нему материалам.

3. Психологический анализ динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела.

4. Проведение клинико-психологической беседы и ЭПИ с одновременным наблюдением подэкспертного.

5. Сопоставительный анализ данных психологического изучения уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментального исследования.

6. Анализ взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией. Включает исследование особенностей отражения, осознания, понимания, смыслового восприятия ситуации, произвольной волевой регуляции своих действий, контроля своего поведения, прогностических возможностей, степени опосредованности действий и других регуляторных психологических механизмов — с учетом индивидуально-психологических возможностей, эмоционального и функционального состояния, особенностей уровня психического развития, психических расстройств.

7. Составление заключения с формулировкой экспертных выводов (ответов на вопросы судебно-следственных органов).

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите и охарактеризуйте основные методологические принципы исследования психической деятельности подэкспертных лиц в СПЭ.

2. Какие подходы существуют к проблеме нормы и патологии поведения в судебной экспертизе?

3. Раскройте структуру психодиагностической деятельности судебного эксперта-психолога.

4. Какие факторы определяют набор методов исследования при производстве СПЭ?

5. Раскройте общую классификацию психодиагностических методов, используемых в СПЭ.

6. Раскройте классификацию психодиагностических методов по процедуре и объекту исследования в СПЭ.

7. Назовите основные принципы и компоненты психологического анализа материалов уголовного или гражданского дела.

8. Опишите алгоритм (основные этапы) психологического исследования при проведении СПЭ.

Глава 7
ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• базисные этические ценности психологического исследования;

уметь

• оперировать основными этическими принципами деятельности судебного эксперта-психолога;

владеть

• спецификой профессиональной этики судебно-экспертной деятельности психолога по сравнению с этикой психологической помощи.

7.1. Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы

Чрезвычайно важным компонентом профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога является выполнение определенных этических принципов и норм. Однако, к сожалению, этические проблемы работы экспертов-психологов, равно как и психологов других специализаций, в отечественной литературе практически не рассматривались. В целом наиболее общим ориентиром для судебных психологов в настоящее время может служить Свод этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы (принят на Пленуме правления Российского общества психиатров 03.10.2002), основные положения которого совпадают с этическими нормами для профессионального эксперта-психолога. Но очевидно, что деятельность психолога при производстве судебной экспертизы имеет и свою специфику.

Судебная экспертиза является одним из необходимых средств выяснения истины по уголовному делу. Судебно-психологическая и комплексные с нею экспертизы производятся в интересах прежде всего общества в целом, поскольку деятельность эксперта-психолога вплотную примыкает к работе правоохранительных органов. В то же время невозможно игнорировать и то обстоятельство, что производство судебной экспертизы защищает и интересы подэкспертных лиц — будь то обвиняемый, потерпевший или свидетель. Нельзя, разумеется, понимать интересы подэкспертных упрощенно, как их личную выгоду, уклонение от ответственности — главным является справедливое объективное решение вопросов, составляющих предмет СПЭ.

Этические проблемы возникают тогда, когда люди вступают между собой в определенные взаимоотношения, осуществляют совместную деятельность. Понимание целей экспертизы в совокупности с тем обстоятельством, что судебный эксперт-психолог для их достижения должен эффективно взаимодействовать с органом, назначившим экспертизу, с подэкспертными лицами и, наконец, с коллегами, определяет необходимость осознания им определенных этических принципов и их усвоения в своей профессиональной деятельности в качестве нравственной позиции.

Базисные принципы этики судебного эксперта-психолога совпадают с наиболее общими принципами этики практической психологии и биомедицины — гуманизма, ответственности, непричинения вреда, благодеяния, справедливости. Однако использование заключения СПЭ судебно-следственными органами определяет некоторую специфику практического применения этических норм экспертом-психологом в отличие от использования этих же норм психологами, осуществляющими консультирование, диагностику в условиях психиатрической клиники, психотерапию и психокоррекцию, другие виды оказания психологической помощи. Эти отличия детерминируются тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, судебный эксперт-психолог взаимодействует не с пациентами, которые нуждаются в психологической помощи и подвергаются психодиагностическому исследованию добровольно, исходя из своих потребностей и личной заинтересованности, а осуществляет исследование испытуемых, либо преступивших закон, либо ставших жертвами противоправных действий, что определяет своеобразие социального взаимодействия, общения между ними.

Во-вторых, эксперт-психолог в силу своего процессуального положения обладает большой властью над испытуемыми — от его выводов часто зависит дальнейшая судьба подэкспертного лица, например для обвиняемых — квалификация статей УК РФ (с разными мерами и сроками наказания), назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств и т.д. Зависимость подэкспертных лиц от психодиагностических выводов психолога, используемых в производстве, накладывает на эксперта огромную ответственность за его решения.

В-третьих, и это главное, деятельность психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, регулируется законодательно. Он несет уголовную ответственность за определенные действия, нарушающие уголовно-процессуальную регламентацию его деятельности, обладает совокупностью обязанностей и прав.

Взаимоотношение законности и этики, законодательной регуляции деятельности эксперта-психолога и этических норм в рамках производства экспертизы можно обозначить принципом «воронки»: психолог должен действовать строго в рамках закона, соблюдать его, но варианты поведения, часто альтернативные, в разных ситуациях при проведении экспертизы (которые в силу своего разнообразия просто не могут быть оговорены в законе) подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый общей нравственной позицией эксперта-психолога.

Приведем один из типичных примеров, иллюстрирующих взаимоотношения этики и законности в деятельности судебного эксперта-психолога. Следователем назначена СПЭ обвиняемого в убийстве, в постановление вынесены вопросы к эксперту: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого? Оказали ли они существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий?». Эксперт-психолог, ознакомившись с материалами уголовного дела и уяснив фабулу дела, предположил, что необходимо дополнительно к вопросам следователя исследовать возможность того, что обвиняемый в момент совершения убийства находился в состоянии аффекта. Эксперт имеет определенное УПК РФ право отвечать на вопросы, не заданные органом, назначившим экспертизу, если они имеют значение для дела и входят в его компетенцию. Однако эксперту для ответа на вопрос, не сформулированный в постановлении следователя, необходимо провести

дополнительные исследования — провести более объемный и глубокий анализ материалов уголовного дела, применить большее количество экспериментально-психологических методик и потратить больше времени на клинико-психологическую беседу. Нравственная коллизия заключается в выборе между достижением истины и справедливости по делу, взятием на себя ответственности за последствия реализации своего права, непричинением вреда подэкспертному (квалификация убийства в состоянии аффекта существенно уменьшает сроки лишения свободы, следовательно, игнорирование данного обстоятельства приведет к более суровому, чем должно, наказанию), с одной стороны, и такими возможными факторами, как нехватка времени у эксперта, сознание того, что дополнительного вознаграждения за увеличение объема работы и времени он не получит, возможная личная антипатия психолога к подэкспертному, возникшая в результате вызывающего поведения последнего во время проведения экспертизы, требование следователя провести экспертизу побыстрее из-за лимита сроков следствия и т.п., — с другой.

Эксперт-психолог, сталкиваясь со сложными этическими коллизиями в своей работе, должен реализовывать наиболее общие нравственные ценности: служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность.

7.2. Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога

Базисные ценности определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

Профессиональная компетентность. Профессиональная компетентность эксперта-психолога складывается из его специальных знаний и искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования.

Специальные психологические знания в СПЭ[1] в качестве минимального профессионального стандарта требуют высшего психологического образования и наличия постдипломной подготовки в области экспертизы. Это накладывает на эксперта-психолога моральную обязанность постоянного профессионального совершенствования с использованием

[1] См. гл. 5 настоящего учебника.

всех доступных форм дополнительного обучения, изучением научной и методической литературы по психологическим и смежным дисциплинам, входящим в объем специальных психологических знаний, усвоением собственного опыта и опыта своих коллег. Кроме того, нравственным требованием к эксперту-психологу является и оказание профессиональной помощи своим коллегам, консультирование их при затруднениях и сомнениях в сложных диагностических и экспертных случаях, передача своего опыта молодым начинающим психологам.

Как указывалось выше, эксперт-психолог самостоятельно принимает решения, влияющие на судьбу подэкспертных лиц, а косвенно — и на их родителей, детей, супругов, других родственников и близких. Это налагает на психолога дополнительную ответственность, и, безусловно, только высокая степень овладения им специальными психологическими знаниями дает ему моральное право принимать самостоятельные ответственные решения при производстве экспертизы.

Однако для полноценного производства СПЭ одного усвоения специальных знаний недостаточно. Важнейшей составляющей профессиональной компетентности судебного эксперта-психолога является искусство проведения психодиагностического исследования. Психологическое экспертное обследование происходит при непосредственном контакте с подэкспертным лицом, находящимся в сложной жизненной ситуации, что определяет выполнение ряда этических норм взаимодействия и общения. Эти нормы связаны со следующим важным этическим принципом.

Личностный подход. Основой этики системы отношений к подэкспертному в рамках судебной экспертизы является личностный подход. Он складывается из следующих этических стандартов.

1. *Уважение прав личности подэкспертного.* Любой человек, привлеченный к уголовной ответственности или участвующий в процессе суда или следствия в качестве потерпевшего или свидетеля, обладает определенной совокупностью прав, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством. Объем данных прав может различаться в зависимости от процессуального положения подэкспертного лица (является ли оно подозреваемым; обвиняемым, не заключенным под стражу; обвиняемым, заключенным под стражу; подсудимым; потерпевшим; свидетелем), но экс-

перт-психолог должен иметь о законных правах каждого конкретного человека четкое представление, чтобы избежать их ущемления. Следует всегда учитывать, что одним из основных прав любого подэкспертного является право на информацию о цели и характере проводимой экспертизы. И хотя по закону лицо или орган, ведущий производство по уголовному делу, обязаны знакомить подэкспертного с постановлением или определением о назначении экспертизы, эксперт-психолог не должен отказывать в такого рода информации испытуемым по их просьбе.

2. *Уважение чести и достоинства подэкспертного.* Эксперт-психолог в ходе своей деятельности часто вынужден работать с людьми, которые по-человечески, с житейской точки зрения, вызывают крайне негативное эмоциональное отношение. Это может определяться характером инкриминируемого им деяния — например, половые преступления (особенно групповые или в отношении малолетних детей), убийства, совершенные с особой жестокостью, и т.п. Другим фактором эмоционального неприятия может выступать неприемлемое с точки зрения норм межличностного общения поведение испытуемого в процессе производства экспертизы: повышенная агрессивность, сквернословие и т.д. Нормальное субъект-субъектное взаимодействие нарушают и различные формы установочного поведения — явная симуляция, аггравация и пр. Часто раздражающими в общении являются особенности поведения, определяемые разными формами психических расстройств: дурашливое поведение, подчеркнутая демонстративность, негативизм, повышенная подозрительность и требовательность и др. Тем не менее в любом случае эксперт-психолог должен занимать профессиональную позицию по отношению к поведению подэкспертных лиц (оно должно быть объектом его психодиагностического наблюдения), контролировать свои действия и высказывания, вести себя корректно.

Особенно важно избегать оценочных суждений о личности испытуемого. Эксперт-психолог должен всегда помнить, что обвиняемый в преступлении — еще не преступник, что на момент производства экспертизы его вина и ее степень еще не доказаны. Психолог не может брать на себя функции суда. Необходимо учитывать, что в ситуацию судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз чаще всего попадают люди, совершившие правонарушения в силу тяжелых жизненных обстоятельств, стрессовых воздействий,

Сама ситуация привлечения к уголовной ответственности, отрыв от привычных условий жизнедеятельности могут переживаться подэкспертными особо тяжело, приводить к изменениям психического состояния, настроения. Наличие у многих подэкспертных психических аномалий разной степени выраженности, мешающих им полноценно адаптироваться в обычной жизни и в условиях производства экспертизы, также требует воздержания от скоропалительных оценочных суждений, от осуждающей позиции эксперта.

При экспертном обследовании потерпевших и свидетелей необходимо помнить, что почти все они пережили психическую травму, связанную с тем, что они были очевидцами или жертвами преступлений. Особенно деликатными и требующими уважения чести и достоинства личности являются ЭПИ жертв сексуального насилия и беседа с ними. В этих случаях с точки зрения этики правильным будет проведение психологического исследования не только как диагностической процедуры, но и как психотерапевтического процесса.

Важным компонентом уважения чести и достоинства подэкспертных является и внутренняя культура эксперта-психолога, корректность поведения, правильная речь, аккуратность во внешнем облике. Психодиагностическое исследование — всегда диалоговое взаимодействие, со взаимным восприятием и оценкой друг друга, скрытым процессом невербального общения. От восприятия эксперта испытуемым во многом зависит и установление доверительного контакта, достижение атмосферы откровенности, заинтересованность в совместной деятельности, что является одним из важнейших условий эффективности экспертного исследования.

Независимость. Независимость эксперта является одним из краеугольных камней судопроизводства и достижения истины по уголовному делу. Она лежит в основе объективности и беспристрастности эксперта-психолога и непосредственно связана с его личной ответственностью за экспертные выводы.

Можно выделить несколько компонентов независимости эксперта-психолога.

1. *Независимость от судебно-следственных органов.* Прежде всего следует отметить, что в случаях когда эксперт находится в какой-либо зависимости от следователя, обвинителя (прокурора) или защитника (адвоката) — например, является

их родственником, — то он обязан заявить самоотвод, что предусмотрено законом. Однако в жизни иногда возникают ситуации, когда между экспертом и должностным лицом нет служебной, родственной или иной зависимости, но на эксперта оказывают давление различные судебно-следственные органы, психолог находится в дружеских отношениях с лицами, причастными к суду или следствию, и т.п. — в этих случаях основой личной независимости эксперта-психолога являются только его внутренние убеждения, его общая нравственная позиция. В любом случае эксперт-психолог имеет право обжаловать действия должностных лиц (следователя, прокурора, судьи), ущемляющие его права.

2. *Независимость от других участников уголовного или гражданского процесса.* В случаях когда эксперт-психолог является родственником обвиняемого, потерпевшего или их законных представителей или сам является потерпевшим или свидетелем по делу, он также обязан заявить самоотвод. Однако законом не предусмотрены случаи, когда связанными родственными или иными узами с перечисленными лицами являются друзья, коллеги или непосредственные начальники эксперта. В этих случаях проявление независимости целиком зависит от этической позиции психолога. Также сложные нравственные коллизии могут возникать в ситуациях, когда участники процесса каким-либо образом связаны с психологом, а экспертизу в отношении этих лиц производят его коллеги.

3. *Независимость от других экспертов-психологов.* Этот аспект независимости связан с ситуациями проведения комиссионной судебно-психологической экспертизы, в которых мнения членов комиссии не совпадают друг с другом. Моральной обязанностью каждого эксперта-психолога является самокритичное отношение, уважение мнения коллег и умение признавать свои ошибки, но в случаях когда после тщательного анализа всех аргументов других членов комиссии внутреннее убеждение эксперта-психолога в своей правоте не изменилось, этичной будет реализация своего права составить отдельное аргументированное заключение, которое будет оцениваться судом наряду с заключением других членов комиссии СПЭ. Важным аспектом независимости эксперта-психолога является определение предмета и выбор конкретных методов исследования. Их он выбирает исходя из своей профессиональной компетентности, и никто не вправе директивно заставлять его проводить те

исследования, которые, по его мнению, не имеют значения для достижения истины по делу.

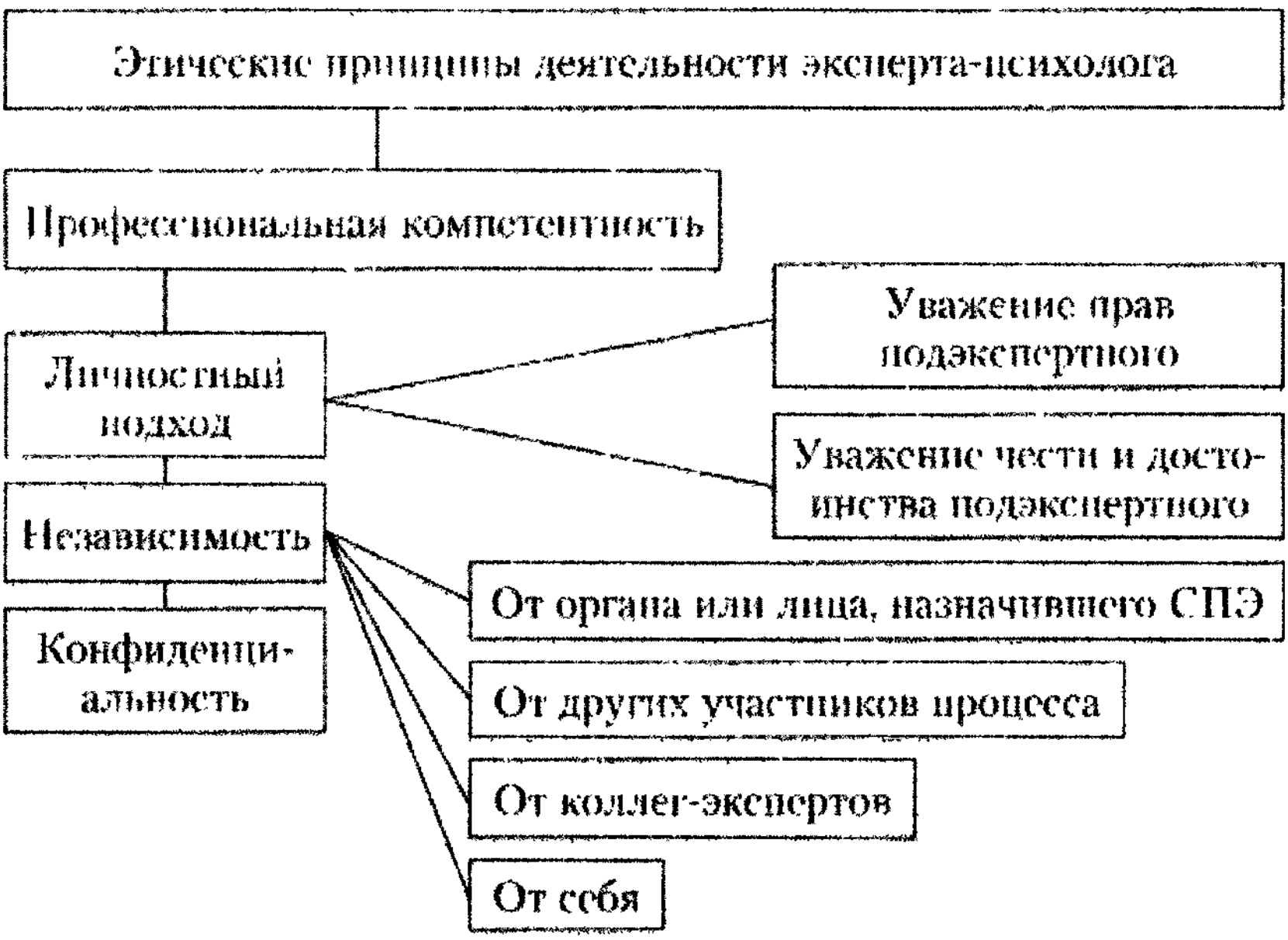
4. *Независимость от себя.* Одним из важнейших нравственных императивов является положение, зафиксированное в Своде этических принципов и правил проведения судебно-психиатрической экспертизы: «Социальные, политические, идеологические, религиозные убеждения и пристрастия, как и личные отношения (неприязнь или жалость к испытуемому), не должны влиять на деятельность эксперта, на его оценки и заключения». При производстве СПЭ, при взаимодействии с подэкспертным лицом психолог должен абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, от чувства жалости или, напротив, ненависти, руководствоваться только профессиональными знаниями, а также принципами беспристрастности, непредвзятости, объективности — только такая нравственная позиция является гарантией от искажений экспертного заключения под влиянием незаконной «гуманности» или «жестокости».

Конфиденциальность. При производстве судебной экспертизы эксперт-психолог становится обладателем большого объема информации о подэкспертном лице. Это, во-первых, все данные уголовного или гражданского дела, предоставленные в распоряжение эксперта. Во-вторых, это приобщенные к делу материалы, среди которых особо конфиденциальную информацию сведения, составляющие врачебную тайну, — содержит медицинская документация. В-третьих, это информация, полученная при производстве собственного ЭПИ, включающая результаты экспериментально-психологического изучения ИПО и познавательной сферы подэкспертного лица. Все эти сведения эксперт-психолог не имеет права разглашать согласно закону, но они составляют конфиденциальную информацию и по этическим соображениям. Особо это касается данных собственного психодиагностического обследования, поскольку не все они могут включаться в заключение психолога (являющегося составной частью уголовного дела) для обоснования экспертных выводов. Также противоречит этическому принципу конфиденциальности и разглашение самого факта производства СПЭ в отношении конкретного подэкспертного лица.

Эксперт-психолог должен помнить, что единственный адресат такого рода информации — орган, назначивший экспертизу. Включенность деятельности психолога, проводя-

шего судебную экспертизу, в работу судебно-следственных органов, таким образом, не делает все сведения об испытуемом абсолютно закрытыми, но определяет границы конфиденциальности. Поэтому честной позицией по отношению к подэкспертному лицу будет информирование его об этих границах — особенно в случаях, когда тот изъявляет желание сообщить психологу какие-либо сведения, но просит сохранить их в тайне. Этичным в таких случаях представляется сообщение подэкспертному, что сведения, имеющие значение для составления экспертного заключения, будут известны органу, ведущему производство по уголовному делу, а в случае открытого судебного заседания — и присутствующим в зале суда.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите базисные этические ценности СПЭ.
2. В чем заключается специфика практического применения этических норм судебным экспертом-психологом?
3. Перечислите этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

4. Раскройте принцип профессиональной компетентности эксперта-психолога.

5. Из каких этических стандартов складывается принцип личностного подхода к подэкспертному?

6. Каковы компоненты независимости эксперта-психолога?

7. Раскройте принцип конфиденциальности при производстве СПЭ.

РАЗДЕЛ III
ПРЕДМЕТНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 8
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБВИНЯЕМОГО

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• специфику СПЭ индивидуально-психологических особенностей обвиняемого;

• правовое значение СПЭ индивидуально-психологических особенностей обвиняемого;

уметь

• определять основные задачи СПЭ индивидуально-психологических особенностей обвиняемого;

владеть

• судебно-психологическими экспертными критериями установления существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение.

8.1. Юридическое значение

Учет личностного фактора при совершении преступлений имеет немаловажное юридическое значение и должен активно использоваться в уголовном и исправительном процессах. Однако следует отметить, что юристами, психиатрами и психологами понятие «личность» зачастую трактуется по-разному, да и в психологической литературе существует большое количество разнообразных и не всегда совместимых подходов к данной проблеме, что, естественно, препятствует полноценному и эффективному использованию профессиональных знаний о личности обвиняемых в уголовном процессе.

Проблема личности является центральной в деятельности судебного эксперта-психолога. Психологическое исследова-

ние личности подэкспертного необходимо практически во всех предметных видах экспертизы. Так, особенности мотивационной и смысловой сферы личности свидетелей могут оказывать влияние на их способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания; диагностика аффекта или иного эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на поведение обвиняемого, практически неосуществима без оценки роли личности в их возникновении и развитии; определение уровня личностного и интеллектуального развития имеет решающее значение при исследовании способности несовершеннолетних потерпевших по сексуальным правонарушениям правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление преступнику. В то же время СПЭ личности обвиняемых представляет собой и самостоятельный предметный вид экспертизы.

Юридической основой данного вида экспертизы является п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, в котором среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, указываются «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого». Поскольку согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение эксперта является доказательством по уголовному делу, во многих случаях возникает необходимость назначения экспертизы личности обвиняемого, которая может проводиться в рамках СПЭ либо КСПИЭ. Необходимость привлечения эксперта-психолога к судебному исследованию личности определяется двумя важными, но до конца не проясненными проблемами: во-первых, дискуссионным остается вопрос об объеме судебного исследования личности обвиняемого; во-вторых — недостаточно разработан вопрос о предмете СПЭ индивидуальных особенностей обвиняемого. Эти взаимосвязанные проблемы обусловлены тем, что законодательная формулировка содержательно не раскрывает свойств личности обвиняемого, имеющих уголовно-правовое значение и подлежащих доказыванию, не уточняет, какие же конкретно «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого», имеются в виду.

При всей неоднородности взглядов на данные проблемы, существующие в юридической литературе, общепринятым является положение, что с уголовно-правовой точки зрения понятие «личность преступника (обвиняемого)» необходимо:

1) для решения вопросов, касающихся определения оснований уголовной ответственности;

2) индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Какую роль в реализации указанных направлений судебной деятельности может выполнять СПЭ личности обвиняемого?

Рассмотрим, какие же характеристики личности преступника включены законодательством в состав преступления, являющийся основанием уголовной ответственности. Это прежде всего общие и специальные признаки субъекта преступления — возраст уголовной ответственности, гражданство, должностное положение и др., т.е. те свойства личности (в юридическом ее понимании), которые не являются предметом психологического исследования, а представляют собой преимущественно социально-демографические характеристики. В то же время нельзя однозначно утверждать, что при определении оснований уголовной ответственности не существует необходимости привлекать заключение эксперта-психолога. На наш взгляд, экспертиза личности обвиняемого во многих случаях способствует правильному установлению мотивов преступления, которые могут быть необходимым признаком состава преступления или выступать в качестве квалифицирующего обстоятельства. Разумеется, установление искомых мотивов является прерогативой суда.

Для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности и наказания использование психологических знаний при установлении обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, становится более значимым. В этом аспекте для судебно-следственных органов научно обоснованная оценка личности обвиняемого выступает, во-первых, в качестве предпосылок установления обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, т.е. смягчающих обстоятельств. Конечно же, не все обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, относятся к личностным характеристикам, но следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ судом «при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи», а как показывает многолетняя практика судопроизводства — в качестве таких часто выступают обстоятельства, характеризующие личность виновного.

Во-вторых, судебно-психологическая оценка личности обвиняемого помогает суду более полно раскрыть обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). В-третьих, полное исследование личности виновного способствует правильному решению вопроса о назначении вида наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Законодателем указывается, что при назначении осужденным вида наказания подлежит проявлять индивидуальный подход с учетом, в числе прочих обстоятельств, и личности виновного. О большой роли СПЭ личности обвиняемого свидетельствует тот факт, что неполное выяснение обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, рассматривается в судебной практике (при невозможности восполнить этот пробел в судебном заседании) как основание направления дела для дополнительного расследования.

Таким образом, наиболее общими основаниями назначения СПЭ ИПО обвиняемого для следственных и судебных органов являются: потребность в установлении обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, выяснении мотивов и механизма преступления, раскрытии причин и условий (обстоятельств), способствовавших совершению преступления, а также в определении адекватного вида наказания с учетом индивидуального подхода — в тех случаях, когда достижение этого затруднительно без всесторонней и глубокой оценки личности обвиняемого, которая не может быть достигнута обычными средствами, находящимися в распоряжении следователя или суда, а требует применения специальных знаний в психологии.

8.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Основной вопрос, решаемый этим видом экспертизы:

«Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого (подсудимого)?»

Почему употребляется термин «индивидуально-психологические особенности», а не, к примеру, «личность» или «характер» и пр.? Дело в том, что если в житейском сознании понятие личности нередко отождествляется с представлением о человеке, то в научной психологии во многих теориях личность понимается как более узкое образование, наполненное определенным психологическим содержанием.

В современной психологии существует множество определений личности. Человек же может быть описан не только с помощью понятия личности, но и характера, темперамента и других существенных свойств, которые отличают одного человека от другого и выявляют их индивидуальность. Юридическое значение имеют как раз индивидуальные особенности обвиняемого, включающие способности, систему отношений, мировоззрение, ценности, мотивы, привычные способы адаптации и реагирования, темперамент, характер, культурные различия, эмоциональные особенности и т.д. Понятие ИПО включает в себя и аномалии личности, конкретизирует их, т.е. является синтезом многих характеристик человека.

Как видно, эксперт-психолог может оперировать достаточно широким кругом явлений, связанных с индивидуальными особенностями подэкспертного, что позволяет ему создавать «психологический портрет» обвиняемого как контекст решения многих юридических вопросов. В то же время в данном «психологическом портрете» могут быть упущены какие-то конкретные характеристики личности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные уголовно-правовые последствия. Поэтому можно рекомендовать задавать вопрос и в конкретизированном виде:

«Имеются ли у обвиняемого такие индивидуально-психологические особенности, как... (перечисляются интересующие судебно-следственные органы особенности личности обвиняемого)?»

В одних случаях необходимо установление личностных черт, например, таких как повышенная агрессивность, жестокость, импульсивность или повышенная внушаемость, подчиняемость, в других — важное значение приобретает содержательная характеристика социальных установок, мотивационной, волевой сфер личности и т.д.

Более сложную и относительно мало разработанную проблему представляет экспертная оценка влияния ИПО обвиняемого на его поведение в интересующей следствие или суд ситуации. В этом случае формулируется следующий вопрос:

«Могли ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказать существенное влияние на его поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния?»

Естественно, что личностные особенности человека проявляются в его действиях, поведение всегда определяется

взаимодействием индивидуально-психологических и ситуационных факторов. Возникает вопрос: а в каких случаях следует признавать такое влияние существенным и какие уголовно-правовые последствия это влечет? С позиций СПЭ – *ИПО обвиняемого оказывают существенное влияние на его поведение в том случае, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний.* Таким образом, основным экспертным понятием в данном виде СПЭ является термин «существенное влияние ИПО на криминальное поведение». С юридической точки зрения признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность. В отличие от формулы «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ), дефицит анализируемой способности в данном случае обусловлен не медицинским критерием («психическим расстройством»), а особенностями личности или ее аномалиями неболезненного характера. Следует подчеркнуть, что простое отражение в поведении человека его индивидуальных особенностей (например, у обвиняемого диагностируется жестокость как черта личности, как привычный способ реагирования, и он совершил жестокое убийство; или обвиняемый с высокой степенью агрессивности, при сохранности структур самосознания и регуляции деятельности, совершает агрессивный деликт и т.п.) нельзя смешивать с существенным их влиянием, так как они не нарушают нормальный ход деятельности, целевую структуру поведения, а только оформляют действие, определяют способ достижения цели.

Следует учитывать разницу между социально извращенным, но подчиняющимся психологическим закономерностям поведением, и поведением, протекающим с нарушениями полного осознания и контроля под существенным влиянием определенных ИПО.

В первом случае в заключении СПЭ устанавливается, что выявленные у обвиняемого ИПО нашли отражение в его поведении. Подобный ответ не приводит к сколько-нибудь значимым правовым последствиям, поскольку и так очевидно, что в любом поведенческом акте отражаются ИПО человека.

Во втором же случае в заключении формулируется экспертный вывод о том, что выявленные у обвиняемого ИПО (указываются, какие) в период совершения инкриминируемых ему действий оказали существенное влияние на его поведение. При этом эксперт обязан раскрыть психологический механизм существенного влияния, показать, какие звенья осознания и мотивации поведения оказались нарушенными, основываясь на анализе взаимодействия личности и конкретной ситуации, в которой совершалось преступление. Заключение СПЭ о существенном влиянии ИПО обвиняемого на его криминальное поведение может служить основанием индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

8.3. Варианты существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемых на криминальные действия

Данный предметный вид СПЭ является одним из самых сложных, требующим опыта производства экспертизы и умения применять индивидуальный подход, идиографический анализ каждого конкретного экспертного случая. Одной из причин этого является практическая невозможность создания достаточно универсальной типологии вариантов существенного влияния ИПО обвиняемого на его криминальное поведение, поскольку, устанавливая снижение способности субъекта в полной мере осознавать и контролировать свои действия, эксперт-психолог отталкивается не столько от психодиагностики личности испытуемого, сколько от анализа взаимодействия личностных структур с ситуационными переменными.

Во-первых, необходимо выявить субъективную значимость ситуации, степень ее новизны для испытуемого, силу ее фрустрирующего воздействия, особенности переработки ее информационных характеристик, возможности соотнесения требований ситуации с самооценкой человека, т.е. индивидуальные особенности смыслового восприятия ситуации, понимания содержащихся в ней связей и отношений.

Во-вторых, нужно выявить способность человека к адекватному целеполаганию, выбору возможных вариантов действий, прогнозу их возможных последствий, степень опосредованности поступков, компенсаторные возможности.

способность к коррекции и контролю на каждом этапе генеза поведения в анализируемой ситуации, т.е. особенности регуляции поведения во время совершения преступления.

Очевидно, что при таком подходе разнообразие личностных особенностей, уникальность ситуационных воздействий, индивидуальность их личностной переработки определяют очень широкую вариативность проявлений существенного влияния личностных факторов на поведение. Тем не менее можно увидеть и некоторые общие закономерности — как правило, ограничение способности обвиняемых к осознанию своих действий и их полноценной регуляции в основном затрагивает такие важные звенья мотивации поведения, как формирование актуальных ситуативных мотивов и процесс принятия решения. Проиллюстрируем это положение примерами.

Испытуемый К., обвиняемый в дезертирстве. С четырех лет воспитывался одной матерью, без отца. Когда отец, страдающий алкоголизмом, жил с ними, он часто бил сына, и у К. с тех пор, по показаниям матери, остался панический «животный» страх перед побоями, драками, любыми критическими ситуациями. Рос замкнутым, впечатлительным, обидчивым, стеснительным. Любил животных, был очень привязан к матери. Окончил 8 классов, работал на заводе, был призван на воинскую службу. После призыва в армию стал подвергаться неуставным отношениям (побоям и издевательствам) со стороны старослужащих. Трижды совершал самовольные отлучки, приезжал к матери. Каждый раз мать сама привозила его обратно в воинскую часть. Находясь на гауптвахте, К. глотал гвозди, резал себе вены. В рамках уголовного дела по обвинению в самовольном оставлении части или места службы была назначена КСПИЭ. В числе других вопросов следователя интересовало, имеются ли у К. ИПО, которые оказали существенное влияние на его поведение при совершении правонарушения.

Эксперты-психиатры пришли к выводу, что К. является акцентуированной личностью тормозимого круга, при совершении инкриминируемого ему деяния мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. При экспериментально-психологическом обследовании выраженных расстройств познавательной деятельности у К. не обнаруживалось. Отмечались резко выраженные колебания внимания, утомляемость. По данным опросника Кеттелла, теста Розенцвейга и других методик, а также психологического анализа сведений, содержащихся в уголовном деле, у К. были диагностированы следующие ИПО: повышенная чувствительность, ранимость, эмоциональная неустойчивость, трудности принятия решений с затруднениями нахождения адекватных конструктивных выходов из конфликтных ситуаций, интровертированность, мягкость, робость, скрытность, подчиняемость и зависимость, потребность в помощи и поддержке, склонность ориентироваться на общепринятые нормы поведения, высокий уровень тревожности и внутренней напряженности.

Анализ материалов уголовного дела и экспериментального обследования позволил прийти к выводу, что выявленные ИПО К. оказали существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий.

В психотравмирующих условиях обострились такие его личностные черты, как повышенная ранимость, эмоциональная неустойчивость, нерешительность и пассивность. Они обусловили рост тревоги, внутренней напряженности, сопровождавшийся чувством сильного страха, ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации, восприятием возникших проблем как неразрешимых, потребностью в помощи и поддержке. Субъективная непереносимость психотравмирующих воздействий, осмысление ситуации как неразрешимой в сочетании с доминированием мотивации избегания и трудностей принятия самостоятельных решений привели К. к резкому ограничению выбора возможных вариантов поведения, обусловили пассивный уход из конфликтной ситуации с нарушениями возможности полноценно контролировать свой поступок и прогнозировать его возможные последствия, т.е. ограничили его способность в полной мере осуществлять произвольную волевую регуляцию своих действий.

В данном примере взаимодействие личностных особенностей испытуемого, в основном характерологического уровня, с психотравмирующей, фрустрирующей его ситуацией привело к нарушению звена принятия решения с ограничением адекватного прогноза и контроля своих действий.

Однако следует учесть, что понятие ИПО является собирательным и наряду с направленностью личности, особенностями мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, характера, темперамента, познавательной деятельности включает в себя и социокультурно обусловленные ценностные ориентации, особенности смыслового восприятия различных ситуаций, стереотипы поведения и эмоционального реагирования. Эти особенности также в определенных условиях могут оказывать существенное влияние на поведение обвиняемого, ограничивая возможность полноценного и адекватного отражения ситуации и осознания значения своих действий, а также произвольной и осознанной регуляции, контроля своих поступков.

Характерным примером может служить КСПЭ испытуемой С., обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка. При клинико-психологическом освидетельствовании испытуемой выяснилось, что она росла в среднеазиатском селе, воспитывалась в многодетной семье, где доминировали патриархальные обычаи и традиции: авторитарность отца, традиционное распределение ролевых функций в семье, особенности полового воспитания (осуждение добрачных половых связей, вывешивание простыни во дворе после первой брачной ночи). Беременность у нее наступила вследствие изнасилования ее незнакомыми мужчинами в период ее обучения на последнем курсе СПГУ. О случившемся никому не рассказывала, боялась «позора для семьи», изгнания из дома, считала, что если об этом узнают, то никогда не сможет выйти замуж. При этом не обращалась в женскую консультацию, не осуществляла попыток прервать беременность. Не знала, что делать, о будущем старалась не думать. Осенью, по настоянию родителей, поехала

поступать в один из подмосковных техникумов, где, проживая на квартире у знакомых, неожиданно для себя родила ребенка. В период, непосредственно предшествующий родам, почувствовала недомогание, не связала это с родами, считала, что у нее болит живот. Когда ребенок закричал, утопила его в бачке с водой.

Эксперты пришли к выводу, что С. психическим заболеванием не страдает, а также не обнаруживает признаков какого-либо болезненного расстройства психики, которые лишали бы ее возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. У С. выявились следующие ИПО: стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей и их ценностными ориентациями; покорность, подчиняемость, повиновение своим родителям (даже при внутреннем несогласии с ними), боязнь их ослушаться; особо значимой является система ценностей, включающая усвоение местных национальных обычаев и традиций (в том числе и касающихся регуляции половой жизни женщин); кроме того, С. свойственны сдержанность, тенденция не раскрывать свои чувства и переживания, трудности принятия самостоятельных решений, особенно в субъективно сложных ситуациях. Эти особенности оказали существенное влияние на ее поведение в исследуемой ситуации: они определили сокрытие факта изнасилования и беременности от окружающих; непосредственно в момент совершения инкриминируемых ей действий эти личностные особенности привели после неожиданных для нее родов к возникновению состояния крайней растерянности с выраженным чувством страха, что о рождении ребенка узнают ее родители и жители ее села, с ощущением субъективной безвыходности и доминированием мотивации скрыть рождение ребенка, спрятать его. Это обусловило сужение выбора возможных вариантов поведения и ограничение способности к прогнозированию возможных последствий своих поступков в исследуемой ситуации.

Данный пример показывает несколько иной механизм существенного влияния ИПО на криминальное поведение, затрагивающий в большей мере звено формирования конкретной актуальной мотивации в субъективно чрезвычайной ситуации. Здесь прослеживается влияние не только черт личности и характерологических особенностей, но и ценностных ориентаций, в том числе обусловленных социо- и этнокультурными факторами.

В психологическом механизме существенного влияния ИПО на поведение при совершении инкриминируемых обвиняемому деяний могут играть роль и социально-психологические особенности взаимодействия при групповых преступлениях, что можно проиллюстрировать следующим примером.

З., 20 лет, обвиняется в соучастии в трех убийствах. Родилась здоровым ребенком, в школу пошла своевременно, училась хорошо. Была честной, открытой, общительной, подвижной, доверительно относилась к своим родственникам, помогала им. После школы закончила с отличием фармакологический факультет медицинского училища, в том же году поступила

в медицинский институт в другом городе. После второго курса ее родители стали замечать, что дочь стала худеть, потом они узнали, что она стала соблюдать кефирно-капустную диету. Была спокойной, уравновешенной, доброжелательной, но дружеских отношений с однокурсниками не поддерживала. В начале третьего курса у З. были нарушения менструального цикла, у нее появилась первозность, мнительность. В это время З. стала встречаться с молодым человеком, но через несколько месяцев отношения у них разладились, и она совершила суицидальную попытку, выпив одновременно 40 таблеток реланиума и 40 таблеток демидрола. Объясняла это тем, что стала считать себя внешне неинтересной, думала, что «нужна мужчинам только как объект секса», чувствовала пустоту в душе. Вскоре после этого познакомилась с Ц., который произвел на нее благоприятное впечатление. Уже через три дня она привезла его к своим родителям и представила его как своего жениха. Она старалась исполнять все желания Ц., считала, что он обладает экстрасенсорными способностями, воспринимала его поступки и выходки как должное. Она его всюду сопровождала, отдавала ему свои украшения и вещи для продажи. Один раз, когда они с Ц. были у ее родителей, тот рассказал ее отцу, что его ограбил и обманул друг, просил помочь деньгами. Видя колебания отца, ушел в туалет и пытался повеситься на своем ремне, был снят с ремня ее отцом. Родители сказали З., что Ц. инсценировал попытку самоубийства, однако З. не поверила. Был случай, когда Ц. привел З. к своей жене, сказал, что любит их обеих, они легли вместе спать, и он совершал половые акты с обеими. Были также случаи, когда Ц., будучи в состоянии алкогольного опьянения, предлагал ее своим друзьям, однажды заставил ее вступить в половую связь со своим другом. Со временем Ц. стал относиться к З. более жестоко, стал избивать ее по незначительным поводам. З. стала его бояться, но уйти не могла, «продолжала любить его, была очень к нему привязана».

Первое убийство Ц. совершил, задушив пожилую женщину, у которой они жили на квартире, заставил З. при этом держать женщину за руки. Через пять дней после этого Ц. совершил убийство супругов В., при этом З. по приказанию Ц. приносила ножи и полотенца, разрывала их, связывала жертвы. Затем Ц. заставил обвиняемую проверить их зрачки, щупать пульс, чтобы убедиться — мертвы ли они. Во время следующего убийства Ц. дал З. в руки кухонный нож и потребовал, чтобы она вонзила его в уже убитого им человека. В последующем угрозами Ц. заставил З. привести его с соучастником в квартиру ее родной тети. Они ее ограбили, затем с соучастником Ц. совершил убийство тети, а также они нанесли тяжкие телесные повреждения племяннице обвиняемой. З. умоляла пощадить тетю и племянницу, но Ц. ее не слушал, говорил, что «теперь они все равно связаны одной веревочкой». По словам З., убежать от Ц. она не могла, поскольку находясь с ним рядом, чувствовала, что «воля ее практически парализована». Она не могла понять, что с ней происходит, стала думать о том, «как она могла влюбиться в этого страшного человека до такой степени, чтобы помогать ему в совершении преступлений против ее родственников». В последующем Ц. с соучастником совершили еще одно убийство. Обвиняемая просила отпустить ее домой, обещала ничего не говорить о происшедших событиях. Ц. издевался над ней, продавал ее вещи, но в какой-то момент неожиданно отпустил ее. Приехав домой, она все рассказала родителям, а также пошла с повинной в милицию.

В процессе предварительного следствия З. была подвергнута амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе, во время которой жаловалась на подавленное настроение, навязчивые мысли о нежелании жить, была

вялой, монотонной, говорила сквозь слезы. Содеянное объясняла страхом, а также тем, что Ц. «воздействовал на нее гипнозом». Комиссия экспертов-психиатров сочла, что у З. «симулятивное поведение» и рекомендовала проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Была назначена стационарная КСППЭ, во время которой З. подробно рассказывала о правонарушениях, сожалела о случившемся, но объяснить свое поведение не могла. Считала, что Ц. «действовал на нее гипнозом и, как вампир, забирал ее жизненную энергию». Говорила, что очень любила Ц., «несмотря на все стрессы, которые с ним испытывала». Экспертная комиссия пришла к заключению, что З. психическим расстройством не страдает и не страдала в период, относящийся к совершению инкриминируемых ей деяний, рекомендовала считать ее вменяемой.

Была назначена повторная КСППЭ. Охотно беседует с экспертами, адекватно и по существу отвечает на вопросы. Подробно и последовательно сообщает анамнестические сведения. В беседе держится естественно, свободно, однако несколько волнуется — проявляется тремор рук, на лбу появляется испарина. Характеризует себя эмоциональной, впечатлительной, чувствительной и ранимой. Говорит, что когда нервничает, то у нее «все сжимается внутри, дрожит тело, подступает ком к горлу, появляется тошнота». При разговорах о теме взаимоотношений с Ц. и об инкриминируемых ей деяниях З. становится эмоционально лабильной, свое поведение объясняет тем, что «Ц. подавлял ее волю». Сообщает, что вначале она «его очень любила», старалась исполнить все, что он просил. Утверждает, что у нее «выработался рефлекс — сразу исполнять его приказания». Считает, что у нее «было ненормальное состояние» в этот период, хотя и думает, что она психически здорова. После случившихся событий у нее было плохое настроение, испытывала «щемящую тоску в груди», не видела дальнейшего смысла жизни. При ЭПИ выраженных расстройств познавательной деятельности не обнаружено. Выявляется незрелость и дисгармоничность личности с недостаточно развитым внутренним миром и сочетание аффективной ригидности со склонностью к вытеснению, которое, однако, недостаточно эффективно и не устраняет тревоги, ощущения внутренней неудовлетворенности, сниженного фона настроения. Обнаруживаются следующие ИПО: повышенная чувствительность, ранимость, зависимость в межличностных отношениях, робость, неуверенность, малообщительность, пассивность, подчиняемость, трудности самостоятельного решения проблемных ситуаций с тенденцией возлагать ответственность на окружающих; эмоциональная неустойчивость, склонность фиксироваться на фрустрирующих обстоятельствах, преобладание внешнеобвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях, низкая степень осознания социальных норм и требований.

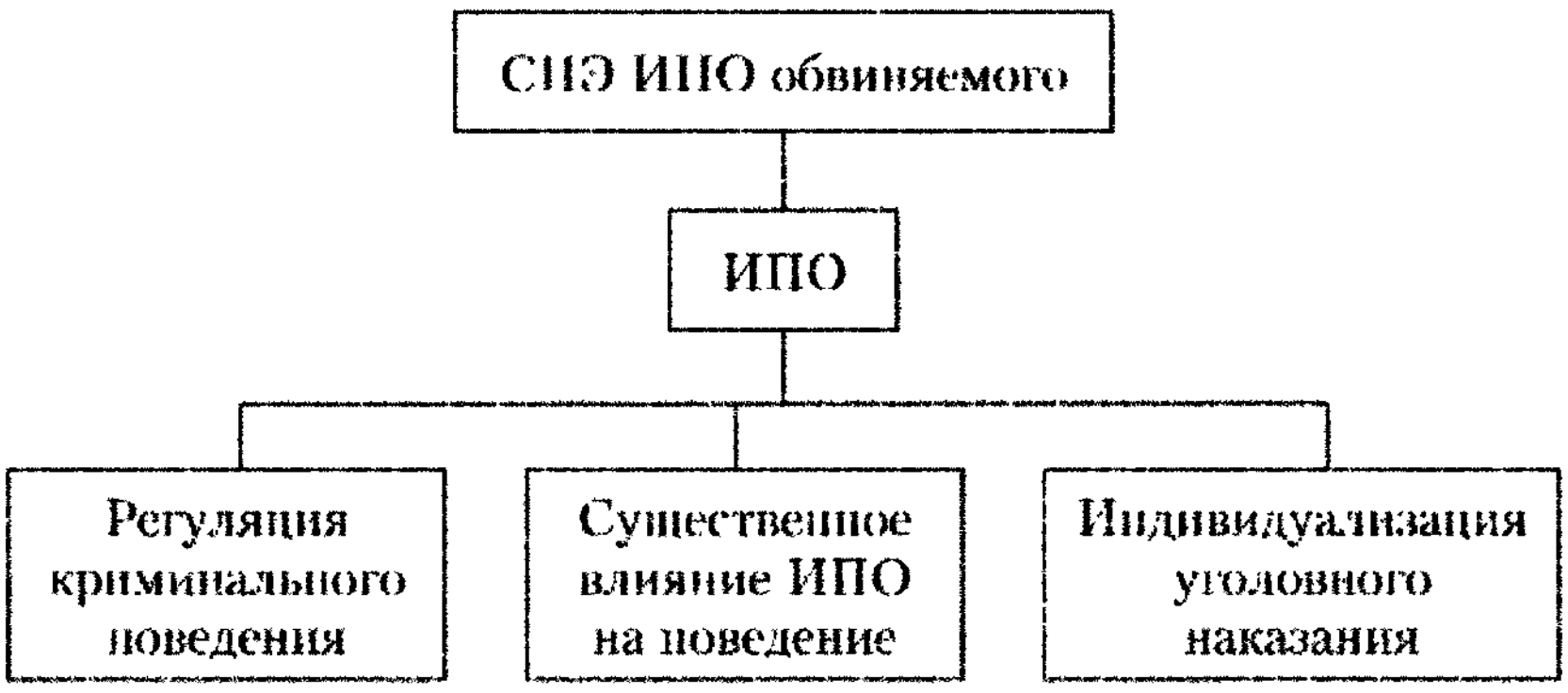
Комиссия экспертов пришла к заключению, что З. психическим заболеванием не страдает, является психопатической личностью мозаичной структуры, в целом в период совершения инкриминируемых ей деяний могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Психологический анализ социально-психологических особенностей отношений З. с Ц. показал, что в основе их межличностного взаимодействия лежал механизм неосознаваемой частичной идентификации З. с Ц., обусловивший садо-мазохистский социальный тип взаимоотношений с подчинением З. любым требованиям Ц., даже противоречащим ее ценностным ориентациям. Как указывается в заключении КСППЭ Ц. от (дата), его отличают выраженные

лидерские тенденции с чувством превосходства над окружающими, признанием для себя исключительного права на собственные морально-этические взгляды, стремлением подчинить себе окружающих, навязывать им свое мнение и руководить ими, особенно с людьми пассивными, подчиняемыми. Как видно из материалов дела, Ц. для достижения своих целей использовал широкий спектр действий: от демонстративного поведения со стремлением произвести благоприятное впечатление, показать исключительность своей личности, широкую эрудицию и необычные способности до прямого запугивания, угроз, шантажа, мер физического воздействия, побоев. Частичной идентификации З. с Ц. способствовали ее личностные особенности: незрелость, зависимость, робость, нерешительность, малообщительность, пассивность, подчиняемость, трудности самостоятельного решения проблем, а также депрессивное состояние З. в период знакомства с Ц. с ощущением потери смысла жизни, внутренней неудовлетворенности, ощущением непонимания со стороны окружающих. Психологический анализ ситуаций правонарушений, совершенных (указываются даты), показывает достаточно однотипную структуру и динамику поведения З. при взаимодействии с Ц. и его соучастником. З. понимала намерения и цели действий Ц., интерпретировала его мотивы и обдумывала возможные варианты своего поведения. Прогнозирование последствий поступков Ц. вызывало у З. борьбу мотивов и обусловливало ее попытки отказаться от совместных преступных действий, что свидетельствует о сохранности у З. понимания фактического характера своих действий. Однако принуждение со стороны Ц., его угроз или прямого физического воздействия вызывало у З. состояние эмоционального напряжения, что в совокупности с характером ее межличностного взаимодействия с Ц. приводило к принятию решения подчиняться любым требованиям Ц. и ограничивало ее способность к руководству своими действиями, к полноценной регуляции и контролю своих поступков.

Экспертная комиссия пришла к выводу, что в ситуациях совершения инкриминируемых ей деяний ИПО З. оказали существенное влияние на ее поведение, ограничив ее способность осуществлять полноценный смысловой анализ своих действий, их произвольную регуляцию и контроль.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ ИПО обвиняемого?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ ИПО обвиняемого?
3. Раскройте содержание экспертного понятия «существенное влияние ИПО обвиняемого на его поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния».
4. Назовите основные варианты существенного влияния ИПО обвиняемых на криминально-агрессивные действия.

Глава 9
КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ ОБВИНЯЕМЫХ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- специфику КСППЭ ограниченной вменяемости обвиняемых;
- правовое значение КСППЭ ограниченной вменяемости обвиняемых;

уметь

- определять основные задачи КСППЭ ограниченной вменяемости обвиняемых;

владеть

- судебными клинико-психологическими экспертными критериями ограниченной способности обвиняемых с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий при совершении преступления.

9.1. Юридическое значение

Как показано в предыдущей главе, формулировка о существенном влиянии личностных особенностей обвиняемых на криминальное поведение раскрывается через ее отождествление с ограничением способности в полной мере осознавать значение своих действий и осуществлять произвольную их регуляцию, контроль. Характерно, что у подавляющего большинства подэкспертных, у которых такое влияние устанавливалось при экспертном исследовании, были различные формы психических расстройств (расстройство личности, органическое психическое расстройство, инфантилизм и т.п.). В этом контексте экспертное установление такого

«существенного влияния» в рамках КСППЭ до 1997 г., по сути, восполняло пробел УК РСФСР 1960 г., связанный с отсутствием каких-либо градаций при определении у обвиняемых «способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими», т.е. этот вид экспертизы являлся эквивалентом отсутствующего в то время института «ограниченной вменяемости».

В УК РФ включена норма об учете психического расстройства обвиняемого, не исключающего вменяемости, при назначении наказания и принудительных мер медицинского характера. Разные теоретические аспекты ограниченной вменяемости были широко освещены в юридической, судебно-психиатрической и судебно-психологической литературе, изданной до 1997 г., но проблема поиска критериев ее судебно-экспертной оценки со всей остротой встала только после введения в действие УК РФ.

УК РФ

Статья 22. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости

1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности.

2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Основной проблемой, требующей своего решения по мере накопления опыта практического применения КСППЭ ограниченной вменяемости, является разработка судебно-психологических критериев оценки меры влияния у обвиняемых психических расстройств, не исключающих вменяемости, на осознанно-волевое управление их противоправным поведением. Решение этой проблемы позволит дать типологию видов ограничения способности к осознанию и произвольной регуляции действий при совершении преступлений.

9.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Основные вопросы, требующие разрешения в данном виде КСППЭ:

«Страдал ли обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния каким-либо психическим расстройством?»

«Мог ли он во время совершения преступления в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими?»

«Нуждается ли обвиняемый в назначении принудительных мер медицинского характера?»

Для разработки унифицированных критериев судебно-экспертной психолого-психиатрической оценки ограниченной вменяемости в качестве первого шага необходимо проанализировать с экспертологических позиций формулировку ст. 22 УК РФ.

Констатация у обвиняемого любого психического расстройства нейтральна по отношению к задачам судопроизводства до тех пор, пока не будет дана экспертная оценка не только медицинского, но и юридического критерия. В качестве юридического критерия выступает квалификация ограниченной способности обвиняемого с психическим расстройством осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими. В целом данный критерий отражает *способность быть субъектом уголовной ответственности.*

В ст. 22 УК РФ с психическими аномалиями связывается не только дифференцированный подход при определении наказания, но и возможность назначения принудительных мер медицинского характера. Лицам, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ч. 1 ст. 97 УК РФ), может быть назначено амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра (ч. 2 ст. 99 УК РФ) «только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя и окружающих» (ч. 2 ст. 97 УК РФ). Традиционно юридически значимое качество психической аномалии, требующее принудительного лечения, обозначают как «общественную опасность». В то же время, несмотря на то что цель применения принудительных мер медицинского характера сформулирована в УК РФ одинаково и для невменяемых лиц, и для лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (согласно ст. 98 УК РФ этой целью является излечение или улучшение их психического состо-

яния, а также предупреждение совершения ими новых деяний), по существу эти принудительные меры принципиально различаются. Деяния вменяемых (пусть и ограниченно вменяемых) лиц трактуются как преступления, а с целью предотвращения их повторения к ним применяется наказание. Поэтому в этом случае уместнее говорить о том, что оказание лечебной помощи должно «способствовать достижению целей наказания». Этот юридический критерий отражает уже не способность обвиняемого быть субъектом уголовной ответственности (хотя предполагает наличие этой способности), а *способность быть субъектом отбывания наказания.*

Таким образом, правовые последствия ограниченной вменяемости являются сложными, состоящими из двух элементов - способности быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания. Соответственно можно выделить и два «экспертных» понятия, которые отражают два аспекта уголовно-правовой значимости психического расстройства: *1) психическое расстройство, ограничивающее способность обвиняемого осознавать значение криминальных действий или руководить ими; 2) психическое расстройство, определяющее общественную опасность обвиняемого.*

9.3. Критерии экспертной диагностики ограничения способности обвиняемого к осознанию и регуляции своих действий

С учетом множества психологических подходов к проблеме мотивации задача разработки критериев экспертной оценки агрессивных действий обвиняемых не может быть решена путем привлечения какой-либо одной теоретической схемы для анализа поведения. Необходимо, во-первых, интегрировать разные подходы, во-вторых, их операционализировать, т.е. перейти с абстрактного уровня объяснения поведения (уровня, неизбежного при построении теории) на конкретный объяснительный уровень, который позволит анализировать каждый отдельный случай криминальной агрессии. Иными словами, важным шагом при разработке клинико-психологических критериев экспертной оценки криминально-агрессивного поведения обвиняемых является построение схемы анализа ограничения способности к осоз-

нанию и регуляции действий, интегрирующей различные психологические подходы к анализу поведения.

Ограничение способности к осознанию и руководству действий. Основным и дискуссионным является следующий вопрос: в чем конкретно проявляется психологический результирующий эффект неспособности к полному осознанию и регуляции поведения? Ответ на этот вопрос необходим — законодательная формулировка ст. 22 УКРФ содержит лишь внешний оценочный критерий, который принципиально нуждается в содержательной психологической интерпретации.

В отечественном уголовном праве границы виновной ответственности определяет осознанное и целенаправленное поведение. В случае невменяемости общественно опасное деяние обвиняемого нельзя признать адекватным действием (в психологическом смысле), реализующим определенную цель — осознанный образ предвосхищаемого результата действия. Другое дело — состояние вменяемости: преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние всегда целенаправлено и осознанно. В случае «ограничения способности к осознанию и регуляции действий» мы можем говорить об адекватной (в отличие от состояния невменяемости), но недостаточной целенаправленности и осознанности противоправных действий (в отличие от «полной способности к осознанию и регуляции действий»). В конкретной ситуативной мотивации преступления, на наш взгляд, это выражается в первую очередь в существенном ограничении свободы выбора действия. Именно нарушение свободы выбора действия у обвиняемого под влиянием психопатологических, эмоциональных, личностных факторов и факторов психического развития, взаимодействующих с определенной ситуацией и определяющих неполное осознание и снижение способности к произвольной регуляции своих действий, можно соотнести с философской категорией ограничения «свободы воли», которая в уголовно-правовом преломлении определяет индивидуализацию уголовной ответственности, приводя, как правило, к более мягким мерам наказания.

Мотивация. Процесс свободы выбора действия может нарушаться уже на *стадии инициации действия*, при принятии решения (рационального или эмоционального) о поступке, целеполагании. Это происходит в основном при чрезмерном доминировании в актуальном поле сознания определенных побуждений (интенсивности побудительной

силы мотивов, потребностей, влечений, эмоций, личностных диспозиций) и намерений (ценностей, смыслообразующих мотивов). Как следствие, это приводит к значительному сужению выбора возможных целей и, более того, в конкретных ситуациях — часто к безальтернативной инициации таких действий, которые в сознании обвиняемого предстают как «единственно возможные», несмотря на осознание их фактического характера.

Нарушения процесса выбора действия при более или менее свободной ее инициации можно связать со следующими ограничениями.

Ограничение выбора промежуточных целей и, соответственно, действий и операций, ведущих к достижению основной цели (результата). В структуре мотивации к реализации одной и той же цели ведут различные пути и средства, отражающие многообразные явления и объекты, релевантные даже единственному намерению. Промежуточные действия и операции, сообразные конечной цели, с психологической точки зрения нейтральны к уголовно-правовой их оценке, они могут включать как социально приемлемые, так и криминально-агрессивные поступки. Взаимодействие ситуативных и личностных (определяемых и психическим расстройством) факторов может обусловливать невозможность выбора правомерных способов реализации цели.

Затруднения при необходимости изменения уже реализуемого действия (и, соответственно, инициации нового действия) *или полного отказа от действия* — при изменении объективного содержания ситуации. Актуальное поведение — это функция непрерывного взаимодействия и обратной связи между индивидом и ситуацией, в которую он включен. Динамика ситуации, изменения поведения других людей, также непосредственно включенных в ситуацию, часто меняют смысл действий обвиняемого и требуют их коррекции. Но психическое состояние обвиняемого, обусловливающее игнорирование внешних изменений, может препятствовать нормальному контролю и коррекции его агрессивного поведения.

Таким образом, можно определить *свободу выбора действия* по аналогии с определением свободы выбора жизнедеятельности[1], данным Д. А. Леонтьевым, как *способность*

---

[1] *Леонтьев Д. А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15—25.

человека в конкретной ситуации к осознанной инициации, изменению или прекращению своего действия на любой стадии его протекания, а также к отказу от него.

Для экспертной оценки ограниченной вменяемости имеет значение такое ограничение свободы выбора действия, которое определяется неспособностью обвиняемого в полной мере осознавать свои действия или осуществлять волевую регуляцию своего поведения под влиянием психопатологических, эмоциональных и личностных факторов. Рассматривая ограничение свободы выбора осознанного и целенаправленного действия как результирующий мотивационный эффект ограничения способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, выделим определяющие, с нашей точки зрения, факторы этого ограничения.

Осознание. Существенным аспектом осознания своего поведения, расширяющим степень свободы выбора действия, является рефлексия как решение «задачи на смысл» (по А. Н. Леонтьеву). Понимание своих целей по отношению к мотивам и ценностям, осознание действительного смысла своих действий делают поведение человека более свободным, давая возможность выйти за пределы непосредственных связей и отношений конкретной ситуации. Важную роль при принятии решения о поступке, при целеполагании играют оценочные процессы — способность к целостной оценке ситуации и к оценке собственных возможностей. Адекватное осмысление границ, задаваемых внешней ситуацией по отношению к собственным действиям, а также границ, определяемых своими ИПО, делает выбор цели более осознанным и реалистичным. При нарушениях процессов оценки и самооценки (в силу психических аномалий, уровня развития, особых эмоциональных состояний) целеполагание может претерпевать значительные искажения и ограничения.

На стадии уже не целеполагания, а целедостижения ведущее значение для осуществления свободного действия, способности в любой момент, учитывая динамику ситуации, совершать адекватные конечной цели промежуточные действия, изменять конечные цели (инициируя новые действия) или отказываться от них имеют такие компоненты сознания, как оценка промежуточных целей, контроль и прогноз своих действий. Эти структуры сознания являются основой возможности коррекции поведения на любом этапе его протекания. Естественно, инициация новых действий,

адекватных изменениям ситуации, требует циклического повторения вышеописанных этапов осознания ситуации. И, наконец, в процесс осознания своих действий как необходимый элемент свободы выбора действия мы должны включить и оценку их последствий. В отличие от оценки промежуточных результатов и прогноза конечного результата действия оценка последствий поступка не всегда предполагает возможности коррекции поведения: субъект не может полностью влиять на эти последствия, они в известной мере независимы от него. В то же время такая оценка, имея вероятностный характер, также влияет на свободу выбора действия.

Регуляция. Важнейшим фактором свободы выбора действия являются ресурсы свободы выбора, задаваемые как внешними (ситуативными) обстоятельствами, так и личностными особенностями. Личностные ресурсы включают намерение и побуждение, т.е. конкретную мотивацию как переменный компонент возможностей личности, а также способности — как постоянный компонент. Личностные ресурсы могут быть ограничены в мотивационном плане особым эмоциональным или потребностным состоянием, в плане способностей — уровнем психического (интеллектуального и личностного) развития, характером психического расстройства, индивидуальными особенностями.

В окружении основную роль играет «трудность» внешних условий, задающих спектр возможных действий, определяемый не субъектом, а характером самой ситуации. Внешние ресурсы особо сужаются (ограничивая спектр выбора возможных целей) в психотравмирующих ситуациях. Для экспертной оценки ограничения способности к осознанию своих действий значение имеет не столько анализ свойств ситуации, задающих объективный диапазон возможных целей, сколько анализ субъективного восприятия этой ситуации, зависимый от личностных особенностей (обусловленных психическим расстройством) и психического состояния обвиняемого. Важно диагностировать причины субъективного сужения спектра возможных действий — почему те или иные действия представляются подэкспертному субъективно невыполнимыми или субъективно неприемлемыми.

Если рефлексия как решение задачи на смысл обращена к осознанию ценностных и мотивационных оснований собственных действий, а самооценка — к осмыслению возможности их реализации в конкретной ситуации с учетом своих

способностей, то оценка ситуации направлена на понимание границ, задаваемых ситуацией, которые определяют ограничение круга возможных действий.

Наряду с внешними и личностными ресурсами свободу выбора определяет способность к переходу на более высокий уровень личностной регуляции действия. В мультирегуляторной концепции личности Д. А. Леонтьева выделяются несколько измерений человеческого действия, которые в разных пропорциях интегрируются в конкретном поведении[1]. Они отражают различные системы отношений человека с миром и, соответственно, регуляции поведения. Первые три логики отношений — удовлетворения потребностей, реагирования на стимул, предрасположенности — являются ограничительными с точки зрения свободы выбора действия, поскольку в этих системах отношений человек является зависимым от структур, внешних по отношению к его личности (экзистенциальному Я): от биологических влечений и потребностей, от ситуативных требований, от собственных черт, характера, темперамента. Четвертая логика — социальной нормативности — может обусловливать как несвободу личности в поведении (конформизм, зависимость от асоциальных ценностей малой группы, деиндивидуализация и перекладывание ответственности на лидера в тоталитарных религиозных сектах), так и, напротив, свободу от группоцентрических ожиданий при учете интересов более широких социальных групп, общества в целом. В отличие от потребностной, реактивной и диспозиционной регуляции поведения, ограничивающейся достижением цели «здесь-и-теперь», социально-нормативная регуляция расширяет контекст деятельности, включая референтные социальные группы в структуру отношений с окружающим миром. Подлинную свободу выбора действия обеспечивает логика смысла (жизненной необходимости), когда действие ориентировано на смысл, т.е. на всю систему отношений человека с миром и дальнюю временную перспективу. На наш взгляд, способность субъекта к трансценденции на смысловой и социально-нормативный уровень регуляции поведения является одной из ключевых для осуществления возможности свободного выбора действия.

В целом анализ свободы выбора действия можно представить в виде схемы (рис. 9.1).

---

[1] *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М. : Смысл, 1999.

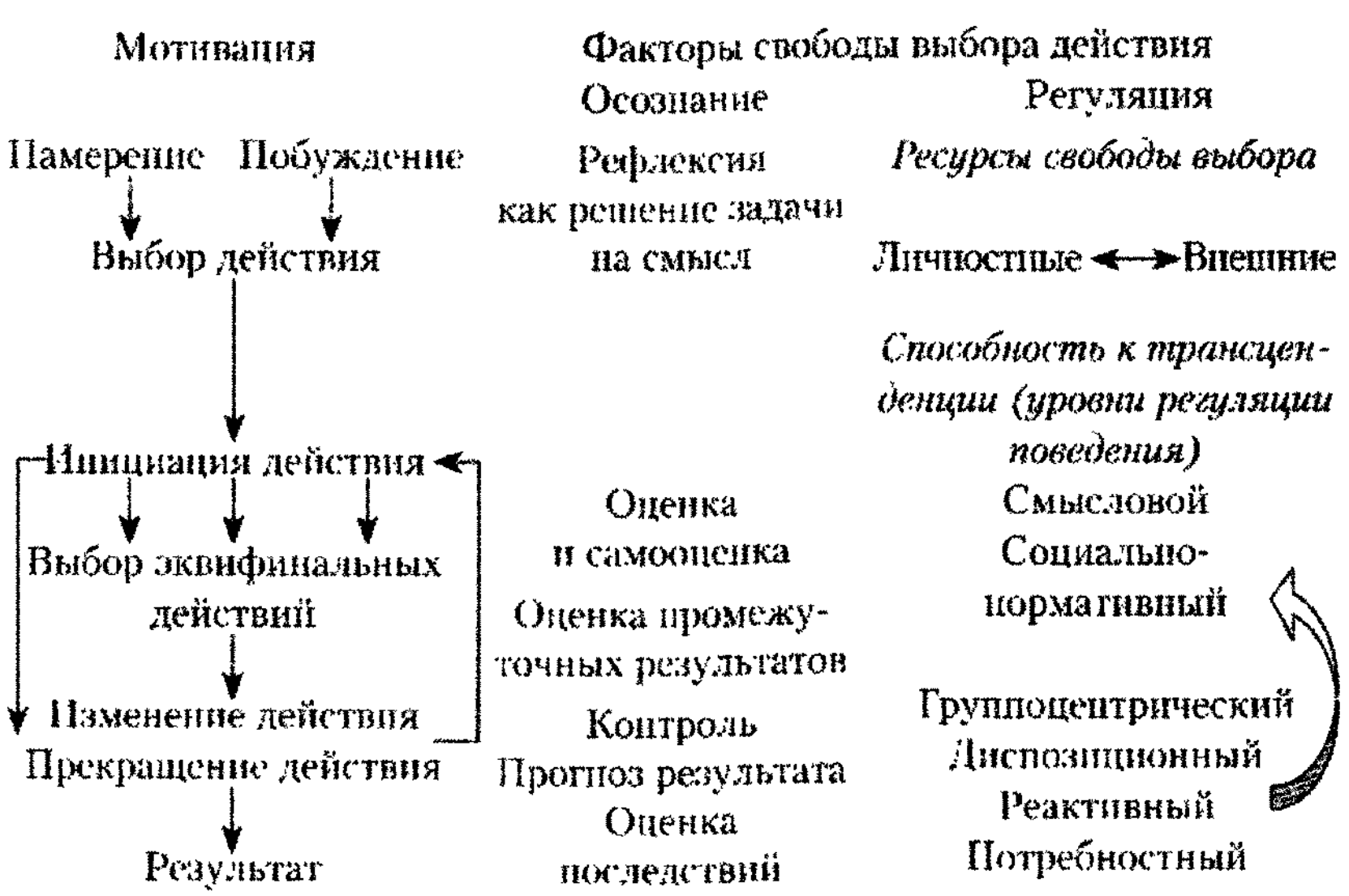


Рис. 9.1. **Свобода выбора действия**

9.4. Варианты ограниченной вменяемости обвиняемых в криминально-агрессивных действиях

Основываясь на выделенных критериях экспертного установления ограниченной вменяемости, рассмотрим основные виды ограничения способности обвиняемых с психическими расстройствами к осознанно-волевому поведению при различных по психологическим механизмам агрессивных преступлениях.

Агрессия, совершенная под влиянием алкогольного опьянения. Алкогольная интоксикация у человека обусловливает восприятие ситуации как более угрожающей, что может вызвать агрессивные побуждения, которые не контролируются из-за слабой выраженности компенсаторных механизмов, способных либо снизить субъективную значимость ситуации, либо препятствовать прямому проявлению агрессивности в поведении.

У части обвиняемых, совершивших правонарушения по этому психологическому механизму, устанавливается ограниченная вменяемость. Преступления они совершали в нейтральных, не посящих психотравмирующего характера, ситуациях. Все обвиняемые — с диагнозом «органическое психическое расстройство». Они характеризовались

слабой способностью к опосредованию и контролю своих агрессивных побуждений, а также ярко выраженной эпилептоидностью. Другой общей особенностью являлся характер алкогольного опьянения – у всех обвиняемых установлена «измененная (атипичная) форма опьянения», вызвавшая выраженные изменения сознания, установлен «псевдоэпилептоидный вариант» этого опьянения.

Ситуационное агрессивное побуждение у таких обвиняемых возникает под влиянием субъективного представления об угрожающем характере ситуации в состоянии алкогольного опьянения, значимость которой усиливается особенностями смыслового восприятия эпилептоидных личностей, придирчивостью, склонностью интерпретировать объективно нейтральные высказывания окружающих в обидном для себя смысле. В ситуации актуализируется и личностная диспозиция в виде эпилептоидности: постоянная готовность к агрессивным действиям по отношению к действительным и мнимым обидчикам, жестокость, брутальность, застойность эмоционально насыщенных переживаний. Измененная форма опьянения у эпилептоидных личностей приводит к резкому росту эмоционального возбуждения с сужением и изменением сознания (с возникновением иллюзорных восприятий), что обусловливает резкое ограничение выбора действия. По существу выбор агрессивного действия носит импульсивный, неопосредованный характер. На этапе инициации действия оценка искажена, доминирует оценка ситуации или действий окружающих как угрожающих, оскорбительных и т.п. Изменение действия в динамике ситуации или отказ от агрессивных действий в принципе возможны, но сильно затруднены из-за ригидности мотивации, обусловленной алкогольным опьянением, с одной стороны, и аффективной ригидностью в структуре эпилептоидности – с другой. В целом изменения ситуации не вызывают изменения цели. Агрессивное поведение может представлять собой серию последовательных поведенческих актов, но все они жестко соподчинены единой цели. Ограничения в изменении действия или отказе от него обусловливаются и нарушениями смыслового восприятия ситуации из-за сужения сознания на высоте эмоционального возбуждения. Это препятствует рефлексии как решению задачи на смысл, в сознании доминирует эмоциональная окраска личностного смысла своих действий. В результате контроль своих агрессивных действий у обвиняемых оказывается резко сниженным,

несмотря на относительную сохранность прогноза их результата. Оценка же последствий своих поступков снижена, она носит формальный характер из-за избыточной значимости достижения агрессивной цели в актуальной ситуации.

Таким образом, результирующим эффектом нарушений осознания и регуляции своих действий у эпилептоидных личностей с органическим поражением головного мозга является резкое ограничение свободы выбора действия. Внешние ресурсы выбора действий в целом не ограничены. Вместе с тем резко ограничены внутренние ресурсы, обусловленные искажением смыслового восприятия, диспозиционными факторами (эпилептоидность), ригидностью мотивации в состоянии атипичного алкогольного опьянения. Способность к смысловой регуляции поведения практически отсутствует. Доминирует диспозиционная логика действий.

Решающим фактором ограничения выбора действия при данном механизме криминальной агрессии выступает измененное состояние сознания под влиянием алкогольного опьянения, опосредованного органическим психическим расстройством, с проявлением в состоянии атипичного опьянения эпилептоидности (формирование которой также обусловлено психическим расстройством), оказывающей влияние на структуру мотивации агрессивного поведения. Проиллюстрируем сказанное примером.

Ч., 32 года, обвиняется в изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Окончил 8 классов и профессионально-техническое училище, работал рабочим. Женился на женщине с ребенком, в процессе семейной жизни у них родился еще один ребенок. В день правонарушения выпил большое количество спиртного, сильно опьянел. На отказ жены вступить с ним в половую связь резко возбудился, изнасиловал ее в задний проход, потом сильно избил, несколько раз укусил. От побоев жена Ч. потеряла сознание.

После этого совершил половой акт с женой, находящейся в бессознательном состоянии, в естественной форме. Личность Ч., по данным клинико-психологического исследования, характеризовалась эмоциональной неустойчивостью, аффективной ригидностью, снижением способности к эмпатии, сопереживанию, импульсивностью, сниженным самоконтролем, эгоцентризмом, завышенной самооценкой при сниженном интеллекте, низким уровнем тревожности. Установлен диагноз «органическое психическое расстройство сложного генеза с изменениями психики», определено, что в момент совершения инкриминируемых ему деяний он находился в состоянии атипичного (утяжеленного) алкогольного опьянения, что в совокупности послужило основанием для экспертной оценки неспособности Ч. в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Криминальная агрессия, совершенная под влиянием групповых воздействий. Механизм группового влияния на агрессивное поведение сводится к неосознанной частичной идентификации обвиняемого с субъективно значимым для него лидером неформальной группы и, как следствие, снятию личной ответственности за совершенные преступления. Преступления, совершаемые обвиняемыми в группе, были запланированными, при этом сами обвиняемые выступали в роли ведомых.

Ограниченная вменяемость устанавливается у части обвиняемых, совершающих правонарушения по этому психологическому механизму. Указанные обвиняемые страдали расстройством личности или органическим психическим расстройством. Общим свойством у них была личностная незрелость, а также аффективная ригидность – сочетание, облегчающее процесс неосознанной идентификации с лидером.

Агрессивное намерение или побуждение выступают как следствие частичной идентификации с субъективно значимым авторитетом и, соответственно, частичного усвоения его мотивации. Побудительный фактор в данном случае внешний – действия, требования, приказы лидера. Однако этот внешний фактор преломляется через внутреннюю готовность обвиняемого следовать образцам поведения, задаваемым значимым для него лицом. Эта внутренняя установка определяется не внушаемостью как генерализованной чертой личности, а избирательной внушаемостью по отношению к субъективно значимому авторитету вследствие неосознанной идентификации с ним. Идентификация является частичной, поэтому парциальное принятие «картины мира» лидера часто сопровождается борьбой мотивов при необходимости выполнять такие действия, которые противоречат собственным ценностям обвиняемого. Можно сказать, что агрессивные действия ведомого обладают конфликтным личностным смыслом, что затрудняет их рефлексию как решение задачи на смысл. Конфликтность смысла действия может осознаваться на рациональном уровне или в виде отрицательных эмоциональных ощущений, но сам смысл собственного поступка не осознается. Сниженными остаются также возможности самооценки и оценки объективной ситуации, поскольку они производятся по внешним критериям в силу частичного эмоционального уподобления с лидером и частичного принятия

его «когнитивного пространства». Это приводит к несамостоятельности в принятии решения и выборе действия. Собственно говоря, ответственность за выбор действия у таких обвиняемых и не формируется — субъективно эта ответственность «делегируется» авторитету, полностью перекладывается на него. Ресурсы свободы выбора здесь резко ограничены. Ограничение внешних ресурсов определяется давлением лидера, а внутренние практически отсутствуют из-за идентификации обвиняемого с лидером. Внешняя по отношению к личности обвиняемого инициация агрессивного действия сопровождается и внешним контролем этого действия — контроль осуществляется с личностной позиции не самого субъекта действия, а с позиции лидера. Это обусловливает и сниженную способность к изменению действия или полному отказу от него. Изменение действия или его прекращение возможно практически только под влиянием указаний лидера. При этом оценка последствий своих действий сохранна, но носит формальный характер — ответственность за последствия передается субъективно значимому авторитету.

Таким образом, выбор свободного действия при осознании его фактического характера и неполном осознании его общественной опасности у обвиняемого, частично идентифицировавшего себя со значимым для него лидером, практически отсутствует. Обвиняемый не способен к переходу на смысловой уровень регуляции своего криминального поведения — такая регуляция полностью осуществляется на узко группоцентрическом уровне, игнорируя собственные ценности и социальные нормы.

Ведущим звеном ограничения свободы выбора действия при психологическом механизме криминальной агрессии в виде межличностного давления является частичная идентификация с субъективно значимым авторитетом, влияющая на все этапы конкретно-ситуативной мотивации криминальной агрессии. Эта идентификация обусловлена личностной незрелостью, которая может быть индивидуальной особенностью в рамках психической нормы или следствием определенного психического расстройства. В первом случае формулируется экспертный вывод о существенном влиянии ИПО обвиняемого на криминальное поведение[1], а во втором — об ограниченной вменяемости.

---

[1] См. гл. 8. настоящего учебника.

В качестве примера можно привести следующий случай.

Б., 23 лет, обвиняется в убийстве. Студент одного из московских вузов. Увлекался философией, восточными единоборствами. Попал в секту, организатор которой проповедовал учение, эклектически составленное из элементов буддизма и парапсихологии. Безгранично верил в лидера секты, считал его человеком, постигшим смысл жизни, обладающим чудодейственными способностями. Подчинялся ему во всем. В то же время во взаимоотношениях с другими людьми был очень самостоятельным, ригидным, упрямым, не принимал ничего на веру, старался «дойти до всего самостоятельно». Лидер секты приказал ему и еще двум своим адептам наказать «отступника», с которым Б. был в дружеских отношениях. Они избивали его в течение суток, и от побоев тот скончался. Б. во время совершения преступления отчетливо представлял себе, что они наносят сильные побои, но верил, что глава секты «не допустит, что отступник скончается», что он «знает способ, как излечить потерпевшего». Экспертизой установлено, что Б. страдает расстройством личности пизоидного круга и в момент совершения инкриминируемого ему деяния его способность осознавать свои действия и осуществлять их произвольную регуляцию была ограничена из-за его психологической зависимости от лидера секты, неосознаваемой идентификации с ним.

Агрессия как результат неадекватной оценки ситуации. Этот вариант раскрывает роль личностной незрелости и интеллектуальной недостаточности в генезе агрессивных поступков: обвиняемые с определенной степенью умственной отсталости не могут соотнести возможности и требования ситуации со своими личностными ресурсами. Характерно, что у таких обвиняемых отмечаются личностные нарушения в виде «психопатизации личности» или «эмоционально-волевых нарушений». Индивидуально-психологические особенности обвиняемых складываются из сочетания низкой агрессивности и невыраженности личностных структур, тормозящих агрессивные проявления.

Агрессивные побуждения могли возникать под влиянием различных мотивов -- ревности, корысти, ситуационных воздействий, однако выбор действия и принятие решения имели в своей основе неверную смысловую оценку ситуации. И рефлексия как осмысление своих действий, и рефлексия как осмысление объективных условий ситуации существенно снижались, что приводило к неопосредованной инициации агрессивного действия, снижению контроля и возможности коррекции своего поведения. Оценка последствий, как правило, была неполноценной, о чем косвенно свидетельствовали и попытки обвиняемых скрыть следы преступлений после осознания того, что они сделали.

В этом виде механизма преступных действий у обвиняемых, неспособных в полной мере осознавать и регули-

ровать свои действия, в первую очередь резко ограничены личностные ресурсы выбора действия (в силу личностной и интеллектуальной незрелости), а также существенно страдает оценка внешних, ситуативных, ресурсов. Сама ситуация объективно предоставляла возможность для широкого диапазона поведения, но в силу дефектности когнитивной и смысловой оценки ситуации субъективно спектр возможных действий резко сужался. Основной причиной этого является невозможность перейти на смысловой уровень регуляции своего поведения. Социально-нормативный уровень в ситуации правонарушения также оставался в качестве «знаемого», но реально не оказывавшего влияния на руководство своими поступками.

Характерным примером может служить следующий случай.

В., 22 лет, обвиняется в убийстве. Рос и воспитывался в полной семье, работал подсобным рабочим. Свободное время проводил не со сверстниками, а с детьми младшего и среднего школьного возраста. По незначительному поводу затеял ссору с 7-летним приятелем, задушил его. Спрятал труп в лесу. По данным психологического обследования, у В. выявился низкий уровень интеллектуального развития, а также эмоциональная неустойчивость, зависимость, импульсивность в поведении, ограниченный круг интересов. Вместе с тем его личностные особенности характеризовались игнорированием общепринятых морально-этических норм поведения, безответственностью, низким самоконтролем, отсутствием чувства вины. Экспертной комиссией у В. диагностирована умственная отсталость (олигофрения в форме умеренно выраженной дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями), установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Отсроченная агрессия. Этот вариант описывает отсроченную из-за повышенного самоконтроля реализацию агрессивных побуждений, интенсифицирующихся в результате самовзвинчивания, при этом агрессия выступает не как разрядка выраженных эмоций, а как проявление личностной агрессивности. Большинство обвиняемых страдали органическим психическим расстройством, сопровождавшимся психопатизацией личности, у остальных диагностировалось расстройство личности (психопатия возбудимого круга). Общим личностным свойством у всех обвиняемых наряду с возбудимостью была ярко выраженная склонность к самовзвинчиванию при достаточно развитом самоконтроле.

При этом варианте механизма криминальной агрессии у лиц с ограниченной способностью к осознанно-волевому

поведению агрессивное побуждение возникает спонтанно, как актуализация диспозиции в виде высокой агрессивности в нейтральной ситуации или как реакция на психотравмирующие ситуационные воздействия. На первом этапе динамики поведения наличие тормозящих агрессию личностных структур обусловливает осознание смысла ситуации, более или менее адекватную оценку ситуации и самооценку, что приводит к воздержанию от противоправных агрессивных действий. На этой стадии сохраняется способность к свободному выбору действия под влиянием, осознанию своего поведения и волевой его регуляции. Однако на следующем этапе, по прошествии некоторого отрезка времени, характерная для обвиняемых склонность к самовозвинчиванию определяет резкий рост эмоционального напряжения, связанного с нереализованностью сильного агрессивного побуждения. Нарастание эмоциональной напряженности в совокупности с интенсивностью диспозиционно обусловленной агрессивной мотивации приводит к тому, что в определенный момент наступает разрядка в виде противоправного действия. Поведение обвиняемого в момент совершения преступного деяния, сохраняя связь (и смысловую, и побудительную, энергетическую) с агрессивным мотивом, теряет контроль со стороны целеполагания, со стороны волевой регуляции. Выбор действия становится ограниченным, соподчиненным только интенсивной мотивации, без опосредования промежуточными целями, что приводит к затруднениям в коррекции своего поведения: оценка ситуации становится неадекватной, смысл своих действий отражается в сознании лишь частично, в виде эмоциональной окраски переживаний, контроль действий оказывается практически утраченным и, несмотря на формальную сохранность прогноза результата своих поступков, оценка их последствий дезактуализируется — на первый план выступает непосредственная разрядка высокой эмоциональной напряженности, сопровождающейся агрессивными переживаниями.

Таким образом, при сохранности внешних ресурсов свободы выбора действия у этих лиц резко ограничены личностные ресурсы, в первую очередь вследствие личностной дисгармонии и решающего вклада в механизм агрессивного поведения склонности к самовозвинчиванию. Склонность к самовозвинчиванию — понятие, широко используемое в психиатрии, является причиной роста внутреннего эмо-

ционального напряжения вне зависимости от ситуативных факторов. Эмоциональное напряжение, связанное с невозможностью реализации диспозиционной агрессивности в силу наличия личностных структур, препятствующих этой реализации, в этом случае развивается аутохтонно, и его нарастание никак не связано с содержанием и динамикой внешней ситуации. Поэтому здесь четко прослеживается связь между характером психического расстройства и ограничением способности к осознанию и регуляции своего поведения, что и даст основания оценивать обвиняемых в криминальной агрессии как ограниченно вменяемых. Те же лица, которые реализуют свою склонность к самовзвинчиванию непосредственно (не отсроченно) в конфликтной ситуации, обычно признаются вменяемыми без всяких ограничений, поскольку, не противодействуя ее влиянию на свое поведение, они осознанно пренебрегают самоконтролем известных им психических недостатков. Ограниченно же вменяемые субъекты пытаются контролировать тенденцию к самовзвинчиванию, и на некоторое время это им удается, однако личностная дисгармония приводит к утрате самоконтроля. Им практически не удается перейти на смысловой уровень регуляции поведения, их действия регулируются согласно диспозиционной логике.

В описываемом примере иллюстрируются вышесказанные положения.

Обвиняемая А., 21 год. Обвиняется в попытке убийства своей сестры. Родители злоупотребляли алкоголем, вскоре после ее рождения разошлись. Через 5 лет после рождения обвиняемой ее мать лишили родительских прав, и с этого времени она с сестрой воспитывалась в детском доме. Училась удовлетворительно, но отличалась конфликтным поведением, была криклива, злобна, пропускала занятия, на замечания отвечала бранью, бродяжничала, занималась кражами, была озабочена в сексуальном отношении. С 11 до 14 лет неоднократно помещалась в детскую психиатрическую больницу, где у нее отмечали расторможенность, развязность, колебания настроения, несдержанность, агрессивность, возбудимость. Окончила 8 классов в школе-интернате, после окончания школы нигде не работала, проживала у своей матери.

В день совершения правонарушения выпила со знакомым незначительное количество спиртного, вечером пошла в гости к своей сестре. У сестры затеяла ссору, возник конфликт, во время которого сестра брызнула ей в лицо газ из баллончика. А. сильно разозлилась, но сдержала себя и ушла из квартиры. Через несколько часов она вернулась к сестре в агрессивном состоянии, сразу стала наносить сестре удары ножом в область живота и груди, а когда та вырвалась и выбежала на улицу, преследовала ее с ножом в руке.

Во время экспертизы в беседу вступает охотно, держится свободно, непринужденно. О компрометирующих ее сведениях умалчивает, фик-

сирует внимание экспертов на том, что у нее не сложилась жизнь, что с детства была лишена родительской заботы, воспитывалась в детдоме и интернате, где к ней относились плохо, направляли в психиатрические больницы, чтоб «сделать из нее дуру». Правонарушение не отрицает. При ЭПИ обнаруживается невысокий уровень интеллектуального развития, неустойчивость и огрубление эмоциональных проявлений, склонность к самовозвиничиванию, к реакциям раздражения, вербальной и поведенческой агрессии, нетерпимость к внешним замечаниям и оценкам, эгоцентризм, ранимость, обидчивость, склонность к вытеснению истинных причин конфликтов. В то же время выявляется склонность к откладыванию разрешения конфликтов, контроль непосредственных побуждений, высокая стрессоустойчивость, достаточная адаптация в проблемных ситуациях и межличностных отношениях. Комиссия экспертов пришла к заключению, что А. страдает расстройством личности (возбудимого круга), сформировавшимся на органически неполноценной почве. Установлено, что первоначально сформированная структура личностного расстройства (возбудимость, неустойчивость) в последующем видоизменилась, патохарактерологические особенности частично компенсировались самоконтролем, а также психастеническими проявлениями (ранимость, плаксивость и т.п.). Повышенный самоконтроль А. обусловил ее отказ от агрессивного способа решения конфликтной ситуации. Однако в результате самовозвиничивания произошел рост эмоционального напряжения со значительной интенсификацией агрессивной мотивации, разрядка которой и наступила в криминальных действиях. Вынесено заключение, что в момент совершения инкриминируемого ей деяния она не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Криминально-агрессивные действия, совершаемые под влиянием эмоционального возбуждения и алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации. Ограниченная вменяемость при этом варианте криминальной агрессии устанавливается в части случаев, в основном у лиц с органическим психическим расстройством. У подэкспертных, при всем разнообразии их НПО, был ярко выражен «эпилептоидный радикал» личности с аффективной ригидностью, склонностью к фиксации на отрицательных переживаниях и их накоплению, негибкостью поведения, повышенной подозрительностью, злопамятностью, ощущением недоброжелательного или враждебного отношения со стороны окружающих. Все правонарушения возникали в ответ на психотравмирующие воздействия со стороны потерпевших, чаще всего — на высказывания оскорбительного характера, затрагивающие наиболее значимые для обвиняемых личные переживания, во время совместного употребления алкогольных напитков.

Внешне динамика психического состояния обвиняемого напоминает развитие эмоциональной реакции по типу

физиологического аффекта. Однако криминальное действие не приводит к разрядке эмоционального напряжения, злобное и брутальное отношение к жертве остается еще долго после совершения правонарушения и посткриминальная фаза не сопровождается какими-либо проявлениями психической и физической астении, напротив, сохраняется высокий уровень напряжения и мобилизации. Психологический механизм криминальной агрессии, как видно, отличен от внутренней структуры физиологического аффекта.

Агрессивное побуждение в описанных случаях, таким образом, было ситуационно обусловлено и характеризовалось выраженной интенсивностью. Наблюдалось частичное сужение сознания, однако оно выражалось не столько во фрагментарности восприятия (как при аффекте), сколько в заполненности сознания переживаниями, связанными с психотравмирующими обстоятельствами. В силу повышенной эпилептоидности и ригидности эти переживания носили «застойный» характер, препятствовали процессам рефлексии, оценки окружающей обстановки, самооценки, что обусловливало безальтернативный выбор агрессивного действия. Инициация действия была импульсивной, слитой с принятием решения, а возможность коррекции для возможного изменения действия или его остановки ограничивалась отсутствием оценки промежуточных результатов, сниженным контролем и прогнозом возможных последствий своего поведения. В целом ограничение контроля выступало как эффект суммарного действия одновременно трех факторов: психотравмирующего характера ситуации, состояния алкогольного опьянения и, в первую очередь, личностных особенностей обвиняемых с исходной дефицитарностью структур, способных тормозить проявления агрессивных побуждений. Поскольку и эпилептоидность (как фактор, определяющий особенности восприятия психотравмирующих воздействий и инициацию агрессивных действий), и невыраженность личностного контроля своего поведения непосредственно формируются под влиянием органических мозговых нарушений, закономерным является экспертный вывод о неспособности таких обвиняемых в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими вследствие психического расстройства.

В этом варианте психологического механизма криминальной агрессии свобода выбора действия определяется как резким ситуативным ограничением внешних ресурсов (противоправные действия потерпевшего), так и выраженным ограничением личностных ресурсов, определяемых психической патологией и состоянием опьянения. Доминирует реактивная детерминация противоправного поведения, подкрепляемая выраженным влиянием на мотивацию и диспозиционных механизмов. Способность к смысловой регуляции своего поведения существенно снижена.

Приведем два примера, описывающих этот вариант ограниченной вменяемости.

Д., 64 лет, обвиняется в убийстве 35-летнего сына. Вдовец, на пенсии, проживал в квартире с сыном. Сын злоупотреблял спиртными напитками и иногда в состоянии опьянения издевался над отцом, но физической агрессии не применял. В целом отношения с сыном у Д. были хорошие. В день правонарушения выпили с сыном бутылку водки, и неожиданно для Д. сын начал его избивать. Сильно испугавшись и разозлившись, Д. схватил со стола кухонный нож и нанес один удар по телу потерпевшего. При КСПЭ выяснилось, что Д. страдает органическим поражением головного мозга сложного (травматического, сосудистого) генеза и в момент совершения инкриминируемого ему деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Обвиняемый О., 23 года. Во время службы в армии на протяжении трех месяцев принимал участие в боевых действиях на территории Чечни, был контужен. Вернувшись из армии, нигде не работал, жил у родителей. Совершил три суицидальные попытки, находясь в состоянии алкогольного опьянения. В день правонарушения в лесу употреблял алкогольные напитки с потерпевшей. В ходе разговора потерпевшая стала оскорблять О., называя его «убийцей» в связи тем, что он ей рассказал о службе в Чечне. О. впал в ярость и кулаками, палками и сучьями начал наносить ей удары. Нанес множественные повреждения. После того как жертва перестала сопротивляться и потеряла сознание, О. не успокоился и утопил ее в близлежащем пруду. Экспертами выставлен диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» и сделан вывод об ограничении способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий и руководству ими во время совершения убийства.

Агрессивные действия, совершаемые обвиняемыми в состоянии декомпенсации. Декомпенсация психического состояния подэкспертных, наступавшая в основном в психотравмирующих условиях, обусловливала рост эмоционального напряжения, с одной стороны, и ослабление личностных структур, компенсаторных по отношению к выраженным свойствам личности (связанных в основном с возбудимостью), которые определяют их социальную дезадаптацию, —

с другой. Агрессивное побуждение актуализировалось как реализация личностной диспозиции, а его интенсивность была связана с отсутствием компенсаторных личностных черт и с состоянием эмоционального напряжения. Возможности осознания смысла своих действий и объективной ситуации у обвиняемых в состоянии декомпенсации были существенно снижены, что клинически квалифицировалось как снижение критичности. Принятие решения и выбор действия были обусловлены ситуативными психотравмирующими воздействиями и совершались импульсивно. Снижение контроля и прогноза своих действий, связанное с исчезновением личностных структур, компенсирующих агрессивные диспозиции, определяло и ограничение возможности корригировать свои действия.

В этом варианте криминальной агрессии ограничение свободы выбора действия связано прежде всего с резким сужением личностных ресурсов — аномальная структура личности определяла очень узкий диапазон возможных вариантов поведения, который еще более сужался в психотравмирующей ситуации. Способность к смысловой регуляции поведения снижается под воздействием двух факторов — доминирования некомпенсированных личностных патологических особенностей и повышенной реактивности по отношению к ситуативным воздействиям. Смысловая регуляция поведения сменяется диспозиционно-реактивной.

Обвиняемый Б., 20 лет. Был призван в пограничные войска, проходил службу на заставе. Сержант П., ранее судимый, на протяжении нескольких месяцев публично унижал его, оскорблял, неоднократно угрожал расправой. Настроил против Б. других военнослужащих, которые стали сторониться его. Незадолго до правонарушения П. избил Б. и заставил пересесть его за отдельный стол в столовой. Через несколько дней Б. зашел в казарму с заряженным автоматом и начал стрелять в сослуживцев — четверо было убито, пятеро — тяжело ранено. При обследовании выяснилось, что с детства Б. отличался неуверенностью в себе, сдержанностью, склонностью уступать в конфликтах, легко шел на компромиссы, был подчиняемым, трусливым, обладал повышенным чувством вины и тревожностью. Один раз, после конфликта, совершил суицидальную попытку. Впоследствии у него сформировались эпилептоидные черты характера с аффективной ригидностью, подозрительностью, аккуратностью и педантизмом. Комиссией экспертов был установлен диагноз «психопатия мозаичной структуры (тормозимо-эпилептоидная) со склонностью к декомпенсациям». Было отмечено, что в условиях воинской службы у него наступила декомпенсация, которая обусловила социальную дезадаптацию, невозможность противостоять психотравмирующим воздействиям. На момент совершения преступления признан ограниченно вменяемым.

9.5. Критерии назначения принудительных мер медицинского характера

К факторам риска повторных общественно опасных действий, которые могут служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, относятся психические расстройства, непосредственно влияющие на мотивацию преступления и способность к избирательному поведению. Следовательно, выявление криминогенных психопатологических факторов предполагает, во-первых, определение таких механизмов криминальной агрессии, в которых решающее значение имеют стабильные ИПО, обусловленные психическим расстройством, во-вторых, установление такого влияния психических аномалий, которое ограничивает способность обвиняемого к свободному выбору действия в криминальной ситуации.

Этим критериям отвечает экспертное клинико-психологическое определение ограниченной вменяемости у обвиняемых с разными формами психической патологии, совершивших преступления по следующим психологическим механизмам:

— отсроченной агрессии;

— агрессии при неадекватной оценке ситуации вследствие психического недоразвития;

— агрессии в состоянии атипичного алкогольного опьянения;

— агрессии в структуре декомпенсации.

По данным исследований, практически во всех случаях при рассматриваемых типологических вариантах криминальной агрессии констатация ограниченной вменяемости (ч. 1 ст. 22 УК РФ) сопровождалась рекомендацией к применению принудительных мер медицинского характера (в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ).

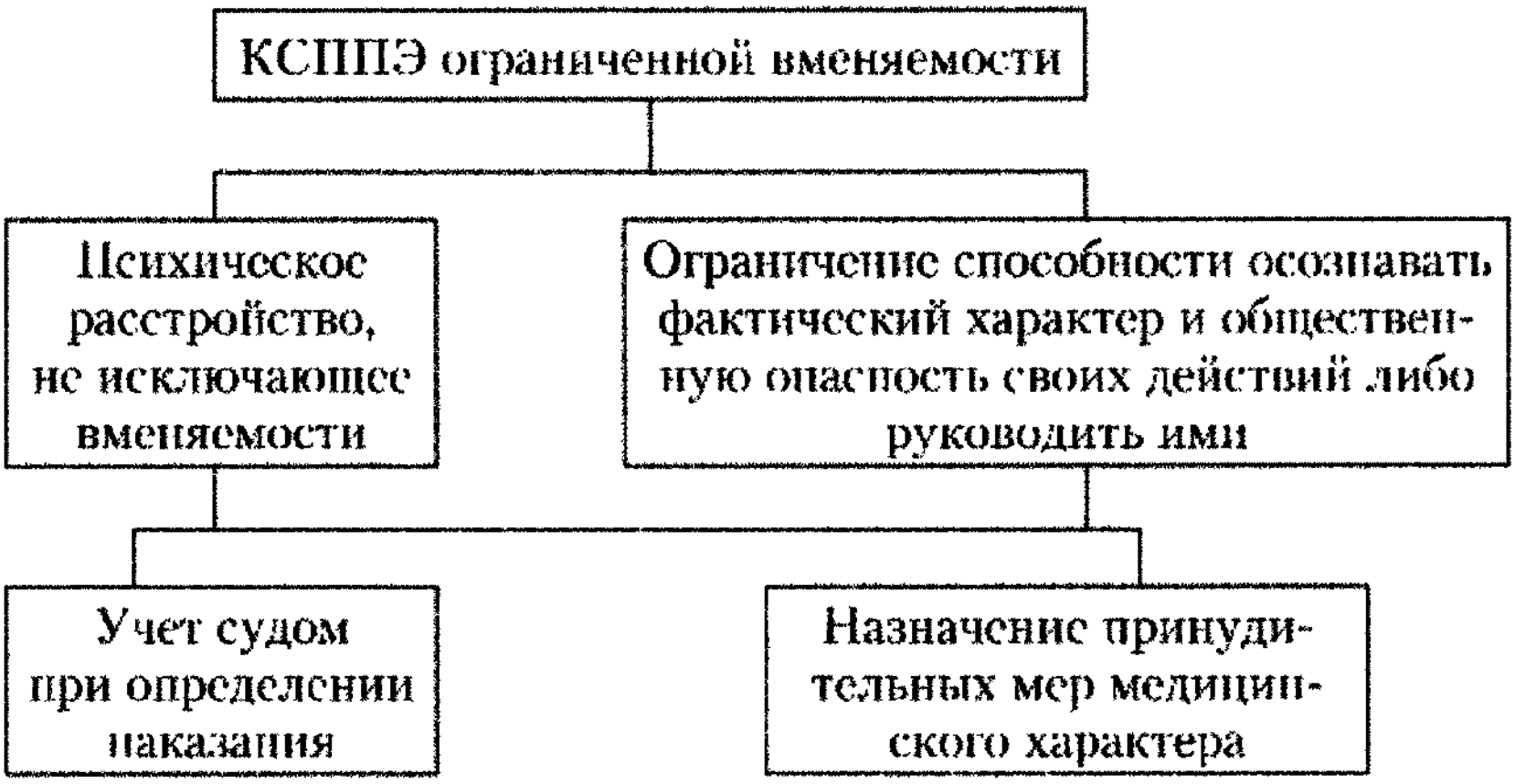
Так, при отсроченной агрессии основным психологическим диагностическим признаком повышенного риска повторных общественно опасных деяний является выраженная склонность к самовзвинчиванию у лиц с расстройствами личности или органическими личностными расстройствами, которая сочетается с наличием компенсаторных по отношению к исходной возбудимости механизмов. Такая дисгармоничная структура личности обвиняемых с психическими расстройствами может обусловливать криминально-агрессивные действия даже в нейтральных ситуациях.

При агрессии лиц с разными формами психической незрелости диагностически значимым с психологической точки зрения является определение низкого уровня интеллектуального и личностного развития как следствия умственной отсталости. Вызванные психическим недоразвитием суженные возможности правильной оценки ситуации могут приводить к криминальным действиям в относительно нейтральных, не психотравмирующих условиях, которые предъявляют повышенные требования к личностным возможностям обвиняемых. При психопатоподобном оформлении умственной отсталости таких лиц вероятность повторных опасных действий еще более повышается.

При агрессии в состоянии атипичного алкогольного опьянения наиболее информативной является диагностика органического психического расстройства, определяющего аномальные, измененные форм алкогольного опьянения; выраженного эпилептоидного типа личности; а также установление влечения к алкоголю — от склонности к злоупотреблению спиртными напитками до хронической зависимости от алкоголя (второй стадии хронического алкоголизма). Повышенный риск повторных общественно опасных действий у таких обвиняемых связан в первую очередь с высокой вероятностью употребления алкоголя с последующими утяжеленными формами опьянения, при которых велик риск проявления агрессии даже без каких-либо ситуационных воздействий, провоцирующих появление агрессивных побуждений.

При криминальной агрессии в состоянии декомпенсации основное диагностическое значение имеет склонность к состояниям психической декомпенсации лиц с личностными расстройствами. Резко повышают степень общественной опасности больных частые состояния декомпенсации, в которых отчетливо проявляется выраженное влияние на поведение диспозиционных механизмов, т.е. черт личности, связанных с высокой агрессивностью, которые не компенсируются другими чертами, тормозящими проявления агрессивных побуждений. Состояния декомпенсации, обусловленные, как правило, психотравмирующими обстоятельствами, облегчают проявления агрессивности в широком диапазоне ситуаций — от фрустрирующих до нейтральных.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение КСППЭ ограниченной вменяемости обвиняемого?
2. Какие вопросы решаются при КСППЭ ограниченной вменяемости обвиняемого?
3. Раскройте критерии экспертной диагностики ограничения способности обвиняемого к осознанию и регуляции своих действий.
4. Назовите основные варианты существенного влияния ПРО обвиняемых на криминально-агрессивные действия.
5. Раскройте критерии назначения принудительных мер медицинского характера лицам с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Глава 10
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АФФЕКТА У ОБВИНЯЕМОГО

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- специфику СПЭ аффекта у обвиняемого;
- правовое значение СПЭ аффекта у обвиняемого;

уметь

- определять основные задачи СПЭ аффекта у обвиняемого;

владеть

- судебно-психологическими экспертными критериями диагностики разных видов аффекта у обвиняемого.

10.1. Соотношение понятий аффекта в общей и судебной психологии

Понятие аффекта, начиная с работ Р. Крафт-Эбинга (конец XIX в.), в контексте судебной психиатрии и судебной психологии рассматривалось в дифференциально-диагностическом плане: различались физиологический (или нормальный) и патологический аффекты. В исследованиях В. Ф. Чижа, А. Я. Боткина, Р. Крафт-Эбинга, Я. М. Калашника анализировалось соотношение физиологического аффекта с некоторыми уголовно-правовыми категориями: наличием преступного умысла, вменяемостью-невменяемостью, смягчающими ответственность и наказание обстоятельствами. Были выделены типичная трехфазность возникновения и развития эмоциональной реакции, характерная для аффекта, психологические феноменологические признаки аффекта, указывалось на значимую роль исследования личностной и патологической «почвы» при его диагностике. Важным явилось выделение разнообразных причин, вызывающих аффекты, среди которых были выявлены психо-

травмирующие обстоятельства, обусловливающие изменения эмоционального состояния обвиняемых. Все эти работы составляли первое направление исследований аффективных реакций и состояний — судебно-психологическое.

Второе, параллельно развивающееся направление можно обозначить как общепсихологическое. В отечественной психологии оно представлено работами А. Н. Леонтьева, Н. И. Наенко, А. Р. Лурии, В. К. Вилюнаса. Отличающим от судебно-психологических исследований признаком этого направления явилась разработка проблематики, связанной с аффектами, в контексте общепсихологических вопросов определения эмоций (в широком смысле), соотношения аффекта с чувствами, эмоциями (в узком смысле), настроениями, страстями и другими сторонами эмоциональной сферы. Использование при изучении этой проблемы теорий более широкого плана — в первую очередь теории деятельности — предопределило интерес к исследованию функций аффектов, их роли в регуляции деятельности, психологического строения, структуры аффектов. При этом феноменологические, внешние признаки аффекта, которым придавалось большое значение в плане судебно-психологических исследований, оставались вне поля внимания. Характерно, что общепсихологические исследования практически не оперировали (и не оперируют) понятием «физиологического» аффекта, предпочитая говорить об аффекте без каких-либо дополнительных определений. В этих исследованиях рассматривался более широкий круг аффективных состояний, прежде всего по модальности изучаемого явления: если физиологический аффект традиционно сужен рамками аффектов гнева, ярости и т.п., то аффект в общепсихологическом смысле включает в себя сильные переживания страха, радости, восторга и других эмоций, может приобретать как стенические, так и астенические формы.

Как бы объединяющим эти два направления является анализ аффекта в работе С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», который описывает классический аффект гнева, ярости и частично соотносит термин «аффект» с понятием «сильное душевное волнение» (по смыслу уголовного закона). В то же время определение аффекта у С. Л. Рубинштейна несколько шире, чем дефиниция физиологического аффекта: он указывает, что аффект «может дать не подчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии», «в аффективном действии в той или иной мере может

быть нарушен сознательный контроль в выборе действия», т.е. рассматривает соотношение «аффекта» в общепсихологическом понимании и «аффекта как сильного душевного волнения» как общее и частное. Аналогичную мысль приводил в своих лекциях А. Н. Леонтьев: «В момент аффекта поведение может дезорганизоваться»[1].

Прежде всего рассмотрим аффекты как один из трех видов эмоциональных переживаний наряду с эмоциями и чувствами. Основанием для выделения аффектов в общей психологии является, как отмечал А. Н. Леонтьев, их дифференциация с собственно эмоциями «по своей функции, по способу, каким осуществляется регуляция, регулирование деятельности». Для практики же СПЭ основное значение имеют количественные характеристики эмоциональной реакции.

Сопоставление аффектов и эмоций показывает как сходство, так и различие этих понятий. С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, В. К. Вилюнас отмечают, что аффекты отличаются от эмоций большей силой и относительной кратковременностью, однако А. Н. Леонтьев подчеркивает, что эти признаки не являются решающими при отграничении аффектов от эмоций: «эмоции вовсе не отличаются от аффектов меньшей силой или меньшими эффектами», существуют отличия гораздо более существенные, «чем отличие, которое обычно приводится (по силе, остроте переживания)».

Более существенные — это в первую очередь функциональные различия.

И аффекты, и эмоции — ситуационные переживания, в отличие от чувств. Только эмоции отражают оценку возможной или текущей ситуации, а аффекты являются ответной реакцией на уже наступившую ситуацию, чаще всего неожиданную для субъекта, опасную или психотравмирующую. При этом происходит переоценка значимости этой ситуации.

А. Н. Леонтьев отмечает, что эмоции воспринимаются человеком как состояния своего Я, а аффекты являются состояниями, возникающими помимо его воли: «Аффекты всегда выступают не как то, что является моим, а как то, что происходит со мной». Это вызывает определенное отношение субъекта к аффекту. Могут возникать разнообразные аффективно-эмоциональные сплавы, когда аффект становится источником эмо-

---

[1] *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2000.

ций: положительный аффект способен вызвать отрицательные эмоциональные переживания, преодоление аффекта – положительные. Аффекты, по А. Н. Леонтьеву, как объекты субъективного отношения могут стать и объектом самоуправления: изживания, преодоления, отвлечения, замещения. Я. Рейковский различает «состояние сильного эмоционального возбуждения — аффекта (страх, гнев, радость), при котором еще сохраняются ориентация и контроль, и состояние крайнего возбуждения, описываемое такими словами, как "паника", "ужас", "бешенство", "экстаз", "полное отчаяние", когда ориентация и контроль практически невозможны».

Обычно подчеркивают «мобилизующую» и «дезорганизующую» функции аффектов. Но с точки зрения места аффекта в общей структуре деятельности основной ее функцией, как пишет А. Н. Леонтьев, является «следообразование». По его словам, «это функция особого рода, которая выражается в том, что аффект накапливается, складывается, фиксируется в виде аффективного знака объектов и ситуаций, при этом фиксируется очень быстро (не нужно повторений)». Эти следы традиционно, вслед за К. Юнгом, называют «аффективными комплексами», которые можно выявлять экспериментальным путем. Таким образом, хотя аффекты возникают постфактум (по отношению к аффектогенным ситуациям), они опережают последующий опыт через повышение бдительности к возможному повторению ситуации и оберегают от возможного попадания в эти ситуации.

С предыдущей функцией тесно связаны еще два свойства аффектов, выделяемые А. Н. Леонтьевым: их способность к кумуляции и канализации. При каждом повторении аффектогенной ситуации соответствующий аффект увеличивается, но в определенных ситуациях аффективные следы могут «изживаться» — спонтанно (катарсис) или под воздействием терапевтических процедур (психоанализ).

Аффекты в общей психологии рассматриваются как «личностные» образования, не обязательно связанные с биологическими инстинктами и потребностями. Они могут быть вызваны биологическими отношениями, но, по мнению А. Н. Леонтьева, «неверно положение, что только в этих отношениях аффекты и существуют». Поэтому их нельзя рассматривать только как биологический тип регуляции, протекающий вне рамок личностного уровня регуляции.

К аффектам можно отнести эмоциональные состояния разной модальности, внезапно «овладевающие» субъектом

в определенных ситуациях. Это могут быть и отрицательно окрашенные острые эмоциональные переживания (гнев, ярость, страх и др.), и положительно окрашенные (восторг, сильная радость и пр.). Круг аффективных состояний чрезвычайно широк. А. Н. Леонтьев иллюстрирует закономерности аффективных явлений через разнообразные примеры: встречу невооруженного охотника с медведем, поведение солдат перед битвой под Бородино в изложении Л. Н. Толстого, стартовый аффект у спортсмена-парашютиста, дезорганизацию поведения в состоянии сильной радости, убийство из-за унижения мужского достоинства в стереотипных представлениях данного социального окружения. При проведении СПЭ интерес представляет более узкий диапазон аффектов — в основном отрицательно окрашенных, вызванных противоправными или аморальными действиями других людей.

Выделяют «стеническую» (приводящую к агрессии) и «астеническую» (обусловливающую страх, бегство, оцепенение) формы аффектов. Очевидно, что для СПЭ обвиняемых имеют юридическое значение только первые из них, тогда как «астенические» аффекты учитываются при оценке беспомощного состояния потерпевших.

Обязательным компонентом аффектов, рассматриваемых в общей психологии, является внезапность их возникновения. Многие отрицательно окрашенные стенические аффекты носят взрывной характер и могут ограничивать сознательный волевой контроль своих действий.

Однако аффективный взрыв не является обязательным признаком всех аффектов. Надо сказать, что некоторые специалисты неоправданно идентифицируют понятия «внезапность» и «взрывной характер» эмоциональной реакции. Субъективная внезапность означает неожиданный для самого человека переход эмоционального процесса на качественно иной уровень и не обязательно сопровождается эмоциональным взрывом. В свою очередь, взрывной характер эмоционального возбуждения человека не означает, что для него это возбуждение наступает субъективно внезапно, оно может быть следствием «самовзвинчивания» или «самоопустительства».

Таким образом, аффекты (как понятия общепсихологические, а не экспертные) — это внезапно возникающие интенсивные и относительно кратковременные эмоциональные переживания различной модальности, наступающие

вследствие определенных аффектогенных ситуаций, они обладают количественными и качественными отличиями от собственно эмоций и в зависимости от их интенсивности могут ограничивать свободу «волеизъявления» человека при совершении конкретных действий.

Это свойство части аффектов и нашло отражение во введенном в плоскость теории и практики СПЭ термине «физиологический аффект» — экспертном понятии, которое описывает типичную феноменологию эмоциональной реакции, обладающую определенными облигатными диагностическими признаками. Позднее был выделен и «кумулятивный» вариант «физиологического аффекта».

Соотношение общепсихологического понятия аффекта и аффекта как внезапно возникшего сильного душевного волнения, имеющего уголовно-правовое значение, иллюстрирует табл. 10.1.

Таблица 10.1

Соотношение общепсихологического и уголовно-правового понятий аффекта

Сравниваемые характеристики	Аффект (в общей психологии)	Аффект — внезапно возникшее сильное душевное волнение
Основание выделения понятия	Дифференциация с эмоциями по функции и способу регуляции деятельности	Дифференциация с эмоциями по интенсивности и степени дизрегуляции поведения
Модальность	Широкий диапазон — от положительно до отрицательно окрашенных	Узкий круг отрицательно окрашенных переживаний (гнев, ярость)
Формы выражения в поведении	Стенические (чрезмерная двигательная активность) и астенические (оцепенение)	Только стенические
Свойства	Внезапность возникновения	Внезапность возникновения
	Реакция на уже наступившую ситуацию (широкий круг аффектогенных ситуаций)	Реакция на противоправные или аморальные действия потерпевшего или связанную с ними длительную психотравмирующую ситуацию

Окончание табл. 10.1

Сравниваемые характеристики	Аффект (в общей психологии)	Аффект — внезапно возникшее сильное душевное волнение
	Возникновение помимо воли субъекта	Возникновение помимо воли субъекта
	—	Трехфазность динамики
	Возможность саморегуляции большого круга аффектов	Ограничение способности к адекватному отражению («частичное сужение сознания») и саморегуляции («дезорганизация»)
Функции	Следообразование	Следообразование (в длительной психотравмирующей ситуации)
	Дезорганизация	Дезорганизация
	Мобилизация	Мобилизация
	Аккумуляция	Аккумуляция
	Канализация	—

10.2. Юридическое значение

Правовой анализ предполагает уяснение оснований квалификации преступлений, совершенных в состоянии аффекта, по действующему УК РФ.

Убийство либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного неправомерными действиями потерпевшего, влекут за собой значительное смягчение наказания. Это обусловлено тем обстоятельством, что неправомерность действий потерпевшего свидетельствует об извинительном характере содеянного. Преступления, совершенные в таком состоянии, уголовный закон традиционно выделяет в специальный (так называемый привилегированный) состав. Действующий УК РФ предусматривает два привилегированных состава преступлений, совершенных под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Статья 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта

1. Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, —

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта,

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

Статья 113. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта

Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, —

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Значимый в уголовно-правовом отношении аффект (внезапно возникшее сильное душевное волнение) представляет собой эмоциональное состояние такой глубины, при котором способность лица к осознанно-волевой регуляции своего поведения сохраняется, хотя и существенно ослабевает. Уголовно-релевантный аффект характеризуется также внезапностью возникновения под воздействием противоправного или аморального поведения потерпевшего, и в частности под воздействием насилия, издевательства или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, иных противоправных или аморальных действий (шантажа, клеветы, супружеской измены, повреждения или уничтожения имущества и пр.) либо бездействия потерпевшего. Кроме того, аффект

может возникнуть в условиях длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Преступные действия обвиняемого, квалифицируемые по ст. 107 или 113 УК РФ, должны быть направлены только на то лицо (или на тех лиц), неправомерные действия которых спровоцировали возникновение внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта).

Квалифицированный вид убийств рассматриваемой категории – это убийство в состоянии аффекта двух или более лиц (ч. 2 ст. 107 УК РФ).

10.3. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Юридическое значение имеет вопрос судебно-следственных органов к эксперту-психологу: ***«Находился ли обвиняемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии аффекта?»***

На основе правового анализа мы можем рассмотреть понятие «аффект» уже с экспертологических судебно-психологических позиций.

Выделим прежде всего юридически значимые психологические признаки внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) по смыслу ст. 107, 113 УК РФ.

В тексте ст. 107 и 113 УК РФ понятие «аффект» является синонимом «внезапно возникшего сильного душевного волнения». Поскольку эти понятия являются одним из квалифицирующих признаков состава преступления по ст. 107 и 113 УК РФ, они должны рассматриваться как уголовно-правовые понятия, наполненные определенным психологическим содержанием, т.е. как судебно-психологические экспертные понятия. Определение психологического содержания правового понятия «аффект» и является предметом исследования судебного эксперта-психолога при проведении СПЭ или КСППЭ.

Экспертные понятия, как отмечалось в гл. 5 настоящего учебника, являются результатом трансформации общепсихологических категорий, занимают промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Юридическое значение имеют не диагностируемые экспертом общепсихологические явле-

ния (т.е. аффект в собственно общепсихологическом смысле или понятия стресса, фрустрации, растерянности и т.п.), а экспертные судебно-психологические понятия, соотносимые с нормами уголовного права.

Как показывает уголовно-правовой и экспертологический анализ ст. 107 и 113 УК РФ, судебно-психологическое экспертное понятие аффекта включает выраженные эмоциональные состояния и реакции, которые отличаются следующими признаками.

Возникают внезапно. Соответственно, этот юридически значимый признак (внезапный переход качества и интенсивности эмоционального состояния на новый уровень, а затем выход из этого уровня) с позиций общей психологии определяет характерную для уголовно-релевантных эмоциональных реакций и состояний трехфазность возникновения и развития течения.

Вызываются единичным (разовым) психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего или длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

На высоте своего развития ***резко ограничивают способность обвиняемого к осознанно-волевой регуляции*** своих криминальных действий.

Возникновение и развитие аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения) в УК РФ связывается не только с «насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего», но и с «длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Это, во-первых, уточняет содержание признака «внезапности» возникновения сильного душевного волнения: внезапность теперь относится к субъективному генезу аффекта и не всегда означает наступление аффективной реакции непосредственно после неправомерных действий потерпевшего.

Во-вторых, и это главное, — существенно расширяется круг эмоциональных реакций, имеющих юридическое значение и подпадающих под судебно-психологическое экспертное понятие аффекта. Данное понятие должно включать не только эмоциональные реакции взрывного характера, возникающие в ответ на однократное психотравмирующее

воздействие (традиционно обозначаемые как «физиологический аффект»). Это также и ряд эмоциональных реакций и состояний, возникающих в результате кумуляции эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, которые могут носить, а могут и не носить «взрывной» характер, но не уступают физиологическому аффекту по глубине сужения сознания и нарушений произвольной регуляции действий и обязательно возникают субъективно (и объективно) внезапно. Объективную «внезапность» определяет суд. Обычно применяется не временной критерий внезапности, а имеется в виду внезапность возникновения умысла на преступление.

На основе юридически значимых психологических признаков внезапно возникшего сильного душевного волнения как квалифицирующего признака ст. 107 и 113 УК РФ возможно выделение конкретных критериев судебно-психологической экспертной оценки аффекта как судебно-психологического экспертного понятия.

10.4. Критерии судебно-психологической экспертной оценки аффекта

Данные критерии представляют собой конкретизацию юридически значимых психологических свойств внезапно возникшего сильного душевного волнения как правового понятия и одного из квалифицирующих признаков состава преступления по ст. 107 или 113 УК РФ. Указанные критерии подлежат выявлению в ходе психологического анализа материалов уголовного дела и данных комплексного психолого-психиатрического обследования подэкспертного, всестороннему анализу, судебно-психологической экспертной оценке, обоснованному доказыванию.

Аффект, вызванный единичным (разовым) психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего (физиологический аффект).

Первая фаза — доаффективная. Основные признаки:

— субъективная неожиданность экстремального психотравмирующего воздействия;

— субъективная внезапность возникновения аффективного взрыва.

Эти признаки могут дополняться ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации, неблаго-

приятным психофизиологическим состоянием (переутомлением, недосыпанием, соматическим заболеванием и пр.).

Вторая фаза — аффективный взрыв. Основные признаки:

— взрывной характер эмоциональной реакции;

— частичное сужение сознания. Может выражаться в фрагментарности и неполноте восприятия (симультанного и сукцессивного). Отметим, что фрагментарность симультанного восприятия — неполное восприятие ситуации в отдельный момент времени. Фрагментарность сукцессивного восприятия — неполное восприятие динамики ситуации, действий потерпевшего и своих действий во времени. Реже частичное сужение сознания выражается в заполненности сознания переживаниями, связанными с психотравмирующим воздействием, иллюзорным восприятием, утратой чувства реальности окружающего, ощущением отчуждения своих действий;

— нарушения произвольной регуляции деятельности. Включают в себя расстройство опосредованности действий, расстройство контроля действий, снижение способности к прогнозу результатов действий, отсутствие прогноза отдаленных последствий действий. Реже наблюдаются двигательные автоматизмы.

К признакам аффекта относятся также нарушения речевой деятельности, а также резкое изменение вазомоторных и иных вегетативных проявлений. Однако при отсутствии свидетелей-очевидцев эти обстоятельства не будут отражены в уголовном деле, что препятствует их использованию при диагностике аффекта.

Третья фаза — постаффективная. Основные признаки:

— физическая астения (истощение);

— психическая астения (истощение).

Иногда наблюдается дезорганизация психической деятельности и неполное осознание (недопонимание) случившегося.

Физиологические аффекты возникают при таком психологическом механизме криминальной агрессии, как возникновение агрессивных действий в структуре эмоционального возбуждения. Необходимым условием определения аффекта наряду с установлением типичной для аффектов трехфазности возникновения и течения эмоциональной реакции является выявление такой высокой степени эмоционального возбуждения, возникающего сразу после психотравмирующего воздействия, которая сопровождается частичным сужением

сознания и препятствует полноценному осознанию своих действий и их произвольной регуляции.

При физиологическом аффекте агрессивное побуждение формируется в ответ на экстремальное психотравмирующее воздействие (которое оценивается обвиняемым как «субъективно неожиданное») и носит сверхинтенсивный характер с мгновенной мобилизацией энергетических ресурсов. Возникновение аффективного взрыва у обвиняемого облегчается при неблагоприятном психофизиологическом его состоянии (переутомлении, астении, соматическом заболевании). Принятие решения и выбор действия происходят непосредованно, импульсивно и безальтернативно. Оценка ситуации и самооценка на этапе формирования побуждения и выбора действия грубо дихотомична. Агрессивное действие во время физиологического аффекта — это первое и единственное эмоционально обусловленное решение, в сознании не актуализируются иные возможные выходы из психотравмирующей ситуации, что субъективно переживается как «субъективная безвыходность».

При оценке психологического механизма физиологического аффекта уместнее говорить не об автоматизированности действий, а об автоматизированности мотивации. Инициация действия практически слита с выбором действия, что субъективно обвиняемыми ощущается как «субъективная внезапность» импульса к действию. Рефлексия как решение задачи на смысл практически отсутствует — субъект не успевает осознать основания своего поведения. Это приводит к тому, что чаще всего на постаффективной стадии наступает субъективное «отчуждение» криминального действия — подэкспертные лица не могут поверить, что они смогли совершить криминально-агрессивные акты. Рефлексия как объективация нарушена в силу частичного сужения сознания: человек не может в момент совершения деликта осознать в полной мере окружающую обстановку, реальную ситуацию, его восприятие отличается фрагментарностью и неполнотой как во времени, так и в пространстве. Инициированное действие практически не может быть изменено или приостановлено — окончание криминального действия происходит не в связи с изменением ситуации, а вследствие истощения аффективного побуждения, что закономерно приводит к физической и психической астении, обусловленной бурной энергетической разрядкой, которая в ряде случаев может сопровождаться дезорганизацией психической

деятельности и неполным осознанием случившегося. Само действие не поддается опосредованию и контролю, прогноз результата возможен, но малодифференцирован (прогнозируется не убийство, а избавление от психотравмирующего, опасного, угрожающего и т.п. воздействия), оценка отдаленных последствий отсутствует, что указывает на полностью ситуационный характер мотивации при физиологическом аффекте.

При выраженных аффективных состояниях, особенно у лиц с пограничными психическими нарушениями (при некоторых видах органической и личностной патологии), могут наблюдаться и элементы иллюзорного восприятия, дереализации и деперсонализации, а также двигательные автоматизмы, однако их наличие не является обязательным для диагностики аффекта. Дополнительными признаками аффекта являются и нарушения речи, и вегетативные проявления на высоте эмоциональной реакции, однако при отсутствии свидетелей преступления эти признаки, как отмечалось выше, могут быть не отражены в материалах уголовного дела.

Таким образом, при физиологическом аффекте как непосредственной аффективной реакции в ответ на противоправные или аморальные действия потерпевшего ограничены как внешние ресурсы свободы выбора действия (поведением потерпевшего, психотравмирующими особенностями ситуации), так и внутренние (в силу частичного сужения сознания). Способность к переходу на смысловой уровень регуляции поведения практически отсутствует – доминирует потребностно-реактивная логика поведения. Субъективно человеком это ощущается как совершение «чуждых» ему действий, а одним из дополнительных экспертных критериев, отражающих снижение уровня регуляции аффективного поведения, является несоответствие действий обвиняемого в состоянии физиологического аффекта его ценностно-смысловой сфере, направленности его личности или типичным для него способам реагирования.

В то же время содержательную характеристику переживаний, наступающих у обвиняемого после осознания случившегося («чувство раскаяния, жалости к потерпевшему» и т.п.), нельзя отнести к критериям диагностики физиологического аффекта, поскольку они отражают не динамику и глубину эмоционального возбуждения, а реакцию обвиняемого на случившееся. Такая реакция лежит вне структуры

аффекта и чаще всего определяется структурой личности обвиняемого, а не только его эмоциональным состоянием.

При физиологическом аффекте ограничение свободы при выборе действия обусловлено прежде всего очень высоким уровнем эмоционального возбуждения, возникшего в ответ на психотравмирующую ситуацию, которое сопровождается частичным сужением сознания. При этом варианте экспертный вывод о том, что обвиняемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии аффекта, может быть использован судом для квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, как одного из признаков состава преступлений ст. 107, 113 УК РФ.

Приведем примеры, иллюстрирующие экспертную диагностику физиологического аффекта у обвиняемого.

Обвиняемый С., 31 год. Женат, имеет одного ребенка. Разводился с женой, потом снова стали жить вместе. Работал на заводе рабочим. В день совершения правонарушения вернулся домой раньше обычного. Открыв дверь, увидел свою жену и незнакомого мужчину: оба были обнаженные. Схватил металлические щипцы и совершил убийство обоих. Комиссией экспертов признан психически здоровым. Установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта.

Обвиняемый У., 19 лет, обвиняется в убийстве незнакомого ему человека. Представитель одной из народностей северокавказского региона. Был воспитан в полной семье, в соответствии с этнокультуральными традициями своей народности - на основе исламских традиций, в духе почтительности к родителям и старшим, развития чувства собственного достоинства и т.п. В лагере для беженцев встретил незнакомого мужчину старше себя, разговорился с ним. Вдруг неожиданно для У. его собеседник стал оскорблять мать У., заявив, что его мать «гуляющая», «спала со всеми». В ответ на эти высказывания У. совершил убийство этого мужчины, нанеся тому 98 ударов ножом в различные части тела.

При экспериментально-психологическом обследовании было выявлено, что для У. особо значимы ценностные религиозные ориентации, культуральные нормы поведения. Он привержен следованию социально одобряемым нормам поведения, в то же время его отличает эмоциональная неустойчивость, аффективная ригидность, импульсивность и снижение опосредованности в поведении, высокая чувствительность, активность, смелость. Психологический анализ материалов уголовного дела позволил прийти к выводу, что У. в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта с типичной трехфазной динамикой возникновения и развития эмоциональной реакции. На первой фазе эмоциональной реакции у У. наступило ощущение субъективной безвыходности

деятельности и неполным осознанием случившегося. Само действие не поддается опосредованию и контролю, прогноз результата возможен, но малодифференцирован (прогнозируется не убийство, а избавление от психотравмирующего, опасного, угрожающего и т.п. воздействия), оценка отдаленных последствий отсутствует, что указывает на полностью ситуационный характер мотивации при физиологическом аффекте.

При выраженных аффективных состояниях, особенно у лиц с пограничными психическими нарушениями (при некоторых видах органической и личностной патологии), могут наблюдаться и элементы иллюзорного восприятия, дереализации и деперсонализации, а также двигательные автоматизмы, однако их наличие не является обязательным для диагностики аффекта. Дополнительными признаками аффекта являются и нарушения речи, и вегетативные проявления на высоте эмоциональной реакции, однако при отсутствии свидетелей преступления эти признаки, как отмечалось выше, могут быть не отражены в материалах уголовного дела.

Таким образом, при физиологическом аффекте как непосредственной аффективной реакции в ответ на противоправные или аморальные действия потерпевшего ограничены как внешние ресурсы свободы выбора действия (поведением потерпевшего, психотравмирующими особенностями ситуации), так и внутренние (в силу частичного сужения сознания). Способность к переходу на смысловой уровень регуляции поведения практически отсутствует — доминирует потребностно-реактивная логика поведения. Субъективно человеком это ощущается как совершение «чуждых» ему действий, а одним из дополнительных экспертных критериев, отражающих снижение уровня регуляции аффективного поведения, является несоответствие действий обвиняемого в состоянии физиологического аффекта его ценностно-смысловой сфере, направленности его личности или типичным для него способам реагирования.

В то же время содержательную характеристику переживаний, наступающих у обвиняемого после осознания случившегося («чувство раскаяния, жалости к потерпевшему» и т.п.), нельзя отнести к критериям диагностики физиологического аффекта, поскольку они отражают не динамику и глубину эмоционального возбуждения, а реакцию обвиняемого на случившееся. Такая реакция лежит вне структуры

аффекта и чаще всего определяется структурой личности обвиняемого, а не только его эмоциональным состоянием.

При физиологическом аффекте ограничение свободы при выборе действия обусловлено прежде всего очень высоким уровнем эмоционального возбуждения, возникшего в ответ на психотравмирующую ситуацию, которое сопровождается частичным сужением сознания. При этом варианте экспертный вывод о том, что обвиняемый в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии аффекта, может быть использован судом для квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, как одного из признаков состава преступлений ст. 107, 113 УК РФ.

Приведем примеры, иллюстрирующие экспертную диагностику физиологического аффекта у обвиняемого.

Обвиняемый С., 31 год. Женат, имеет одного ребенка. Разводился с женой, потом снова стали жить вместе. Работал на заводе рабочим. В день совершения правонарушения вернулся домой раньше обычного. Открыв дверь, увидел свою жену и незнакомого мужчину: оба были обнаженные. Схватил металлические ножницы и совершил убийство обоих. Комиссией экспертов признан психически здоровым. Установлено, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта.

Обвиняемый У., 19 лет, обвиняется в убийстве незнакомого ему человека. Представитель одной из народностей северокавказского региона. Был воспитан в полной семье, в соответствии с этнокультуральными традициями своей народности — на основе исламских традиций, в духе почтительности к родителям и старшим, развития чувства собственного достоинства и т.п. В лагере для беженцев встретил незнакомого мужчину старше себя, разговорился с ним. Вдруг неожиданно для У. его собеседник стал оскорблять мать У., заявив, что его мать «гулящая», «спала со всеми». В ответ на эти высказывания У. совершил убийство этого мужчины, нанеся тому 98 ударов ножом в различные части тела.

При экспериментально-психологическом обследовании было выявлено, что для У. особо значимы ценностные религиозные ориентации, культуральные нормы поведения. Он привержен следованию социально одобряемым нормам поведения, в то же время его отличает эмоциональная неустойчивость, аффективная ригидность, импульсивность и снижение опосредованности в поведении, высокая чувствительность, активность, смелость. Психологический анализ материалов уголовного дела позволил прийти к выводу, что У. в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии физиологического аффекта с типичной трехфазной динамикой возникновения и развития эмоциональной реакции. На первой фазе эмоциональной реакции у У. наступило ощущение субъективной безвыходности

из сложившейся ситуации с одновременной субъективной внезапностью аффективного взрыва. На стадии аффективного взрыва у него наблюдалось частичное сужение сознания с фрагментарностью восприятия, заполненностью сознания переживаниями обиды и ярости, нарушениями регуляции своих действий с двигательными автоматизмами. Постаффективная стадия характеризовалась выраженной астенией, ощущением опустошенности и усталости. Экспертами было также установлено существенное влияние ИПО в виде этнокультурально обусловленных ценностных ориентаций, которые способствовали восприятию действий и высказываний потерпевшего как особо психотравмирующих и тем самым оказали существенное влияние на его поведение, явившись одним из условий генеза физиологического аффекта. Психиатрами у У. были диагностированы последствия травматического поражения головного мозга.

Аффект, вызванный длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего (кумулятивный аффект).

Первая фаза — доаффективная. Основные признаки:

— кумуляция (накопление) эмоциональной напряженности;

— субъективная внезапность возникновения аффективного взрыва или выраженного эмоционального напряжения в ответ на очередное психотравмирующее воздействие (реальное, условное, ассоциативно связанное с длительной психотравмирующей ситуацией).

Эти признаки могут дополняться ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации, субъективной беспомощности и безысходности, а также неудачными попытками совладающего поведения, формированием психологических защит, снижающих степень психотравмирующего воздействия. Так же как и при физиологическом аффекте, неблагоприятное психофизиологическое состояние облегчает развитие аффективной реакции.

Вторая фаза — аффективный взрыв, или кульминация эмоционального напряжения. Основные признаки те же, что и при физиологическом аффекте.

Третья фаза — постаффективная. Основные и дополнительные признаки, характерные для физиологического аффекта, могут сопровождаться и субъективным переживанием облегчения, разрядки напряжения, разрешения психотравмирующей ситуации. У несовершеннолетних обвиняемых астения может быть отставленной, а на первое место может выходить дезорганизация психической деятельности.

Судебно-психологическая экспертная оценка аффекта кумулятивного генеза возможна при определении такого

психологического механизма криминальной агрессии, как разрядка эмоциональной напряженности, возникшей в длительной психотравмирующей ситуации. Кумулятивные эмоциональные состояния диагностируются в основном у психически здоровых, у лиц с резидуальными формами органического психического расстройства без выраженных изменений психики, реже — у обвиняемых с расстройством личности. Для личностной структуры таких обвиняемых характерны высокий самоконтроль, склонность к опосредованию своих действий, обдумыванию возможных их последствий, низкий уровень агрессивности.

Интенсивность агрессивного побуждения в момент совершения преступления у таких обвиняемых обусловлена высоким уровнем эмоциональной напряженности, развившейся у них в длительной психотравмирующей ситуации, связанной с особенностями поведения потерпевшего. До разрядки напряженности для обвиняемых характерен перебор вариантов поведения, направленных на снижение этой напряженности. Он протекает как процесс совладающего поведения, но оказывается неудачным. Неудачные попытки разрешить психотравмирующую ситуацию заканчиваются фрустрациями, что, в свою очередь, по механизму порочного круга приводит к дальнейшему усилению эмоционального напряжения. Совладающее поведение у многих обвиняемых сопровождается и формированием различных психологических защит, снижающих субъективную значимость ситуации (вытеснение, рационализация и т.п.). После исчерпания всех копинг-стратегий (направленных на изменение ситуации) и «поломки» защитных механизмов эмоционально обусловленный выбор агрессивного действия (возникающего обычно в ответ на очередную психогению по типу «последней капли») оказывается импульсивным и безальтернативным.

Если при физиологическом аффекте как непосредственной реакции на разовое психотравмирующее воздействие выбор действия является первым и единственным, то при кумулятивном аффекте агрессия — субъективно последний и единственный выход из психотравмирующей ситуации.

Характерное для кумулятивного аффекта частичное сужение сознания, признаки которого иногда можно наблюдать уже на стадии накопления эмоционального напряжения, снижает возможности рефлексии и осмысления своего поступка. Смысл своих агрессивных действий в момент

совершения правонарушения практически не осознается, а сочетание «отчуждения» и «принятия» своего противоправного акта на постаффективной стадии сигнализирует об отчетливом конфликтном смысле собственной агрессии: с одной стороны, она является единственным выходом из сложившейся ситуации, с другой — она противоречит ценностям личности. Способность к оценке и самооценке также снижается уже при выраженном эмоциональном напряжении — именно поэтому повод для аффекта может быть объективно незначительным, «условным» или «ассоциативно связанным с психотравмирующей ситуацией», при этом ситуация будет оцениваться субъективно как «безысходная». Искажения самооценки динамически проявляются на стадии, непосредственно предшествующей аффективному взрыву, в виде ощущения «безвыходности из ситуации и субъективной беспомощности».

Изменение действия или отказ от него на стадии кульминации аффекта практически невозможны: частичное сужение сознания, эмоционально сверхзначимый характер агрессивного побуждения, быстротечность и интенсивность эмоциональной реакции препятствуют коррекции своих действий. Оценка промежуточных результатов своих действий на стадии кумуляции эмоциональной напряженности в основном негативная, что связано с неудачными попытками совладающего поведения, а на стадии аффективного взрыва она отсутствует, что часто приводит к двигательным автоматизмам. Контроль поведения при накоплении эмоционального напряжения избыточен, что преимущественно связано с ИПО обвиняемого, а на пике аффекта – снижен. В момент совершения преступления функция прогноза результата своих действий и оценка их последствий фактически не осуществляются. Окончание агрессивного действия при кумулятивном аффекте связано не с оценкой изменения ситуации, а с истощением агрессивного побуждения, разрядкой эмоционального напряжения. Поэтому во многих случаях агрессивные действия сопровождаются нанесением потерпевшему множественных и стереотипно локализованных повреждений.

При агрессивных правонарушениях на высоте аффективных состояний кумулятивного генеза внешние ресурсы свободы выбора действия резко ограничены в силу длительной психотравмирующей ситуации, связанной с определенным поведением потерпевшего. На это влияют и социальные

условия — чаще всего аффективные деликты совершаются в армии, в семье, т.е. в ситуациях, накладывающих определенные ограничения на ролевое поведение. Снижение возможности свободного выбора действия обусловлено и недостатком личностных ресурсов, связанным в основном с сужением репертуара копинг-стратегий под влиянием либо ценностей, социальных установок, либо черт личности, тормозящих агрессию. В момент, непосредственно предшествующий кульминации аффекта, способность к выбору действия максимально редуцирована. Способность к смысловой и социально-нормативной регуляции своего поведения, будучи сохранной на стадии кумуляции эмоционального напряжения и блокирующей возможность разрядки в агрессивных формах, только способствует росту напряжения. В момент аффективного взрыва смысловая регуляция поведения, опосредующая действия личностными ценностями, не осуществляется, хотя непосредственным поводом для аффекта может быть дискредитация именно ценностного уровня человека («унижение чести и достоинства»).

Например, обвиняемый П., 26 лет. Учился во вспомогательной школе, не закончил 8 классов, устраивался на временные работы. Дважды судим. Вернувшись из мест заключения, женился. Родился ребенок, который умер в 1 год 2 месяца. После этого стал ревновать свою жену к знакомому А., за два месяца до совершения преступления пытался объясниться с ним, но, не найдя взаимопонимания, стал угрожать ему топором, после чего А. скрылся. В день правонарушения днем подошел к работе жены, заглянул в окно и увидел, что жена целуется с А. Побежал домой, взял нож, «чтоб защищаться». Ждал жену с А. у подъезда, наблюдал, как они расставались, затем пошел за А. Тот заметил П., стал его оскорблять, пренебрежительно отзываться о нем как о мужчине, потом ударил П., в ответ П. выхватил нож и нанес А. множественные ножевые удары, от которых тот скончался. Суд, не назначая никакой экспертизы, квалифицировал его преступление по ст. 107 УК РФ, но адвокат потерпевшего написал кассационную жалобу, в которой требовал назначения КСППЭ, оспаривая «внезапность» возникшего сильного душевного волнения. Экспертной комиссией было установлено, что П. обнаруживает последствия раннего органического поражения головного мозга, сделан вывод о том, что в момент совершения убийства П. находился в состоянии аффекта, возникновение и развитие которого обусловлено длительной кумуляцией эмоционального напряжения.

Военнослужащий Б. обвинялся в умышленном убийстве своего сослуживца К. Рос и развивался нормально, закончил 8 классов и СПТУ. Работал токарем. В возрасте 22 лет женился, на следующий год родился ребенок. Был призван в армию, в строительные войска, в возрасте 25 лет. В батальоне стал подвергаться издевательствам и избиениям со стороны сержанта К. и некоторых других старослужащих. Осуществил демонстративную попытку побега из части с целью привлечения внимания командования к применению к нему неуставных отношений, однако никаких мер командирами

не было принято: ни его, ни его обидчиков не наказали, в другую часть его не перевели. В день происшествия Б. утром был избит сержантом К. за отказ чистить его сапоги, и последний пригрозил избить Б. еще сильнее вечером, после работы. Б. не мог работать, думал только о предстоящем избиении, ближе к вечеру принял решение уйти из части. Когда он вышел из строящегося здания, увидел спящего на траве сержанта К. В нем «поднялась злость и ненависть», он поднял лежащий на тропинке железный прут арматуры и нанес три удара по голове К. После этого бросил прут около убитого, убежал на речку и сидел там до тех пор, пока его не нашли. По показаниям свидетелей, «у него дрожали, тряслись руки», «он был бледный», «в глазах у него было тупое выражение». Психологический анализ материалов уголовного дела и данных ЭПИ выявил, что протрагированная конфликтная ситуация в виде систематического унижения чести и достоинства со стороны К. являлась личностно значимой для Б., фрустрация усугублялась его повышенной чувствительностью, самолюбивостью, сознанием того, что он старше К., имеет сына. Психотравмирующие воздействия обусловили у Б. накопление эмоционального напряжения. Невозможность отреагирования эмоциональной напряженности определялась, с одной стороны, тем, что его действия (побег из части) не дали ожидаемых им результатов, а с другой – кумуляции напряжения способствовали такие его личностные особенности, как аффективная ригидность, склонность к застреванию на отрицательных переживаниях, восприятие этих ситуаций как трудноразрешимых, нерешительность. В день правонарушения после утреннего избиения эмоциональное напряжение достигло высокого уровня, сопровождалось доминирующим чувством страха, сосредоточением переживаний на предвосхищении угрозы, ощущением субъективной безвыходности. На фоне интенсивной эмоциональной напряженности с повышенной чувствительностью к повторным (реальным или потенциальным) фрустрирующим воздействиям у Б. при виде К. субъективно внезапно наступило эмоциональное возбуждение, на высоте которого он нанес удары прутом К. Его действия в этот момент импульсивно реализовали аффективно обусловленную цель избегания предстоящего избиения, явились отреагированием накопившегося эмоционального напряжения, сопровождались снижением контроля поведения, игнорированием возможных последствий своих действий, частичным сужением сознания с фрагментарностью восприятия (Б. не помнил точного количества ударов, их силу). Последующее поведение Б. было нецеленаправленным, состояние его характеризовалось явлениями психического истощения, астении.

На основании изложенного комиссия экспертов пришла к заключению, что Б. в момент совершения инкриминируемых ему деяний находился в состоянии кумулятивного аффекта.

Аналогичный механизм нарушения свободы выбора действия под влиянием частичного сужения сознания можно установить и при выраженном эмоциональном напряжении, возникшем у обвиняемого в связи с длительной психотравмирующей ситуацией и на высоте своего развития сопровождавшемся нарушениями осознанной регуляции поведения. Феноменологически кульминация эмоционального напряжения носит невзрывной характер, тем не менее, она наступает внезапно для субъекта. На высоте напряжения происхо-

дит частичное сужение сознания, которое определяет столь же глубокое ограничение способности обвиняемого к осознанно-волевому поведению, как и при физиологическом аффекте, поэтому такое эмоциональное состояние необходимо расценивать в качестве варианта судебно-психологического экспертного понятия «аффект».

Военнослужащий К., 19 лет, обвиняемый в умышленном убийстве фельдшера Ф. Из материалов уголовного дела, медицинской документации, показаний подсудимого и свидетелей в судебном заседании известно, что ранее развитие без заметных отклонений, был скромным, послушным, подчиняемым, не очень общительным, жалостливым, добрым, слабым по характеру, трусливым, стремился избегать конфликтных ситуаций, не мог постоять за себя в случае необходимости, был аккуратным и очень чистоплотным. Попав в армию, стал нерасторопным, не следил за собой, личную гигиену не соблюдал. Через некоторое время начал стационарно лечиться в медпункте части по поводу флегмоны ноги. Ф. заставлял К. делать самую грязную работу, каждую ночь выполнять обязанности дневального, при отказах избивал. Свидетели показывали, что в этот период К. выглядел мрачным, угнетенным, замученным, подавленным. За неделю до правонарушения Ф. дал закурить ему самодельную сигарету с наркотиком, после чего, воспользовавшись беспомощным состоянием К., совершил насильственный акт мужеложества. После этого К. переживал чувство страха, обиды, боялся огласки. В день правонарушения К. был вновь изнасилован Ф. и неизвестным ему «гражданским» в кабинете начальника медицинской службы. Испытывал чувство унижения, оскорбления, подавленность и страх. Решил покончить жизнь самоубийством, пошел искать веревку в месте хранения инструментов, но ее не нашел. Увидел там гаечный ключ, и возникла мысль убить обидчиков. Вернулся в кабинет, подошел к спящему Ф. и нанес ему удар ключом по голове. После этого ключ выпал из рук, его трясло, возникла мысль «Откуда кровь?». В это время ему показалось, что Ф. «еще хрипит». Перенес тело Ф. в блиндаж, где с помощью брючного ремня потерпевшего подвесил его за шею к трубе. Смерть Ф. наступила от механической асфиксии. К. вернулся в палату и заснул. Через час его разбудили, об убийстве вспомнил только тогда, когда стали искать Ф.

Экспериментально-психологическое исследование выявило, что после призыва на военную службу у К. наступила социальная дезадаптация, сопровождающаяся заострением его личностных черт, появлением регрессивных форм поведения, ограничением круга общения, снижением активности. В период стационарного лечения на фоне дезадаптации, соматического неблагополучия, астенизации, связанной с недосыпанием в результате систематических психотравмирующих воздействий со стороны Ф., у К. происходило накопление эмоциональной напряженности. Присущие К. особенности личности препятствовали непосредственному отреагированию напряженности, повышая чувствительность к вновь возникающим фрустрирующим воздействиям по механизму «порочного круга». Противоправные действия потерпевшего привели к такому усилению эмоциональной напряженности К. (с выраженным страхом, обидой, чувством унижения, сосредоточением эмоциональных переживаний на угрозе возможного повторения случившегося и боязни огласки), что наступило частичное сужение сознания с ощущением субъективной безысходности, суицидальными намерениями в сочетании

с доминированием аффективно обусловленной мотивации достичь «ликвидации» сложившейся личностно непереносимой ситуации. Сознание К. с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сверхзначимой мотивации. Это резко нарушило процесс целеполагания и ограничило субъективные представления о возможных способах разрешения сложившейся ситуации, привело к импульсивности принятия решения «убить Ф.». Его последующие действия — нанесение удара ключом, перенос тела потерпевшего и последующее удушение последнего — реализовывали аффективно обусловленную цель, сопровождались ограничением адекватной оценки своих действий и прогностических функций (парциальной некритичностью), резким снижением самоконтроля и появлением несвойственной его личностной структуре брутальной агрессии. Последующее поведение К. характеризуется дезорганизацией, истощением, с последующим сном. Комиссия экспертов пришла к заключению, что состояние К. в тот период следует квалифицировать как выраженное эмоциональное напряжение, оказавшее существенное влияние на его сознание и поведение и ограничившее возможность осознания значения своих действий и их контроля, регуляции. Суд вынес наказание К. по ст. 107 УК РФ.

Таким образом, в рассматриваемом варианте психологического механизма криминальной агрессии ограничение свободы выбора действия обусловлено прежде всего интенсивным эмоциональным напряжением, возникшем в условиях длительной психотравмирующей ситуации. На высоте эмоционального напряжения (чаще всего сменяющегося эмоциональным возбуждением, аффективной реакцией) частичное сужение сознания определяет интенсивность агрессивного побуждения и невозможность изменения направленности агрессивных действий. Экспертное заключение в данном случае формулируется как наличие состояния аффекта у обвиняемого в момент совершения правонарушения. Это может служить основанием для судебной квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, т.е. одного из признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 107 и 113 УК РФ.

10.5. Объем судебно-психологического экспертного понятия аффекта

Понятие «аффект» – это судебно-психологическое экспертное понятие, имеющее двухступенчатую структуру.

Родовым является понятие «аффект» (как внезапно возникшее сильное душевное волнение), а его разновидностями, т.е. промежуточными экспертными понятиями, характеризуемыми вышеописанными судебно-психологическими экспертными критериями, — следующие категории.

Физиологический аффект как общепсихологический аффект, развивающийся непосредственно в ответ на единичное (разовое) психотравмирующее воздействие.

Кумулятивный аффект как общепсихологический аффект, возникающий вследствие накопления эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации, на фоне продолжительного стресса, сопровождающегося внутриличностным конфликтом и состояниями фрустрации вследствие неудачных стратегий совладающего (коинг-) поведения.

Выраженное эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение. Обычно состояние эмоциональной напряженности характеризуется менее выраженными по сравнению с общепсихологическими аффектами нарушениями осознания и регуляции поведения. Однако в практике судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз иногда встречаются случаи, когда у обвиняемого накопленное в условиях длительной психотравмирующей ситуации эмоциональное напряжение субъективно внезапно переходит на качественно новый уровень и на высоте своего развития сопровождается частичным сужением сознания и, соответственно, таким же ограничением возможности осознанно и произвольно регулировать свои действия, как и при кумулятивном аффекте. Данное эмоциональное состояние встречается гораздо реже, чем эмоциональные реакции взрывного характера, тем не менее, если оно характеризуется всеми обязательными признаками, описанными выше, его также необходимо соотносить с экспертным понятием аффекта (внезапно возникшего сильного душевного волнения). В его структуре существует, отмечал в своей докторской диссертации М. М. Коченов, «момент "срыва", наступающий неожиданно для субъекта переживания», который «является высшей точкой развития эмоциональной психической напряженности». При этом «состояние эмоциональной психической напряженности развивается более плавно, чем аффект, но на "вершине" этого состояния происходят изменения сознания, мотивации поведения, сравнимые по качеству с изменениями, наблюдающимися при аффекте».

Как видно из сопоставительного анализа феноменологии рассмотренных эмоциональных реакций и состояний, все они наступают субъективно внезапно, на высоте развития ограничивают (в силу различных психологических механизмов) способность обвиняемого к осознанию значения своих действий и осуществлению произвольной волевой их регуляции. А различаются они удельным весом эмоциональной

напряженности, накапливающейся в условиях длительной психотравмирующей ситуации, вследствие особенностей взаимодействия ИПО обвиняемых с ситуационными факторами.

10.6. Дифференциальная диагностика аффекта с другими эмоциональными реакциями и состояниями

Прежде всего необходимо дифференцировать ***нормальные*** и ***патологические аффекты***.

Многими психиатрами и психологами отмечается, что состояния уголовно-релевантного аффекта, имеющего значение для квалификации ст. 107 или 113 УК РФ, и патологического аффекта обладают рядом как общих, так и отличающих их друг от друга признаков.

Оба состояния возникают по внешнему психотравмирующему поводу, носят кратковременный характер и отличаются четкой трехфазностью динамики. Основным критерием отграничения патологического аффекта от «нормального» на второй фазе течения эмоциональной реакции является установление психогенно обусловленного глубокого помрачения сознания, для которого свойственны полная дезориентировка, продуктивная психотическая симптоматика, психомоторное возбуждение. Психотическая симптоматика, свойственная патологическому аффекту, отличается незавершенностью, малой выраженностью, определяется кратковременными нарушениями перцептивной деятельности в виде иллюзорных восприятий или аффективных функциональных галлюцинаций, психосенсорными расстройствами, нарушениями схемы тела, состояниями острого страха и растерянности, нестойкими бредовыми переживаниями. Для третьей фазы патологического аффекта характерны терминальный сон или тяжелая прострация с явлениями оглушенности, абсолютной безучастности к происходящему, полная амнезия собственных действий, обстановки правонарушения, действий потерпевшего. При этом могут оставаться воспоминания о первой (непсихотической) фазе, отрывочные воспоминания о психотических переживаниях.

Патологический аффект относится к категории «временного психического расстройства», определяющего неспособность подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить

ими во время совершения общественно опасного деяния (ст. 21 УК РФ).

Проиллюстрируем сказанное примером.

Подэкспертный Д., 22 лет, обвиняемый по ч. 1 ст. 105 УК РФ в убийстве отчима. В ходе следствия Д. показывал, что он ночью по просьбе отчима купил две бутылки водки, приготовил закуску, которую вместе с ножом принес к отчиму в комнату. В ходе разговора отчим стал оскорблять его мать и девушку, угрожал расправиться с матерью, поджечь квартиру, когда они с девушкой будут спать. Пояснял, что при повторных оскорблениях отчимом матери почувствовал себя униженным, подавленным, испугался, что возникнет драка, в голове промелькнула мысль: «все — надо уходить», но «тут все как сорвало». Свои последующие действия помнил смутно, фрагментарно. Так, «в руке оказался нож» и он ударил отчима. Далее помнил, что какое-то время сидел около отчима, «оказавшегося на полу», разговаривал «то ли с ним, то ли с самим собой», «местами помнил», как выходил на лестничную клетку, а «утром проснулся в постели».

Комиссия пришла к заключению, что Д. обнаруживает органическое эмоционально-лабильное расстройство в связи со смешанными заболеваниями (последствия органического поражения головного мозга сложного генеза — ранняя патология, повторные травмы головы) и в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию, у Д. имело место временное психическое расстройство в виде патологического аффекта, развившегося на органически неполноценной почве, что лишало его способности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Проблема диагностики аффекта на фоне алкогольного опьянения. Все промежуточные экспертные понятия, описывающие аффект (внезапно возникшее сильное душевное волнение), могут устанавливаться у обвиняемых, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. В настоящее время вопрос о правомерности диагностики аффекта у лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, практически не дискутируется. Все указанные судебно-психологические признаки разновидностей экспертного понятия аффекта сохраняются только при простой форме алкогольного опьянения. Измененная (атипичная) и тем более психотическая формы опьянения обычно нарушают нормальную динамику аффективных реакций, сопровождаются более или менее отчетливыми психопатологическими проявлениями, поэтому эмоциональные реакции на их фоне не могут быть расценены как аффект. Из трех степеней простого алкогольного опьянения возможно квалифицировать аффект только при легкой его степени, поскольку средняя и особенно тяжелая степени вызывают более глубокие нарушения сознания, чем при аффективных состояниях, и поведение обвиняемого детерминируется уже расстройствами психических процес-

сов под влиянием алкоголя. Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции — состояние опьянения обусловливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более угрожающая) и изменения регуляции поведения (появляется ригидность, сужающая возможность выбора возможных вариантов поведения).

Обвиняемый Б., 25 лет. Работал санитаром. Знакомый пригласил его распить бутылку водки. Процесс распития происходил на опушке леса, в легковом автомобиле. Выпив полбутылки, Б. заснул в кресле автомобиля. Проснулся от того, что его знакомый целовал его в губы и пытался расстегнуть ему брюки. Пытался убежать, но тот догнал его. Тогда выхватил перочинный нож и нанес потерпевшему множественные ранения, от которых тот сразу же скончался. Экспертами установлено, что Б. психическим расстройством не страдает, является акцентуированной личностью возбудимого типа. В момент совершения правонарушения находился в состоянии физиологического аффекта.

Установление аффекта у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. И физиологический, и кумулятивный аффекты, и эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, могут устанавливаться у обвиняемых с пограничными формами психической патологии, не исключающими вменяемости, при условии, что динамика аффекта обусловливается личностной реакцией на психотравмирующие обстоятельства, а не собственно психопатологией подэкспертного. Наиболее часто аффект диагностируется у лиц с резидуальными, компенсированными формами органической патологии и у лиц с «расстройством зрелой личности» (психопатией). В этом случае имеет смысл выявлять своеобразие аффективных состояний у лиц с пограничными психическими аномалиями на всех стадиях их динамики для четкого разграничения в этих эмоциональных состояниях «специфических признаков аффекта и проявлений заболевания».

«Извинительные» аффекты, возникающие в структуре эмоционального возбуждения или вследствие разрядки накопленного в длительной психотравмирующей ситуации эмоционального напряжения, не являются нозоспецифичными. Поэтому если эмоциональные реакции и состояния

у лиц с пограничными психическими расстройствами характеризуются всеми указанными выше обязательными признаками, их необходимо квалифицировать как аффекты, имеющие уголовно-правовое значение по смыслу ст. 107 или 113 УК РФ.

Обычно своеобразие возникновению и течению аффекта у обвиняемых с патологией личностной сферы и у лиц с органической почвой придает специфика психотравмирующих воздействий, связанных с действиями потерпевших: в зависимости от типа личностного расстройства выделяются «условные» психогении, которые приобретают аффектогенное значение только в отношении аномальных личностей, затрагивая измененную личностной дисгармонией сферу мотивов, установок, притязаний. Кроме того, у таких обвиняемых вторая фаза аффекта, возникшего на фоне длительной психотравмирующей ситуации и декомпенсации, может сопровождаться более глубокими расстройствами саморегуляции, а также иллюзорным восприятием, элементами дереализации и деперсонализации, т.е. дополнительными признаками аффекта.

Различение аффекта и эмоциональных реакций и состояний, не достигающих степени выраженности аффекта. Эмоциональные реакции и состояния, не достигающие степени выраженности аффекта, т.е. не сопровождающиеся выраженными нарушениями осознанно-волевой регуляции криминально-агрессивных действий, достаточно разнообразны как по своей глубине, так и по характеру протекания.

Для эмоционального возбуждения или напряжения, которые несущественно влияют на процессы осознания и саморегуляции, свойственно отсутствие типичной для физиологического и кумулятивного вариантов аффекта трехфазной динамики возникновения и течения эмоциональной реакции или состояния.

Более сложно осуществлять дифференциальную диагностику аффекта с эмоциональными состояниями, которые возникают в ответ на психотравмирующие воздействия (особенно в условиях длительной психотравмирующей ситуации) и носят трехфазный характер, однако не отличаются такой же выраженной глубиной дизрегулирующего влияния на сознание и деятельность обвиняемого в момент совершения правонарушения, как при аффекте. Основой отграничения таких состояний от аффекта являются невыражен-

ность частичного сужения сознания с фрагментарностью восприятия и отсутствие всех значимых признаков нарушений произвольной регуляции деятельности, т.е. критериев, приведенных выше. Такие эмоциональные реакции и состояния могут сопровождаться расстройством отдельных компонентов регуляции поведения — например, снижением контроля действий, недостаточной их опосредованностью, однако при этом способность к осознанию своих поступков и управлению ими существенно не нарушается, произвольность поведения остается относительно сохранной. Часто показателем невыраженности частичного сужения сознания и нарушений саморегуляции у обвиняемого при эмоциональных состояниях, не достигающих степени выраженности аффекта, является также невыраженность признаков третьей фазы — отсутствие признаков физической и психической астении после содеянного.

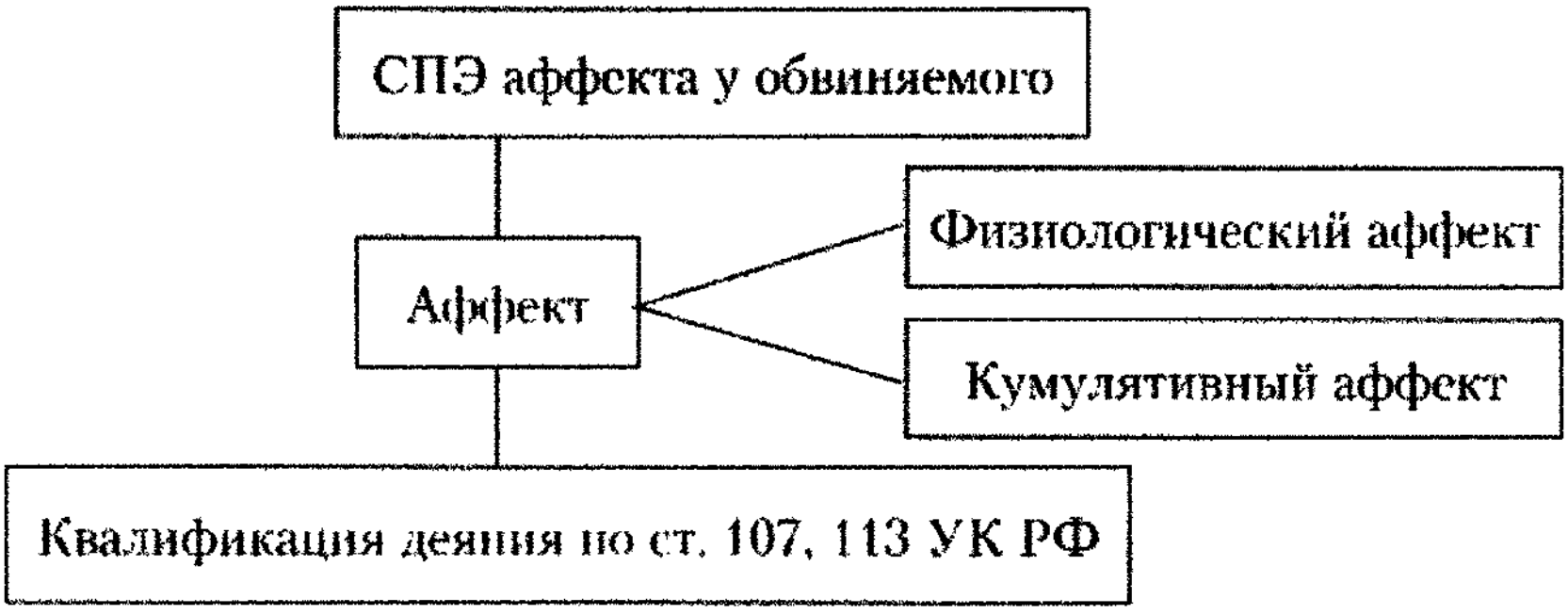
К примеру, обвиняемый З., 20 лет, официально нигде не работал, но всегда имел много денег и каждый вечер проводил в ресторанах. В возрасте 18 лет обвинялся в причинении вреда здоровью, но уголовное дело было закрыто, поскольку потерпевший забрал заявление. В день правонарушения после распития спиртных напитков на дискотеке возвращался с тремя друзьями на автомобиле домой. По дороге возникла ссора с одним из друзей из-за того, что З. хотел, чтобы все еще посидели в кафе, а тот стал пренебрежительно о нем отзываться, начал всячески демонстрировать свое превосходство, потом остановил машину и вызвал З. на улицу «поговорить». Как только они вышли из машины, З. выхватил из кармана нож и ударил три раза потерпевшего в левую половину груди. Они повезли потерпевшего в больницу, по дороге З. выбросил нож в окно. Потерпевший по дороге скончался. В ходе экспертизы З. пытался аггравировать, но долго эту линию поведения не выдерживал, начинал вести себя вызывающе, легко возбуждался. Выяснилось, что З. страдает психопатией возбудимого круга, в момент совершения инкриминируемого ему деяния находился в состоянии эмоционального возбуждения, не достигшего степени выраженности аффекта.

10.7. Заключение экспертов

В заключении судебной экспертизы должна содержаться формулировка экспертного вывода (ответов на вопросы судебно-следственных органов) о наличии или отсутствии состояния аффекта у обвиняемого в момент совершения инкриминируемого ему деяния с обоснованием экспертного вывода на основе психодиагностического исследования психологических закономерностей и механизмов криминально-агрессивного поведения обвиняемого, включающего ретроспективный психологический анализ уголовного дела

и приобщенных к нему материалов и данные ЭПИ. При обосновании экспертного вывода о наличии состояния аффекта у обвиняемого необходимо показать, по какому психологическому механизму (физиологический аффект; кумулятивный аффект; выраженное эмоциональное напряжение, оказавшее существенное влияние на сознание и поведение) развивалась эмоциональная реакция (эмоциональное состояние).

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие два направления исследования аффекта существуют в отечественной психологии?
2. Раскройте соотношение понятия «аффект» в общей и судебной психологии.
3. В чем заключается юридическое значение СПЭ аффекта у обвиняемого?
4. Раскройте критерии судебно-психологической экспертной оценки аффекта.
5. Назовите основные разновидности аффекта и дайте их сравнительную характеристику.
6. В чем заключается дифференциальная диагностика аффекта с другими эмоциональными реакциями и состояниями?

Глава 11
КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАТЕРИ, ОБВИНЯЕМОЙ В УБИЙСТВЕ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• специфику КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка;

• правовое значение КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка;

уметь

• определять основные задачи КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка;

владеть

• судебными клинико-психологическими экспертными критериями определения повышенной эмоциональной напряженности, обусловленной психотравмирующей ситуацией, у матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка.

11.1. Юридическое значение

В клинико-психологических исследованиях женщин, совершивших убийство своих новорожденных детей (*неонатициды*), наряду с выделением у них разнообразных психических расстройств большое внимание уделяется мотивации этого вида преступлений. Среди детоубийц преобладают женщины, у которых отсутствуют признаки какого-либо психического расстройства. Следует отметить, что работы, посвященные данной проблеме, немногочисленны и в них

наблюдается чрезвычайное разнообразие объяснений феномена неонатицида.

Психологические исследования, посвященные материнской агрессии по отношению к новорожденным, немногочисленны. В цикле исследований такого вида агрессии, как «отказ» от ребенка в родильном доме, проведенных В. И. Брутманом с С. Н. Ениколоповым и М. С. Радионовой, показано, что нежелашая беременность может протекать по двум крайним вариантам[1].

При первом варианте происходит своеобразное игнорирование собственной беременности, чему способствуют и физиологические особенности (значительно реже встречаются явления раннего токсикоза), но в первую очередь – психологические феномены: гипостезия телесных проявлений беременности и соответствующее ей особое психологическое состояние — «атиофориогнозия» (от греч. «тиофория» – «беременность»). Женщины не замечают беременности даже при выраженных признаках (отсутствие менструаций, набухание молочных желез, увеличение объема живота). Эти симптомы объясняются «логическими доводами» (рационализация) или игнорируются (вытеснение). В менее выраженных случаях отмечаются слабая эмоциональная реакция на факт беременности и искажение (порой значительное) представлений о ее сроках.

Второй вариант нежелашой беременности, напротив, сопровождается гиперестезией телесных симптомов с выраженной ригидностью негативных эмоций — страхом, депрессией. Сознание женщин наполняется негативными ощущениями и переживаниями, чувством отвращения, брезгливости и даже ненависти к будущему ребенку, что порождает яркие и мучительные «инфантицидные» (направленные на смерть ребенка) фантазии. Шевеление плода вызывает психическое напряжение, угнетающие воспоминания, связанные с ситуацией зачатия и беременности. Оба варианта обусловливают психологическое отторжение «образа ребенка».

Клинико-психологические исследования феномена убийства новорожденных собственными матерями, несмотря на крайнюю пестроту подходов, эклектичность большинства типологий, смешение социальных и биологических факто-

---

[1] *Брутман В. И., Ениколопов С. Н., Радионова М. С.* Нежелашая беременность у жертв сексуального насилия // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 33–40.

ров, обусловливающих явление неонатицида, демонстрируют разнообразие механизмов этого вида криминальной агрессии, невозможность его объяснения только с клинических или только с психологических позиций, что частично и отражено в тексте ст. 106 УК РФ.

В уголовном законе убийство матерью новорожденного ребенка рассматривается как самостоятельный и привилегированный состав преступления.

УК РФ

Ст.106. Убийство матерью новорожденного ребенка

Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости,

наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

С юридической точки зрения субъективная сторона преступления предусматривает умышленную вину. Убийство может быть совершено с прямым (когда обвиняемая осознает фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия, предвидит возможность или неизбежность смерти ребенка, желает или допускает такие последствия своего поведения) и косвенным умыслом (когда обвиняемая относится к этим последствиям безразлично). Умысел может быть рациональным, сформироваться заранее, до начала родов, а может быть аффективным, импульсивным, возникнуть в момент родов или сразу же после них. Преступное поведение матери может быть как активным (нанесение повреждений, несовместимых с жизнью ребенка, помещение его в условия, исключающие жизнедеятельность, и т.п.), так и пассивным (отказ от кормления). Во всех случаях квалификация преступления будет одинаковой.

Субъектом преступления может быть только мать новорожденного ребенка, которая достигла 16-летнего возраста. Потерпевшим является новорожденный. В отечественном уголовном праве используется несколько типов критериев новорожденности — в зависимости от вида убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, могут использоваться разные критерии.

Первый вид неонатицида, предусмотренный уголовным законом, — убийство матерью новорожденного ребенка во

время или сразу же после родов. Текст закона не содержит четкого временного промежутка, ограничивающего указанный период времени, однако ясно, что он охватывает довольно кратковременную ситуацию и не может превышать одни сутки (24 часа) с момента появления ребенка на свет — судебно-медицинский критерий новорожденности.

Второй вид – убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. Закон придает самостоятельное значение наличию таких неблагоприятных обстоятельств, как беременность в результате изнасилования, отказ отца ребенка признать его своим, зарегистрировать брачные отношения, его же отказ от оказания помощи и поддержки, подстрекательство отца ребенка, травля женщины родственниками, стыд перед окружающими за рождение ребенка вне брака, материальные проблемы и боязнь в связи с этим трудностей, связанных с воспитанием ребенка, тяжелые жилищные условия и т.п. Психотравмирующая ситуация охватывает более длительный отрезок времени по сравнению со временем родов или сразу же после них. Применительно к данному виду детоубийства может использоваться уже не судебно-медицинский, а педиатрический критерий определения длительности периода новорожденности, равный одному месяцу (30 суткам) с момента появления ребенка на свет.

Третий вид – убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. При этом виде детоубийства, так же как и в предыдущем случае, возраст новорожденного ребенка — жертвы убийства не может превышать одного месяца (педиатрический критерий).

Убийство ребенка более старшего возраста матерью с психическими расстройствами квалифицируется уже по ст. 105 УК РФ «Убийство». Однако согласно ст. 22 УК РФ, если обвиняемая во время детоубийства не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, в этих случаях психическое расстройство обвиняемой, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера.

Объединение трех видов убийства новорожденного в момент или сразу же после родов вполне целесообразно и объясняется

тем, что и во время физиологических родов, и при эмоциональных состояниях, обусловленных воздействием психотравмирующей ситуации, и, наконец, при наличии определенных психических расстройств женщины не способны в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

11.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Предметом СПЭ или КСППЭ, назначаемой в связи с необходимостью квалификации по ст. 106 УК РФ, является психическое состояние матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка. Однако в зависимости от квалифицируемого вида детоубийства возникают различные экспертные ситуации, требующие исследования разных психиатрических и психологических аспектов психического состояния обвиняемой.

Первый вида неонатицида — убийство матерью новорожденного во время или сразу же после родов — предполагает, что обвиняемая в момент совершения инкриминируемого ей деяния была в целом способна осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими. Ограничение названной способности во время или сразу же после родов может определяться особым психофизиологическим состоянием во время родоразрешительного процесса, какими-либо психическими аномалиями или психотравмирующей ситуацией. Часто все эти причины воздействуют на психическое состояние роженицы в совокупности. В этом случае цель КСППЭ психического состояния обвиняемой сводится к определению ее способности к осознанно-волевому поведению или неспособности к такому поведению вследствие психического расстройства.

При экспертном установлении отсутствия какого-либо психического расстройства (хронического, временного, иного или слабоумия), т.е. признания подэкспертной психически здоровой (включая акцентуации личности), суд может квалифицировать этот вид убийства новорожденного при наличии всей совокупности юридически значимых признаков, образующих состав преступления по ст. 106 УК РФ.

При психиатрической диагностике (в рамках КСППЭ) *психического расстройства* (медицинского критерия) эксперты должны определить, *обусловливало ли оно во время совершения преступления неспособность обвиняемой осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить* ***ими*** (юридический критерий невменяемости).

При положительном ответе на этот вопрос, т.е. в тех случаях, когда мать, обвиняемая в убийстве новорожденного, не могла осознавать свои действия и осуществлять их произвольную волевую регуляцию, суд может признать такую обвиняемую невменяемой и не подлежащей уголовной ответственности (согласно ст. 21 УК РФ).

В этом случае при проведении КСППЭ должен быть решен вопрос о необходимости применения принудительных мер медицинского характера и, при наличии судебно-психиатрических оснований для назначения таких мер (ст. 97 УК РФ), рекомендовать адекватный вид принудительного лечения (ст. 99 УК РФ).

При отрицательном ответе на вопрос о неспособности обвиняемой матери к осознанно-волевому поведению в криминальной ситуации, т.е. при наличии психического расстройства, которое не исключает вменяемости, суд может квалифицировать деяние по ст. 106 УК РФ.

Все вопросы судебно-следственных органов в обсуждаемой экспертной ситуации входят в компетенцию судебных экспертов-психиатров и, соответственно, могут решаться в рамках однородной судебно-психиатрической экспертизы или КСППЭ.

Иная экспертная ситуация возникает при необходимости судебной квалификации других видов неонатицида — убийства матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, или в условиях психотравмирующей ситуации. В отличие от предыдущего вида детоубийства в данном случае юридически значимый период времени, в который совершено преступление, охватывает не только ситуацию родов (или сразу после родов), а более длительный временной промежуток.

В этих случаях наряду с определением психического расстройства, обусловливающего неспособность обвиняемой в момент совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, можно выде-

лить две основные цели комплексного судебного психолого-психиатрического экспертного исследования.

Первую цель КСППЭ психического состояния обвиняемой составляет *определение наличия или отсутствия психического расстройства у подэкспертной, способной осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими.*

Юридические критерии ст. 106 УК РФ более «мягкие» по сравнению со ст. 22 УК РФ, не требуют определения ограниченной способности к осознанию и регуляции своих криминальных действий, хотя, как показывает судебно-экспертная практика, психические расстройства в период родов очень часто влияют на способность обвиняемой к полноценному осознанно-волевому поведению в момент убийства новорожденного ребенка. Поэтому задача судебного эксперта-психиатра в данном случае сводится к определению (диагностике) психического расстройства, не исключающего вменяемости, в качестве которого чаще всего выступают временные психические расстройства (реактивные состояния, возникающие после родов), хронические психические расстройства (в основном органические) и иные (расстройства личности).

Вторую цель КСППЭ четко сформулировать несколько сложнее. Какие экспертные понятия при оценке криминально-агрессивных действий матерей — убийц собственных новорожденных детей составляют предмет исследования эксперта-психолога? Статья 106 УК РФ предусматривает убийство в условиях психотравмирующей ситуации. Юридическая квалификация психотравмирующей ситуации является наиболее сложной проблемой при рассмотрении подобного рода дел. Ни одна ситуация сама по себе не может выступать как фрустрирующая, оказывающая негативное воздействие на психику человека, — ее можно расценить как психотравмирующую только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации, где решающее значение приобретает то психологическое значение ситуативных воздействий, которое формируется в сознании субъекта. К примеру, для беременной молодой девушки, желающей родить ребенка, требование мужа избавиться от плода будет глубоко психотравмирующим фактором, вызывающим внутренний конфликт и длительный стресс. А для морально деградировавшей женщины, страдающей хроническим алкоголизмом,

аналогичное требование мужа-алкоголика может стать подтверждением собственной позиции.

В ситуациях, действительно носящих психотравмирующий характер для субъекта, фрустрирующие воздействия приводят к внутреннему конфликту (в основном между желанием родить ребенка и внешними — реальными или в виде референтных ожиданий — препятствиями). Психотравмирующие воздействия могут быть обусловлены целым рядом объективных и субъективных причин (беременность в результате изнасилования или вне брака; представление о греховности внебрачной беременности, страх разглашения, осуждающая позиция близких и пр.), в том числе и психофизиологическими особенностями женщин, переживающих нежеланную беременность. Как показано В. И. Брутманом и М. С. Радионовой, при нежеланной беременности реже встречаются явления раннего токсикоза, формируется своеобразная гипостезия телесных проявлений беременности, вытеснение или рационализация интрацептивных ощущений, сигнализирующих о шевелении плода[1]. Это приводит к тому, что будущие матери начинают осознавать свою беременность на поздних сроках, когда легальный аборт уже не производится. Невозможность избавиться от плода при нежеланной беременности часто служит дополнительной фрустрацией.

Таким образом, ситуация принимает психотравмирующий характер задолго до родов и переживается в основном как внутренний конфликт, стержнем которого является противоречие между материнскими чувствами и нежеланной беременностью. Это, в свою очередь, способствует накоплению (кумуляции) отрицательных переживаний и обусловливает рост эмоциональной напряженности. По механизму «порочного круга» кумуляция напряженности обусловливает резкую изоляцию беременных женщин — осознанное ограничение круга социальных контактов, избежание общения, что сопровождается чувством одиночества, покинутости и пр.

В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, что снижает ее возможность адекватно оцени-

---

[1] *Брутман В. И., Радионова М. С.* Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 38–47.

вать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать свои поступки и прогнозировать их возможные последствия. Поэтому задачей психолого-психиатрической экспертизы может выступать не определение психотравмирующего характера ситуации, в которой находится мать-детоубийца, а оценка степени выраженности эмоционального состояния, возникновение и развитие которого вызвано психотравмирующими воздействиями. Здесь, по всей вероятности, не обязательно определение существенности влияния эмоциональной напряженности, вызванной психотравмирующей ситуацией, так же как и при психиатрической оценке психического расстройства, не исключающего вменяемости, не обязательна диагностика ограничения способности к осознанию или руководству своими действиями вследствие психической аномалии.

Можно сделать вывод, что при КСППЭ второй целью исследования судебного эксперта-психолога психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, является определение экспертного понятия *«повышенная эмоциональная (психическая) напряженность, вызванная психотравмирующей ситуацией»*.

Соотношение данного экспертного понятия с общепсихологическими заключается в том, что оно устанавливается у матерей, находящихся в состоянии стресса, фрустрации и внутриличностного конфликта.

В постановлении следователя или определении суда при назначении этого вида экспертизы целесообразно формулировать следующие вопросы.

1. Страдала ли обвиняемая во время совершения инкриминируемого ей деяния психическим расстройством?

2. Могла ли обвиняемая во время совершения инкриминируемого ей деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими?

3. Находилась ли обвиняемая во время совершения инкриминируемого ей деяния в состоянии эмоциональной напряженности, вызванной психотравмирующей ситуацией?

4. Нуждается ли обвиняемая в применении к ней принудительных мер медицинского характера и если да, то в каких именно?

11.3. Алгоритм комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка

Структуру КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка (в течение 30 суток после родов) можно представить в виде следующей схемы (рис. 11.1).

Ответ на первый вопрос всецело входит в компетенцию судебного эксперта-психиатра. Роль психолога при ответе на данный вопрос сводится к проведению ЭПИ с целью пре-

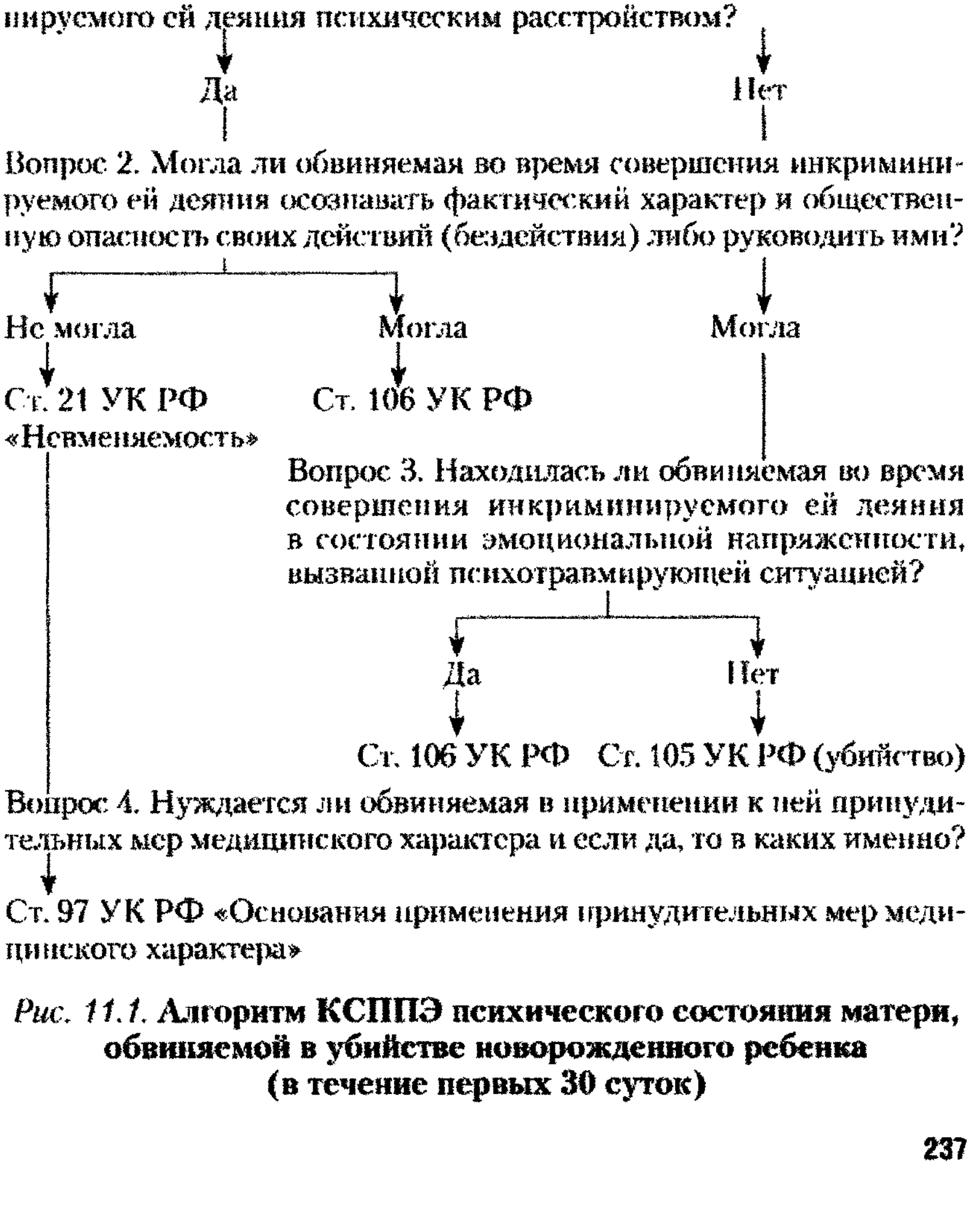


Рис. 11.1. **Алгоритм КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка (в течение первых 30 суток)**

доставления дополнительных патопсихологических данных для клинической дифференциальной диагностики или установления степени выраженности психических изменений.

Ответ на второй вопрос, как правило, формулируется судебным экспертом-психиатром. Однако в обсуждаемом виде экспертизы в ряде случаев невозможно дать полноценную оценку юридического критерия невменяемости без применения специальных знаний в психологии. При убийствах новорожденных нарушения психической деятельности, достигающие психотического уровня, при временных психических расстройствах могут наступать только в кульминационный период совершения общественно опасного деяния, непосредственно в момент самих родов. Вся же динамика психического состояния обвиняемой до этого подчиняется психологическим закономерностям, поэтому в указанных случаях без психологического анализа взаимодействия личности подэкспертной с предшествующей детоубийству ситуацией невозможно понять сам механизм правонарушения и дать ей адекватную судебно-психиатрическую экспертную оценку.

Решение третьего вопроса входит в компетенцию судебного эксперта-психолога. Участие психиатра в экспертной оценке состояния эмоционального напряжения, вызванного психотравмирующей ситуацией, заключается в констатации психического здоровья обвиняемой или диагностике пограничных психических расстройств, не исключающих вменяемости. Кроме того, клиническая диагностика психической аномалии у обвиняемой дает возможность более точно оценить степень влияния психотравмирующих воздействий на психическое состояние подэкспертной: известно, что одни и те же ситуационные условия могут выступать для психически здоровых как нейтральные обстоятельства, а для лиц с расстройствами личности, органическими психическими расстройствами и другими формами психической патологии — как избирательно психотравмирующие, психогенные.

Четвертый вопрос решается судебными экспертами-психиатрами с учетом данных психологического исследования ИПО обвиняемой. Такой комплексный подход позволяет всесторонне оценить степень общественной опасности невменяемой матери, совершившей убийство новорожденного ребенка.

Следует отметить, что суд при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ может учесть множество иных факторов:

так, по мнению многих юристов, заблаговременное приготовление к убийству новорожденного ребенка, убийство после первого кормления грудью и т.п. свидетельствуют о так называемом простом убийстве и должны быть квалифицированы не по ст. 106, а по ст. 105 УК РФ. Нужно также учесть, что в реальной экспертной практике часто убийство новорожденного ребенка собственной матерью происходит во время или сразу после родов, при этом у обвиняемой матери одновременно определяется и психическое расстройство, не исключающее вменяемости, и эмоциональное напряжение, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующей ситуацией.

11.4. Варианты экспертной оценки психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка

Судебно-экспертологический анализ КСПЭ матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, позволяет выделить четыре вида экспертной психолого-психиатрической квалификации ее психического состояния в период совершения общественно опасного деяния, каждый из которых в свете УК РФ влечет определенные, отличные друг от друга, правовые последствия:

- психическое расстройство, обусловливающее неспособность обвиняемой осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время убийства новорожденного ребенка;
- психическое расстройство, не исключающее вменяемости обвиняемой;
- эмоциональное напряжение, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующей ситуацией;
- отсутствие повышенного эмоционального напряжения у психически здоровой матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка.

Рассмотрим их подробнее.

Психические расстройства, обусловливающие неспособность обвиняемой осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время убийства. В послеродовом периоде у женщин, совершивших детоубийства, возникают различные по нозологической принадлежности психические

расстройства. Наиболее типичным и распространенным психическим расстройством у матерей-детоубийц является шизофрения, развивающаяся после родов. Следующей по распространенности нозологической формой у матерей-детоубийц является реактивное состояние, развивающееся после родов. У женщин с церебрально-органической психической патологией, совершивших детоубийство, наиболее часто отмечается раннее органическое поражение.

Психические расстройства, не исключающие вменяемости. Как уже отмечалось, в судебно-психиатрической клинике большое значение имеет исследование реактивных состояний, развивающихся после родов. Сравнительный анализ острых психотических депрессий с группой депрессивных состояний, не исключающих вменяемости, показывает, что в последней группе в момент совершения детоубийства, как и в предшествующий период, ведущее место занимают истерические проявления, отражающие преморбидную структуру и систему ценностей женщин, отсутствуют определенная динамика и стереотип развития, присущие психотическим депрессиям, витальный компонент депрессии, депрессивные идеи и другая психотическая симптоматика, элементы расстроенного сознания. Все это в сочетании с иным характером реакции на содеянное и особенностями клинической картины последующего после правонарушения состояния служит важным дифференциально-диагностическим признаком, отличающим психологическую реактивную депрессию от непсихотической.

При судебно-психиатрической оценке ранних резидуально-органических состояний у женщин, совершивших детоубийства, вменяемость в отношении содеянного обусловливалась регредиентной динамикой психических расстройств и сохранностью интеллектуально-мнестических функций. Агрессивные действия женщин в отношении детей были обусловлены эмоциональной неустойчивостью, раздражительностью, склонностью к эксплозивным реакциям, эмоциональным характером поведения. Основным синдромом при совершении правонарушений был психопатоподобный, нередким в этот момент было состояние алкогольного опьянения.

При судебно-психиатрической экспертизе женщин с психопатией (расстройством личности) решение о вменяемости в отношении содеянного предопределялось характером мотивации агрессивных действий, которая в целом была

психопатической, складывающейся из аффективного и ситуационно-импульсивных мотивов (избавление от ребенка, «мешающего личной жизни»).

Эмоциональное напряжение, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующей ситуацией. Психологический механизм, определяющий криминальную агрессию, направленную на новорожденного ребенка, в условиях психотравмирующей ситуации схож с тем, который обусловливает преступления, совершенные в состоянии кумулятивного аффекта. Хотя аффективные преступления (ст. 107 и 113 УК РФ) возникают не во всех психотравмирующих ситуациях, а только в тех, которые связаны с противоправными или аморальными действиями потерпевших, а неонатициды — в психотравмирующих условиях, не связанных с какими-либо действиями потерпевших, основу этих правонарушений составляет агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения. Индивидуально-психологические особенности таких обвиняемых характеризуются сформированностью личностных структур, преградных по отношению к проявлению агрессивных побуждений в поведении. Для неагрессивных лиц с выраженными тормозящими проявления агрессии структурами, совершающих криминальные действия в ответ на психотравмирующие и фрустрирующие воздействия, характерно накопление эмоциональной напряженности в условиях длительной психотравмирующей ситуации с последующей ее разрядкой в противоправных действиях.

Эмоциональная напряженность является компонентом многих психических состояний, и в зависимости от квалификации в общепсихологических терминах ведущего психического состояния, развившегося в психогенных условиях, можно выделить два основных варианта кумуляции напряженности — в структуре психологического стресса и в структуре психологического конфликта. И в том, и в другом случае динамика накопления эмоционального напряжения не сводится только к развитию состояния стресса или конфликта в чистом виде: эти психические состояния тесно переплетены между собой, часто сопровождаются и многочисленными фрустрациями вследствие объективных внешних воздействий или неудачных копинг-стратегий (совладающего поведения), и формированием различных психологических защитных механизмов. Однако выделяемые нами варианты отражают ведущее звено, оказывающее влияние на форми-

рование кумуляции эмоционального напряжения. Определение этого ведущего звена важно для экспертных оценок преступлений, совершаемых вследствие накопленного психического напряжения.

Если убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) являются в большей мере результатом накопления эмоциональной напряженности в структуре стресса, связанного с длительной психотравмирующей ситуацией, которая определяется неправомерными действиями потерпевшего, то убийство матерью своего новорожденного ребенка чаще является следствием кумуляции напряженности в структуре внутриличностного конфликта в психотравмирующих условиях.

Глубокий личностный конфликт между желанием родить ребенка и требованиями окружающих избавиться от плода, а чаще — между желанием родить и собственными референтными представлениями о греховности, недопустимости внебрачного материнства обусловливает кумуляцию эмоционального напряжения. У таких женщин формирование психологических защитных механизмов сочетается с попытками совладающего (копинг-) поведения, которые оказываются неэффективными главным образом из-за объективного стечения обстоятельств (распознание своей беременности на поздних сроках, вследствие чего оказывается невозможным легальное ее прерывание; желание родить в другом городе с дальнейшим оставлением новорожденного в роддоме, не реализуемое из-за материальных затруднений, и т.п.). Это, в свою очередь, оказывается дополнительными фрустрациями, что обусловливает усугубление внутреннего конфликта и дальнейший рост эмоциональной напряженности. В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери при родах определяется аффективной мотивацией, это снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия.

Обвиняемые, совершающие преступления по этому психологическому механизму, — чаще всего женщины от 18 до 30 лет, забеременевшие вне брака или в результате изнасилования. Они скрывали свою беременность даже от близких и родителей. Практически у всех были неправильные представления о сроках беременности (в сторону занижения срока), вследствие чего роды для них самих были субъективно неожиданными — по их расчетам они должны были наступить гораздо позже. Кроме того, роды у большинства происходили вне дома.

Как уже отмечалось, наряду с психически здоровыми обвиняемыми часто по этому механизму совершают правонарушения матери с пограничными психическими расстройствами.

К примеру, Л., 22 года, обвиняется в убийстве своего новорожденного ребенка. По характеру формировалась исполнительной, боязливой, обидчивой, не могла за себя постоять. В школе училась средне, интереса к учебе не проявляла, стремилась к дружбе с мальчиками старшего возраста. Половая жизнь с 17 лет вне брака, имела три беременности, две предыдущие из них закончились искусственными родами. После того, как узнала о последней беременности, в течение двух недель принимала таблетки для ее прерывания, однако безрезультатно. Она решила рожать, скрыв свое состояние от родных. На восьмом месяце беременности вышла замуж за старого знакомого. В день свадьбы Л. сообщила мужу о своей беременности, к чему он отнесся отрицательно и потребовал прервать ее. В женской консультации направление на аборт ей не дали из-за большого срока беременности, а на искусственные роды требовались большие деньги, которых у нее не было. Тем не менее сообщила мужу, что беременность прервала. В день правонарушения находилась дома с мужем и сестрой. Поздно вечером, заперлись в ванной комнате, родила жизнеспособного ребенка, нанесла ему сорок пять колото-резаных ран и выбросила труп младенца в окно.

При ЭПИ на фоне невысокого темпа умственной работоспособности, снижения активности внимания и контроля своих умственных действий, нерезко выраженной утомляемости выявилось некоторое снижение объема запоминания, невысокий уровень обобщения и абстрагирования. Были обнаружены следующие ИПО: дисгармоничная структура личности с сочетанием, с одной стороны, черт аффективной ригидности, настороженности по отношению к окружающим, осторожности, озабоченности возможными последствиями своих поступков, стремлением их планировать, высокой степени опосредованности собственных действий, сдержанности в общении, а с другой — эмоциональной неустойчивости, снижения контроля эмоциональной сферы, импульсивности, повышенной чувствительности. Выявилась негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях с легкостью возникновения реакций растерянности, чувства вины, тревожно-депрессивных состояний, неуверенностью в себе и неумением принимать самостоятельные решения в конфликтных ситуациях, зависимостью от мнения старших, тенденцией избегать агрессивных форм поведения при фрустрации.

Клиническое исследование позволило прийти к выводу, что Л. в момент совершения инкриминируемых ей деяний хроническим психическим заболеванием не страдала.

Психологический анализ материалов уголовного дела, данных клинико-психологической беседы и экспериментального исследования показал, что состояние Л. в период, предшествовавший инкриминируемым ей действиям, характеризовалось ростом эмоционального напряжения, обусловленного субъективным противоречием (внутриличностным конфликтом) между собственным стремлением родить ребенка, с одной стороны, и изменившимся отношением к ней мужа (после того, как тот узнал о беременности), давлением мужа и родственников с требованием избавиться от будущего ребенка — с другой. Кумуляции эмоционального напряжения способствовали попытки Л. найти выход из стрессовой ситуации, закончившиеся не-

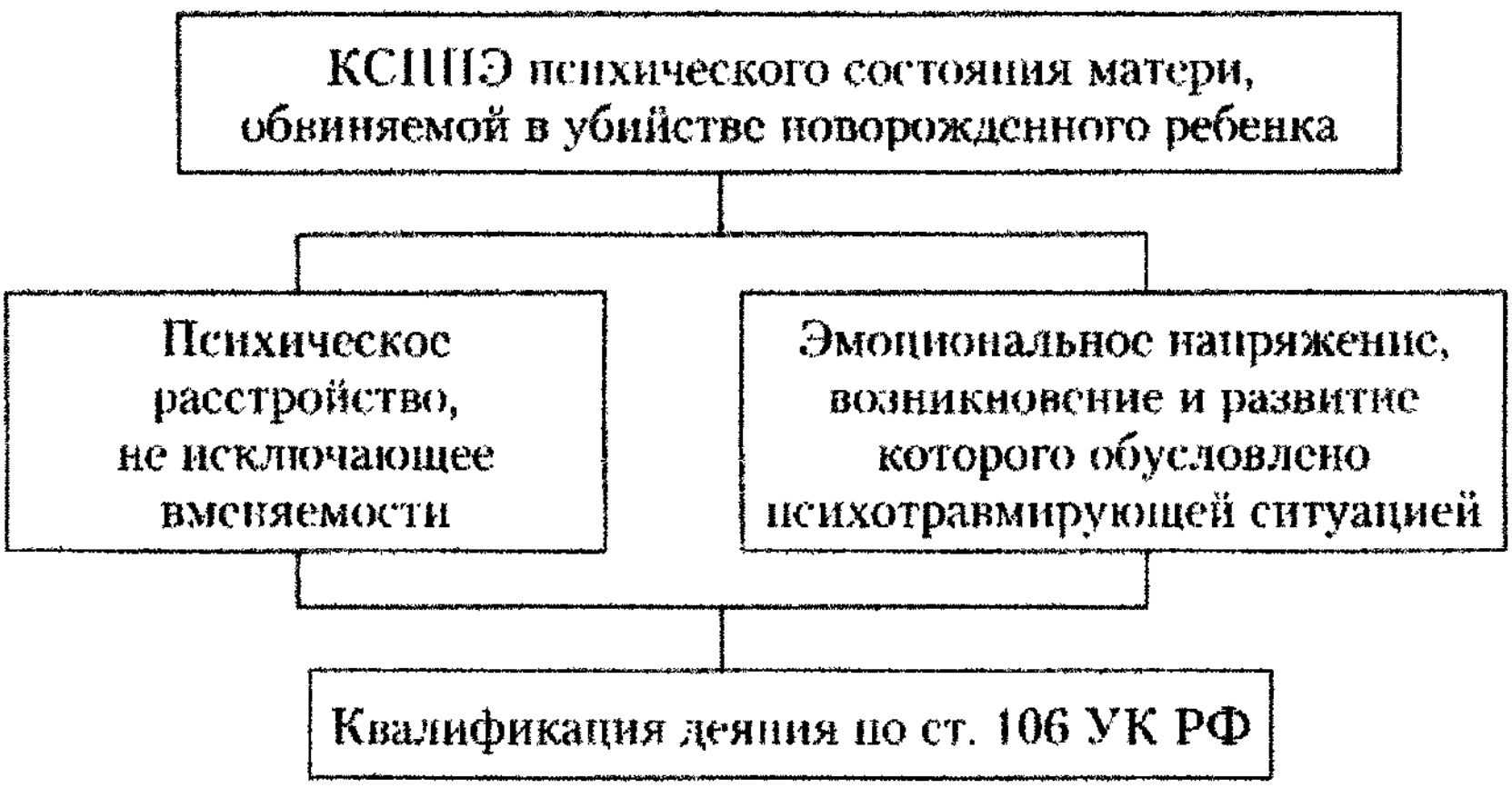
удачами и дополнительными фрустрациями (не смогла сделать аборт из-за позднего срока беременности; не могла развестись с мужем; блокированным оказалось желание уехать к отцу и там родить ребенка из-за отсутствия денег). Существенное влияние на кумуляцию эмоционального напряжения оказали также такие ИПО Л., как аффективная ригидность с застреваемостью на фрустрирующих воздействиях, неуверенность в себе, зависимость от мнения авторитетных лиц, которые препятствовали непосредственной разрядке внутреннего напряжения и обусловили решение сказать мужу, что она избавилась от ребенка. Уровень эмоционального напряжения Л. был настолько высоким, что сопровождался выраженной тревогой, повышенной раздражительностью, страхами, нарушениями сна. Начавшиеся роды воспринимались Л. субъективно как внезапные и неожиданные, вызвали у нее дальнейший рост эмоционального напряжения, реакцию растерянности, дезорганизацию структуры поведения, чему существенно способствовали такие личностные черты, как эмоциональная неустойчивость, негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, склонность к тревожно-депрессивным реакциям. Интенсивное эмоциональное напряжение у Л. сопровождалось выраженным чувством страха, отчаяния и ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации. В этот момент произошло частичное сужение сознания Л. с фрагментарностью восприятия, доминированием личностно значимых переживаний и аффектогенно обусловленной мотивации скрыть рождение ребенка от мужа и окружающих. Ее сознание с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сверхзначимой мотивации, что резко снизило ее способность к адекватной оценке ситуации и собственных действий, нарушило процесс целеполагания, ограничило субъективные представления о возможных вариантах выхода из сложившейся ситуации, привело к выраженному снижению контроля с высвобождением импульсивных действий и расстройствами прогностических функций.

Комиссия экспертов пришла к выводу, что Л. в момент совершения инкриминируемых ей действий находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое оказало существенное влияние на ее сознание и поведение, ограничив способность к адекватной оценке сложившейся ситуации, к полноценному осознанию значения своих действий, к произвольной волевой регуляции и контролю своих поступков, пониманию их возможных последствий.

Отсутствие повышенного эмоционального напряжения у психически здоровой матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка. Женщины, совершившие убийство новорожденного ребенка вне состояния эмоциональной напряженности, вызванного психотравмирующей ситуацией, и не обнаруживающие признаков какого-либо психического расстройства, совершают преступление целенаправленно, при отсутствии каких-либо нарушений осознания своих действий. В мотивации убийства всегда можно проследить звено осознанного принятия решения, которое часто формируется задолго до родов. Мотивы преступления обычно сводятся к реально-бытовым причинам — матери-

альным затруднениям, нежеланию иметь ребенка вне брака и т.д. Практически всегда такие женщины прилагают усилия для сокрытия преступления. Анализ личности психически здоровых матерей-детоубийц показывает, что они часто росли в неполных семьях или конфликтовали с родителями, рано начинали половую жизнь, имели внебрачных детей, неоднократно выходили замуж. В некоторых случаях они в подростковом возрасте становились жертвами изнасилования. Тем не менее уголовное законодательство учитывает особое психофизиологическое состояние женщин во время и сразу после родов, поэтому убийство новорожденного ребенка в этот период квалифицируется по ст. 106 УК РФ.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ и КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка?
3. Раскройте содержание экспертного понятия «повышенная эмоциональная (психическая) напряженность у обвиняемой, вызванная психотравмирующей ситуацией».
4. Назовите основные варианты экспертной оценки психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка.

Глава 12
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО С ОТСТАВАНИЕМ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОМ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, В ПОЛНОЙ МЕРЕ ОСОЗНАВАТЬ ФАКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР И ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ ЛИБО РУКОВОДИТЬ ИМИ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- специфику СПЭ и КСППЭ несовершеннолетнего обвиняемого;
- юридические последствия СПЭ и КСППЭ несовершеннолетнего обвиняемого;

уметь

- определять основные задачи СПЭ и КСППЭ несовершеннолетнего обвиняемого;

владеть

- судебно-психологическими экспертными критериями установления способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

12.1. Юридическое значение

Судебно-психологическая экспертиза и КСППЭ несовершеннолетнего обвиняемого являются одними из наи-

более сложных предметных видов экспертизы. Это определяется как неоднозначностью их юридического значения, так и необходимостью применения специальных знаний не только в общей, медицинской и социальной психологии, но и в таких теоретических и практических дисциплинах, как психология и патопсихология детей и подростков, психология развития.

До введения в действие УК РФ СПЭ несовершеннолетнего обвиняемого регулировалась ст. 392 УПК РСФСР 1960 г., где указывалось, что «при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием, должно быть выявлено также, мог ли он полностью сознавать значение своих действий». В постановлении Пленума ВС СССР от 03.12.1976 № 16 добавляется и так называемый волевой критерий: судебно-следственные органы должны выяснять, мог ли несовершеннолетний не только сознавать значение своих действий, но и руководить ими и в какой мере.

Очевидно, что приведенная формулировка изначально была ориентирована только на проведение СПЭ несовершеннолетнего, поскольку упомянуты только те формы умственной отсталости, которые не связаны с психическими расстройствами. Фактически имелась в виду задержка психического развития, обусловленная социальной или педагогической запущенностью.

Однако на практике таких случаев оказалось очень мало, поскольку подавляющее большинство выявляемых форм недостаточности интеллектуального и личностного развития у подростков связано с теми или иными видами психической патологии: психическим и психофизическим инфантилизмом, органическими поражениями головного мозга, олигофренией и др. Именно поэтому в основном освидетельствование несовершеннолетних обвиняемых стало проводиться в рамках КСППЭ. Это обстоятельство не противоречило и подзаконным актам — в постановлении Пленума ВС СССР от 03.12.1976 № 16 понятие «умственная отсталость» приводится без уточнения его генеза, не ограничивается только теми формами, которые не связаны с душевным заболеванием.

В соответствии с УК РФ юридическое значение СПЭ и КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых) претерпело существенные изменения.

Несовершеннолетними по существующему законодательству считаются лица, не достигшие 18 лет. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность, определен 16 годами (ч. 1 ст. 20 УК РФ), но за наиболее тяжкие преступления уголовной ответственности подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления возраста 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

В уголовном законе совершенно четко разводятся две формы отставания и отклонения в психическом развитии — связанные и не связанные с психическим расстройством.

Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ если несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, «но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности».

Иными словами, если у несовершеннолетнего, обвиняемого в каком-либо преступлении, обнаруживаются признаки задержки психического (интеллектуального и личностного) развития, обусловленные социальной или педагогической запущенностью, и вследствие этого он во время совершения криминальных действий был неспособен в полной мере осознавать значение своих действий и контролировать их, осуществлять их волевую регуляцию, то такой несовершеннолетний освобождается от уголовной ответственности.

УК РФ

Статья 20. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность

1. Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

2. Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за убийство (статья 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (статья 112), похищение человека (статья 126), изнасилование (статья 131), насильственные действия сексуального характера (статья 132), кражу (статья 158), грабеж (статья 161), разбой (статья 162), вымогательство (статья 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 167), террористический акт (статья 205), захват заложника (статья

206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 213), вандализм (статья 214), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267).

3. Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Другие правовые последствия наступают у несовершеннолетних, которые также не в полной мере осознают и регулируют свои противоправные действия, но уже вследствие задержки или отклонения в психическом развитии, связанных с психическими расстройствами, т.е. у подростков с олигофренией, инфантилизмом, органическим поражением головного мозга, психопатией и другими формами психической патологии. В этом случае они подпадают под действие ст. 22 УК РФ: во-первых, они подлежат уголовной ответственности, во-вторых, их психические расстройства учитываются судом при назначении наказания и могут служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Такое двоякое юридическое значение экспертизы несовершеннолетних, влекущее различные, даже противоположные, правовые последствия в зависимости от заключения судебных экспертов — психологов и психиатров, делает необходимым решение целого ряда вопросов, задаваемых экспертам судебно-следственными органами. Следует подчеркнуть, что необходимость выяснения наличия или отсутствия психических расстройств у несовершеннолетнего обвиняемого для решения экспертных вопросов предопределяет предпочтительность назначения не однородных судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертиз, а КСППЭ.

12.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Поскольку экспертное заключение относительно меры способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих

действий либо руководить ими основывается на совместных выводах и психиатров, и психологов, судебно-следственными органами должны формулироваться вопросы, относящиеся и к компетенции экспертов-психиатров, и к компетенции экспертов-психологов.

В ряду стандартных вопросов, задаваемых экспертам-психиатрам, основное значение для определения меры способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими имеет следующий вопрос.

Страдал ли несовершеннолетний обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния психическим расстройством (хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики)?

Данный вопрос определяет медицинский критерий формулы невменяемости в соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ, а также наличие психических расстройств, не исключающих вменяемости (ст. 22 УК РФ).

Ответ на этот вопрос является прерогативой судебного эксперта-психиатра, он полностью входит в его компетенцию. Участие психолога при решении данного вопроса ограничивается проведением ЭПИ с целью предоставления дополнительных данных для более точной диагностики психического расстройства или определения степени выраженности психических изменений.

Очевидно, что при положительном ответе на этот вопрос эксперт-психиатр должен дать синдромальную оценку и нозологическую квалификацию выявленного психического расстройства. Наиболее распространенными формами психической патологии несовершеннолетних обвиняемых в судебной психиатрии являются расстройство личности, ранняя церебральная резидуально-органическая патология, шизофрения, умственная отсталость, психогенное состояние, острая аффективная реакция на фоне психогенного развития личности. Однако выявление наличия и формы психического расстройства у подэкспертного еще не предопределяет экспертного решения о его вменяемости или невменяемости — оно лишь служит необходимой предпосылкой для решения основного вопроса о мере способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в криминальной ситуации.

При отрицательном ответе на данный вопрос, т.е. при отсутствии признаков психического расстройства у несовершеннолетнего обвиняемого, необходимо экспертное исследование таких особенностей его психики, которые входят в компетенцию психолога. В этом случае необходимо дать ответ на следующий вопрос.

Имеется ли у несовершеннолетнего обвиняемого отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством?

Формулировка данного вопроса определяется ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Перед психологом при ответе на данный вопрос стоит задача выявления признаков задержки психического развития у подростков, не обнаруживающих какого-либо психического расстройства. В генезе этого варианта отставания в психическом (интеллектуальном и личностном) развитии основную роль играют следующие факторы:

1) социальная и педагогическая запущенность, которая может выражаться в неправильных формах воспитания в семье — гипер- и гипоопеке, эмоциональном отвержении и др., недостаточном управлении процессом психического развития со стороны школы и т.д.;

2) наличие сенсорного дефекта (слабое зрение, частичная глухота и т.п.), который своевременно не распознан, и, соответственно, учебный и воспитательный процессы не организованы с учетом физического недостатка ребенка;

3) перенесение ребенком в раннем детстве длительных или тяжелых соматических заболеваний, которые могут вызывать нарушения нормального психического развития, особенно в так называемые сензитивные периоды, когда в психике ребенка происходят качественные новообразования.

Формы проявления отставания в психическом развитии могут быть разнообразными, особенно сложными бывают соотношения между уровнем развития познавательных процессов и эмоционально-волевой, мотивационной сфер. В одних случаях можно диагностировать тотальную задержку и интеллектуальной, и личностной сферы, в других — на первый план могут выступать отклонения в эмоционально-волевой сфере, дисгармония различных сторон психики, вплоть до таких парадоксальных сочетаний, когда выраженное эмоционально-волевое недоразвитие сосуществует с интенсивным развитием интеллектуальных способностей.

Отрицательный ответ на данный вопрос, т.е. констатация экспертом-психологом отсутствия у несовершеннолетнего обвиняемого признаков отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, означает, что подэкспертный мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими в момент совершения инкриминируемого ему деяния и, следовательно, он подлежит уголовной ответственности.

При положительном ответе, т.е. при наличии у несовершеннолетнего обвиняемого психического недоразвития, не связанного с психическим расстройством, необходимо выяснить, мог ли он в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную волевую регуляцию. Это же обстоятельство, как указывалось выше, необходимо устанавливать при экспертном психолого-психиатрическом исследовании и при выявлении психического расстройства у подэкспертного лица. Поэтому основной вопрос судебно-следственных органов должен формулироваться следующим образом.

Мог ли несовершеннолетний обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими и если мог, то в полной ли мере?

При ответе на данный вопрос может существовать три варианта ответа:

1) не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;

2) мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, но не в полной мере;

3) мог полностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Однако в зависимости от характера ответа на предыдущие два вопроса юридическое значение вариантов экспертного решения на третий вопрос может быть разным (рис. 12.1).

Так, при наличии у несовершеннолетнего обвиняемого какого-либо психического расстройства, определяющего его неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими при совершении общественно опасного деяния, суд может

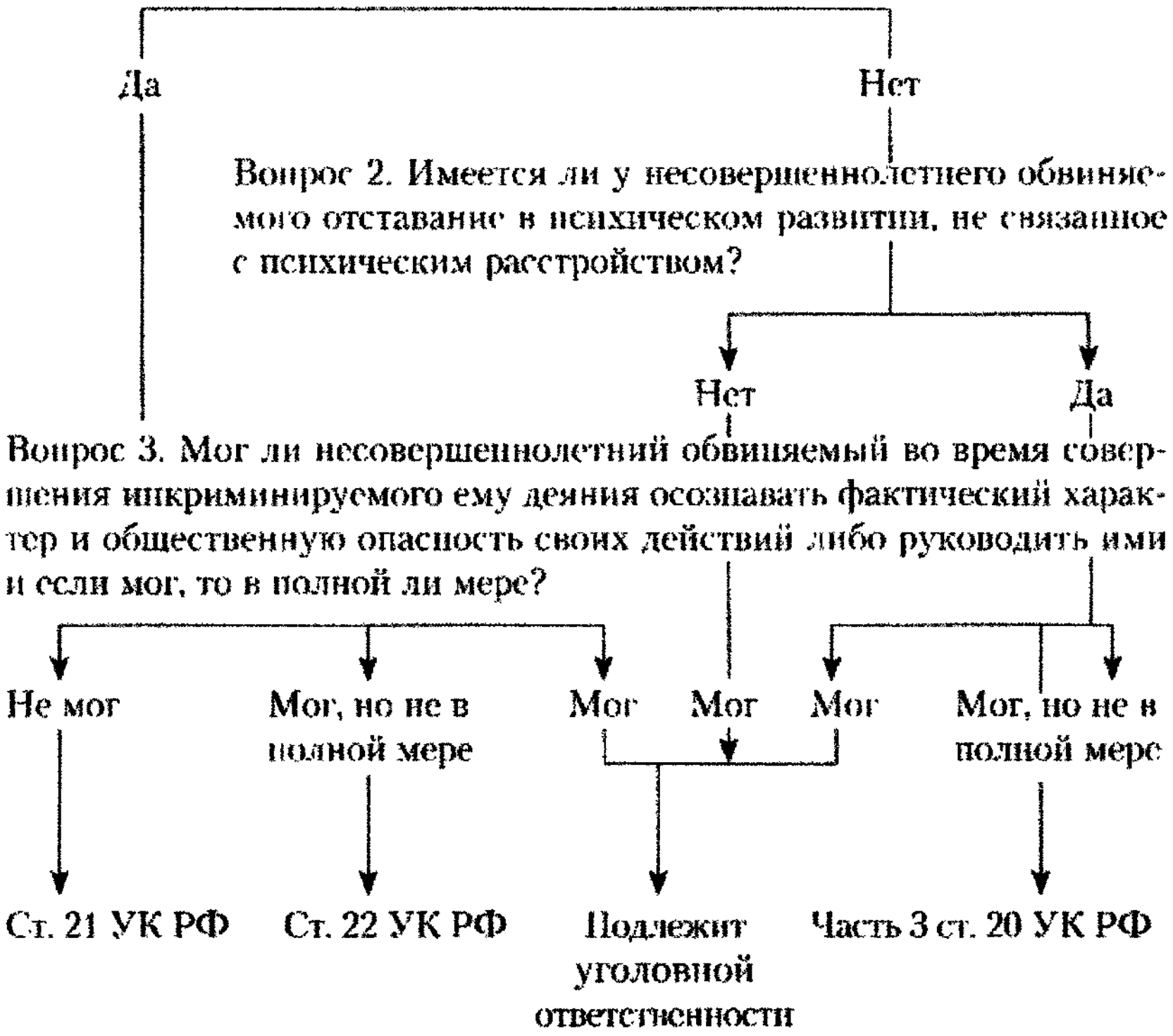


Рис. 12.1. **Юридическое значение заключения КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых**

сделать вывод о его невменяемости. Это означает, что подэкспертный не подлежит уголовной ответственности и ему судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (ст. 21 УК РФ). Если же у несовершеннолетнего обвиняемого обнаруживается психическое расстройство, ограничивающее его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими при совершении преступления, то он подлежит уголовной ответственности, однако его психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ст. 22 УК РФ).

В то же время ограничение способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, обусловленное отставанием несовершеннолетнего обвиняемого в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, приводит к принципиально иным правовым последствиям — такой подросток не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

В случаях же, когда подэкспертный обнаруживает способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вне зависимости от того, имеются ли у него признаки психического расстройства либо отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, или нет, суд признает его вменяемым и он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Определение неспособности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства полностью входит в компетенцию эксперта-психиатра. В этом случае данные ЭПИ могут использоваться психиатром в качестве вспомогательных аргументов в пользу такого экспертного вывода. Как правило, это такие особенности познавательной деятельности и эмоционально-волевой сферы, как некритичность мышления, нарушения произвольной регуляции деятельности, снижение интеллектуальной продуктивности, неустойчивость внимания, снижение объема памяти, низкая обучаемость, определяющие неспособность к смысловой оценке своего поведения и нарушения целенаправленности действий.

Способность подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими может определяться экспертом-психиатром при диагностике психических расстройств или совместно экспертами-психиатрами и психологами при отсутствии признаков какого-либо психического расстройства. Психологические данные в этом случае используются и при общей оценке особенностей психики несовершеннолетних, и при анализе конкретной мотивации подростка в момент совершения инкриминируемого ему деяния.

В работе В. А. Гурьевой, Е. Г. Дозорцевой указываются такие особенности (по результатам ЭПИ), как хорошая общая осведомленность, способность к абстрактному мышлению, возможность самостоятельной организации деятельности,

целенаправленность поведения, способность к учету социальных норм, социализированность интересов и ценностей, адекватная реакция на судебно-следственную ситуацию[1]. В то же время Т. П. Печерникова, В. В. Гульдан приводят данные об ограниченном запасе общих сведений и знаний, конкретности мышления, бедности и примитивности интересов, несформированности морально-этических норм поведения, асоциальности установок[2]. Такая разноречивость сведений об особенностях и уровне развития интеллекта и личности подростков, обнаруживающих способность к адекватному осознанию и произвольной регуляции и контролю своих действий, показывает, что основное внимание при судебно-экспертном исследовании необходимо обращать не на результаты тестирования, а на анализ мотивации правонарушения.

У вменяемых несовершеннолетних обвиняемых выявляется сохранность структуры мотивации, целенаправленность криминального поведения, понимание противоправности и наказуемости содеянного, полноценный контроль своих поступков.

Наиболее сложной представляется экспертная оценка ограничения способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать в полной мере фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Оценка названной способности входит в совместную компетенцию эксперта-психиатра и психолога в случае, если подэкспертный обнаруживает признаки какого-либо психического расстройства, и в компетенцию эксперта-психолога в случае, когда у подростка выявляется отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством.

Клинические критерии ограниченной способности несовершеннолетнего обвиняемого к осознанной регуляции своего поведения в криминальной ситуации сводятся, при всем многообразии их вариантов в зависимости от вида психического расстройства, к частичной задержке интеллектуального и эмоционально-волевого развития, парциальной критичности, ограниченной способности к опосредованию действий, психосексуальному инфантилизму, неустойчивости социальной адаптации, регредиентному характеру психопатоло-

---

[1] *Гурьева В. А., Лозорцева Е. Г.* Дискуссионные вопросы ограниченной вменяемости несовершеннолетних // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 40—46.

[2] *Печерникова Т. П., Гульдан В. В.* Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 1. С. 96—105.

гических проявлений. Клинические данные характеризуют в первую очередь сохранность потенциальной способности подростков к осознанию и контролю своего поведения.

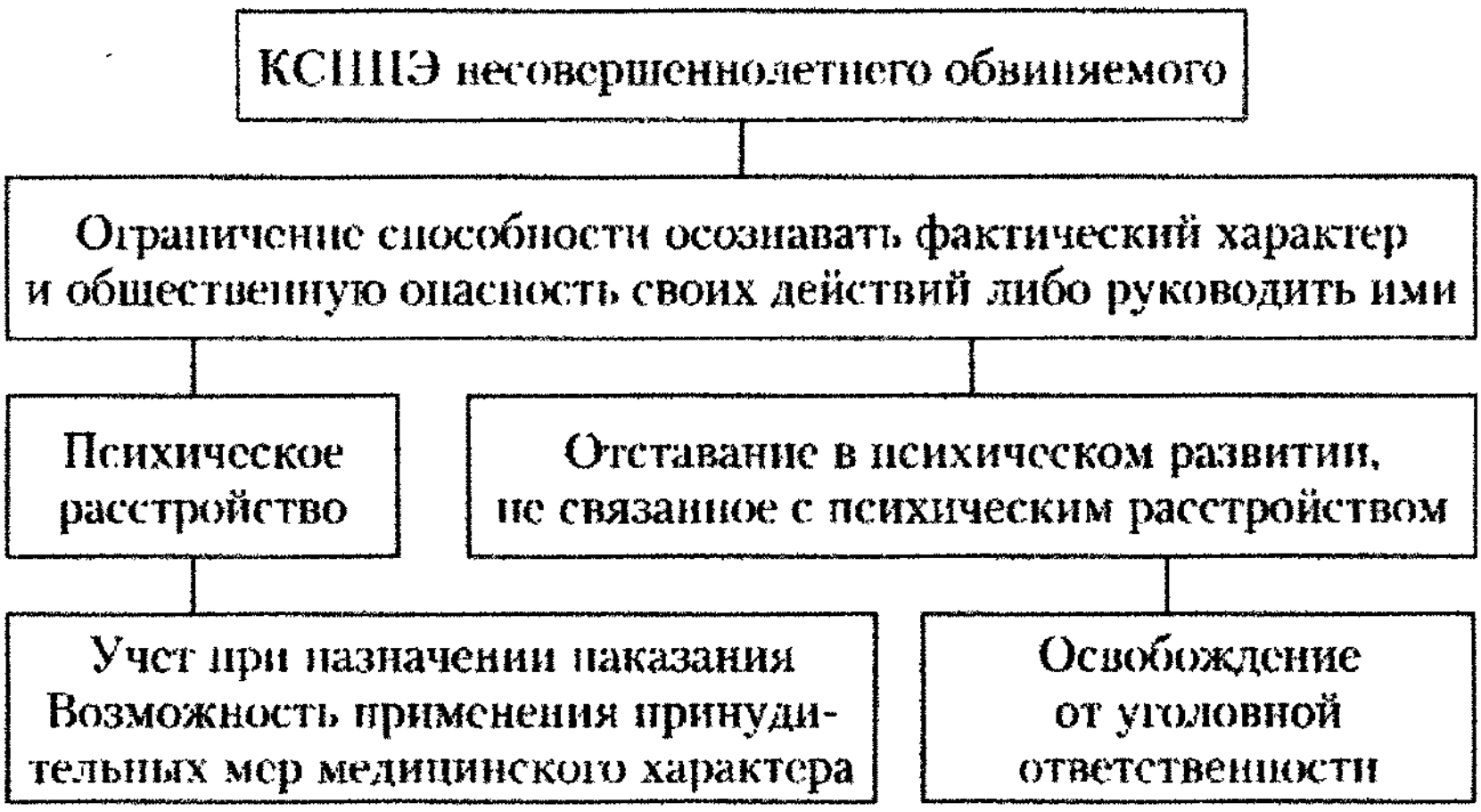
Психологические критерии ограничения обсуждаемой способности у несовершеннолетних обвиняемых применяются уже при анализе конкретной мотивации правонарушения в интересующий суд и следствие период времени. В основном можно выделить три типа нарушений мотивации:

1) преобладание игровой мотивации поведения при совершении правонарушения с расстройствами прогноза возможных последствий своих поступков и их адекватной оценки;

2) некритичное подражание действиям референтной подростковой группы, которая у внушаемых и конформных подростков может выражаться в имитации образцов поведения членов референтной группы или непосредственном подчинении указаниям авторитетных для них людей без достаточного прогноза результатов, а у эмоционально неустойчивых несовершеннолетних, склонных к дезорганизации при фрустрирующих воздействиях, — в совершении правонарушения под воздействием прямых угроз членов асоциальной подростковой группы;

3) недостаточная опосредованность действий с импульсивностью поступков, с нарушением процесса принятия решения — при столкновении интеллектуально и личностно незрелых подростков со сложными ситуациями, предъявляющими повышенные требования их психическим возможностям.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ несовершеннолетнего обвиняемого?

2. Какие вопросы решаются при СПЭ и КСППЭ несовершеннолетнего обвиняемого?

3. Раскройте содержание экспертного понятия «ограничение способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, обусловленное отставанием несовершеннолетнего обвиняемого в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством».

4. Охарактеризуйте психологические критерии ограничения способности к осознанной волевой регуляции криминальных действий у несовершеннолетних обвиняемых.

Глава 13
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРАВИЛЬНО ВОСПРИНИМАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА, И ДАВАТЬ О НИХ ПОКАЗАНИЯ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• специфику СПЭ способности свидетеля или потерпевшего давать показания;

• правовое значение СПЭ способности свидетеля или потерпевшего давать показания;

уметь

• определять основные задачи СПЭ способности свидетеля или потерпевшего давать показания;

владеть

• судебно-психологическими экспертными критериями диагностики способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания.

13.1. Юридическое значение

Свидетельские показания являются доказательством по делу. Свидетелем в уголовном процессе может выступать любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением лиц, указанных в законе (ст. 56 УПК РФ).

В частности, ограничением выступает неспособность лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания (п. 4 ст. 196 УПК РФ). Указанная неспособность может быть обусловлена в числе других причин и особенностями психической деятельности. В этом случае СПЭ или КСППЭ назначается для определения психического состояния подэкспертного.

Если речь идет об исследовании степени психических нарушений у свидетелей (или потерпевших), лишающих их способности давать показания, назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Эксперты-психиатры устанавливают психопатологические факторы, обусловливающие грубые расстройства восприятия, памяти, мышления и речи у подэкспертных, что не дает возможности суду и следственным органам привлекать их в качестве свидетеля по делу.

В то же время способность давать показания может быть нарушена в силу и непатологических особенностей психики, в первую очередь связанных с фактором интеллектуального и личностного развития. Эти случаи входят в компетенцию СПЭ, и объектом ее преимущественно выступают особенности психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Необходимо отметить, что экспертиза в подавляющем большинстве случаев назначается в отношении свидетелей, которые были очевидцами интересующих следствие и суд событий.

13.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Основное значение в данном предметном виде экспертизы имеет следующий вопрос.

Способен ли подэкспертный с учетом его психического состояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания?

В отличие от других предметных видов СПЭ судебно-следственные органы в данном случае интересует сохранность способности свидетеля или потерпевшего к правильному восприятию и воспроизведению важной для уголовного дела информации не в каких-либо отдельных, а во всех юридически значимых ситуациях: докриминальной, крими-

нальной, посткриминальной, следствия, судебного разбирательства (см. табл. 5.1). Так, правоохранительные органы могут интересовать не только обстоятельства, касающиеся криминальной ситуации, но и предшествующие события, а также развитие ситуации после совершения правонарушения и до начала производства по уголовному делу. Поэтому, хотя вопрос сформулирован в общем виде («Способен ли...»), судебный эксперт-психолог должен проводить и ретроспективный анализ сохранности указанной способности в период времени, предшествующий производству экспертизы, и актуальный анализ во время экспертного исследования и давать прогностическую оценку сохранности этой способности в последующем, после проведения экспертизы, в ситуациях предварительного и судебного следствия.

Необходимо иметь в виду, что содержание экспертной оценки способности давать показания может быть различным в зависимости от динамики психического состояния и уровня развития отдельных психических функций подэкспертного в различных юридически значимых ситуациях. Например, с момента совершения преступления до экспертизы проходит большой промежуток времени. У малолетней потерпевшей недостаточно сформирована долговременная память с отсроченным воспроизведением событий прошлого при ограничении ее возможности понимания сложного смысла воспринимаемого и в то же время отсутствуют нарушения или особенности психики, препятствующие отражению реальных событий. В этом случае правомерным будет экспертный вывод о том, что подэкспертная могла правильно воспринимать внешнюю сторону конкретных обстоятельств дела и давать о них правильные показания непосредственно после случившегося, но в настоящее время она не может давать правильных показаний об обстоятельствах дела. Другим примером может служить констатация экспертом-психологом глубокого аффекта страха с частичным сужением сознания и связанным с этим запамятованием событий у потерпевшей по делу об изнасиловании. В таком случае правильным будет заключение о том, что в период, когда совершались преступные действия в отношении потерпевшей, она в силу глубины аффективного состояния не могла воспринимать значимые для дела обстоятельства и давать о них правильные показания, но могла правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, касающиеся ситуации, предшествующей непосредственно изнасило-

ванию. Нередко показания потерпевших в отношении событий, предшествующих преступлению, оказываются важным источником доказательств по уголовному делу.

Следует учитывать, что юридический критерий способности давать показания состоит из двух видов психической деятельности, способность к осуществлению которых и является необходимой предпосылкой для возможности привлечения человека в качестве свидетеля по уголовному делу. Первый компонент юридического критерия — «способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела» — обычно исследуется экспертом-психологом в докриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях, второй — «способность давать о них правильные показания» — имеет значение в ситуациях предварительного следствия и судебного разбирательства. Такое разделение, однако, является несколько условным, поскольку могут быть случаи, когда суд может интересовать способность к правильному восприятию некоторых событий, относящихся и к следственной ситуации, — например, если обвиняемый по делу не взят под стражу, находится на свободе (подписка о невыезде) и продолжает взаимодействовать со свидетелем — в конечном счете это определяется тем, какие именно обстоятельства имеют значение для дела и могут являться доказательствами.

Эта же проблема — какого рода обстоятельства являются значимыми для уголовного дела — определяет и два типа задач, которые решает СПЭ. Как указывает М. М. Коченов, к первому из них относится установление способности правильно воспринимать и воспроизводить отдельные факты или внешнюю сторону событий в пределах чувственного отражения действительности, т.е. время, место преступления, внешность преступника, последовательность его действий и действий других участников событий и т.п., а ко второму — установление способности правильно воспринимать внутреннее содержание событий или действий (способности к осмысленному восприятию и пониманию) и в последующем их воспроизводить[1]. Судебный эксперт-психолог должен обязательно указывать в заключении (даже если в постановлении или определении о назначении экспертизы отсутствуют уточнения о характере интересующих суд и следствие обстоятельств), на каком уровне подэкспертный способен

---

[1] *Коченов М. М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.

правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Следует учитывать, что показания о внешней, фактической стороне событий уже являются полноценными доказательствами по делу.

При судебно-психологическом экспертном исследовании способности к восприятию важной для дела информации необходимо учитывать внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) стороны перцептивной деятельности.

Оценка ситуации должна проводиться в двух направлениях: с одной стороны, очень важно исследовать влияние на восприятие тех условий, в которых находился свидетель или потерпевший (темнота, сильный шум, быстротечность событий и пр.), с другой — для анализа взаимодействия личности и ситуации необходимым представляется исследование особенностей субъективной переработки информации — в первую очередь субъективной сложности ситуации с учетом уровня психического развития малолетнего или несовершеннолетнего, а также субъективной значимости воспринимаемых событий.

Оценка субъективной стороны восприятия включает изучение таких факторов, как:

1) *уровень развития и особенности органов чувств (анализаторов) у подэкспертного.* Учитывая конкретные условия восприятия, необходимо определять, достаточна ли абсолютная чувствительность зрительного, слухового анализаторов для возможности правильно воспринимать интересующие суд и следствие обстоятельства. В ряде случаев могут иметь значение более сложные феномены восприятия – время адаптации зрительного анализатора к темноте, разностная чувствительность органов восприятия и др.;

2) *уровень психического развития подэкспертного.* Здесь особо важно исследовать уровень сформированности и особенности познавательных процессов — внимания, восприятия, мышления. Можно выделить два аспекта проявления этого фактора.

Первый из них касается естественного для конкретного возрастного периода уровня интеллектуального и личностного развития. Так, выделяются юридически значимые особенности, свойственные свидетелям — детям дошкольного возраста: малая детализированность и неполнота отражения, недостаточная сформированность процессов запоминания, синкретный и аффективный характер мышления, ограниченность осмысления действительности. Эти особенности обу-

словливают способность воспринимать значимые для дела обстоятельства только с внешней, фактической стороны, в пределах чувственного отражения.

Второй аспект раскрывает патопсихологические нарушения нормального развития, которые могут оказывать влияние на способность к правильному восприятию юридически значимых событий не только у малолетних, но и у несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Отставание в психическом развитии, связанное или не связанное с психическим заболеванием, признаки инфантилизма, аномалии личностного развития и другие расстройства, характеризующиеся недоразвитием интеллекта, ограниченным кругозором и практической ориентацией, недостаточной сформированностью мотивационно-волевой и ценностной сфер, могут обусловливать невозможность воспринимать содержательную сторону событий, ее внутренний смысл.

При исследовании способности давать показания у малолетних и несовершеннолетних потерпевших по делам об изнасилованиях представляется важным исследование и уровня их сексуального самосознания, степень осведомленности в области сексуальных отношений. Констатация непонимания характера и значения совершаемых с потерпевшей насильственных сексуальных действий практически всегда приводит к выводу о ее неспособности правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства на смысловом, содержательном уровне. Вопрос же о способности к правильному восприятию внешней стороны событий может быть решен в зависимости от учета других факторов либо положительно, либо отрицательно;

3) *психическое состояние подэкспертного*. Любое преступление оказывает то или иное психотравмирующее воздействие на его очевидцев, особенно это касается потерпевших по делам об изнасилованиях. В ряде случаев в результате психотравмирующего воздействия у свидетелей, а чаще — у потерпевших, возникают кратковременные аффективные состояния (страх, растерянность), основными признаками которых наряду с доминированием эмоциональных переживаний являются частичное сужение сознания и нарушения произвольной регуляции поведения. Аффектогенное сужение сознания сопровождается фрагментарностью и искажением восприятия, что может приводить либо к неспособности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, либо (при слабой выраженности частич-

ного сужения сознания) — к способности воспринимать только внешнюю сторону событий.

Экспертное заключение о способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать значимую для дела информацию является необходимой предпосылкой для решения вопроса об их способности в последующем правильно ее воспроизводить. Однако нередки и такие ситуации, когда при возможности правильного восприятия событий способность давать показания бывает, тем не менее, нарушена.

Судебно-психологическое исследование способности свидетелей или потерпевших давать показания об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, также основывается на изучении ряда субъективных факторов, которые взаимодействуют с определенными ситуационными переменными в каждом конкретном случае. Учет условий, в которых воспроизводится информация об интересующих судебно-следственные органы обстоятельствах, является одной из главных задач СПЭ свидетелей. Как правило, в качестве основной ситуативной переменной, которая при взаимодействии с личностными особенностями может оказать негативное влияние на способность давать показания, выделяют внешнее давление значимых окружающих, заинтересованных в определенном исходе уголовного дела.

Оценка субъективной стороны способности давать показания включает исследование следующих факторов.

1. *Уровень психического развития подэкспертного.* На способность правильно воспроизводить важную для правоохранительных органов информацию основное влияние оказывают уровень развития и особенности мнестических и мыслительных процессов.

Недостаточное развитие памяти и мышления может быть проявлением естественной возрастной незрелости. Так, для малолетних свидетелей и потерпевших дошкольного возраста характерно недостаточное развитие произвольных, опосредованных форм запоминания, которые в совокупности с неразвитостью понимания окружающей действительности, осмысления многомерности ее взаимосвязей и взаимозависимостей, несформированностью полноценной логики определяют способность давать правильные показания только с фактической, внешней стороны событий при невозможности осветить в своих показаниях содержательный смысл значимых для дела ситуаций. Такой тип нарушения мнестических функций, как недостаточная сформированность механизмов

долговременной памяти у дошкольников при значительной отсроченности ситуации допроса ребенка, может приводить к эффектам «замещения», «вытеснения» или «рационализации» сохраняемой и перерабатываемой в памяти информации. Эффект вытеснения психотравмирующих событий особенно часто встречается у малолетних потерпевших по делам об изнасилованиях. При большом промежутке между криминальной ситуацией и допросом ребенка экспертное выявление нарушений долговременной памяти может служить основанием для заключения о неспособности такого подэкспертного давать показания даже при условии, что он был способен правильно воспринимать внешнюю сторону имеющих значение для дела обстоятельств.

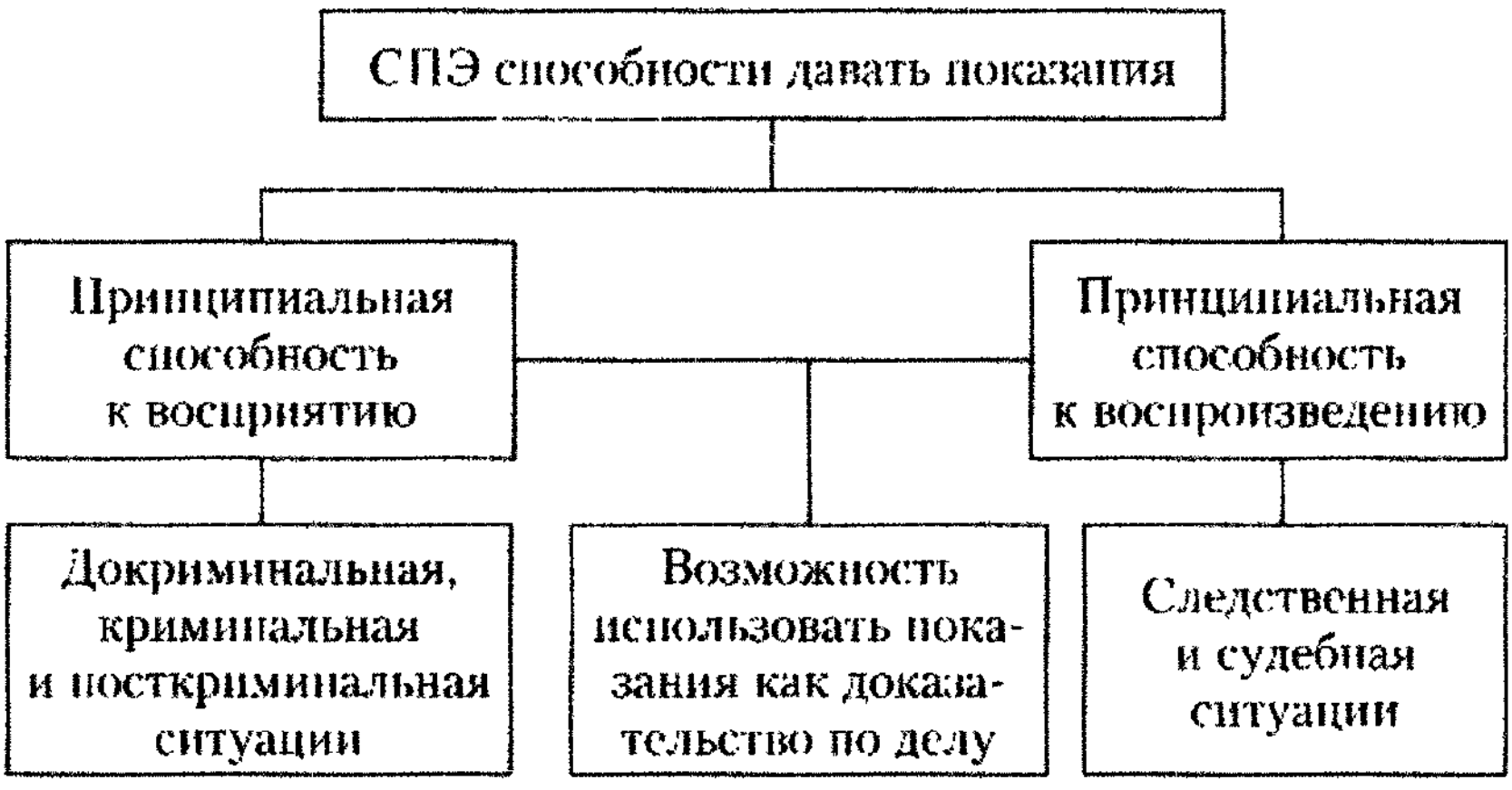
Особенности памяти, мышления и речи, препятствующие возможности давать правильные показания, могут быть обусловлены не только онтогенетическим фактором, но и нарушениями нормального психического развития ребенка и подростка. У детей с задержкой или искажением психического развития, обусловленными как биологическими, так и социальными и педагогическими факторами, выявляется снижение интеллектуального уровня, несформированность процессов обобщения и абстрагирования, логики суждений, недоразвитие высших форм запоминания, недостаточный уровень общих сведений и знаний, плохая ориентировка в практических ситуациях, ограниченный словарный запас, а также недостаточная критичность, мотивационная и волевая незрелость, примитивность морального сознания и т.п. Эти патопсихологические расстройства могут обусловить неспособность малолетних и несовершеннолетних подэкспертных давать правильные показания или ограничить эту способность возможностью воспроизводить только фактическую сторону интересующих суд и следствие событий.

2. *Индивидуально-психологические особенности подэкспертного.* На способность правильно воспроизводить воспринятые обстоятельства, имеющие значение по делу, могут оказать влияние такие личностные особенности подэкспертных (независимо от их возраста), как повышенная внушаемость, подчиняемость, зависимость от мнения и оценок субъективно значимых, авторитетных для них людей, а также повышенная склонность к фантазированию. Однако следует заметить, что данные особенности проявляются только при взаимодействии с определенной конкретной ситуацией. К примеру, при повышенной внушаемости малолетнего или несовершеннолет-

него свидетеля в условиях, когда на него никто не оказывает какого-либо давления, он может не терять способности давать правильные показания. Могут встречаться ситуации, когда в целом подчиняемый ребенок даже при условии сильного внушающего воздействия со стороны взрослых не меняет своих показаний, поскольку они для него субъективно очень значимы. Поэтому сами по себе ответы на вопросы о наличии у подэкспертных признаков повышенной внушаемости или фантазирования имеют смысл в тех случаях, когда у испытуемого не только обнаруживаются эти особенности, но и выясняется, что они оказывают влияние на его способность давать показания об обстоятельствах правонарушения в конкретных условиях следственной и судебной ситуации.

Заключение СПЭ о способности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания, должно быть категоричным («способен...» или «не способен...»), промежуточные выводы («способность... была ограничена») не имеют какого-либо юридического значения. В то же время при составлении выводов о способности правильно воспринимать и воспроизводить важную для дела информацию эксперт-психолог должен обязательно конкретизировать категорию обстоятельств, имеющих значение для дела (внешняя сторона юридически значимых событий или внутреннее, смысловое их содержание), которые могли быть правильно восприняты и правильно воспроизведены.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ способности давать показания?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ способности давать показания?
3. Раскройте содержание экспертного понятия «неспособность лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания».
4. Какие психологические факторы могут нарушать способность давать показания?

Глава 14
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ПОЛОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПОНИМАТЬ ХАРАКТЕР И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕРШАЕМЫХ С НИМ ДЕЙСТВИЙ ИЛИ ОКАЗЫВАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• специфику СПЭ способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление;

• правовое значение СПЭ способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление;

уметь

• определять основные задачи СПЭ способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление;

владеть

• судебно-психологическими экспертными критериями диагностики способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление.

14.1. Юридическое значение

Уголовно-правовое значение СПЭ способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному определяется необходимостью

определения *беспомощного состояния* судебно-следственными органами. Беспомощное состояние является квалифицирующим признаком составов преступления по ч. 1 ст. 131 УК РФ «Изнасилование» и ч. 1 ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера».

УК РФ

Статья 131. Изнасилование

1. Изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет.

Беспомощное состояние может быть обусловлено целым рядом причин, которые в конечном счете могут быть сведены к физическим и психическим (в широком смысле) факторам. К предмету СПЭ не относится физическая беспомощность, наступающая в силу физических недостатков, бессознательного состояния, некоторых соматических заболеваний и т.п. Однако сфера компетенции судебного эксперта-психолога не охватывает и всех видов психической беспомощности. В случаях, когда беспомощное состояние является следствием психического расстройства (хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного временного болезненного состояния психики), назначается судебно-психиатрическая экспертиза, которая решает экспертные вопросы, исследуя и медицинский, и юридический критерии. В тех же случаях, когда беспомощное состояние потерпевших обусловлено психологическими факторами, не относящимися к психической патологии, проводится СПЭ, которая исследует юридический критерий беспомощного состояния.

Смысл самого юридического критерия раскрывается в постановлении Пленума ВС РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», где беспомощное состояние потерпевшего лица определяется как такое состояние, когда оно «не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному лицу».

В случае экспертного вывода о том, что потерпевшая по делу об изнасиловании или потерпевший (потерпевшая) по делу о насильственных действиях сексуального характера не были способны понимать характер и значение совершае-

мых с ними действий либо оказывать сопротивление, судебно-следственные органы вправе сделать вывод о ее (его) беспомощном состоянии в криминальной ситуации и при условии доказанности того факта, что преступник действовал, сознавая беспомощность потерпевшей или потерпевшего (установление этого обстоятельства является исключительной прерогативой судебных и следственных органов), могут квалифицировать деяние по ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ.

14.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Основной вопрос судебно-следственных органов, решаемый в данном виде СПЭ, заключается в следующем.

Способна ли потерпевшая с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление?

Юридическое определение беспомощного состояния четко фиксирует его основные критерии, однако при этом не раскрывает их психологического содержания.

Юридический критерий беспомощного состояния потерпевших, равно как и большинство юридических критериев в других предметных видах экспертизы, состоит из двух взаимосвязанных психологических компонентов: один из них — «способность понимать характер и значение действий преступника» — относится к процессам осознания юридически значимых событий, а другой «способность оказывать сопротивление» — к психологическим механизмам произвольной регуляции собственного поведения в юридически значимой ситуации.

В работах М. М. Коченова, Л. П. Конышевой в качестве необходимых компонентов сохранности способности потерпевших к пониманию характера и значения совершаемых с ними действий выделяются:

1) специфический жизненный опыт потерпевшей, включающий прежде всего осведомленность в области сексуальных отношений, регуляции половой жизни;

2) осознание уже на ранних стадиях развития криминальной ситуации сексуальной направленности действий преступника;

3) адекватная морально-этическая, нравственная оценка происходящих событий, сформированность способности к пониманию социального значения совершаемых с нею действий[1].

При анализе способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними действий эвристичной представляется концепция уровней понимания[2], предложенная Ю. Л. Метелицей. Им выделяются такие уровни и стадии понимания:

1) понимание внешней стороны юридически значимых событий (времени, места происшедшего, внешности преступника, последовательности его действий и т.п.);

2) понимание внутреннего содержания этих событий (понимание биологического значения половых отношений, основанное на информированности в вопросах пола);

3) понимание их социального значения (способность осмыслить моральное, нравственное значение преступления, его последствия для чести и достоинства и т.п.). Автор справедливо указывает, что понимание социального значения не сводится к формальным знаниям об отношении акта изнасилования к этическим ценностям, оно должно быть основано на глубоком личностно-смысловом понимании подобных действий.

О сохранности способности потерпевшей к пониманию характера и значения совершаемых с нею преступных действий свидетельствует с точки зрения изложенной концепции сохранность понимания на всех трех уровнях, нарушение же любого из них приводит к выводу о нарушении анализируемой способности.

Сохранность способности потерпевшей понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с нею насильственных действий зависит от многих психологических факторов, взаимодействующих с особенностями (сложностью, структурой и динамикой) криминальной ситуации, среди которых ведущими являются:

1) *уровень психического развития подэкспертной.* Недостаточность интеллектуального и личностного развития

---

[1] *Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М. : Генезис, 2010. С. 163 225.

[2] *Метелица Ю. Л.* Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М. : Юрид. литература, 1990.

потерпевшей приводит к нарушениям понимания на разных уровнях. В случаях когда низкий уровень психического развития обусловлен естественной возрастной незрелостью (как правило, это малолетние потерпевшие в возрасте до 9—10 лет), можно констатировать понимание только внешней стороны юридически значимых событий, без осознания биологического и социального их смысла. У малолетних потерпевших старше 10—11 лет и у несовершеннолетних необходимо тщательно исследовать индивидуальную структуру познавательной деятельности и уровень личностного созревания. Очень важным объектом изучения является исследование специфических знаний в области вопросов пола, а также уровня сексуального сознания и самосознания испытуемой. При недостаточной сформированности психосексуального развития даже констатация высокого уровня интеллекта у малолетних потерпевших не позволяет сделать вывод об их способности полноценно осознавать характер и значение действий преступника. Причиной неспособности к полному и правильному осознанию криминальной ситуации может быть и отставание в психическом развитии, обусловленное социальной и педагогической запущенностью;

2) *эмоциональное состояние потерпевшей в криминальной ситуации*. Особый психотравмирующий характер посягательств на честь и достоинство потерпевших может вызывать у них различные аффективные состояния, в частности — аффект страха. Характерными свойствами аффективных состояний являются специфическое частичное сужение сознания и дезорганизация полноценной волевой регуляции поведения. Частичное сужение сознания у потерпевшей, сопровождаемое фрагментарностью восприятия, резко снижает возможность осознания происходящего, понимания смысла собственных поступков и поведения преступника, что обусловливает ее неспособность понимать характер и значение совершаемых действий виновного.

Судебно-экспертное заключение о неспособности потерпевшей понимать характер и значение совершаемых с нею насильственных действий преступника неизбежно приводит к выводу и о том, что потерпевшая не могла оказывать сопротивление виновному, поскольку оказание активного сопротивления является целенаправленным действием, возможным только при адекватном осознании всех связей и отношений криминальной ситуации. Способность потерпевшей оказывать сопротивление Л. П. Конышевой опре-

деляется как наличие у нее возможности эффективно преодолевать принуждение со стороны преступника, действуя с пониманием ситуации, руководствуясь собственными целями и интересами[1].

Однако в практике СПЭ встречаются случаи, когда подэкспертная при сохранности ее способности к полноценному пониманию сущности действий насильника, тем не менее оказывается неспособной к оказанию сопротивления, т.е. к целенаправленному поведению с сохранением самоконтроля, прогноза возможных последствий собственных действий и с устойчивостью к внешним воздействиям. Для судебно-следственных органов экспертный вывод о неспособности оказывать сопротивление (при сохранности понимания происшедшего) является достаточным основанием для определения беспомощного состояния.

Нарушения способности потерпевшей оказывать сопротивление зависят прежде всего от *структуры ее ИПО*.

Чаще всего в судебно-психологической практике встречается *пассивно-подчиняемый тип* поведения потерпевших, когда они без сопротивления, беспрекословно выполняют все требования насильника, подчиняются его указаниям. Для этих подэкспертных характерны такие черты личности, как внушаемость, подчиняемость, нерешительность, мнительность, робость, доверчивость, эмоциональная неустойчивость. Такой характерный комплекс личностных особенностей обусловливает в криминальной ситуации развитие состояния эмоциональной напряженности с дезорганизацией психической деятельности, снижением прогностических возможностей, пассивностью поведения.

Можно выделить и *псевдопровоцирующий тип* поведения потерпевших, характеризующийся повышенной активностью, стремлением к взаимодействию с потенциальным преступником, совместным употреблением алкогольных напитков и т.п. Однако это поведение определяется разными формами отставания в психическом развитии.

Проявляется и *непоследовательный тип* поведения, сопровождающийся отсутствием четкой линии действий и их противоречивостью, изменчивостью поступков и высказываний.

---

[1] *Копышева Л. П.* Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетней жертвы изнасилования : дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.

Во всех этих случаях общим свойством виктимного поведения потерпевших является нарушение произвольной регуляции собственных действий, невозможность выбора оптимальных стратегий поведения в процессе взаимодействия с преступником.

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному?
3. Раскройте содержание экспертного понятия «неспособность лица понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному».
4. Какие психологические факторы могут определять беспомощное состояние потерпевших?

Глава 15
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- специфику СПЭ состояния беспомощности и беззащитности потерпевшего;
- правовое значение СПЭ состояния беспомощности и беззащитности потерпевшего;

уметь

- определять основные задачи СПЭ состояния беспомощности и беззащитности потерпевшего;

владеть

- судебно-психологическими экспертными критериями диагностики состояния беспомощности и беззащитности потерпевшего.

15.1. Юридическое значение

Подавляющее число работ, обсуждающих вопросы судебно-психиатрической экспертизы, СПЭ и КСППЭ потерпевших, посвящено исследованию их беспомощного состояния при сексуальных правонарушениях. Как указывалось в гл. 14 настоящего учебника, в уголовном праве понятие беспомощного состояния потерпевшего при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера раскрывается через формулировку «неспособность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному лицу вследствие своего физического или психического состояния». Судебно-экспертная оценка данной юридически значимой неспособности может использоваться судом для квалификации деяния по ст. 131 или 132 УК РФ.

В то же время гораздо меньше внимания уделяется судебно-экспертной оценке потерпевших по иным категориям общественно опасных деяний. В этих случаях беспомощное состояние уже не является квалифицирующим признаком состава преступления, но может выступать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Согласно п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ таким обстоятельством является «совершение преступления в отношении... беззащитного или беспомощного лица».

15.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Беспомощность (или беззащитность) может быть связана с физическим или психическим состоянием жертвы (малолетний или престарелый возраст, физические недостатки, психическое расстройство, сильная степень наркотического или алкогольного опьянения и др.). В контексте СПЭ и КСППЭ понятия беспомощности и беззащитности выступают как своеобразные юридические критерии и могут быть раскрыты через психологическое понятие *неспособности к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации*. Данные юридические критерии могут быть связаны с медицинским критерием — наличием какого-либо психического расстройства (хронического, временного, слабоумия или иного болезненного состояния). Неспособность же оказывать осознанное сопротивление виновному лицу у психически здоровых лиц обусловлена, как правило, уровнем психического развития (у малолетних потерпевших), ИПО либо эмоциональным состоянием потерпевшего, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующим характером самой криминальной ситуации. Как видно, клинико-психологические механизмы возникновения беспомощности и беззащитности достаточно разнообразны.

Основанием для назначения экспертиз по состоянию беспомощности потерпевших по делам о мошенничестве чаще всего является то обстоятельство, что большинство потерпевших в ходе следствия заявляли, что в юридически значимый период они находились в «необычном» состоянии, действовали нехарактерным для себя образом и не могли объяснить свое поведение. При этом они высказывали пред-

положения, что в тот период подвергались гипнотическому воздействию, «одурманиванию» либо на них было оказано «психологическое воздействие», «какое-то влияние».

Основное значение в таких экспертизах имеет следующий вопрос.

Мог ли потерпевший в период совершения в отношении него преступления понимать характер и значение действий виновного либо оказывать ему сопротивление?

15.3. Клинико-психологические механизмы беспомощного (беззащитного) состояния потерпевших

Рассмотрим факторы, которые могут обусловить неспособность оказывать сопротивление при совершении мошеннических действий на примере одного и того же уголовного дела[1].

Все подэкспертные являются потерпевшими в уголовном деле по обвинению Л. и П., которые путем обмана и злоупотребления доверием подэкспертных, завладев их денежными средствами и личными вещами (драгоценности, мобильные телефоны и пр.), причинили им значительный материальный ущерб. Действия Л. и П. квалифицировалась следственными органами как мошенничество с причинением ущерба в особо крупном размере, им инкриминировалась ч. 4 ст. 159 УК РФ. Из представленных материалов уголовного дела следует, что к подэкспертным на улице подходила ранее незнакомая им женщина и, задав один или несколько нейтральных вопросов о том, как пройти к определенной улице или где находится названное ей учреждение, представлялась «целительницей», «ясновидящей» (называя себя различными именами). После этого она говорила, что на семье подэкспертной «лежит порча». Называя конкретного члена семьи (как правило, одного из родителей), она заявляла, что его в скором времени ждет смерть, активно предлагала свою помощь в «снятии порчи». Через некоторое время к ним подходила другая женщина, которая просила о помощи «ясновидящую», со слезами на глазах рассказывая историю «своего несчастья» (чаще всего — «неизлечимой болезни дочери»). В последующем «ясновидящая» объясняла,

---

[1] Подробное описание см.: *Гусева О. Н., Сафуанов Ф. С., Смирнова Т. А., Ткаченко А. А., Филатов Т. Ю.* Клинико-психологические механизмы беспомощного (беззащитного) состояния потерпевших по делам о мошенничестве // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4. С. 82—91.

что порча лежит на деньгах и драгоценностях, в результате чего все потерпевшие выносили из дома деньги, украшения и собственноручно, без применения в отношении них какого-либо физического насилия (кроме одной из потерпевших), отдавали их мошенницам для совершения ритуала «снятия порчи». Это происходило следующим образом. Соучастница, передав «ясновидящей» свои деньги и украшения, уходила достаточно далеко в указанное ей место для выполнения какой-либо процедуры, якобы необходимой для снятия порчи (произнести заклинание, дважды набрать в рот «святой воды» и выплюнуть и т.п.), потом возвращалась. После этого тот же ритуал предлагали выполнить потерпевшей. Подэкспертные, передав «ясновидящей» свои деньги и драгоценности, выполняли задание, но, возвратившись на место, ни Л., ни П. там уже не обнаруживали.

Можно выделить следующие варианты экспертных оценок в рамках КСПЭ.

Беспомощность вследствие временного психического расстройства. У Ч., 23 лет, передавшей мошенницам деньги на сумму 150 тыс. долл., ювелирные украшения, документы, в криминальной ситуации отмечалось выраженное сужение сознания с доминированием и фиксацией на внушенных ей субъективно значимых для нее негативных переживаниях, сопровождавшихся эмоциональным напряжением, страхом, нарушением полного осознавания окружающего, ориентировки во времени, нетипичным, противоречащим ее личности поведением, снижением произвольного контроля своего поведения с расстройством критической оценки происходящего, выраженными соматическими и нейровегетативными проявлениями. Указанные нарушения дали основание комиссии экспертов прийти к заключению, что в период совершения в отношении Ч. противоправных действий у нее отмечалось временное психическое расстройство в форме диссоциативного (конверсионного) расстройства — психогенной спутанности (по МКБ-10: F44.8) и что вследствие этого она не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий, а также оказывать сопротивление. После происшедшего Ч. перенесла пролонгированную депрессивную реакцию, обусловленную расстройством адаптации (по МКБ 10: F43.21), что было расценено как легкий вред здоровью.

Беспомощность вследствие выраженного эмоционального напряжения. Анализ ИПО подэкспертных и особенностей их ценностно-смысловой сферы позволил выделить ряд значимых черт, характерных для всех испытуемых, которые нашли отражение в их поведении в криминальной ситуации.

Так, четверым подэкспертным на момент совершения в отношении них правонарушения было от 17 до 22 лет. Все они были не замужем, проживали в родительских семьях, которые можно охарактеризовать как благополучные, с высо-

кой степенью взаимной привязанности. При имеющихся чертах личностной незрелости, обусловленной, с одной стороны, возрастом, а с другой — выраженной родительской опекой, жизненный опыт подэкспертных, их ориентированность в различных жизненных ситуациях (тем более сложных и субъективно неожиданных) были в целом ограничены, в общении их отличала доверчивость. Личностная незрелость практически у всех потерпевших сочеталась с чертами аффективной ригидности (со склонностью к застреванию на негативных переживаниях, трудностями переключения внимания с субъективно значимых для них моментов).

Следует особо подчеркнуть, что все подэкспертные этой группы обнаруживали повышенную внутреннюю готовность к восприятию информации, носящей мистический, оккультный характер, при этом для них была свойственна ориентированность на различные суеверия, приметы, гадания и т.п.

Основным фактором включения в ситуацию взаимодействия с преступниками и развития повышенной эмоциональной напряженности явились описанные выше *ИПО потерпевших.*

Подэкспертная С., 23 лет, передала обвиняемым денежные средства и личные вещи на общую сумму 80 тыс. руб. В начале беседы П. сказала потерпевшей, что «порча» лежит на матери и она может умереть. После этих слов она испугалась, обеспокоилась и удивилась, так как мать действительно периодически жаловалась на слабость и головные боли. Вместе с тем вначале у нее были сомнения, которые исчезли после того, как в беседу подключилась еще одна женщина, которой П. сказала: «Не беспокойся, у твоей сестры рака нет», а также после того, как П. на глазах у подэкспертной показала, что иголка, которую на время дали потерпевшей подержать в руках, изменила свой цвет, что доказывает наличие «порчи». У подэкспертной стало усиливаться беспокойство за мать, возникло сильное волнение, желание «поскорее все завершить». Вынесла из дома сумку с деньгами и драгоценностями, отдала ее «ясновидящей» и по указанию П., дойдя до соседнего подъезда, выполнила все манипуляции. Когда, придя обратно, увидела, что женщин нет, сначала подумала, что они зашли за угол, но когда их там не обнаружила — сразу поняла, что ее обманули.

Как показал психологический анализ, такие ИПО подэкспертной ее ценностно-смысловой сферы, как особая субъективная значимость внутрисемейных отношений при повышенной эмоциональной привязанности к матери, чувствительность, ранимость, просоциальная направленность личности с повышенной значимостью таких качеств, как честность, правдивость, нетерпимость к лицемерию, лжи в межличностном взаимодействии, стремление строить отношения с окружающими с учетом перечисленных выше ценностных ориентаций при ожидании со стороны других такого же отношения и к себе, признаки некоторой личностной незрелости с ограниченностью жизненного опыта, а также повышенная готовность к восприятию информации, носящей мистический, оккультный характер, привели в условиях межличностного взаимодействия со встретившейся, незнакомой ей ранее женщиной к развитию состояния эмоционального напряжения, обусловленного в первую очередь

страхом, беспокойством за жизнь и здоровье матери. На фоне появившихся переживаний предъявляемая обвиняемой информация о «скорой смерти» матери воспринималась подэкспертной в тот период без должной критической оценки; последующие манипуляции с иголкой со стороны обвиняемой (с изменением ее цвета) при внутренней готовности подэкспертной к принятию информации мистического характера привели к резкому подъему уровня ситуативной тревоги, в результате чего подэкспертная стала легко внушаемой, ведомой, подчиняемой своим собеседницам. В тот период ее состояние характеризовалось выраженным эмоциональным напряжением, сопровождавшимся частичным сужением сознания с доминированием и фиксацией на значимых переживаниях («скорая смерть матери»), стремлением как можно скорее разрешить эту ситуацию при охваченности идеей «снятия порчи», фрагментарным восприятием окружающей действительности (полная концентрация внимания на обвиняемой без учета происходящего вовне), полной подчиняемостью указаниям обвиняемой. О частичном сужении сознания в юридически значимый период свидетельствует и отсроченное по времени осмысление происшедшего. Таким образом, в юридически значимый период С. находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое не носило болезненного характера (его развитие было обусловлено психологическими механизмами), но лишало ее способности в тот период критически оценивать происходящее, понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий, т.е. понимать направленность и смысловое содержание действий обвиняемой и других соучастниц юридически значимой ситуации, прогнозировать последствия собственных поступков, в связи с чем она не могла и оказывать сопротивление.

Еще один вариант развития эмоционального напряжения в условиях взаимодействия с мошенницами связан с *механизмом частичной идентификации* потерпевшей с одной из участниц криминальной ситуации.

В данном экспертном случае (А., 25 лет, передала обвиняемым денежные средства на сумму 140 тыс. руб., 3 тыс. евро и 3 тыс. долл.) было дано заключение, что подэкспертная в юридически значимый период находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения. Вместе с тем механизм развития эмоционального состояния этой потерпевшей был более сложным, чем описанный выше. Обращение мошенницы к А. с указанием на тяжелую болезнь ее матери явилось пусковым моментом криминальной ситуации — мать А. в это время находилась в больнице в связи с актуальной необходимостью оперативного вмешательства по поводу онкологического заболевания. В то же время при развитии криминальной ситуации на фоне сомнений в честности и откровенности мошенниц, внутренней готовности в любой момент прекратить общение у подэкспертной в ситуации межличностного взаимодействия стремительно развилось чувство эмпатии, сочувствия и сопереживания одной из участниц криминальной ситуации — соучастнице «ясновидящей», которая назвалась Наташей и, со слезами на глазах обратившись к П., стала рассказывать, что никак не может родить ребенка, так как все время случается выкидыш. Данная проблема была знакома А., так как у нее были трудности при планировании рождения второго ребенка. Наташа говорила, что давно хотела с П. встретиться, поскольку от своей подруги знала, что только она может снять с нее «порчу». П. сказала, что сможет помочь снять

«порчу» с ее семьи и с Наташи, но для этого они должны быть вместе, иначе ничего не получится. В результате схожести предъявляемых последней «проблем» с ее собственными, А. (которая, кстати, в это время гуляла со своим младенцем) начала идентифицировать себя с женщиной, назвавшейся Наташей. Вследствие этого ее способность критически оценивать происходящие события резко снизилась, она, вспоминая свои прежние переживания, стала испытывать те же чувства, эмоции, которые искусно изображала обвиняемая. В результате чего возникла полная ведомость в ситуации правонарушения, ее поведение и действия явились повторением манипуляций, проделываемых «Наташей», которая явилась для нее в тот период объектом идентификации. При этом состояние А. характеризовалось выраженным эмоциональным возбуждением, проявлявшимся в эмоциональном подъеме, воодушевлении, радости за «возможное исцеление» «Наташи». Вместе с тем на фоне уже имеющегося у нее состояния эмоционального возбуждения в тот период у нее отмечалось расширение диапазона страхов (появился страх «наведения порчи» на ребенка), что, в свою очередь, обусловило развитие состояния выраженного эмоционального напряжения. Анализ динамики аффективного фона А. показывает, что в криминальной ситуации ее эмоциональное состояние характеризовалось попеременной сменой возбуждения и напряжения с преобладанием выраженного эмоционального напряжения.

В отношении А. комиссией экспертов был также сделан вывод, что она находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое не носило болезненного характера (его развитие было обусловлено психологическими механизмами), но лишало ее способности в тот период критически оценивать происходящее, понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий, т.е. понимать направленность и смысловое содержание действий мошенниц в юридически значимой ситуации, прогнозировать последствия собственных поступков, в связи с чем она не могла и оказывать сопротивление.

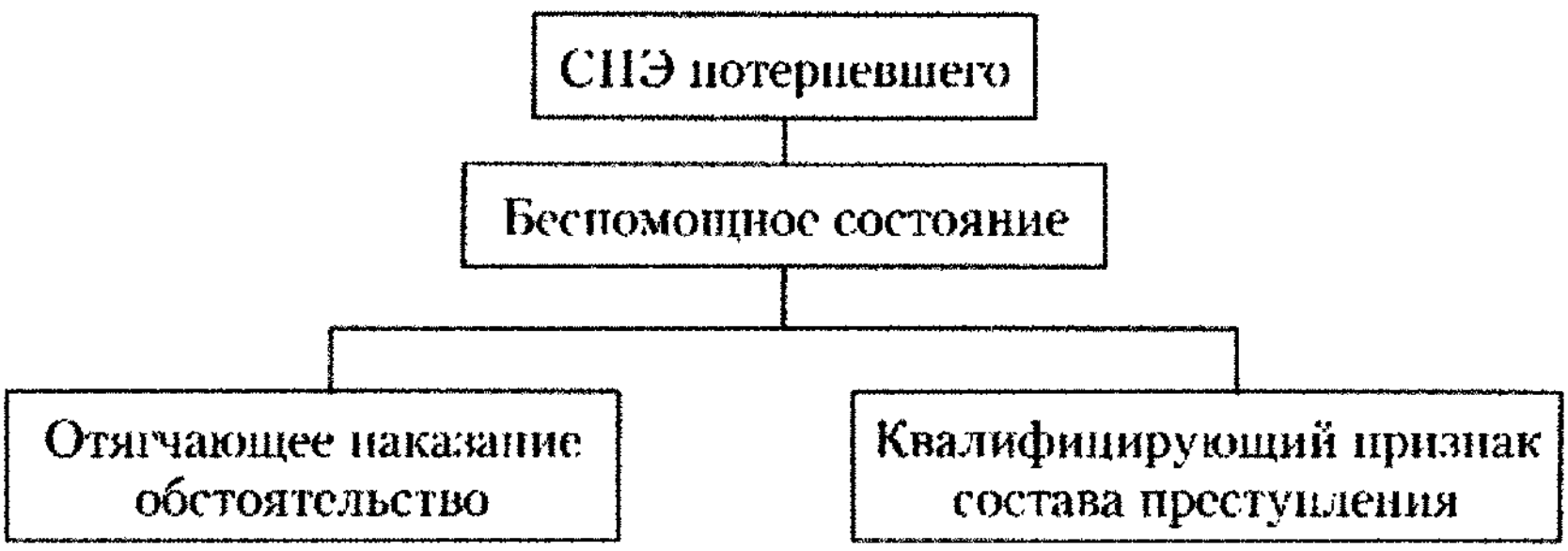
Отсутствие беспомощности на фоне эмоционального напряжения. Экспертный случай, где по итогам КСППЭ был сделан вывод о способности подэкспертной О., 22 лет, осознавать действия обвиняемых и оказывать сопротивление, качественно отличается от всех описанных выше. Отличие заключается как в механизме развития эмоционального состояния, наблюдавшегося у подэкспертной в юридически значимый период, так и в глубине его выраженности и, соответственно, в степени влияния эмоциональной напряженности на способность потерпевшей правильно понимать характер и значение совершаемых в отношении нее действий и оказывать им сопротивление.

Так, при психологическом исследовании О. выявлено, что в отличие от прочих подэкспертных у нее не было исходной готовности к восприятию информации, носящей мистический характер. На фоне имеющихся признаков личностной незрелости, повышенной чувствительности и тревожности, эмоциональной ригидности, с одной стороны, и повышенной эмоциональной привязанности к матери, просоциальности установок – с другой, у подэкспертной в результате межличностного взаимодействия с обвиняемыми

развилось состояние эмоционального напряжения, которое, однако, по своей глубине и выраженности не оказывает существенного влияния на ее способность критически оценивать происходящие события. Пусковым механизмом ее включения в криминальную ситуации послужило развитие внутриличностного конфликта и борьбы мотивов между нежеланием подчиняться требованиям обвиняемых и повышенной значимостью благополучия членов ее семьи при повышенной ответственности за собственные поступки. При том, что она вынесла из дома денежные средства в сумме 1 млн 800 тыс. руб., ювелирные украшения и личные вещи (всего на сумму 2 млн руб.), О. в кульминационный момент криминальной ситуации отказалась передать обвиняемым сверток с деньгами и драгоценностями. После этого мошенницы, сорвав с нее шубу и выхватив из рук сверток с деньгами и украшениями, запрыгнули в припаркованную рядом автомашину и уехали.

Мы рассмотрели проблему СПЭ и КСПЭ состояния беспомощности потерпевших на примере уголовных дел о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), поскольку такие экспертизы в последнее время стали часто назначаться. В принципе беспомощное состояние может быть у жертвы любого преступления. С уголовно-правовой точки зрения такое состояние может выступать как отягчающее наказание обстоятельство (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также как квалифицирующий признак ряда преступлений. Кроме преступлений против половой неприкосновенности (ст. 131, 132 УК РФ) – это убийство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ), истязание (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ), принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ч. 2 ст. 120 УК РФ) и др. Во всех этих случаях при назначении судебной экспертизы основным экспертным понятием, которое поможет суду определить наличие состояния беспомощности у потерпевшего, будет «способность понимать смысл действий виновного либо оказывать ему сопротивление».

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ состояния беззащитности или беспомощности потерпевших?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ состояния беззащитности или беспомощности потерпевших по делам о мошенничестве?
3. Раскройте содержание экспертного понятия «неспособность к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации».
4. Какие психологические факторы могут определять состояние беспомощности или беззащитности потерпевших по делам о мошенничестве?

Глава 16
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА, ОКОНЧИВШЕГО ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• специфику СПЭ психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством;

• правовое значение СПЭ психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством;

уметь

• определять основные задачи СПЭ психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством;

владеть

• судебно-психологическими экспертными критериями диагностики психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством.

16.1. Диагностика суицидального поведения[1]

Суицидологическая диагностика включает в себя анализ не только собственно суицидальных проявлений (мыслей, переживаний, поступков и др.) в их статике и динамике, но и всей совокупности личностно-психологических, средовых, клинических факторов, участвующих в генезе суицида. Суицидальное поведение является следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого конфликта. Такая дезадаптация может проявляться

---

[1] Основные принципы диагностики суицидального поведения излагаются по: *Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А.* Диагностика суицидального поведения. Методические рекомендации. М., 1980 ; *Тихоненко В. А., Сафуанов Ф. С.* Введение в суицидологию // Медицинская и судебная психология : курс лекций. М., 2004.

на двух уровнях: патологическом и непатологическом. К патологическому уровню относятся известные в клинической психиатрии психические расстройства, к непатологическому — отклонения в поведении и переживания человека, связанные не с психическим заболеванием, а, к примеру, с недостаточностью социализации, резкой сменой условий существования и жизненных стереотипов (при миграции или вынужденной социальной изоляции), разрывом значимых межличностных отношений (утрата близких) и т.п.

Суицидогенный конфликт проходит две фазы. Первая из них — предиспозиционная — является лишь предпосылкой суицидального акта. Она может быть обусловлена разными причинами:

— реальными у практически здоровых людей;

— обусловленными дисгармоничной структурой личности при пограничной психической патологии;

— психотическими (псевдореальными) при патологических аффективных, бредовых, галлюцинаторных переживаниях.

Несмотря на различие причин, в любом случае для самого субъекта конфликт имеет характер реальности, истинности, сопровождается крайне тягостным переживанием напряжения и стремлением его ликвидировать.

Вторая — суицидальная — фаза конфликта представляет собой парадоксальный процесс устранения конфликта за счет саморазрушения субъекта.

Предиспозиционная фаза дезадаптации и конфликта переходит в суицидальную через так называемый критический пункт, имеющий две основные характеристики:

а) значительное ограничение (или сведение к нулю) количества известных субъекту вариантов разрешения данного конфликта;

б) субъективная оценка знаемых вариантов решений как неэффективных или субъективно неприемлемых.

Динамику суицидальной деятельности можно представить в виде четырех этапов.

Нулевым этапом, или, иначе говоря — «почвой», на основе которой возможно выделение остальных этапов, являются антивитальные переживания человека. К ним относятся размышления об отсутствии смысла жизни (но не о смысле смерти!), которые присущи на тех или иных этапах жизни почти каждому из нас.

Первый этап — пассивные суицидальные мысли. Характеризуется представлениями, фантазиями на тему своей

смерти. Но хотим подчеркнуть — на тему смерти, которая не зависит от собственных усилий субъекта, а не на тему лишения себя жизни как самопроизвольной активности.

Второй этап — суицидальные замыслы. Это уже активная форма проявления суицидальной готовности — тенденция к самоубийству, глубина которой нарастает параллельно степени разработки плана ее реализации. На этой стадии продумываются способы суицида, время и место действия.

Третий этап — суицидальные намерения (побуждения). На этой стадии к замыслу решения о суициде присоединяется волевой компонент — именно он побуждает к непосредственной реализации суицидального действия, к переходу внутренних форм суицидальной активности во внешнюю форму, в план реального поведения.

Период от возникновения суицидальных мыслей до попыток их реализации называют пресуицидальным (или пресуицидом). Длительность его может исчисляться очень коротким отрезком времени — буквально секундами, минутами (острый пресуицид), или более длинным — месяцами, годами (хронический пресуицид). Ясно, что описанная нами последовательность развития внутренних форм суицидальной активности отчетливо проявляется только при продолжительных пресуицидах, а для острых характерно появление суицидальных замыслов и побуждений сразу, без предшествующих стадий.

Суицидальная деятельность, как и любая другая психическая деятельность, может быть рассмотрена под углом зрения ее основных структурных компонентов — в первую очередь мотивов и целей. Именно эти психологические категории, согласно теории А. Н. Леонтьева (наряду с условиями достижения целей), и определяют возможность анализа любого акта поведения как особенной деятельности (при соотнесении с мотивом) и как действия (при соотнесении с целью — осознанным предвосхищаемым результатом).

В соответствии с этим суицид можно в психологической плоскости рассматривать как действие, реализующее конкретную цель покончить с собой, которое, в свою очередь, включено в более широкий контекст деятельности, побуждаемый и смыслообразуемый каким-либо мотивом — предметом потребности. Таким образом, цель действия, оставаясь неизменной (окончить жизнь самоубийством), может быть соподчинена разнообразным мотивам и, что характерно, в большинстве случаев с ними не совпадает. Данное отно-

шение цели к мотиву А. Н. Леонтьев рассматривает как личностный смысл деятельности — это составляющая индивидуального сознания имеет деятельностный генез.

Первая классификация основана на категории цели действия. Она позволяет отграничить суицидальное поведение от внешне сходных вариантов самоповреждений, с одной стороны, и дифференцировать истинные суициды от демонстративно-шантажных — с другой.

Истинные суициды или попытки имеют целью лишение себя жизни. В качестве конечного результата выступает смерть, однако степень желания смерти может быть различна, что отражается на условиях и способах реализации суицидальных тенденций. Цель может формироваться как рациональное намерение и как аффективно возникшее побуждение.

Демонстративно-шантажное суицидальное поведение своей целью предполагает не лишение себя жизни, а всего лишь демонстрацию этого намерения, хотя такая демонстрация подчас завершается смертью вследствие недоучета реальных обстоятельств.

Самоповреждение (членовредительство) уже нельзя рассматривать как форму суицидального поведения, поскольку оно не направляется представлениями о смерти. Цель здесь совершенно иная — повреждение того или иного органа.

Как *несчастные случаи* можно рассматривать опасные для жизни действия, соподчиненные отличными от намерения лишить себя жизни целями, в том числе психопатологически обусловленными.

Иллюстрацией к данной типологии может служить психологический анализ целей, например, при самопорезах бритвой в области предплечий. Это действие может быть отнесено: а) к истинному суициду, если конечной целью является смерть от кровопотери; б) к демонстративно-шантажному, если окружающим было продемонстрировано только намерение умереть (для достижения каких-либо ренгных мотивов), но цели лишить себя жизни не было; в) к самоповреждению, если цель ограничивалась желанием испытать физическую боль, «разрядиться» либо углубить наркотическое опьянение путем ограниченной кровопотери; г) к несчастному случаю, если целью было обусловленное бредовыми переживаниями намерение «изгнать дьявола».

Следует, конечно, внимательно анализировать целеполагание при суицидах больных с психозом. Так, выпрыгивание

из окна под влиянием бреда преследования с целью избавления от доставляемых «врагами» мучений путем собственной смерти необходимо относить к истинным суицидам, и это же действие с целью «доказать свое бессмертие» будет расценено как несчастный случай.

Вторая классификация основана на категории личностного смысла – отношения цели суицида к мотиву деятельности, в которую включено самоубийство.

Очевидно, что это открытая типология, поскольку акт суицида может быть соподчинен бесконечному числу разнообразных мотивов. Вместе с тем можно выделить наиболее часто встречающиеся виды личностного смысла действия по лишению себя жизни. Они также представляют собой некоторую абстракцию, так как в реальной жизни суицид, как и большинство других действий, является полимотивированным. Тем не менее смысловая классификация в общем виде может быть представлена следующими типами.

Протест, месть. Протестные формы суицидального поведения возникают в ситуации конфликта, когда объективное его звено враждебно или агрессивно по отношению к объекту, а смысл суицида заключается в отрицательном воздействии на это объективное звено. Месть — это конкретная форма протеста, нанесение конкретного ущерба враждебному окружению. Здесь мы отчетливо видим трансформацию гетероагрессии в аутоагрессию.

Призыв. Смысл суицидального поведения типа призыва состоит в активизации помощи извне, поиска сочувствия или признания. Такие самоубийства могут быть обусловлены несправедливым отношением, нанесенной обидой, неразделенной любовью, одиночеством.

Избежание. Избегать можно наказания. Вспомним, как многие подсудимые в Нюрнбергском процессе совершили акты самоубийства. Избегать можно и страдания, например при неизлечимом заболевании, сопровождающемся невыносимыми болями. Суть конфликта при этом варианте — в угрозе личностному или биологическому существованию, которой противостоит высокая самоценность. Смысл суицида заключается в избежании непереносимости угрозы путем самоустранения.

Самонаказание. Самонаказание, сопровождающееся муками совести, можно определить как «протест во внутреннем плане личности». Здесь мы имеем дело с внутриличностным конфликтом, расщепляющим самосознание

на позиции «Я-судьи» и «Я-подсудимого». Если самонаказание осуществляется с позиции «судьи», то дополнительный его смысл — «уничтожение в себе врага», а если с позиции «подсудимого» — «искупление вины».

Отказ. При суицидах «отказа» цель самоубийства и мотив деятельности максимально сближаются. Лишение себя жизни мотивируется отказом от существования, который может приобретать форму мировоззрения (как, например, у многих героев Ф. М. Достоевского), выражать первичную утрату смысла жизни, «экзистенциальный вакуум», отчуждение, возникать в ответ на тяжелые утраты либо свидетельствовать о «полной капитуляции» индивида перед жизненными невзгодами, особенно если они следуют друг за другом беспрерывной чередой.

Анализ суицидальной деятельности закономерно приводит нас к проблеме ***диагностики индивидуальных факторов суицидального риска.***

В каждом конкретном случае реальный риск суицидального поведения необходимо определять на основе соотношения суицидогенных и антисуицидальных личностных факторов. Это положение принципиально, поскольку учет лишь суицидогенных факторов для предсказания риска совершения суицида является очень односторонним.

Рассмотрим ИПО личности, образующие *суицидальную предиспозицию.*

Потенциально опасной в отношении суицида, приводящей к срыву тех или иных звеньев деятельности, является совокупность следующих преморбидных личностных особенностей:

— сниженная толерантность к эмоциональным нагрузкам;

— своеобразие интеллекта (максимализм, категоричность, незрелость суждений, склонность к «черно-белым» оценкам);

— недоразвитие или своеобразие коммуникативных способностей (выраженная интроверсия, отсутствие способности к эмпатии и сопереживанию и пр.);

— неадекватная самооценка (заниженная, лабильная, завышенная);

— ограниченный репертуар копинг-стратегий (возможностей совладающего поведения);

— неразвитость психологических защит.

В любой психотравмирующей ситуации суицидогенные факторы индивидуального риска взаимодействуют с антисуи-

цидальными личностными факторами. Следует отметить, что данные факторы, препятствующие реализации суицидальных намерений, коренятся прежде всего в ценностной сфере личности. Именно своеобразная трансценденция на ценностно-нормативный уровень личности, как показано многими экзистенциальными психологами, и может преодолевать ситуативную, потребностную или реактивную логики поведения, нередко лежащие в основе суицидального поведения.

Антисуицидальные факторы также образуют определенную систему, в которую входят, в частности, следующие компоненты:

— интенсивная эмоциональная привязанность к значимым близким;

— родительские обязанности;

— выраженное чувство долга, обязательность;

— религиозные представления о греховности самоубийства;

— четкое осознание социальных требований, зависимость от общественного мнения;

— представление о неиспользованных жизненных возможностях;

— наличие творческих планов, стремление к самоактуализации и самореализации;

— наличие эстетических критериев — нежелание выглядеть некрасивым даже после смерти;

— боязнь физического страдания.

16.2. Юридическое значение

Первой юридически значимой ситуацией, при которой назначается СПЭ или КСППЭ, является проверка сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). При доследственной проверке дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Основанием назначения экспертизы является предположительный вывод следователя о самоубийстве. Когда у следственных органов нет четкой уверенности в том, что имело место самоубийство (а не убийство или несчастный случай), то здесь экспертное заключение играет важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента.

Но, и это особо следует подчеркнуть, в таких случаях недопустимо использовать экспертные выводы в качестве доказательства при определении рода смерти. Например, человек может находиться в состоянии депрессии, высказывать суицидальные мысли и намерения, и именно в этот промежуток времени стать жертвой убийства (отравления, повешения и т.д.). В данном случае использование экспертного заключения о наличии, например, депрессивного состояния у подэкспертного, сопровождавшегося суицидальными намерениями, в качестве доказательства того, что он действительно совершил самоубийство, будет несомненной судебной ошибкой.

Вторая юридически значимая ситуация — это назначение СПЭ при доказанности факта самоубийства. При этом суд и следствие обычно сталкиваются с проблемой квалификации определенных статей УК РФ:

— во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ: «Доведение лица до самоубийства... путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего»;

— во-вторых, определение обстоятельства, отягчающего ответственность обвиняемого: согласно п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ одним из таких отягчающих обстоятельств признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании, совершающие впоследствии суицид, а самоубийство потерпевшей является одним из тяжких последствий преступления.

И в том, и в другом случае основная цель суда при квалификации деяний по этим статьям УК РФ — доказательство наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (изнасилование или такие действия, которые подпадают под определение «угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства») и фактом самоубийства потерпевшего лица.

16.3. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Основной вопрос на стадии доследственной проверки должен касаться ***психического состояния подэкспертного***

лица в период, предшествующий смерти. Он может дополняться вопросом об ИПО предполагаемого суицидента.

При назначении экспертизы для квалификации деяния по ст. 110 УК РФ или определения п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ в постановлении следователя или определении суда должны быть сформулированы следующие два вопроса.

1. ***В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествовавший самоубийству?***

Ответ на этот вопрос имеет основополагающее значение для экспертного заключения о наличии причинной связи этого состояния с действиями обвиняемого. Только точная и полная квалификация психического состояния подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству, позволяет правильно ответить на основной вопрос судебно-следственных органов.

2. ***Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются следствием как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?***

Часто этот вопрос задают в такой форме: «Каковы возможные причины возникновения этого состояния?» Подобная формулировка представляется менее удачной, так как причин возникновения и развития пресуицидального состояния может быть много, а суд интересует только одна причинная связь — между уголовно значимыми действиями обвиняемого и самоубийством потерпевшего.

Проиллюстрируем это следующим примером.

16-летняя девушка была изнасилована группой подростков, и впоследствии у нее развилось депрессивное состояние непсихотического уровня со стойкими суицидальными мыслями, ощущением непереносимости сложившейся ситуации, что привело ее к попытке самоубийства путем отравления. Однако среди причин развития данного психического состояния можно назвать и ее личностные особенности в виде повышенной ранимости, уязвимости, устойчивых ценностных представлений о женской чести. В то же время клинико-психологическое исследование показало, что ее депрессивное состояние усугубилось в результате субъективно непереносимых для нее допросов в качестве потерпевшей, а также из-за неправильного поведения ее матери, занявшей не сочувствующую, а осуждающую дочь позицию. Ясно, что в таком случае факт группового изнасилования не выступает в качестве единственной причины, а является одним (хотя и основным) из факторов, обусловивших возникновение психического состояния, приведшего к попытке самоубийства.

Поэтому более корректной, а главное — отвечающей задачам следствия и суда, является формулировка вопроса о наличии причинной зависимости психического состояния подэкспертного, предшествовавшего самоубийству, от действий обвиняемого.

Таким образом, доказательственное значение для суда имеет экспертное *определение причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и психическим состоянием потерпевшего*, обусловившим его самоубийство, что и составляет предмет исследования СПЭ суицидентов и определяет содержание «экспертного судебно-психологического понятия» в экспертизе по факту самоубийства.

Разберем содержание и технологию СПЭ суицидентов на конкретном примере.

Подэкспертная А., 18 лет, поехала навестить своего жениха, который служил в одной из воинских частей Подмосковья. В ожидании попутного транспорта она познакомилась с четырьмя молодыми людьми, которые предложили подвезти ее. Под предлогом того, что необходимо немного подождать, пока один из них возьмет из гаража автомобиль, они привели А. в квартиру, где предложили выпить ей бокал шампанского. В спиртное ими было добавлено снотворное, действие которого в сочетании с алкоголем довело А. до беспомощного состояния. Затем К. раздел А. и, применяя насилие, совершил половые акты, в том числе и в извращенной форме. После него бессознательным состоянием потерпевшей воспользовался С., совершив с нею насильственные половые акты, в том числе в извращенной форме. Потом отправили ее в Москву на попутном автотранспорте, украв перед этим у потерпевшей все ее деньги. А. вернулась домой через 12 дней, и спустя 18 дней покончила с собой. Находясь в своей квартире, А. ввела в вену органический растворитель и, несмотря на реанимационные мероприятия, на следующий день скончалась.

Фрагменты показаний, характеризующие ИПО А., даны в том порядке, в каком приведены в шести томах уголовного дела.

Мать: «А. была необыкновенно честной, порядочной, с сильным характером и очень развитым чувством долга...»

Двоюродная сестра: «А. была скрытного характера...»

Мать: «Дочь была честной, доверчивой, порядочной... одаренной...»

Школьная характеристика: «Знания хорошие. Особенно хорошо разбиралась в математических предметах. Занималась систематически, самостоятельно. Изучаемый материал понимает, усваивает быстро. Хорошо развито логическое мышление. Трудолюбива. Занималась в кружке макраме, на медицинских курсах, в туристской секции — занималась с большим интересом и чувством ответственности... По характеру быстрая, подвижная... честная, принципиальная, всегда готова оказать помощь... В общественной работе активная. Хороший товарищ. Получила в семье хорошее воспитание...»

Характеристика с медицинских курсов: «...Добросовестная... Хороший, исполнительный работник. Хорошо контактировала с коллегами. К больным относилась вежливо, с пониманием...»

Характеристика совета по туризму: «...Была душой группы и большая заслуга ее в сплочении нашей интернациональной группы...»

Лечащий врач: «А. росла развитой и общительной девушкой, справедливой, и ее очень возмущало, когда кто-либо делает не по справедливости или в обход закона...»

Двоюродная сестра: «А. была немного замкнутая и когда с ней случалось какое-либо несчастье, она об этом не говорила, а закрывалась в свою комнату и там плакала...»

Подруга родителей: «А. росла очень скрытной, замкнутой девочкой, хотя с друзьями была очень общительной. А. было свойственно всегда приходить на помощь знакомым и незнакомым, очень доверяла людям, на мир смотрела открытыми глазами... Девушкой она была несовременной...»

Классный руководитель: «А. по натуре была резковатой, смелой и не позволяла себя обидеть никому, умела постоять за себя... Всегда имела свое суждение, не боялась прямо высказать свое мнение и товарищам по классу, и учителю. Никогда никому не отказывалась помочь. Была инициатором и помощником в делах класса. В поведении была скромной. Трудолюбива. В дружбе, в отношениях между людьми ценила честность, открытость, чистоту, не терпела ложь и фальшь. Была очень заботлива по отношению к родителям, брату, глубоко переживала свои неудачи, но никогда не жаловалась... Решительна, по натуре человек сильный»

Жених: «А. была очень сдержанной девушкой... Очень неглупой, развитой... имела планы в жизни, хотела поступать в мединститут...»

Знакомая: «По своему характеру она была очень замкнута, много не говорила о своих переживаниях, а все держала в себе...»

Мать: «А. видела все в розовом цвете, верила людям, хотела стать врачом, чтоб всем им помогать, обижалась на нас, если мы говорили, что не все люди хорошие... Главное было, конечно, в ее представлении о порядочности девушки, я всегда ей говорила, что честь — это самое главное, что есть у девушки, я говорила ей, как сама подверглась нападению незадолго до свадьбы, я всегда внушала ей веру в людей...»

Отец: «Мы с женой воспитали ее такой максималисткой...»

Итак, вырисовывается определенный «личностный портрет» А.: высокий уровень интеллектуального развития, некоторая скрытность, сдержанность, замкнутость, целеустремленность, склонность глубоко переживать свои неудачи и не делиться ими с окружающими. Ценностно-смысловая сфера характеризовалась прежде всего незрелостью социальных установок с инфантильными идеализированными представлениями об окружающей действительности, верой в высокоморальные качества других людей. Эти социальные установки и ожидания отразились на таких особенностях ее характера, как честность, принципиальность, доверчивость. В то же время они реализовывались в ее поведении через повышенную требовательность к себе и окружающим, максимализм, негибкость поведения с прямолинейностью и бескомпромиссностью. А. отличалась выраженной просоциальной направленностью, ее желание стать врачом определялось стремлением помогать людям. Реализации жизненных замыслов, планов способствовали такие ее особенности, как отзыв-

чивость, готовность всегда прийти на помощь, высокое чувство ответственности, долга, добросовестность, трудолюбие. Кроме того, А. собиралась выйти замуж, и у нее были сильно развиты представления о женской «чистоте», чести, которые были важным компонентом ее ценностной сферы.

Динамика психического состояния диагностируется по сведениям об изменениях психического состояния А., которые приведены в хронологически порядке.

Мать: «Я разговаривала по приезде, но она то отмалчивалась, то резко отвечала... Она боялась, что люди могут узнать о случившемся...»

Отец: «По приезде... она была сильно взволнована, почти сразу сказала, что было групповое изнасилование... Все держала в себе, мучила себя мыслью, что стала грязной... Поведение А. изменилось, она стала держаться обособленно, больше обычного молчала, точила себя изнутри. Говорила, что не позволит никогда дотронуться до себя мужчине...».

Мать: «Когда дочь вернулась из Москвы, плохо выглядела, не хотела мне ничего рассказывать, только сказала: "Мама, не обижайся, я хочу все забыть..." Дочь очень изменилась после приезда... Отвечала резко, раньше такого не было... Дочь говорила, что не может себе представить, чтобы до нее дотронулся мужчина, я ее успокаивала, что это пройдет. А. сердилась, оказывается, я не понимала, о чем идет речь... Она говорила, как можно лечить людей без веры... Дочь очень боялась, что окружающие, особенно я и ее младший брат, узнают об изнасиловании. Она вдолбила себе, что стала "грязной"...»

Младший брат: «...Через несколько дней после приезда сестра сказала, что ей осталось жить две недели...»

Мать: «На нее было совершено нападение — групповое изнасилование. После этого дочь решила, что не может больше жить, не может быть медиком, как мечтала, так как потеряла веру в людей... У нее должна была состояться свадьба... Дочь всегда считала, что замуж надо выходить честной и чистой. После нападения говорила, что не может себе представить, как сможет до нее дотронуться мужчина. После случившегося дочь старалась сделать все, чтоб мы не волновались. Она старалась не показать, что ей плохо... Это в характере дочери — не показывать, что ей плохо. И по поведению дочери мы не могли предположить, что она так поступит. Никаких странностей в ее поведении не было, только разочарование в людях...»

Двоюродная сестра: «После происшедшего она не подавала виду, что случилось что-либо большее, чем ограбление. Она никому ничего не рассказывала о случившемся, чтобы беречь близких...»

Отец: «Дочь тяжело переживала случившееся, потеряла веру в людей. Считала, что стала "грязной". Думала, что больше не сможет работать медиком, не сможет выйти замуж. А. старалась не подавать виду, как ей тяжело, но, как ни старалась, было видно, что дочь изменилась... Стала вспыльчивая, не хотела больше учиться в медучилище. Говорила мне, что не представляет, как сможет позволить парню или мужчине до себя дотронуться. Это было сказано, потому что раньше речь шла о замужестве. Никаких разговоров о самоубийстве не было, дочь старалась не показывать, что ей тяжело... После приезда из Москвы, как я ни старался, все же что-то в отношениях изменилось. Она стала резче, я боялся обидеть ее неосторожной шуткой или словом, хотя раньше мы никогда не обижались друг на друга. У дочери появилась какая-то неловкость, стеснительность...»

Подруга родителей: «После возвращения из Москвы А. нельзя было совсем узнать, все, что она делала, говорила проходило через силу. Душой я чувствовала, что с ней произошло что-то ужасное».

Сосед: «Когда вернулась, рассказала, что над ней надругались, и внутренне она была как-то обеспокоена по данному факту, но виду не подавала...»

После введения в вену органического растворителя.

Мать: «Дочь старалась держаться, даже улыбалась, мне она сказала: "Мама, прости меня"...»

Отец: «Перед смертью дочь сказала, что так будет лучше для всех... Предсмертное письмо было длинным, обстоятельным, было видно и по содержанию, и по форме, что оно писалось в спокойной обстановке, обдуманно. Даты не было. Видимо, оно писалось заблаговременно, так как в день происшедшего... у нее не было возможности»

Мать: «Когда муж спросил, зачем она это сделала, дочь ответила, что так будет лучше...»

Врач-реаниматолог: «...На вопрос, почему она так сделала, А. ответила, что по глупости. Ни о каком судебном процессе или уголовном деле А. не говорила».

Фельдшер отделения реанимации: «А. меня узнала и вкратце рассказала, что она была в Москве, что ездила к своему другу в армию, что там ее изнасиловали... что ее также ограбили... А. еще сказала, что когда она там обратилась в милицию, то никто ее не хотел выслушать... и ее это очень оскорбило. А. мне рассказала, что после приезда из Москвы она о случившемся рассказала дома, но никто ее не понял...»

Врач-токсиколог: «А. просила спасти, говорила, что сделала глупость...»

Важным компонентом психологического изучения материалов уголовного дела является анализ предсмертных записок, если они содержатся в деле. Это тот процесс, который Э. Шнейдман называл «психологической аутопсией»[1].

В предсмертной записке чувствуется непереносимая душевная боль, неизбежный, с точки зрения А., выбор смерти. В письме много смыслов — здесь и протест против того, что случилось с ней, и призыв о помощи, и желание наказать насильников, и иллюзия силы. В скупых, но страстных строках — отказ от существования без любви, без веры, без цели, т.е. без всего того, что составляло смысл жизни.

«...Но человек приходит в мир, чтобы жить и творить добро. У меня была только одна цель — медицина... Человек может жить без ноги, руки, ну все равно без чего, но нельзя жить без веры в людей. Я знаю, что кто-то скажет, почему она это сделала, она не думает о родителях, но я знаю... Вы не осудите меня.

Сегодня, когда я пишу, я не уйду, потому что я должна убедиться, что они все за решеткой. Чтоб не плакали другие папы и мамы. Я благодарна вам, что вы вырастили меня такую. И что я вас не подвела...

Я видела, что ни вы свою боль не показывали, ни бабушка, ни дедушка, и я не покажу вам. Буду сильной до последней минуты...

Мама, ты всю жизнь видела в розовом цвете и нас научила этому. Оказалось, есть и черный цвет.

---

[1] *Шнейдман Э.* Душа самоубийцы. М. : Смысл, 2001.

Но я счастлива, что имею такой характер. Это ваша заслуга. Можно перенести любую боль в себе, но смотреть, как мучаются близкие, видя, как я мучаюсь, я никогда не смогу. Я очень люблю жизнь, но не пустую. Без любви жить нельзя. Без цели жить нельзя. Я стала пустой...

Я прошу, чтобы никогда (имя жениха) не смог узнать правду причину моей смерти...

Папа, мама, умоляю, держите себя и боритесь с такими "нечеловеками" уже не из-за меня, а из-за других мам и пап.

Я не боюсь смерти. Я знаю, что только моя смерть им вынесет наказание.

А.».

По приведенным выше материалам можно сделать следующие экспертные выводы. Принимая во внимание диагностированные ИПО А., факт изнасилования оказался субъективно высоко значимым для нее. Ситуация для нее носила выраженный психотравмирующий характер, глубоко затронула чувство ее достоинства и чести. Непосредственно после изнасилования А. испытала глубокое потрясение, говорила, что «не переживет изнасилования», «была очень взволнована». Случившееся оказало блокирующее влияние на все ведущие ценностно-смысловые линии, социальные установки А.: оказались субъективно разрушенными ее идеализированные представления об окружающей действительности, социальные стереотипы восприятия других людей, следствием чего стали потеря веры в людей, разочарование в них, ощущение бессмысленности жизни, ее «пустоты»; сложилось субъективное ощущение невозможности реализации основных жизненных планов — стала думать, что не сможет работать медиком, не хотела продолжать учебу в медучилище, возникло чувство потери «цели» жизни; разрушились и ее представления о женской чести, «чистоте» — она стала ощущать себя «грязной», говорила, что «не представляет, как до нее теперь сможет дотронуться мужчина», стала думать, что не сможет выйти замуж.

В этот период у А. развилось психологическое кризисное состояние, о глубине которого свидетельствовали снижение фона настроения с выраженными эмоциональными переживаниями, чувством «опозоренности», непонятости; наличие суицидальных мыслей; явления эмоциональной отгороженности, обособленности, стремление к уединению, заторможенность; изменения характера с появлением ранее несвойственных ей черт личности — вспыльчивости, резкости, обидчивости и ранимости. Такие особенности А., как психическая негибкость, повышенная требовательность к себе и окружающим, прямолинейность, бескомпромиссность, скрытность, замкнутость, препятствовали адекватной

переработке внутреннего конфликта, поиску и нахождению конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и преодолению психологического кризиса в целом.

Экспертная комиссия пришла к выводу, что описанное психическое состояние А. было вызвано психотравмирующим воздействием ситуации ее изнасилования, т.е. находилось в прямой причинно-следственной связи с действиями обвиняемых.

16.4. Ограничения при производстве судебно-психологической экспертизы суицидентов

В практике СПЭ можно встретить ситуации, не позволяющие провести полноценное исследование и препятствующие достоверному установлению причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и возникновением и развитием пресуицидального психического состояния потерпевшего.

Вариант 1. Если различать суициды рациональные и аффективные (рациональные самоубийства — это суициды с длительным и постепенным формированием решения покончить с собой, обдумыванием способов самоубийства, места и времени осуществления своего намерения; при аффективных самоубийствах решение о суициде принимается непосредственно под воздействием интенсивных и значимых эмоций и является не обдуманным, а импульсивным), то уголовные дела, в которых описываются рациональные самоубийства с подробными свидетельскими показаниями о личности и динамике психического состояния суицидента, с предсмертными записками, с артикулированным представлением о психотравмирующей ситуации составляют не более 10% от такого рода дел. В деле может не содержаться значимой для проведения экспертизы информации из-за того, что потерпевший был глубоко интровертированным человеком, переживал свою психическую боль глубоко внутри, не показывал своего страдания, избегал общения или, более того, старался вести себя на людях так, как будто ничего не произошло. Для окружающих такие суициды выглядят немотивированными, непонятными, неожиданными. В этих случаях бывает невозможно не только судить о причинной обусловленности пресуицидального состояния психотравмирующими воздействиями со стороны обвиняемых, но часто и достоверно диагностиро-

вать само психическое состояние лица, покончившего с собой, в период, предшествовавший смерти.

Вариант 2. В других случаях, особенно при аффективных суицидах, когда решение о суициде принимается мгновенно, импульсивно, непосредственно в психотравмирующей ситуации, уголовное дело также может не содержать необходимых сведений о психическом состоянии потерпевшего в пресуицидальный период. У лиц без психотических расстройств, как правило, если удается диагностировать особое аффективное состояние, то нетрудно связать его с определенными причинными факторами, но сложность такого рода дел заключается, при отсутствии необходимых сведений в уголовном деле, в определении характера самого пресуицидального состояния.

В любом случае в описанных вариантах конечное установление причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и фактом самоубийства является прерогативой суда, поэтому эксперты не могут говорить об отсутствии искомой причинной зависимости, их ответы ограничиваются двумя вариантами: либо в заключении делается вывод о наличии причинно-следственной связи между действиями обвиняемых и пресуицидальным психическим состоянием подэкспертного лица, либо мотивированно указывается на невозможность ее установления.

Вариант 3. По многим признакам, извлеченным из анализа уголовного дела, судебному эксперту-психологу понятно, что суициду предшествовала психотравмирующая ситуация, что потерпевший обладал рядом личностных особенностей, облегчающих реализацию аутоагрессивных форм реагирования на стрессы, конфликты, фрустрации, что у него после действий обвиняемого изменилось психическое состояние. Однако информации, содержащейся в уголовном деле, недостаточно для точной диагностики пресуицидального состояния и установления причин его возникновения и развития, т.е. для обоснованного и достоверного формулирования экспертных выводов. В этом случае судебный эксперт-психолог может и должен воспользоваться своим уголовно-процессуальным правом ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения. При этом он должен указывать, какие именно конкретные материалы ему необходимы. Только в том случае, если его ходатайство остается без удовлетворения, эксперт-психолог обязан сообщить в письменном виде о невозможности дать

заключение, обосновав это тем, что предоставленные материалы недостаточны для дачи заключения.

16.5. Источники информации

Ясно, что необходимость достижения истины по делу диктует определенные требования к полноте уголовного дела по факту самоубийства, предоставляемого в распоряжение судебного эксперта-психолога. Психологический анализ материалов уголовного дела (а в рамках КСППЭ – и медицинской документации) предъявляет особые требования к источникам информации, необходимым для судебно-психологического экспертного исследования. Из этих источников психолог, как правило, извлекает четыре группы данных о личности и психическом состоянии суицидента.

Первую из них составляют сведения об особенностях развития подэкспертного лица. В уголовном деле важно отразить весь жизненный путь личности, в первую очередь – особенности раннего психического развития (появление речи, эмоциональные особенности, социальную ситуацию развития, стиль родительского воспитания и т.д.), индивидуально-психологические свойства, уровень интеллекта, особенности социального взаимодействия со сверстниками и взрослыми в подростковом возрасте. Эти данные могут содержаться в показаниях родителей, близких родственников, воспитателей дошкольных учреждений, школьных учителей, одноклассников и других свидетелей.

Вторую группу составляют устойчивые, проявляющиеся в разных ситуациях индивидуальные особенности: система отношений, основные ценностные ориентации, ведущие мотивы, установки, особенности межличностного взаимодействия, черты личности, характера и темперамента. Для диагностики этих особенностей психолог должен иметь в своем распоряжении показания наиболее близких к подэкспертному лиц (родственников, друзей, сослуживцев). В данных показаниях могут быть отражены характеризующие обвиняемого сведения: жизненные устремления, способы достижения своих целей, характерологические особенности, отношения со свидетелями, отношение к работе или учебе, особенности поведения в быту и на службе, особенности эмоционального реагирования в конфликтных ситуациях, уровень интеллектуального развития и т.п. Эти же данные могут содержать и слу-

жебные характеристики, которые полезно дополнять неформальными сведениями о подэкспертном, полученными от его непосредственных начальников и коллег.

Третью группу данных о личности потерпевшего составляют особенности его самосознания, информацию о которых для психологического анализа эксперт косвенно может извлечь из показаний свидетелей, характеризующих самооценку суицидента, его восприятие сложившейся ситуации, оценку своих возможностей и способностей, планы на будущее и пр.

И, наконец, *четвертую* и самую значимую для достижения целей экспертизы группу данных составляют сведения об актуальном состоянии потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству. Здесь важна не только информация о его поведении и высказываниях, которая может содержаться в показаниях свидетелей или непосредственных очевидцев случившегося, но и динамика субъективных переживаний подэкспертного, особенностей его осмысления ситуации в целом и восприятия действий обвиняемого, особенностей осмысления своих действий, эмоциональных реакций в кризисной ситуации. Для возможности психологического анализа субъективной стороны поведения потерпевшего в интересующей следствие и суд ситуации в показаниях свидетелей должна быть отражена не только фабула поведения суицидента, но и его чувства, мысли, переживания, его эмоциональные реакции на действия окружающих, изменения обстановки и т.д.

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Раскройте основные компоненты диагностики суицидального поведения.
2. В чем заключается юридическое значение СПЭ психического состояния суицидента?
3. Какие вопросы решаются при СПЭ психического состояния суицидента?
4. Раскройте содержание экспертного понятия «определение причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству».
5. Какие индивидуально-психологические факторы могут определять повышенный риск совершения самоубийства, а какие — снижать этот риск?

РАЗДЕЛ IV
ПРЕДМЕТНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 17
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА ПОНИМАТЬ ЗНАЧЕНИЕ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ ИЛИ РУКОВОДИТЬ ИМИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛКИ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• специфику СПЭ способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки;

• правовое значение СПЭ способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки;

уметь

• определять основные задачи СПЭ по делам о недействительности сделки с «пороком воли»;

владеть

• судебно-психологическими экспертными критериями диагностики способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки и состояния заблуждения.

17.1. Юридическое значение

В последние годы отчетливо проявляется тенденция к увеличению судебных дел в гражданском процессе, связанных с признанием недействительными сделок с «пороком воли». Гражданско-правовое понятие «порок воли» (несоответствие воли и волеизъявления) является одним из важнейших условий признания недействительности сделки. Другими такими условиями являются «порок содержания» (при нарушении законности содержания правового акта), «порок в субъекте» (при нарушении способности физических и юридических лиц, совершающих сделку, к участию

в ней по правовым причинам), «порок формы» (при несоблюдении законной формы сделки).

Из этого перечня условий только понятие «порок воли» охватывает субъективную (психологическую) сторону сделки и раскрывается в гражданском законодательстве через ряд отличных друг от друга юридически значимых обстоятельств. Сделка может быть признана недействительной при нарушении ее субъективной стороны, т.е. если она совершена гражданином хотя и дееспособным, но находившимся в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177 ГК РФ); под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение (ст. 178 ГК РФ); под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

При судебном определении «порока воли», таким образом, существенное значение имеет установление психического состояния лица, совершившего сделку, в совокупности с оценкой его способности совершать осознанные и произвольно регулируемые гражданско-правовые действия.

Психическое состояние субъекта, определяющее расстройства осознанного принятия решения о совершении сделки и произвольной регуляции своих действий при исполнении этого решения, может определяться как психическим расстройством (в том числе и временным), так и особым эмоциональным состоянием донозологического уровня, его ИПО во взаимодействии с конкретной ситуацией.

«Такое состояние» лица, совершающего сделку, определяет — по гражданско-правовой терминологии — «порок воли». В отличие от академической психологии, где сущность воли заключается в ее активной регулирующей функции, направленной на преодоление препятствий, в гражданском праве это понятие трактуется несколько иначе. Можно определить волю в юридическом ее значении как желание, намерение, стремление (семантически это близко одному из вариантов использования понятия воли в обыденном языке — например, говорят: «В моей воле сделать это», «Я хочу объявить вам свою волю»), выраженное в установленных нормами права действиях, влекущих определенные юридические последствия (применительно к совершению сделок — это установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей). Воля в сфере уголовного права охватывает мотивы деятельности, намерения деятеля

и предвидение им тех последствий, которые должны или могут проистекать из совершаемых действий.

Сказанное обусловливает возможность определения указанных обстоятельств судебно-экспертным путем с использованием специальных знаний в психологии и психиатрии, т.е. при производстве СПЭ или КСППЭ.

В ст. 153 ГК РФ дается гражданско-правовое определение понятия сделки. Согласно этому определению сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В п. 2 ст. 1 ГК РФ указано, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. С гражданско-правовых позиций существует два вида нарушений воли: «отсутствие воли» при недееспособности (ст. 171 ГК РФ) и «искажение воли» при неделкоспособности (ст. 177–179 ГК РФ). Эти случаи являются основанием для признания гражданско-правовых сделок недействительными.

Наиболее распространенной категорией дел в гражданском судопроизводстве в отношении дееспособных лиц является рассмотрение исков о признании сделки недействительной по ст. 177 ГК РФ.

ГК РФ

Статья 177. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими

1. Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.

2. Сделка, совершенная гражданином, впоследствии признанным недееспособным, может быть признана судом недействительной по иску его опекуна, если доказано, что в момент его совершения гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими.

3. Если сделка признана недействительной на основании настоящей статьи, соответственно применяются правила, предусмотренные абзацами вторым и третьим пункта 1 статьи 171 настоящего Кодекса.

Статья предусматривает два случая: когда дееспособный гражданин в момент совершения сделки не мог понимать значение своих действий или руководить ими и когда гражданин на момент совершения сделки фактически уже являлся недееспособным, но формально был признан судом недееспособным только после ее совершения. И в том, и в другом случае основанием для признания сделки недействительной является неспособность лица понимать значение своих действий или руководить ими.

Данная неспособность должна быть доказана в суде. Таким доказательством является заключение судебной экспертизы.

В ст. 177 ГК РФ нарушение юридического критерия («способности понимать значение своих действий или руководить ими») не предопределяется каким-либо медицинским критерием причиной расстройства осознанной регуляции своих действий в момент совершения сделки выступает, по формулировке ГК РФ, *«такое состояние»*. Этот фактор охватывает широкий спектр психических состояний, объединяющий, в частности, и психические расстройства, и различные эмоциональные состояния, обусловленные совокупным влиянием ИПО подэкспертного и актуальной юридически значимой ситуации. Поэтому определение неспособности к осознанию своих действий или руководству ими чаще всего является задачей комплексного исследования с применением специальных знаний как в психологии, так и в психиатрии.

Юридический критерий сформулирован в психологических терминах и состоит из двух частей — так называемого интеллектуального компонента юридического критерия («способность понимать значение своих действий») и волевого компонента («способность руководить ими»). Между ними стоит союз «или», поскольку возможны различные варианты их соотношения: ясно, что нарушение способности понимать значение своих действий при совершении сделки всегда предопределяет и неспособность руководить ими, но встречаются ситуации, в которых при понимании значения своих действий субъект, тем не менее, оказывается неспособным к руководству ими. Подобное соотношение также является основанием для определения неспособности к совершению сделки.

После признания сделки недействительной по основаниям, указанным в ст. 177 ГК РФ, к ней применяется двусто-

ронняя реституция, т.е. каждая из сторон обязана возвратить другой стороне все полученное в натуре, а при невозможности этого — возместить его стоимость в деньгах, а также возмещение реального ущерба, понесенного гражданином, неспособным понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки.

Другим основанием для признании сделки недействительной является «порок воли» в виде заблуждения.

ГК РФ

Статья 178. Недействительность сделки, совершенной под влиянием заблуждения

Статья 178. Недействительность сделки, совершеннойпод влиянием существенного заблуждения

1. Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел.

2. При наличии условий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, заблуждение предполагается достаточно существенным, в частности если:

1) сторона допустила очевидные оговорку, описку, опечатку и т.п.;

2) сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные;

3) сторона заблуждается в отношении природы сделки;

4) сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой;

5) сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку.

3. Заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной.

4. Сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения. В таком случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки.

5. Суд может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона сделки, было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон.

6. Если сделка признана недействительной как совершенная под влиянием заблуждения, к ней применяются правила, предусмотренные статьей 167 настоящего Кодекса.

Сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне причиненный ей вследствие этого реальный ущерб, за исключением случаев, когда другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в том числе если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств.

Сторона, по иску которой сделка признана недействительной, вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков, если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона.

Основанием для признания сделки недействительной по ст. 178 ГК РФ является уже не нарушение способности лица понимать значение своих действий или руководить ими, а иное состояние — состояние заблуждения. В статье дается четкий перечень случаев, при которых заблуждение имеет существенное значение для принятия судебного решения о несделкоспособности гражданина. Не является существенным заблуждение относительно мотивов сделки. Но заблуждение относительно самой сути (предмета, природы) сделки является для суда основанием для признания сделки недействительной.

Сам факт заблуждения является юридическим и устанавливается только судом. При назначении КСППЭ по данной категории дел необходимо учитывать, что главное в содержании заблуждения как «порока воли» заключается в том, что воля заблуждающейся стороны формируется не свободно, а под влиянием не соответствующих действительности представлений о существенных элементах сделки или в результате их незнания. Необходимо выделить основные клинико-психологические факторы, влияющие на формирование неправильных представлений относительно природы сделки и на возможность возникновения состояния заблуждения.

К сделкам, признанным недействительными вследствие заблуждения, имеющего существенное значение, могут применяться двусторонняя реституция и возмещение реального ущерба той или иной стороне в зависимости от вины этих сторон в возникновении заблуждения.

17.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Как показано при правовом анализе, основанием для признания сделки недействительной являются отличные друг от друга варианты искажения воли при ее совершении.

Основная сложность при производстве экспертизы в гражданском процессе заключается в том, что правовые категории («неспособность понимать значение своих действий или руководить ими», «заблуждение») сформулированы с использованием психологических терминов. Означает ли это, что в психологии и праве данные категории являются идентичными? Анализ теоретических проблем[1] судебной психолого-психиатрической экспертизы приводит к выводу, что правовые и психологические понятия существенно различаются и поэтому прямой перенос психологических понятий в правовую сферу неэффективен и нецелесообразен. Теория судебной экспертизы имеет дело с клинико-психологическим содержанием некоторых юридических понятий, описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов.

Недостаточное понимание этого положения приводит к тому, что эксперты — психиатры и психологи — в своих заключениях определяют «порок воли», «свободу волеизъявления», «заблуждение» и т.п., выходя за пределы своей компетенции.

Между тем специальные знания эксперта — это всегда научные знания внеправового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками, используемые для достижения определенных юридических целей, и эксперт-психолог не должен решать правовые вопросы, входящие в компетенцию суда.

В целом разработка клинико-психологических критериев неспособности к осознанию и регуляции своих действий при совершении сделки под воздействием разного рода психических состояний требует глубокого анализа основных экспертных понятий с позиций судебно-психологической экспертологии, наполнения их реальным научным психологическим содержанием. В законе формулировка юридических критериев дана лишь в общем виде и требует экспертологической и научной клинико-психологической проработки.

Рассмотрим основные «экспертные» понятия, используемые при судебной экспертизе с участием психолога в гражданском процессе.

Экспертиза по делам о признании сделок недействительными вследствие неспособности гражданина пони-

---

[1] См. гл. 5 настоящего учебника.

мать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ). Как указывалось выше, медицинский критерий (психическое расстройство) в ст. 177 ГК РФ является компонентом более широкого определения («такое состояние»), а юридический критерий сформулирован в психологических терминах и состоит из двух частей — интеллектуального («способность понимать значение своих действий») и волевого компонента («способность руководить ими»).

С позиций общей психологии предметом экспертного исследования может выступать *нарушение способности субъекта к осознанному принятию решения и его целенаправленному исполнению, реализации* как психологического эквивалента юридического критерия ст. 177 ГК РФ. Соответственно, основной вопрос суда к экспертам может формулироваться следующим образом.

Мог ли подэкспертный в период, относящийся к совершению сделки, в полной мере свободно и осознанно принимать решение и руководить своими действиями по его реализации?

Вопросы могут задаваться и в более обобщенном виде.

Имелось ли у подэкспертного в момент совершения сделки какое-либо психическое расстройство? (В рамках КСППЭ.)

Был ли способен подэкспертный понимать значение своих действий или руководить ими в момент совершения сделки?

Имелись ли у подэкспертного в момент совершения сделки такие индивидуально-психологические особенности (можно указать конкретно интересующие суд черты личности: внушаемость, подчиняемость и т.п.), вследствие которых он не мог понимать значение своих действий или руководить ими?

Для установления этого необходимо анализировать особенности динамики мотивации совершения сделки, которая может быть нарушена в разных звеньях. Согласно теориям принятия решения способность к осознанной регуляции при совершении сделки можно представить следующим образом. Мотивация складывается из следующих этапов (см. рис. 9.1). Определенное намерение или побуждение мотивирует принятие конкретного решения. На основе принятого решения происходит инициация действия, а точнее (в большинстве случаев, кроме составления завещания и выдачи доверенности на совершение сделки другому лицу) — целой

цепочки конкретных действий: при совершении сделки необходимо собирать документы, постоянно подписывать ряд юридически важных бумаг, взаимодействовать с другими сторонами и с нотариусом. При свободном принятии решения и его осознанной реализации человек, оценивая ситуацию и свои действия, контролируя свое поведение, прогнозируя его последствия, способен в любой момент прекратить выполнение действия или изменить свое решение.

Расстройства осознанной регуляции действий субъекта при совершении сделки происходят в основном из-за нарушений смысловой оценки ситуации и самооценки; неспособности к рефлексии как решения задачи на смысл сделки (осознания отношения цели сделки к ее мотиву); искажения оценки промежуточных целей при выполнении различных этапов совершения сделки; снижения способности к контролю собственных действий на этих этапах; нарушений адекватного прогноза непосредственных результатов совершения сделки и оценки ее отдаленных последствий.

Опыт производства экспертиз по признанию сделки недействительной свидетельствует, что в основном причиной вышеуказанных нарушений осознанной регуляции действий подэкспертных лиц являются разнообразные формы психических расстройств.

Среди них можно выделить группу хронических психических расстройств, представленную в практике КСППЭ в основном следующими нозологическими формами: органические психические расстройства, представленные сосудистой деменцией, деменцией в связи со смешанными заболеваниями, органическим расстройством личности; параноидная шизофрения; умственная отсталость. Нарушения способности к осознанному принятию решения и его исполнению определяются совокупностью интеллектуально-мнестических (стойкое снижение при органических психических расстройствах и умственной отсталости или искажение мыслительного процесса при шизофрении), эмоционально-волевых нарушений (которые могут проявляться различными формами дефекта органической и эндогенной структуры) и нередко бредовых, галлюцинаторно-параноидных и параноидных психотических расстройств.

Так, была проведена посмертная КСППЭ в отношении Ж., который выдал доверенность знакомому А., по которой уполномочил его подарить супруге последнего всю принадлежащую ему на праве собственности недвижимость. Из материалов гражданского дела известно, что за 7 лет до выдачи доверен-

ности Ж. составил завещание, согласно которому все свое имущество завещал жене и сыну в равных долях каждому.

Судебно-психиатрические эксперты пришли к выводу, что с наибольшей степенью вероятности нарушения психики Ж. (выраженное интеллектуально-мнестическое снижение, эмоционально-волевые расстройства, снижение критики) явились следствием перенесенного им инсульта в юридически значимый период и лишали его способности понимать значение своих действий и руководить ими на момент составления доверенности.

Психологический анализ материалов гражданского дела и медицинской документации выявил, что Ж. был человеком непринужденным в общении, готовым к сотрудничеству, чутким и внимательным к людям, хорошо уживающимся в коллективе, активным в установлении контактов, добродушным, общительным, спокойным, уверенным в себе, стремящимся быть в центре внимания, ответственным, обязательным, добросовестным. В период, относящийся к оформлению доверенности, Ж. был осмотрен психологом, в заключении по данным ЭПИ указывается: «Со слов родственников, полная дезориентация в пространстве и времени, галлюцинации, бред, нарушение речи, утомляемость, неадекватное поведение. Больной находится в постели, не разговаривает, на вопросы отвечает невербально, не по существу. Память: значительно выраженные нарушения (слова запомнить не может, не воспроизводит, не помнит прошлые события). Внимание, восприятие: значительно выраженные нарушения (внимание рассеянное, невозможно сконцентрироваться даже на короткое время). Восприятие носит фрагментарный характер. Мышление: выраженные нарушения (больной не способен к выполнению даже простых мыслительных операций, умозаключения алогичны, критика снижена). Темп мыслительной деятельности крайне замедлен. Продуктивность психической деятельности, умственная работоспособность характеризуется выраженной истощаемостью. Эмоционально-мотивационный тонус низкий, больной эмоционально лабилен, отмечаются резкие смены эмоционального возбуждения торможением, и наоборот; периодическая неадекватность эмоций и мимики; раздражительность, низкая толерантность к фрустрации; высокая тревожность». Такие же нарушения психической деятельности описаны в показаниях свидетелей и медицинского персонала. Был сделан вывод, что у Ж. на момент составления и подписания доверенности обнаруживались интеллектуально-мнестическое снижение (снижение памяти на текущие события, замедленный темп мыслительной деятельности, снижение способности к целенаправленной, планомерной деятельности, подэкспертный периодически не узнавал родственников), эмоциональная лабильность, выраженные нарушения речи в виде моторной афазии, ограничения двигательной активности. Вышеперечисленные нарушения в основном развились после перенесенного острого нарушения мозгового кровообращения и в последующем динамично прогрессировали. Выраженность психического расстройства Ж. исключает обусловленность мотивации и волеизъявления его ИПО на момент составления и подписания доверенности.

Другую группу составляют временные психические расстройства, которые возникают в период сделки на фоне имеющихся психических расстройств пограничного уровня: органические психические расстройства, представленные легким когнитивным расстройством, органическим эмоцио-

нально лабильным расстройством или органическим расстройством личности (с ведущим и умеренно выраженным психоорганическим синдромом); вторая стадия синдрома зависимости от алкоголя; расстройства личности; депрессивные состояния. Временное психическое расстройство, обусловливающее нарушения осознания и произвольной регуляции своей деятельности по совершению сделки, определяется чаще всего декомпенсацией, обострением или ухудшением психического состояния вследствие различных психогенных, соматогенных и других факторов. Кроме того, к этой группе относятся лица без выраженных признаков психической патологии в период до совершения сделки, но обнаруживающие в период совершения сделки нарушения сознания в виде обнубиляции, оглушенности, сопора, комы вследствие тяжелого онкологического заболевания (выраженной раковой интоксикации, приема наркотических анальгетиков).

В то же время возможны нарушения принятия свободного решения вследствие непатологических психологических факторов. Особого внимания при определении этого варианта несделкоспособности требует исследование ситуации и роли ситуационных факторов в формировании у лица, вступающего в правовые отношения, определенного психологического состояния в сочетании с его ИПО (внушаемостью, подчиняемостью, психологической зависимостью от определенного лица) и психофизического состояния в период принятия решения и его реализации (наличие соматических и неврологических заболеваний, психофизиологического состояния).

Экспертиза по делам о признании сделок недействительными вследствие заблуждения (ст. 178 ГК РФ). Необходимо выделить основные психологические факторы, влияющие на формирование неправильных представлений относительно природы сделки и на возможность возникновения состояния заблуждения у лица, совершившего сделку. Как указывалось выше, для теории экспертизы главное в содержании заблуждения как «порока воли» заключается в том, что воля заблуждающейся стороны формируется не свободно, а под влиянием не соответствующих действительности представлений о существенных элементах сделки или в результате их незнания.

Что же является с психологической точки зрения основой возникновения ошибочных представлений о природе

сделки? Представления формируются на основе ощущения и восприятия, поэтому главное внимание эксперты должны уделять нарушениям перцептивной деятельности, не ограничиваясь анализом влияния на восприятие сенсорных недостатков, но глубоко исследуя и особенности смыслового восприятия, которые могут выступать причинами неадекватного отражения ситуации сделки. Совершение сделки под влиянием заблуждения предполагает, что субъективная возможность руководства своими действиями не нарушена: действия гражданина направлены на достижение избранной цели. Но при заблуждении сама цель сформирована не свободно, а под влиянием неправильных или ошибочных представлений о сущности сделки. Действия истца целенаправленны, сопровождаются адекватными контролем и прогнозом, однако психологическая основа цели действия оказывается неадекватной, не соответствующей истинным намерениям лица, совершающего сделку. Например, лицо, совершающее сделку, может в силу своих психических расстройств, или ИПО, или сенсорного дефекта (слабое зрение или слух), или в силу сочетания всех вышеназванных факторов искренне полагать, что заключает договор ренты, а на самом деле подписывает договор дарения или купли-продажи.

Поэтому при производстве экспертизы по ст. 178 ГК РФ основным экспертным понятием является *нарушение понимания существа сделки вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации*, которое может определяться ИПО (в том числе обусловленными психическим расстройством), сенсорными дефектами, особым психическим (эмоциональным) состоянием. Соответственно, у лица, совершающего сделку под влиянием заблуждения, можно квалифицировать, по терминологии ст. 177 ГК РФ, нарушение «способности осознавать значение своих действий» вследствие непонимания существа сделки. При этом с субъективно-психологической стороны «способность руководить своими действиями» при этом остается сохранной (человек контролирует свои действия на всех этапах исполнения своего, хоть и неверного, решения, прогнозирует последствия своих действий), но с объективно-психологической и с гражданско-правовой точек зрения его регуляторные способности также оказываются нарушенными, поскольку исполнение принятого решения основано на неправильно и несвободно сформированной цели.

Вопросы суда к экспертам могут формулироваться следующим образом.

Имеются ли у подэкспертного индивидуально-психологические особенности (в том числе обусловленные психическим расстройством), сенсорные дефекты, которые могли оказать существенное влияние на смысловое восприятие и оценку существа сделки?

Не находился ли подэкспертный в таком психическом (эмоциональном) состоянии, которое могло оказать существенное влияние на смысловое восприятие и оценку существа сделки?

Учитывая особенности познавательной сферы, психическое состояние в момент совершения сделки, внешние условия, в которых происходило принятие решения, а также индивидуальную значимость последствий сделки, имел ли субъект адекватное (правильное) представление о существе сделки?

Вышесказанное можно проиллюстрировать следующим примером.

Испытуемая А. проходила КСПИЭ в связи с гражданским делом по иску прокурора в ее интересах о признании недействительным договора передачи ею общественному благотворительному фонду исключительных прав на использование и распространение авторского наследия ее мужа — известного русского поэта и писателя.

Из материалов гражданского дела, медицинской документации и со слов испытуемой известно следующее. С 1944 г. А. состояла в браке с известным русским поэтом и писателем. В 1947 г. ее вместе с мужем арестовали, предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности и попытке убийства Сталина. Ее муж был приговорен к 25 годам отбывания наказания в тюрьме, а она — к 25 годам отбывания наказания в лагере. В 1957 г. испытуемая, а затем и ее муж были освобождены, проживали в Москве, снимали комнаты, знакомые помогали им материально. Муж сильно болел, она за ним ухаживала, поэтому не работала. В 1959 г. он умер. А. стала обладательницей прав на литературное наследие своего мужа. В 1992 г. Б. организовала благотворительный фонд, который стал заниматься помимо прочего популяризацией творчества мужа испытуемой и издательской деятельностью. В 1995 г. А. были поставлены диагнозы: «Глаукома левого глаза, зрелая катаракта», «Цереброваскулярная болезнь на фоне атеросклероза. Хроническая мозговая сосудистая недостаточность». В 1998 г. ее вызвала к себе домой Б., которая к тому времени перенесла операцию в связи с онкологическим заболеванием, вместе с ней приехала нотариус, чтобы «внести некоторые уточнения в договор». А. пояснила, что была потрясена известием о тяжелой болезни Б. Нотариус ей неразборчиво прочла текст документа, и А. его подписала. Только потом, со слов А., она узнала, что подписала новый договор, согласно которому абсолютно все права на литературное наследие ее мужа принадлежат фонду. А. утверждала, что она не может издавать, а также переводить

на другие языки произведения мужа, просила помочь восстановить ее права на литературное наследие.

В иске указывалось, что при заключении договоров в силу своего состояния А. прочитать их не могла, своего представителя не имела, а при прочтении договоров вслух не могла воспринять их значение. Она не предполагала, что передает исключительные права на публикацию произведений мужа, не хотела лишаться возможности заниматься своими силами распространением произведений мужа и передавать права на публикацию третьим лицам. Отмечалось, что ни представители фонда, ни нотариус не разъясняли смысл заключаемых договоров. При проведении КСПИЭ А. ориентировалась и передвигалась в незнакомой обстановке из-за слепоты только с посторонней помощью. В своей личности и времени была ориентирована всесторонне правильно. В беседу вступала с охотой и интересом. На вопросы отвечала по существу, последовательно, подробно. Цель экспертизы понимала правильно. Держалась спокойно, доброжелательно, с уважением. Жаловалась на плохое зрение. С интересом рассказывала о своей жизни, о родителях, о знакомстве с будущим мужем – поэтом и писателем. Отчетливо вспоминала события разной давности, припоминала даты, имена. Поясняла, что после освобождения из тюрьмы муж был очень болен и стремился закончить основной свой труд. Она за ним ухаживала, помогала. Утверждала, что после его смерти у нее осталась одна цель – сохранить его наследие и сделать его общедоступным. Говорила, что эта цель и сейчас придает ей силы. В отношении гражданского дела сообщала, что в конце 1980-х гг. она познакомилась с Б. Когда та предложила ей свою помощь в деле сохранения и распространения литературного наследия ее мужа, то она обрадовалась, так как считала, что нашла в ее лице помощника в своем труде по популяризации его творчества. Сообщала, что отношения у нее с Б. всегда были полностью доверительные. Уточняла, что в 1998 г. Б. вызвала ее к себе домой. К этому времени она уже была слепа и передвигалась с посторонней помощью. Указывала, что она знала о болезни Б., но когда услышала ее голос, то поняла, что та умирает. Утверждала, что была потрясена этим обстоятельством. Когда Б. попросила ее быстрее подписать новый договор о «сотрудничестве», то она подписала его, не мешкая и не вникая в суть, так как полностью доверяла ей. Только в дальнейшем она поняла, что потеряла все права на литературное наследие своего мужа. Говорила, что последние три года она не получает денег за издание и распространение книг мужа. С воодушевлением говорила о своих планах, в том числе о переводе известного труда мужа на немецкий язык, заявляла, что этому мешает потеря авторских прав. При ЭПИ на фоне высокого интеллектуального уровня со способностью к проведению основных мыслительных операций с опорой на категориальные и функциональные свойства предметов обнаруживалось наличие аффективной логики суждений, легкость актуализации несущественных признаков с использованием субъективных эмоционально-оценочных критериев, претенциозный характер отдельных решений, своеобразие и субъективизм оценок. Ассоциации адекватны, высокого уровня, эмоционально окрашены, отличались субъективизмом, своеобразием, в ряде случаев были символичны с проекцией индивидуально значимых переживаний. Мнестические способности сохранны. Отмечались колебания внимания, нерезко выраженное снижение умственной работоспособности. Личность характеризовалась демонстративностью, активностью, стремлением к доминированию, инициативностью, творческой ориенти-

рованностью с проявлениями артистизма в поведении, субъективизмом и своеобразием суждений, оценок, потребностью в поддержании самооценки на высоком уровне с ожиданием признания со стороны окружающих. Ригидность установок и упорство в отстаивании своих решений сочеталась с идеалистической окраской собственных убеждений, с тенденцией придавать им особую эмоциональную значимость. Наряду с общительностью имели место избирательность, требовательность в контактах, стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей и их ценностными ориентациями, склонность полагаться на других при выходе из субъективно сложных ситуаций. Характерны эмоциональная лабильность, ранимость, легкость возникновения реакций тревоги, раздражения, недостаток гибкости поведенческих стереотипов.

На основании изложенного экспертная комиссия пришла к заключению, что А. каким-либо психическим расстройством не страдает и не страдала им в период оформления договора 1998 г., поэтому она могла в этот период понимать значение своих действий и руководить ими. Однако, как показывают анализ материалов гражданского дела и данные настоящего комплексного психолого-психиатрического исследования, в день подписания договора, после неожиданного для А. сообщения о том, что Б. тяжело больна, у испытуемой возникло состояние растерянности, «ошеломленности», сопровождающееся чувством «жалости», сосредоточенности на негативных переживаниях, связанных с ее состоянием. В период подписания договора стрессовая ситуация обусловила рост эмоционального напряжения у испытуемой. Это, с учетом грубого сенсорного дефекта (слепота обоих глаз) и таких ее личностных особенностей, как эмоциональная лабильность, идеалистический характер представлений в мировоззрении, чувствительность к внешним воздействиям, недостаток гибкости поведенческих стереотипов, стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей и их ценностных ориентаций, легкость возникновения реакций тревоги со склонностью полагаться на других при выходе из сложных ситуаций, а также повышенной эмоциональной значимостью деятельности, связанной с творческим наследием ее мужа, привело к селективности восприятия испытуемой данной ситуации, заключающейся в преувеличении одних обстоятельств и игнорировании других, неосознаваемому замещению объективных отношений субъективными переживаниями, неполноте осознания фактический стороны дела и к ситуативному принятию решения подписать договор. Таким образом, состояние эмоционального напряжения, в котором находилась А. в исследуемый период, наличие у нее сенсорного дефекта и ИПО в совокупности оказали существенное влияние на ее сознание и деятельность, привели к ограничению адекватной оценки ситуации и снижению прогностических и критических способностей в отношении социально-юридических последствий договора и могли способствовать формированию неправильного мнения относительно существа сделки и введению ее в заблуждение в юридически значимый период.

Соотношение правовых и психологических понятий при рассмотрении гражданских дел с «пороками воли» и производстве КСППЭ или СПЭ можно представить в виде табл. 17.1.

Таблица 17.1

Юридический и психологический критерии нарушения «сделкоспособности»

Статья ГК РФ	Юридический критерий	Психологический критерий
177	Неспособность понимать значение своих действий или руководить ими	Нарушение способности к осознанному принятию решения и его исполнению
178	Заблуждение относительно природы сделки	Нарушение понимания существа сделки вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ способности гражданина к совершению сделки?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ способности гражданина к совершению сделки?
3. Раскройте содержание экспертного понятия «способность гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки».
4. Раскройте содержание экспертного понятия «заблуждение при совершении сделки».

Глава 18
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О СПОРАХ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ О ВОСПИТАНИИ И МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• сиецифику СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка;

• правовое значение СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка;

уметь

• определять основные задачи СПЭ по делам, связанным с защитой интересов ребенка;

владеть

• судебно-психологическими экспертными критериями диагностики детско-родительских отношений и влияния родителя на психическое развитие ребенка.

18.1. Юридическое значение

Обеспечение приоритетной защиты прав и интересов ребенка является одним из основополагающих принципов семейного законодательства РФ. В последние годы отмечается устойчивая тенденция увеличения количества судебных экспертиз по спорам, связанным с защитой интересов детей. В то же время отсутствие четкой теоретической базы, нормативных актов, регулирующих организационно-методическую деятельность экспертных учреждений по проведению комплексных психолого-психиатрических экспертиз, связанных с защитой интересов ребенка, достаточного количества методических рекомендаций препятствует полноценному

и эффективному использованию экспертных заключений при принятии ответственных судебных решений. Специфика и сложность данного вида экспертиз определяется как ее предметом (установление имеющегося или возможного негативного влияния психического состояния, патопсихологических или индивидуально-психологических особенностей родителя на психическое состояние и особенности психического развития ребенка в ситуации проживания или общения с данным родителем) и соответствующими экспертными задачами, так и объектом экспертного исследования (члены семьи), направлениями экспертологического анализа (необходимость учитывать социально-психологические особенности семейного конфликта). Необходимость экспертной оценки взаимодействия множества психопатологических, клинико-психологических, социально-психологических факторов, влияющих на психическое состояние и развитие ребенка, определяет возможность совместного применения знаний в научной психологии и психиатрии в судебных экспертизах по спорам, связанным с защитой интересов детей.

В СК РФ отдельно выделены статьи, устанавливающие порядок реализации родителями прав и обязанностей. Так, ст. 65 СК РФ фиксирует основы правовой защиты детей от насилия в семье.

СК РФ

Статья 65. Осуществление родительских прав

1. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей.

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке.

2. Все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Родители (один из них) при наличии разногласий между ними вправе обратиться за разрешением этих разногласий в орган опеки и попечительства или в суд.

3. Место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей.

При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается

судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое).

По требованию родителей (одного из них) в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, и с учетом требований абзаца второго настоящего пункта суд с обязательным участием органа опеки и попечительства вправе определить место жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства.

4. При осуществлении родительских прав родители (лица, их заменяющие) имеют право на оказание им содействия в предоставлении семье медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи.

Условия и порядок оказания содействия в предоставлении указанной помощи определяются законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании.

В постановлении Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 разъясняется: «При рассмотрении таких дел суд учитывает реальную возможность родителя обеспечить надлежащее воспитание ребенка, характер сложившихся взаимоотношений родителя с ребенком, привязанность ребенка к лицам, у которых он находится, и другие конкретные обстоятельства, влияющие на создание нормальных условий жизни и воспитания ребенка родителем, а также лицами, у которых фактически проживает и воспитывается несовершеннолетний» (п. 6). Право родителя, проживающего отдельно, на «общение с ребенком, участие в его воспитании и решение вопросов получения ребенком образования» закреплено в ст. 66 СК РФ.

СК РФ

Статья 66. Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка

1. Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования.

Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

Согласно п. 1 ст. 12 ратифицированной Российской Федерацией Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка. В СК РФ право ребенка как самостоятельного участника правоотношения «выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного заседания» закреплено в ст. 57. При этом «учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка».

18.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Этапы экспертного исследования

Клинико-психологические экспертные категории производства КСППЭ в гражданском процессе по делам, связанным с защитой интересов ребенка, определяются существующими нормами семейного права. При этом для обеспечения возможности правоприменения клинические и общепсихологические понятия должны быть трансформированы в психолого-психиатрические экспертные понятия, соотносимые с некоторыми правовыми категориями, определенными законодательно.

Рассмотрим экспертные понятия в контексте алгоритма КСППЭ, включающего три этапа экспертного исследования.

На первом этапе — ***индивидуальной диагностики членов семьи*** – основными экспертными понятиями являются:

— *индивидуально-психологические особенности каждого из родителей (отца и матери или других фактических воспитателей), возможного психического расстройства каждого из них и, при их выявлении, выделение личностных особенностей, обусловленных характером и течением психического расстройства.* Правомерность выделения такого предмета исследования обусловлена требованием п. 3 ст. 65 СК РФ при судебном разрешении спора между родителями учитывать «нравственные и иные личные качества родителей»;

– *индивидуально-психологические особенности ребенка, особенности и уровень его психического развития.* В постановлении Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 указывается, что к числу обстоятельств, которые необходимо устанавливать при рассмотрении подобных дел, относятся «возраст, особенности психического развития ребенка».

При диагностике клинико-психологических особенностей каждого из родителей в компетенцию эксперта-психолога входит определение их ИПО, а в компетенцию эксперта-психиатра — установление наличия или отсутствия каких-либо психических расстройств. При психодиагностике ребенка к компетенции эксперта-психолога относится определение его ИПО, к компетенции эксперта-психиатра – установление или исключение психических расстройств, в том числе причинно связанных с семейным стрессом, включая признаки задержанного и дисгармоничного психического развития, а к сфере совместной компетенции — интегративное заключение о клинико-психологических особенностях психического состояния ребенка.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 65 СК РФ спор между родителями о месте проживания ребенка решается судом «с учетом мнения детей». Право ребенка выражать свое мнение и быть заслушанным в ходе судебного разбирательства отражено в ст. 57 СК РФ, при этом «учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам». Данное обстоятельство диктует необходимость при судебном разрешении спора между родителями учитывать мнение ребенка о месте его проживания, принимая во внимание особенности и уровень возрастного психического развития ребенка, а также влияние на его психическое состояние сложившейся конфликтной ситуации. В связи с этим в ряде случаев, когда в отношении ребенка, хотя и достигшего возраста 10 лет, одной из сторон оспаривается его возможность свободно и самостоятельно высказывать свое мнение о месте проживания, еще одной задачей экспертного исследования может являться диагностика *способности ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений.*

Основой диагностики на первом этапе комплексного экспертного исследования является *ретроспективный анализ* особенностей психического развития каждого из участни-

ков процесса, а также *актуальная клинико-психологическая оценка* их личностных, эмоционально-волевых, мотивационных, интеллектуальных особенностей.

Необходимость ретроспективной диагностики обусловливается тем, что без анамнестических данных невозможно установить ИПО каждого из членов семьи, возможные психические расстройства у них, а также нарушения возрастного психического развития ребенка. Необходимо учитывать, что сложившаяся в семье конфликтная ситуация определяет высокий уровень эмоциональной напряженности каждого из ее членов, что влияет на их актуальное психическое состояние и поведенческие проявления. В связи с этим выявляемые при клиническом исследовании признаки эмоциональных нарушений (сниженное настроение, подавленность, охваченность судебной ситуацией, достигающие в некоторых случаях выраженности депрессивного эпизода) или выявляемые в ЭПИ личностные особенности членов семьи могут отражать не только их стабильные качества, но и ситуационно обусловленные реакции. Для обоснованного прогноза особенностей психического развития ребенка и особенностей поведения каждого из родителей следует учитывать этот фактор.

На втором этапе — ***ситуационной диагностики семейных отношений*** — можно выделить следующие экспертные понятия:

— *психологическое отношение матери, отца, другого фактического воспитателя к ребенку.* Как следует из п. 3 ст. 65 СК РФ, суд при разрешении спора между родителями о месте жительства ребенка должен учитывать «отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком»;

— *психологическое отношение ребенка к каждому из родителей, а также к другим членам семьи.* Выделение этого предмета исследования определяется необходимостью при судебном разбирательстве выяснения «привязанности ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам» (п. 3 ст. 65 СК РФ).

Решение задач второго этапа комплексного экспертного исследования является прерогативой эксперта-психолога, однако оценка влияния психического расстройства на характер взаимоотношений между каждым из родителей и ребенком входит в совместную компетенцию психологов и психиатров. Основой экспертной оценки семейных отношений,

как и на первом этапе, является *ретроспективная* и *актуальная* их диагностика.

На третьем этапе — ***прогностической клинико-психологической оценки психического развития ребенка*** — синтезируются данные первого и второго этапов экспертизы и вырабатывается комплексная клинико-психологическая прогностическая оценка психического развития ребенка.

Как указывалось выше, часто, выходя за пределы компетенции, эксперты приходят к выводу о целесообразности проживания ребенка с матерью (отцом, другим фактическим воспитателем) и, более того, определяют порядок осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. В соответствии со ст. 24, 65, 66 СК РФ и постановлением Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 решение данных вопросов относится целиком к компетенции суда. Как видно из п. 3 ст. 65 СК РФ, судебное установление возможности каждого из родителей «создания ребенку условий для воспитания и развития» решается не только с учетом психологического содержания вышеуказанных категорий, но и иных обстоятельств, определение которых заведомо не входит в компетенцию эксперта-психолога: род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и др. Поэтому решение вопроса о месте (целесообразности) проживания ребенка с конкретным родителем и о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, не входит в компетенцию судебных экспертов-психологов.

Поэтому основным экспертным понятием, требующим определения на заключительном этапе КСППЭ, является *диагностика возможного негативного влияния психического состояния (если есть психические расстройства или недостатки), ИПО отца (матери, другого фактического воспитателя) на психическое состояние и особенности психического развития ребенка.* В широком смысле задача определения данного экспертного понятия соподчинена судебному установлению возможности каждого из родителей «создания ребенку условий для воспитания и развития» (п. 3 ст. 65 СК РФ) при определении места жительства детей при раздельном проживании родителей и требованию п. 1 ст. 66 СК РФ, чтобы общение родителя с ребенком, проживающим с другим родителем, не причиняло «вред... психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию». Необходи-

мые условия для нормального и всестороннего психического развития ребенка, обеспечения его интересов (ст. 54 СК РФ) не сводятся только к его материальному содержанию, важное значение приобретают особенности воспитания, которые исключают пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (п. 1 ст. 65 СК РФ), патологические стили воспитания.

На третьем этапе комплексная клинико-психологическая оценка психического развития ребенка, опираясь на данные, полученные на первых двух этапах путем ретроспективной и актуальной диагностики, является *прогностической*. На данном этапе в ходе совместного обсуждения члены экспертной комиссии — психологи и психиатры — интегрируют все результаты, полученные в ходе клинико-психологического исследования.

В целом соотношение правовых и экспертно-психологических понятий иллюстрирует табл. 18.1.

Таблица 18.1

Соотношение норм семейного законодательства и психологических экспертных категорий при решении вопросов о воспитании ребенка при раздельном проживании родителей

Статья СК РФ	Правовые категории	Психологические и клинические категории
Пункт 3 ст. 65	Нравственные и иные личные качества родителей	Индивидуально-психологические особенности каждого из родителей; психические расстройства каждого из них
Постановление Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10	Особенности психического развития ребенка	Индивидуально-психологические особенности ребенка; особенности и уровень его психического развития
Пункт 3 ст. 65	Учет мнения ребенка	Способность ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений
Пункт 3 ст. 65	Отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком	Психологическое отношение каждого из родителей к ребенку

Окончание табл. 18.1

Статья СК РФ	Правовые категории	Психологические и клинические категории
Пункт 3 ст. 65	Привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам	Психологическое отношение ребенка к каждому из родителей, другим членам семьи
Пункт 3 ст. 65 Пункт 1 ст. 66	Возможность каждого из родителей создания ребенку условий для воспитания и развития Непричинение вреда психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию вследствие общения с ребенком	Возможное негативное влияние психического состояния, ИПО каждого из родителей на психическое состояние и особенности психического развития ребенка

При назначении КСППЭ по спорам, связанным с защитой интересов детей, может быть рекомендован следующий примерный список вопросов.

Имеются ли у несовершеннолетнего признаки психического расстройства, отставания в психическом развитии?

Если да, то имеется ли причинно-следственная связь между их возникновением и сложившейся конфликтной ситуацией в семье, а также не находится ли их возникновение в причинно-следственной связи с общением (проживанием) с кем-либо из родителей?

Если у несовершеннолетнего в анамнезе имелись признаки психического расстройства или психологического неблагополучия (невротические реакции, расстройства эмоций и поведения и т.п., перечислить конкретные проявления у данного ребенка), то с чем они были связаны, можно ли сказать, что они были вызваны негативным влиянием встреч с родителем?

Каковы индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего?

Каково действительное отношение ребенка к матери и отцу?

При выявлении у ребенка негативного отношения к одному из родителей, чем оно, с большей степенью вероятности, обусловлено?

Является ли мнение ребенка о месте проживания, порядке общения с родителем самостоятельным, с учетом его возраста, состояния, уровня психического развития, влияния на него конфликтной ситуации?

Страдает ли каждый из родителей психическим расстройством?

Каковы индивидуально-психологические особенности каждого из родителей, не оказывают ли они негативного влияния на психическое состояние и развитие ребенка?

Каков стиль воспитания каждого из родителей, не оказывает ли он негативного влияния на психическое состояние и развитие ребенка?

18.3. Клинико-психологические факторы, имеющие экспертное значение

В зависимости от того, касается судебный спор определения места жительства ребенка с одним из родителей или порядка встреч отдельно проживающего родителя с ребенком, многие обстоятельства (психическое расстройство родителя, его ИПО и стиль воспитания) имеют разное экспертное значение при оценке их возможного негативного влияния на психическое состояние и развитие ребенка.

При КСППЭ родителя, с которым проживает ребенок:

1) наличие у родителя *психического расстройства*, которое с учетом его актуального психического состояния, динамики заболевания, его выраженности и тяжести обусловливает неспособность родителя к адекватному обеспечению индивидуальных потребностей развития ребенка и, вследствие этого, опасность оставления ребенка с данным родителем.

Следует отметить, что к судебно-экспертной оценке влияния психического расстройства родителя на воспитание ребенка следует подходить дифференцированно. Имеющееся у родителя, с которым постоянно проживает ребенок, психическое расстройство, в том числе хроническое, во многих случаях не препятствует исполнению им родительских обязанностей и не оказывает негативного влияния на психическое состояние и развитие несовершеннолетнего;

2) *ИПО родителя*, с которым проживает ребенок, которые определяют неадекватность поведения родителя в ситуации семейного конфликта и оказывают негативное влияние

на психическое и психологическое состояние несовершеннолетнего;

3) *неадекватность родительской позиции и патологизирующий стиль воспитания*. Следует подчеркнуть, что заключение о патологизирующем характере стиля воспитания в рамках судебной экспертизы может быть дано только при оценке взаимосвязей между ИПО родителя, его мотивационно-смысловой сферы, поведением по отношению к ребенку и особенностями самого ребенка (возраст, ИПО, особенности психического состояния и психического развития). Так, выявляемый при экспертизе стиль воспитания по типу гиперопеки не может считаться патологизирующим в отношении ребенка младшего возраста или гиперактивного ребенка старшего дошкольного возраста.

При КСППЭ родителя, проживающего отдельно:

1) наличие у родителя *психического расстройства*, определяющего его опасность для ребенка. Следует учитывать, что некоторые патопсихологические особенности родителя, проживающего отдельно от ребенка, не оказывают столь выраженного влияния на психическое и психологическое состояние ребенка, как патопсихологические особенности родителя, с которым ребенок проживает. В то же время существует группа расстройств, при которых особенно часто встречаются случаи недопустимого обращения с ребенком и наиболее вероятно установление опасности родителя для несовершеннолетнего. Наиболее значимы из них непсихотические формы органического психического расстройства, личностные расстройства с зависимостью от психоактивных веществ, параноидная форма шизофрении с бредовыми идеями, распространяющимися на детей, с психопатологическими бредовыми переживаниями религиозного содержания или с выраженным эмоционально-волевым шизофреническим дефектом;

2) при оценке возможного негативного влияния на ребенка *ИПО родителя*, проживающего отдельно, следует учитывать, что дети, у которых сформированы позитивные отношения с отдельно проживающим родителем, выигрывают от сохранения контактов с ним. Таким образом, такие ИПО отдельно проживающего родителя, которые могут при совместном с ребенком проживании оказывать негативное влияние на его психическое состояние и развитие, как правило, не оказывают выраженного негативного влияния при эпизодическом общении;

3) *эмоционально отвергающее или жестокое обращение с ребенком* в период совместного проживания с ним с формированием негативного отношения ребенка к родителю. В случаях когда в период совместного проживания один из родителей эмоционально отвергал ребенка или был жесток к нему, меньшее количество контактов с ним после развода оказывается для ребенка благоприятным;

4) *неправильное поведение родителя в отношении ребенка в период раздельного проживания*, вызвавшее у последнего ухудшение психического здоровья и изменение отношения к родителю.

Так, подэкспертный В. сообщал, что отец водил его к своим друзьям, куда он ходить не хотел, но если отказывался, то отец избивал мать. Рассказывал, что после подачи матерью искового заявления о лишении отца родительских прав тот поймал его во дворе, «повалил на землю, закопал в снег, придавил грудь коленом и сказал, что он его похитит, отрежет уши, нос и половые органы и пришлет матери, чтобы она умерла от горя, а потом повесится сам»;

5) *оценка ИПО родителя и его воспитательной позиции, а также индивидуально-психологических и патопсихологических особенностей ребенка* (уровня его тревожности, склонности к невротическим реакциям и невротическому развитию) приобретают особую важность в случаях, когда родитель на протяжении длительного времени не поддерживал отношения с ребенком, отношение ребенка к родителю не сформировано, ребенок не включает его в состав своей семьи или не знает о его существовании.

При КСППЭ ребенка:

1) наличие у ребенка *психического расстройства, вызванного проживанием или общением с одним из родителей.*

Например, в отношении подэкспертного Т., 6 лет, было дано заключение, что у него на фоне резидуального органического поражения центральной нервной системы в 2,5 года выявлялись особенности поведения в виде повышенной возбудимости, агрессивности, капризности; с 3,5 лет в детском коллективе отмечались его повышенная застенчивость, выраженные трудности в общении со сверстниками и посторонними людьми. За время посещения детского сада, в условиях систематического общения со сверстниками, регулярных развивающих занятий в коллективе детей, ежедневного общения с обоими родителями и сестрой в его состоянии отмечалась положительная динамика (стал общительнее, не отмечались нарушения поведения: капризность, агрессивность). После резкого изменения семейной ситуации (прекращение посещения детского сада, выход матери на работу и появление няни, конфликт между родителями, уход отца из семьи), как

следует из показаний отца подэкспертного и свидетелей, отмечались эмоциональная напряженность и повышение агрессивности мальчика. В настоящее время ребенок проживает с отцом в ситуации ограничения контактов со сверстниками (непродолжительного и только в ситуации организованных групповых развивающих занятий); крайне ограниченных контактов с матерью и сестрой, что усугубило имевшиеся у него особенности в виде замкнутости, тревожности, нарушений коммуникативности, привело к нарушению эмоциональных связей с матерью и сестрой. У подэкспертного выявляется социальное тревожное расстройство детского возраста, сформировавшееся в психосоциальной ситуации воспитания в аномальной семье (воспитание одним родителем, отсутствие устойчивых взаимоотношений с другим родителем), проявляющееся повышенной тревожностью, выраженными опасениями перед социальными ситуациями (неструктурированное учебными занятиями общение со сверстниками, посещение детского сада, школы), стремлением к избеганию подобных ситуаций, недостаточной социальной компетентностью мальчика; невротической симптоматикой (нарушения сна, ночные кошмары, неспособность спать без света, недифференцированные страхи); нарушениями поведения в социальных ситуациях (возбудимость, необоснованные реакции раздражения, повышенная агрессивность);

2) наличие у ребенка *психического расстройства* с высокой вероятностью ухудшения психического состояния *вследствие общения с отдельно проживающим родителем*.

К примеру, в отношении подэкспертного Ф. было дано заключение, что он страдает социальным тревожным расстройством детского возраста на фоне расстройства психического развития. В настоящее время общение с отцом, отношение к которому у ребенка негативное, может привести к ухудшению психического состояния мальчика в виде учащения и усиления тревожно-невротических реакций (эмоциональной неустойчивости, страха остаться одному без матери, плаксивости, нарушений сна, усиления тревоги при изменении привычной ситуации, двигательного беспокойства);

3) выявление у ребенка *отвергающего* (*конфликтного*) *отношения к одному из родителей, сформировавшегося в результате негативного опыта взаимодействия с ним*. Иллюстрацией может служить следующее наблюдение.

Экспертиза проводилась в отношении двух братьев, 13 и 7 лет, и их отдельно проживающего отца в гражданском деле по иску отца об определении порядка общения с детьми, встречному иску матери о лишении его родительских прав. В период совместного проживания отец злоупотреблял спиртными напитками, в состоянии алкогольного опьянения становился грубым, придирчивым, агрессивным, требовал от жены и детей неукоснительного подчинения. Требовал от детей повторения фраз: «папа – лучший друг», «папа — командир», «мама нам не нужна». К моменту проведения экспертизы уже 2 года родители мальчиков проживали раздельно, брак между ними был расторгнут. В связи с тем что мать препятствовала отцу в общении с детьми, он обратился в суд с иском об определении порядка общения. После начала судебного процесса отец угрожал старшему сыну в случае явки его в суд и дачи «ненужных» для него показаний «лишить его наследства». При про-

хождении КСППЭ у отца несовершеннолетних были выявлены признаки синдрома зависимости от алкоголя средней степени, состояние ремиссии. У обоих мальчиков выявлялось негативное отношение к отцу. Старший во время беседы вспоминал, что отца никогда не было дома, а когда приходил, никогда с ним и братом не занимался: «Мне кажется, что он только говорит, что любит, а на самом деле мы для него игрушки». Неохотно вспоминал случаи, когда отец выпивал. Рассказывал, что в состоянии опьянения отец их с братом обижал, ругал «ни за что».

В большинстве случаев для экспертного заключения не имело значения установление факта ухудшения психического состояния ребенка в пред- и послеразводный период, если в последующем отмечавшиеся психические нарушения купировались самостоятельно.

При выявлении у ребенка психического расстройства, не связанного с семейной ситуацией в целом или с неправильным поведением одного из родителей, должна быть дана оценка *способности каждого из родителей обеспечить психологические потребности* ребенка, обусловленные данным расстройством;

4) наличие у ребенка младшего школьного или подросткового возраста *нарушений психического развития, не позволяющих считать его мнение о месте проживания самостоятельным и обоснованным*. При выявлении у ребенка негативного, конфликтного отношения к отдельно проживающему родителю, сформировавшегося в результате индуцирующего влияния того родителя, с которым ребенок проживает, или в результате вовлечения ребенка в супружеский конфликт, в экспертном заключении должны быть отражены механизмы формирования негативного отношения. Ситуацию, при которой ребенок утрачивает позитивное отношение к одному из родителей, с клинико-психологической точки зрения следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений психического развития ребенка.

Так, при экспертизе подэкспертного В. решался вопрос о способности мальчика к выработке и принятию самостоятельного решения по вопросу своего проживания с матерью или отцом. На момент экспертизы В. было 6 лет. Его родители проживали раздельно уже 2 года, ребенок в соответствии с совместным решением родителей, проживал с отцом, периодически виделся с матерью. Затем мать мальчика вышла замуж за гражданина Германии и обратилась в суд с иском об определении места жительства ребенка с ней. К моменту КСППЭ мальчик в течение трех месяцев проживал в Москве с матерью и отчимом. В беседе ребенок рассказал, что живет «с мамой и папой» (уточняя, что так он называет «маминого мужа»). Заявил, что любит и отца, и мать, но хочет жить с мамой, так как «с ней можно развлекаться, в Германии есть бассейн, большой дом, а у папы нет синтезатора и телевизора». Выразил

желание «поскорее уехать с мамой в Гамбург». При ЭПИ было установлено соответствие уровня психического развития ребенка нормам возрастного развития. При оценке ИПО были выявлены естественные возрастные подчиняемость и ведомость, ориентация на мнения значимых взрослых. Экспертами было принято во внимание, что мотивация своего желания проживать с матерью носила у мальчика исключительно игровой характер. Было дано заключение, что в силу естественного возрастного развития у ребенка обнаруживается недостаточная сформированность способности к самостоятельному и всестороннему анализу и оценке сложившейся семейной ситуации, прогнозу ее дальнейшего развития и возможных последствий, в связи с чем он не способен в сложившейся ситуации к выработке и принятию самостоятельного решения по вопросу своего проживания с матерью или отцом.

18.4. Методы судебно-экспертного психологического исследования

При производстве СПЭ и КСППЭ используются следующие методы[1].

Клинико-психопатологический (в рамках КСППЭ) – анализ объективизированных источников информации гражданского дела, приобщенной к нему медицинской документации и иных документов (видеозаписи, фотографии, письма и т.п.), клиническая беседа, наблюдение, анамнез, описание психического состояния, анализ имеющихся симптомов психических расстройств.

Клинико-психологический — психологический анализ материалов гражданского дела; направленная беседа, методы психологического наблюдения за поведением родителя в ситуации экспертного исследования, за поведением и игровой деятельностью ребенка, за совместной деятельностью ребенка с родителями.

Сбор анамнеза и клинико-психологическая беседа с родителями в КСППЭ по спорам о воспитании имеет ряд особенностей, определяющихся предметом исследования. Их задачей является составление представления об общей картине условий психического развития подэкспертного, процесса формирования его характера, привычек, интересов, устойчивых форм поведения, представлений о разных сторонах жизни, в том числе об истории отношений с бывшим супругом, причинах разрыва, особенностях пред- и постразводных отношений. В рамках экспертного исследования воз-

---

[1] Более подробно см.: *Сафуанов Ф. С., Харитонова Л. К., Русаковская О. А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М. : Генезис, 2011.

можна оценка того, как каждый из родителей воспринимает свои отношения с ребенком, сфокусирован он на ребенке или на своих отношениях с супругом, насколько каждый из родителей чувствителен к психологическим потребностям ребенка. Важнейшей характеристикой родителей как субъектов воспитания является мотивация отношения к ребенку и ее субъективное осознание. Воспитательная позиция родителей обусловлена сложным взаимодействием осознаваемых и неосознаваемых мотивов. При этом реально действующие мотивы, которые определяют взаимоотношения с детьми, могут вытесняться или быть представлены в сознании родителей замещающими, социально одобряемыми мотивами. Для психологической характеристики степени участия родителя в воспитании необходимо оценить его осведомленность в касающихся ребенка вопросах. Каждого из родителей целесообразно расспросить об истории развития ребенка, его ИПО, друзьях, любимых и нелюбимых занятиях, режиме, распорядке его жизни. Следует расспросить родителя об используемых им методах воспитания, формах поощрения и наказания и о реакциях на них ребенка. При этом вопросы целесообразно формулировать таким образом, чтобы повысить достоверность ответов. Например, вместо вопроса: «Наказываете ли вы ребенка?», на который родители, как правило, отвечают отрицательно, стоит спросить: «Как часто, за что Вам приходится наказывать ребенка?». При наличии у ребенка особых потребностей, обусловленных наличием какого-либо заболевания (детский церебральный паралич, тугоухость, нарушение психического развития и т.п.), необходимо оценить, насколько каждый из родителей осведомлен о состоянии ребенка и его психолого-педагогических потребностях. Содержание беседы должно быть отражено в экспертном заключении, что позволяет суду оценивать эта данные наряду с другими юридически важными обстоятельствами психологической природы.

Клинико-психопатологическое исследование ребенка. При высококонфликтных разводах, сопровождающихся судебным спором о воспитании, у детей часто отмечаются симптомы психических расстройств и психологического неблагополучия, которые являются непосредственной реакцией ребенка на сложившуюся семейную ситуацию и не связаны с личностными особенностями одного из родителей. С другой стороны, психические нарушения могут возникать в связи с психопатологическими или индивидуально-пси-

хологическими особенностями, стилем воспитания одного из родителей. Установление причинно-следственной связи между проживанием (общением) ребенка с одним из родителей (особенностями его отношения к ребенку, поведением, стилем воспитания, созданными им условиями развития ребенка) и возникновением у несовершеннолетнего психического расстройства имеет юридические последствия. В связи с этим выявление у ребенка психического расстройства требует от экспертов-психиатров максимально развернутого анализа патогенетического значения различных этиологических и этиопатогенетических факторов в развитии заболевания. Помимо этого, имеющееся у ребенка психическое расстройство может определять наличие у него особых потребностей, связанных с его психическим состоянием, и требует оценки способности каждого из родителей обеспечить эти потребности.

В клинико-психологической беседе с ребенком должно быть изучено детское восприятие сложившейся семейной ситуации, представление ребенка о роли каждого из родителей в его жизни. Какой каждый из них, в представлении ребенка, по характеру; кто отводил его в детский сад и школу, помогал ему с выполнением домашних заданий, укладывал спать; в какие игры играли и чем занимались во время прогулки; что он любит делать с отцом, а что – с матерью. Во всех случаях целесообразно попросить ребенка привести примеры конкретных жизненных ситуаций. Следует иметь в виду, что в силу возрастных особенностей представления ребенка не являются полностью самостоятельными, а в большой степени отражают мнение значимых взрослых, которыми чаще являются взрослые, с которыми ребенок проживает. Содержание и форма вопросов должны учитывать возраст ребенка, его психическое состояние и уровень психического развития, особенности конкретной семейной ситуации.

Экспериментально-психологический: при исследовании родителей – патопсихологические методики исследования познавательных процессов («10 слов», «Пиктограмма», «Отсчитывание от 100 по 7», «Отсчитывание от 200 по 13», «Исключение предметов», «Сравнение понятий», «Понимание переносного смысла метафор и пословиц»), опросники, направленные на выявление ИПО (тест-опросник 16PF Кеттелла), Методика многостороннего исследования личности (ММИЛ), опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Эйдемиллера; при исследовании детей — патопсихологи-

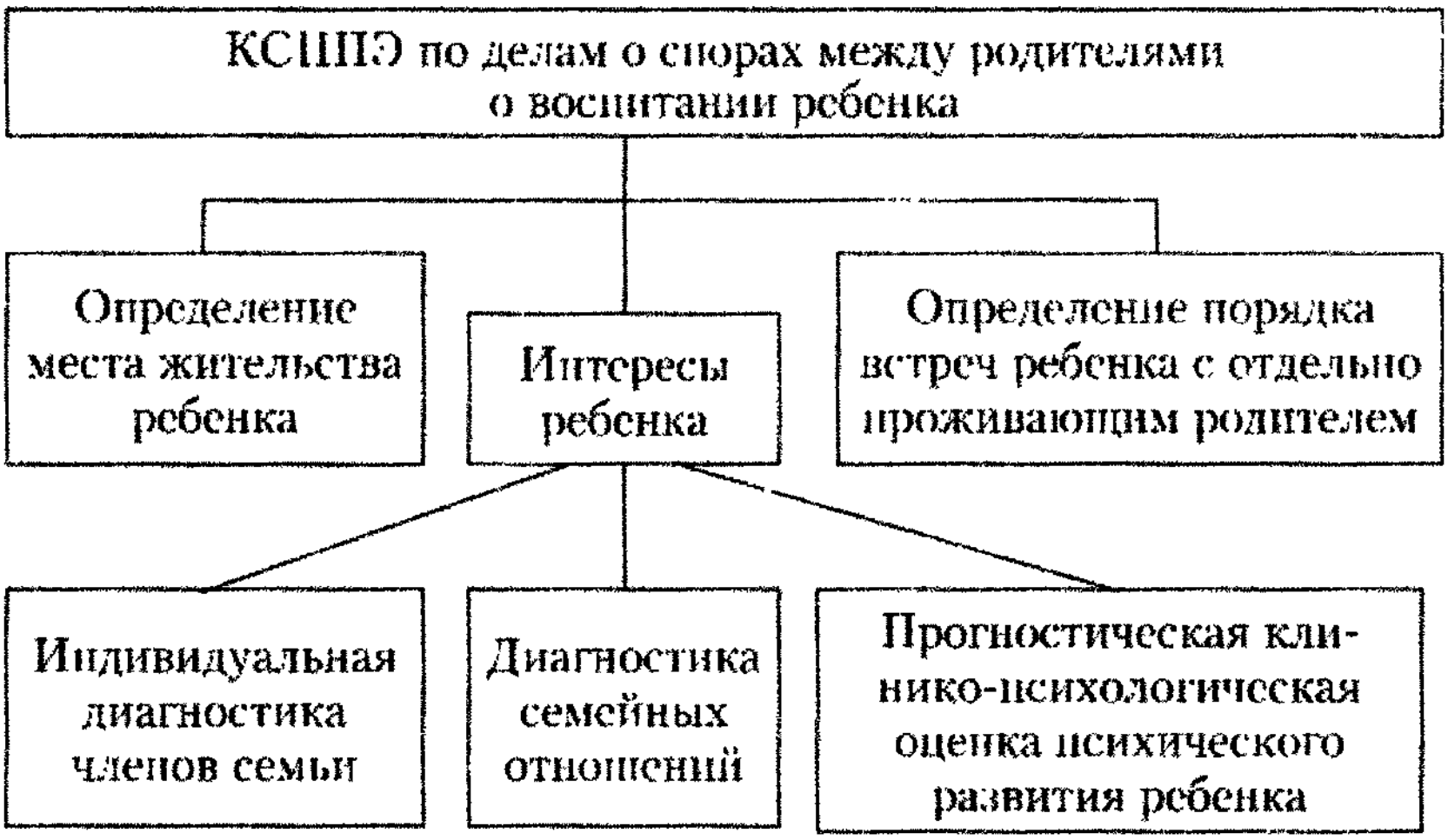
ческие методики исследования познавательных процессов (пробы с использованием коробки форм, «Куб Сегена», различные по сложности варианты методики «Исключение предметов», осмысление сюжетных картинок, различные по сложности варианты последовательных картинок, смысловое запоминание рассказа, пробы на степень сформированности автоматизированных навыков (чтение, счет, письмо)); методики, направленные на изучение характера детско-родительских отношений: Тематический тест апперцепции; «Цветовой тест отношений»; методика Р. Жиля Le Test-Film в адаптированном варианте И. Н. Гильяшевой и Н. Д. Игнатьевой; «Незаконченные предложения» (модификация В. Михала); рисуночные методики «Рисунок человека», «Рисунок семьи», «Два дома»; Тест детской апперцепции Л. Беллак (Children Apperception Test). Необходимо также использовать метод наблюдения за совместной деятельностью ребенка и родителя. Психолог организует совместную деятельность, которая может быть игровой (игры подбираются в соответствии с возрастным и психическим развитием ребенка), творческой (например, совместное рисование), коммуникативной (обсуждение какого-либо вопроса, например просмотренного мультфильма, прочитанной книги и т.п.).

Данные патопсихологического исследования в КСППЭ по семейным спорам позволяют дополнить общее представление о психологических особенностях испытуемого. Поведение в ситуации исследования, избираемые способы и приемы решения мыслительных задач, реакция на успех и неуспех должны рассматриваться в комплексе с анамнестическими данными, результатами наблюдения и экспериментального исследования ИПО. Патопсихологическое исследование ребенка имеет решающее значение для заключения об уровне его психического развития, таких ИПО, как внушаемость, подчиняемость, повышенная зависимость от мнения значимых взрослых. Экспериментально-психологическое исследование является одним из основных методов установления характера отношения ребенка к каждому из родителей. Так, высказываемое ребенком негативное отношение к отдельно проживающему родителю в ЭПИ при помощи проективных методов не подтверждается в 25–30% случаев, что очень существенно для судебного решения.

В ходе наблюдения за совместной деятельностью ребенка и родителя оцениваются особенности вербального и невербального контакта, признаки эмоциональной привязанности

или отвержения. Непосредственное наблюдение обеспечивает эксперта большим объемом информации, значимой для экспертных выводов: коммуникативные умения родителя, адекватность восприятия им ребенка, знания и ожидания возможностей развития ребенка, способы обеспечения поддержки, выражения любви, способность понимать чувства ребенка, способность воспринимать ребенка как отдельного индивида со своими желаниями и потребностями, методы обеспечения дисциплины, удовлетворение или неудовлетворение от родительской роли. Очень важной является возможность увидеть реакцию ребенка на поведение родителя.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка?
2. Перечислите основные этапы производства СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка.
3. Какие вопросы решаются при СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка?
4. Какие факторы имеют экспертное значение при обследовании родителей и ребенка в рамках КСППЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка?
5. Охарактеризуйте методы исследования, используемые при СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка.

Глава 19
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- специфику СПЭ по делам о компенсации морального вреда;
- правовое значение СПЭ по делам о компенсации морального вреда;

уметь

- определять основные задачи СПЭ по делам, связанным с компенсацией морального вреда;

владеть

- судебно-психологическими экспертными критериями диагностики изменений психического состояния потерпевшего от причинения вреда и их юридически значимых характеристик.

19.1. Юридическое значение

В условиях проводимой в России правовой реформы, направленной на повышение гарантий основных прав и свобод человека, с одной стороны, и с учетом возрастающей преступности на фоне социально-экономических преобразований – с другой, все большее значение приобретает институт компенсации морального вреда, причиненного преступлением или иным нарушением, посягающим на личные неимущественные права гражданина или иные принадлежащие ему нематериальные блага.

Компенсация морального вреда регулируется ст. 151 ГК РФ, где категория «моральный вред» определяется как «физические и нравственные страдания», указывается,

что при определении размеров компенсации морального вреда суд «должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред». Данная формулировка наряду с постановлением Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10, в котором говорится, что «суду следует устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий», обосновывает необходимость проведения судебно-экспертных исследований для судебного определения «нравственных страданий», их причинной обусловленности действиями виновного, связи с ИПО потерпевшего, а также глубины (степени) их выраженности.

ГК РФ

Статья 151. Компенсация морального вреда

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

Вместе с тем неразработанность четких юридических представлений о понятии «моральный вред», его видах, его компенсации приводит не только к сложностям судебных разбирательств и противоречиям судебных решений, но и к затруднениям при проведении СПЭ и КСППЭ по делам такого рода.

Проанализируем вначале *правовой аспект проблемы*. Согласно ст. 151 ГК РФ к компетенции суда относится исследование следующих вопросов:

— установление самого факта причинения гражданину морального вреда;

— при условии причинения гражданину морального вреда — определение степени его нравственных и физических страданий;

— установление степени вины нарушителя;

— определение размеров компенсации морального вреда.

Кроме того, суд учитывает размер компенсации презюмируемого морального вреда (зависящий от степени вины нарушителя), особенности заслуживающих внимания обстоятельств в ситуации причинения вреда, степень влияния самого потерпевшего на юридически значимую ситуацию и на усугубление конфликта и собственных нравственных страданий, последствия причинения вреда в виде возможности потерпевшего осуществлять деятельность в различных сферах жизни.

Для установления факта причинения морального вреда и определения его степени суду необходимо в случае обращения к экспертам — психологам и психиатрам — получить подтверждение того, что потерпевший действительно испытывал (или испытывает) нравственные страдания; определить их степень с учетом его индивидуальных особенностей; установить, что данные страдания находятся в причинно-следственной связи с действиями (бездействием) обвиняемого.

19.2. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия

Экспертологический анализ указанных правовых категорий показывает, что предметом КСППЭ могут быть клинико-психологические аспекты нравственных страданий истца с учетом его ИПО. В основе нравственных страданий могут лежать переживания человека либо входящие в структуру изменений психической деятельности, либо возникающие по поводу этих нарушений.

Психические изменения могут быть разного уровня, в том числе и донозологического. К непатологическим состояниям традиционно относят личностный конфликт, психическое напряжение (стресс), фрустрацию, психологический кризис[1]. При установлении негативных изменений психической деятельности необходимым условием является диагностика *личностной значимости* задетых причинением вреда ценностей и смыслов потерпевшего. Также важное значение имеет определение ИПО истца, среди которых первостепенное значение для понимания изменений психики имеет повышен-

[1] *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.

ная чувствительность к стрессовым воздействиям (низкая стрессоустойчивость).

К примеру, во дворе дома, где проживала истица Т., было начато строительство торгового центра. Возводимая перед окнами стена не пропускала в ее квартиру свет от солнца. Жильцами дома, которые выступали против строительства, была создана инициативная группа, в которую вошла Т., она неоднократно выступала на собраниях, обращалась с жалобами в различные инстанции, добиваясь отмены строительства. Сразу после начала строительства Т. начала предъявлять жалобы на шум в голове, головную боль, вызывала «скорую помощь» по поводу повышения артериального давления. Затем в течение двух лет неоднократно обращалась к врачам различных специальностей (терапевтам, неврологам, хирургам), была госпитализирована в психиатрическую больницу. В беседе сообщала, что всегда плохо переносила пребывание в замкнутом помещении, когда ехала в метро, старалась расположиться лицом к окну вагона, чтобы не видеть стен вагона, а если летела самолетом, то всегда садилась около окна. Говорила, что во время строительства здания торгового центра у нее возникало ощущение, будто ее замуровывают заживо, испытывала страх, что будет жить в замкнутом пространстве. При ЭПИ было отмечено, что подэкспертная очень ранима и склонна к длительным и интенсивным переживаниям, переходящим в жалость к самой себе, даже по незначительным поводам. Экспертная комиссия пришла к выводу, что у Т. имеются признаки расстройства адаптации. Психическое расстройство Т. является обратимым, однако субъективно значимая психогенно травмирующая ситуация (строительство и функционирование торгового комплекса) способствует его фиксации.

Когда изменения психической деятельности квалифицируются как психические расстройства, возможно определить не только их вид, но и степень тяжести: нарушения психики могут быть пограничными патологическими состояниями (неврозы, острая реакция на стресс, депрессивный эпизод легкой степени и т.п.), а могут сопровождаться выраженными изменениями психики. Необходимо анализировать и динамические характеристики возникающих расстройств — их стойкость или обратимость, а при обратимости — длительность.

Определение морального вреда, причиненного преступлением или иным нарушением, и его компенсации, в том числе степени нравственных страданий истца, является прерогативой только суда. Для установления этих обстоятельств суд может использовать заключение СПЭ или КСППЭ, в котором будут отражены клинико-психологические аспекты категории «нравственные страдания». Возможно выделить следующие экспертные понятия:

— *психическое состояние подэкспертного (в том числе психическое расстройство)*;

— *ИПО подэкспертного*;

— *степень выраженности изменений психической деятельности;*

— *динамические особенности изменений психической деятельности: стойкость — обратимость; длительность;*

— *причинно-следственная связь между причинением вреда (психотравмирующим воздействием) и возникновением и развитием психических изменений.*

Соответственно, перед экспертами могут быть поставлены следующие типовые вопросы.

Имеются ли у подэкспертного негативные изменения психической деятельности (в том числе психическое расстройство)? Если да, то в чем они выражаются?

Имеется ли причинно-следственная связь между негативными изменениями психической деятельности подэкспертного и действиями (бездействием) причинителя вреда?

Какова степень негативных изменений психической деятельности пострадавшего?

Каковы динамические особенности изменений психической деятельности: стойкость — обратимость; длительность?

Имеются ли у подэкспертного индивидуально-психологические особенности, которые оказали существенное влияние на изменение его психической деятельности в исследуемой ситуации?

В качестве примера можно привести следующий случай. Он касается исков со стороны четырех членов семьи — матери, отца, брата и бабушки погибшей — о возмещении каждому из них морального вреда, нанесенного одним и тем же преступлением, которое повлекло смерть младенца. Всем потерпевшим — истцам по гражданскому делу — были проведены КСПЭ[1].

Из материалов гражданского и уголовного дел известно, что мать погибшего ребенка вечером с двумя детьми — сыном и находящейся в детской прогулочной коляске 11-месячной дочерью — поднялась в кабине лифта на 5-й этаж своего дома. Выйдя из кабины лифта вместе с сыном, она стала вытаскивать коляску с находящейся в ней дочерью. В это время двери кабины и шахты лифта стали закрываться, и задние колеса коляски остались

---

[1] Подробнее см.: *Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К., Дозорцева Е. Г., Козлов И. С. и др.* Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сборник № 43. М., 2005. С. 326–336.

зажатыми створками двери кабины. Затем с верхнего этажа поступила команда вызова лифта, и кабина лифта пришла в движение вверх с коляской, находившейся в дверном проеме. Ударившись о верхнюю обвязку дверного проема шахты 5-го этажа, коляска деформировалась, и часть ее с находящейся в ней малолетней девочкой, перевернувшись, оказалась под кабиной лифта. Девочка выпала из коляски и упала в приямок шахты лифта, получив при этом травмы, несовместимые с жизнью. На следующий день в больнице она скончалась вследствие закрытого оскольчатого перелома костей черепа с ушибом головного мозга и легких.

Виновные в неисправности лифта работники были осуждены за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей и за халатность – ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Через год мать погибшей обратилась в суд с исковым заявлением к ЖЭУ о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Моральный вред истицей был оценен в 1 млн руб. Через три месяца с аналогичным иском в суд обратились отец и бабушка погибшей, они просили взыскать с ЖЭУ по 500 тыс. руб. в качестве компенсации морального вреда. Впоследствии мать уточнила свои исковые требования, указав, что гибелью дочери моральный вред причинен не только ей, но и ее 5-летнему сыну, «на глазах у которого погибла сестра», поэтому при определении размера компенсации морального вреда она просила учесть и моральный вред, причиненный сыну; просила взыскать с ответчика в счет компенсации морального вреда в ее пользу 700 тыс. руб. и 300 тыс. руб. в пользу сына.

Экспертная комиссия пришла к заключению, что мать в настоящее время каким-либо психическим расстройством не страдает. Она характеризуется личностной незрелостью, эмоциональной неустойчивостью, повышенной чувствительностью, склонностью к дезорганизации деятельности в психотравмирующих условиях, зависимостью от мнения окружающих. Отмечалась высокая значимость для нее семьи и семейных взаимоотношений. После трагической гибели дочери у нее возникло тяжелое депрессивное состояние (депрессивный эпизод тяжелой степени) с пониженным настроением, аффектом тоски, переживаниями горя и утраты, ощущением «болезненной бесчувственности», возникновением суицидальных мыслей, идей самообвинения, отрывочных эпизодических вербальных обманов восприятия, эмоциональной неустойчивости с немотивированной гневливостью и раздражительностью, нарушений сна и аппетита, когнитивных расстройств (трудности концентрации, аффектогенные амнестические расстройства, малопродуктивность деятельности). О тяжести указанного психического расстройства помимо выраженности изменений психики также свидетельствовали данные о длительности расстройств психики (три и более месяцев) и нарушения у нее адаптации в микросоциальной среде (инициировала конфликты с мужем и его родителями). Между смертью дочери как психотравмирующим фактором и возникновением у матери тяжелого депрессивного состояния имеется прямая причинно-следственная связь. В настоящее время ее психоэмоциональное состояние характеризуется комплексом ситуативных переживаний, связанных с гибелью дочери, что обусловливает актуальную тревожность, неустойчивость эмоциональных реакций, сниженный фон настроения, волнение. В период времени, пред-

шествовавший трагической смерти дочери, каких-либо психических расстройств (в том числе расстройств эмоционально-психического состояния) у нее не отмечалось.

Отец также в настоящее время каким-либо психическим расстройством не страдает. Индивидуально-психологические особенности характеризуются заниженной самооценкой, неуверенностью, зависимостью от мнения окружающих, ориентацией на семейные ценности. После трагической гибели дочери у него возникло депрессивное состояние (депрессивный эпизод легкой степени) с тревожностью, чувством напряженности и «надорванности», нарушениями сна и аппетита, тоскливым настроением, негрубыми когнитивными (трудности концентрации, рассеянность) и астеническими (раздражительность, вялость) нарушениями. Указанное психическое расстройство носило неглубокий транзиторный характер, о чем свидетельствуют сохранность у него на тот период социально-трудовой и семейной адаптации, а также отсутствие какой-либо психотической симптоматики (бред, галлюцинации) и грубых когнитивных расстройств. Между смертью дочери как психотравмирующим фактором и возникновением у него депрессивного состояния имеется прямая причинно-следственная связь. В настоящее время психоэмоциональное состояние отца характеризуется комплексом ситуативных переживаний в виде некоторой напряженности, неустойчивости эмоциональных реакций. В период времени, предшествовавший трагической смерти дочери, каких-либо психических расстройств (в том числе расстройств эмоционально-психического состояния) у него не отмечалось.

У бабушки в настоящее время обнаруживаются признаки пролонгированной депрессивной реакции, обусловленной расстройством адаптации со сниженным настроением, подавленностью, страхами, тревогой, суицидальными мыслями, навязчивыми воспоминаниями о психотравмирующем событии, расстройствами сна (нарушения засыпания, кошмарные сновидения), повышенной утомляемостью при сохранности критических способностей, достаточной социальной адаптации. Указанное психическое расстройство является неглубоким (отсутствие бреда, галлюцинаций, сохранность трудоспособности, социальной адаптации), обратимым, однако имеет пролонгированное (затяжное) течение. Между смертью внучки как психотравмирующим фактором и возникновением у нее указанного психического расстройства имеется прямая причинно-следственная связь. Личность характеризуется сочетанием самостоятельности, склонностью к лидерству, высокой мотивацией достижения, эгоцентризма с эмоциональной неустойчивостью, повышенной возбудимостью, раздражительностью, напряженностью, сниженным порогом фрустрации, повышенной чувствительностью. В настоящее время ее эмоциональное состояние определяется комплексом ситуативных переживаний, связанных с гибелью внучки, высоким уровнем тревоги, сниженным фоном настроения, фиксацией на сложившейся психотравмирующей ситуации. У бабушки в период времени, предшествовавший гибели внучки, каких-либо психических расстройств (в том числе расстройств эмоционально-психического состояния) не отмечалось.

У 5-летнего брата погибшей девочки обнаруживается соответствующий возрастным нормам уровень психического развития. Выявляются признаки фобического тревожного расстройства в детском возрасте и энуреза неорганической природы. У него после гибели сестры появились признаки тревожности, нарушения сна, ночное недержание мочи. В настоящее время у него отмечаются фиксация на психотравмирующей ситуации, спонтанное

повторение аналогичных ситуаций в игре, страх езды в лифте, повышенное внутреннее напряжение, ожидание негативных воздействий со стороны окружающих, в том числе в сфере телесной целостности и благополучия. Между смертью сестры и развившимися у него психическими расстройствами имеется прямая причинно-следственная связь. Данные изменения психоэмоционального состояния являются неглубокими, обратимыми, однако требуют реабилитации для устранения негативных последствий психической травмы.

Таким образом, описанный случай иллюстрирует возможность возникновения различных по форме, глубине и длительности изменений психической деятельности в ответ на одно и то же психотравмирующее воздействие в зависимости от преморбидных индивидуально-личностных особенностей, социально-ролевой позиции по отношению к погибшему члену семьи, пола и возраста. Очевидно, что суд может использовать данное заключение для обоснования различной степени выраженности нравственных страданий у обследованных лиц. Этот вывод показывает, что нельзя ограничиваться только презюмированием степени морального вреда и объяснениями участников гражданского дела, а необходимо (как это указывается и в постановлении Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10) выяснять, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, в том числе и с помощью судебной экспертизы с участием психолога.

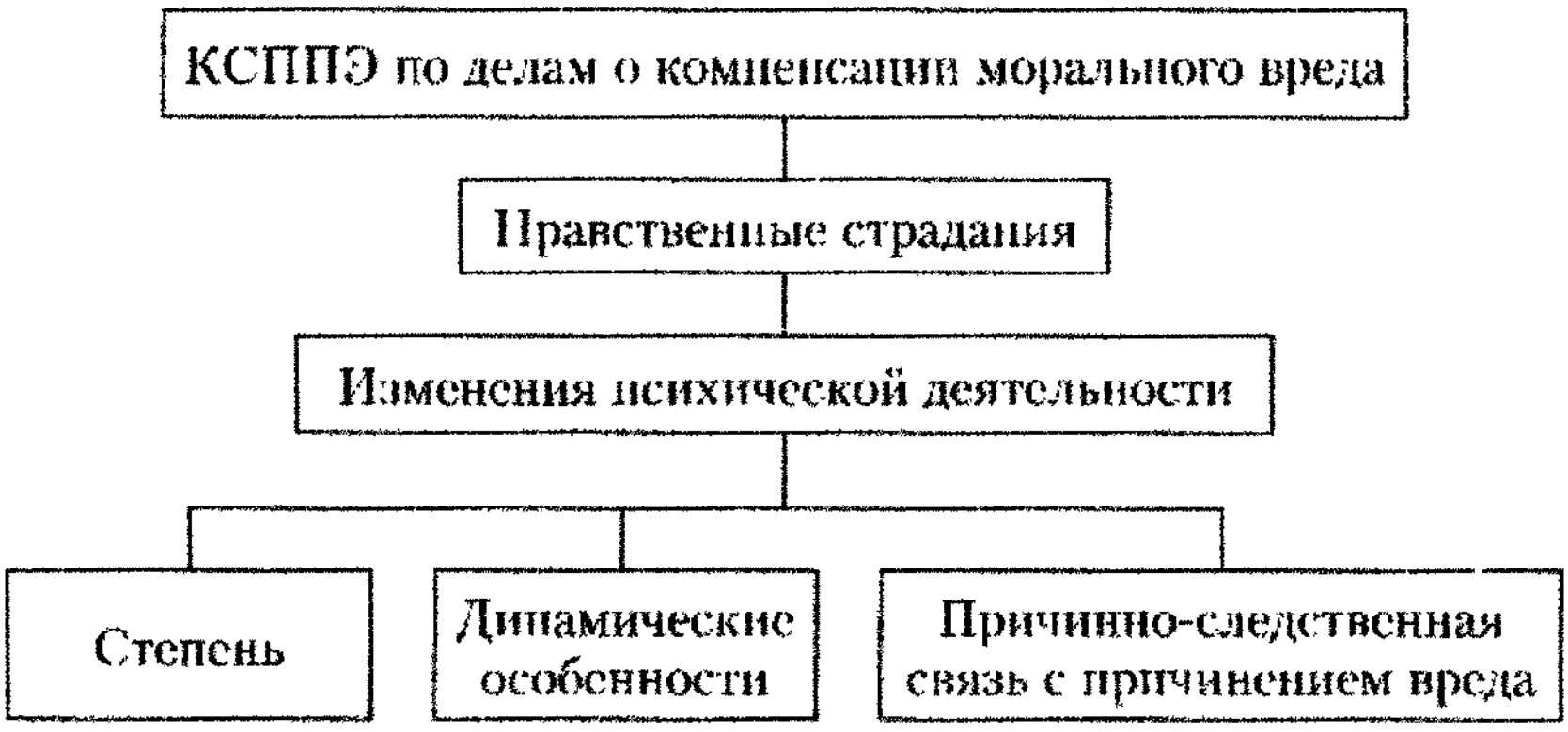
В целом соотношение правовых и экспертно-психологических понятий можно представить в виде табл. 19.1.

Таблица 19.1

Юридические и психологические критерии определения морального вреда

Статья ГК РФ	Юридические критерии	Клинико-психологические критерии
151	Физические и нравственные страдания, связанные с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред	Изменения психической деятельности потерпевшего (в том числе психическое расстройство) с учетом его ИПО. Степень. Стойкость обратимость. Длительность. Причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и возникшими изменениями психики

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем заключается юридическое значение СПЭ по делам о компенсации морального вреда?
2. Какие вопросы решаются при СПЭ по делам о компенсации морального вреда?
3. Раскройте соотношение правовых и экспертно-психологических понятий при СПЭ по делам о компенсации морального вреда.

Раздел V
КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Глава 20
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• процессуально-правовые и теоретические основы КСППЭ;

уметь

• устанавливать пределы компетенции экспертов — психиатра и психолога - в различных видах КСППЭ в уголовном и гражданском процессах;

владеть

• представлениями о моделях интеграции психологических и психиатрических знаний в судебной экспертизе и навыками составления заключения комплексной экспертизы в соответствии с указанными моделями.

20.1. Теория комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Как видно из анализа предметных видов судебных экспертиз с участием психолога, практически каждый вид СПЭ в уголовном и гражданском процессах может быть проведен в форме КСППЭ, в которой совмещается деятельность судебно-психиатрического эксперта и эксперта-психолога (гл. 8 19). Более того, некоторые предметные виды экспертизы требуют обязательного или совместного применения психологических и психиатрических знаний (как, например, освещенная в гл. 9 учебника экспертиза ограниченной вменяемости) или, по крайней мере, производства судебно-психиатрической экспертизы, предшествующей СПЭ (к примеру,

освещенная в гл. 12 экспертиза возрастной невменяемости). Какими же отличительными признаками характеризуется КСППЭ?

Несмотря на многочисленные исследования в области теории КСППЭ, при их проведении судебно-психиатрические и судебно-психологические эксперты сталкиваются с множеством проблем. Наиболее значимая из них заключается в вопросе: каким образом осуществляется интеграция и где проходят границы дифференциации психиатрических и психологических знаний в комплексном исследовании? Необходимо отметить, что еще во многих случаях заключения КСППЭ оформляются либо как «механическая» сумма экспертных выводов психиатра и психолога (каждый из которых подписывает только свои ответы на вопросы судебно-следственных органов без должного учета выводов эксперта другой специальности), либо как «общие» выводы без указания того, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт — психиатр и психолог.

Когда в середине 80-х гг. прошлого века был впервые поставлен вопрос об особенностях комплексных экспертиз, то в качестве их отличительного признака (от экспертиз однородных) рассматривалась необходимость формулировки общего *интегративного* вывода при одновременном участии экспертов различной специальности. Из этого положения вытекало требование производства комплексной экспертизы только в тех случаях, когда: а) невозможно проведение последовательных однородных экспертиз (например, психологической после психиатрической), б) существуют вопросы, заведомо выходящие за пределы компетенции экспертов одной специальности. Следует заметить, что в то время ни в одном из процессуальных кодексов советских социалистических республик (кроме УПК Киргизской ССР) не содержалось понятия комплексных экспертиз, поэтому проблема основного признака комплексных экспертиз обсуждалась главным образом в теоретическом плане.

Реальная практика показывала, что большинство вопросов, решаемых в рамках КСППЭ (например, об аффекте, об ИПО обвиняемых), могло быть решено и путем проведения последовательных судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз. Кроме того, в рамках УК РСФСР 1960 г. судебно-следственные органы имели мало возможностей задавать вопросы, решение которых действительно требовало совместного применения психологиче-

ских и психиатрических знаний. Тем не менее следователи и судьи стали активно назначать КСППЭ в тех случаях, когда их интересовали вопросы, относящиеся и к компетенции психиатров, и к компетенции психологов.

До введения в действие УПК РФ, ГПК РФ и Закона о ГСЭД понятия «комплексная судебная экспертиза» в России в процессуальном плане не существовало. Однако вопросы теории КСЭ активно обсуждались в теоретическом плане, в основном при анализе криминалистических экспертиз[1].

В теории КСЭ стали различать следующие варианты взаимодействия экспертов разных специальностей:

1) *комплекс исследований в рамках одной экспертизы* (комплексно-вспомогательное исследование). Применительно к судебно-психиатрической экспертизе это ситуации, когда эксперт-психиатр при клинической диагностике и формулировании экспертных выводов использует данные нейрофизиологов, психологов, неврологов и других специалистов;

2) *комплекс экспертиз* (комплексно-кооперативное исследование) — эксперты разных специальностей исследуют один и тот же объект, учитывают выводы друг друга, но формулируют самостоятельные выводы в пределах своей компетенции. Например, в КСППЭ эксперт-психолог при диагностике аффекта у обвиняемого может учитывать судебно-психиатрические экспертные решения (о наличии того или иного психического расстройства, о способности осознавать фактический характер и общественную опасность инкриминируемых деяний и руководить ими), но сам вывод о наличии или отсутствии состояния аффекта всецело относится к компетенции психолога;

3) *комплексная экспертиза* (комплексно-интегративное исследование), основной особенностью которой является формулирование общего вывода на основе использования различных предметных специальных знаний.

К середине 1980-х гг. сформировались два основных подхода к определению КСЭ: «мягкий» (И. Л. Петрухин, Ю. К. Орлов, А. Р. Шляхов и др.), включающий в КСЭ как комплексно-кооперативный, так и комплексно-интегратив-

---

[1] *Шляхов А. Р.* Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985. С. 5–10.

ный типы исследований, и «жесткий» (Н. А. Селиванов, Ю. Г. Корухов, М. Н. Ростов и др.), рассматривающий в качестве КСЭ только комплексно-интегративное исследование.

20.2. От теории комплексных судебных экспертиз к практике

В постановлении Пленума ВС СССР от 16.03.1971 № 1[1], в Инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 22.07.1986, утвержденной Минюстом СССР, Генеральной прокуратурой СССР, МВД СССР и Минздравом СССР, в качестве основного признака КСЭ также рассматривается необходимость формулировать общий вывод при одновременном участии экспертов различных специальностей, обладающих отличными друг от друга специальными знаниями.

Из этих документов, если следовать им буквально, вытекало требование производства комплексной экспертизы только в тех случаях, когда: а) невозможно проведение последовательных однородных экспертиз, б) существуют вопросы, заведомо выходящие за пределы компетенции экспертов одной специальности и требующие интегративного ответа.

В теории КСППЭ также сформировалось два подхода к определению КСЭ с участием психолога и психиатра: «мягкий»[2], согласно которому комплексной является экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты различных специальностей (без указания на необходимость всегда формулировать общий вывод экспертами различных специальностей), и «жесткий»[3], в качестве главного признака КСППЭ выделяющий «интегративную» оценку психологами и психиатрами психической деятельности подэкспертных лиц и формулирование «общего (единого)» ответа на вопросы судебно-следственных органов.

Что же происходило на практике? На чем было основано взаимодействие органа или лица, назначающего КСППЭ, с экспертами – психиатрами и психологами?

---

[1] Документ утратил силу

[2] *Сафуанов Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998.

[3] *Кудрявцев И. А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1999.

20.3. Практика комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

С 80-х гг. прошлого века наблюдается устойчивый рост количества назначаемых КСППЭ. В настоящее время в стране проводится около 50 тыс. таких экспертиз, что составляет чуть меньше трети от всех проводимых в России судебно-психиатрических экспертиз. Этот рост был связан не только с теоретическими достижениями в области КСЭ, но и с прагматическими соображениями.

Во-первых, вместо последовательного проведения двух экспертиз (судебно-психиатрической и судебно-психологической) однократное проведение КСППЭ существенно повышало рентабельность и экономичность производства экспертизы и сокращало сроки следствия.

Во-вторых, до последнего времени[1] практически не существовало государственных бюджетных судебно-психологических экспертных учреждений, тогда как ставки психологов были предусмотрены во всех СПЭУ.

В-третьих, КСППЭ, в отличие от однородной СПЭ (которая проводится только амбулаторно), позволяла обследовать подэкспертного в стационарных условиях, что повышало надежность экспертных психологических выводов.

При этом проводимые в стране КСППЭ с точки зрения теории КСЭ в основном можно было отнести к «комплексу экспертиз в рамках одной экспертизы» без формулировки «интегративного вывода», за редким исключением (КСППЭ суицидентов). Например, в КСППЭ аффекта психиатр определял диагноз и «способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими», психолог — особенности личности и «аффект»; в КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых психиатр определял отсутствие душевного заболевания, а психолог — «умственную отсталость, не связанную с душевным заболеванием» и «способность полностью сознавать значение своих действий» (ст. 392 УПК РСФСР 1960 г.). Таким образом, возникло определенное противоречие между теорией и практикой: следователи и судьи стали назначать КСППЭ, опираясь не на представление о необходимости «интегративных» выводов экспертов разных специальностей, а во всех случаях, когда их интере-

---

[1] В системе Минюста России СПЭ официально существует только с 2003 г.

совали вопросы, относящиеся и к компетенции психиатров, и к компетенции психологов.

Именно анализ сложившейся к концу XX в. практики КСППЭ и привел к тому, что в составленном Ф. С. Сафуановым и С. Н. Шишковым (под ред. Т. Б. Дмитриевой) «Положении о производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского» (утвержденном 14 мая 1998 г., согласованном с Прокуратурой г. Москвы 12 мая 1998 г.), в противовес постановлению Пленума ВС СССР от 16.03.1971 № 1 и Инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 22.07.1986, было закреплено «мягкое» определение КСППЭ: «...КСППЭ назначается в случаях, когда при производстве по уголовному или гражданскому делу в рамках одной экспертизы требуются специальные знания в психологии и психиатрии».

20.4. Процессуальный статус комплексных судебных экспертиз

С введением в действие УПК РФ, ГПК РФ и Закона о ГСЭД в начале века фокус внимания сместился с вопросов теории к решению процессуальных и вытекающих из них методологических проблем КСЭ, в том числе и КСППЭ. В этих законодательных актах впервые были закреплены нормы, регулирующие производство комплексных экспертиз.

УПК РФ

Статья 201. Комплексная судебная экспертиза

1. Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной.

2. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

ГПК РФ

Статья 82. Комплексная экспертиза

1. Комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания или

с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания.

2. Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам. По результатам проведенных исследований эксперты формулируют общий вывод об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами. Эксперты, которые не участвовали в формулировании общего вывода или не согласны с ним, подписывают только свою исследовательскую часть заключения.

В ч. 1 ст. 201 УПК РФ указывается, что «судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной». Часть 1 ст. 82 ГПК РФ несколько расширяет понятие различных компетенций экспертов: «Комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания».

В УПК РФ (ч. 2 ст. 201) акцентируется внимание на то обстоятельство, что при производстве КСЭ эксперт действует в пределах своей компетенции: «В заключении экспертов... указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт... подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность». В ч. 2 ст. 82 ГПК РФ во главу угла ставится возможность выработки интегративного вывода: «По результатам проведенных исследований эксперты формулируют общий вывод об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами. Эксперты, которые не участвовали в формулировании общего вывода... подписывают только свою исследовательскую часть заключения».

Наиболее удачной, не противоречащей УПК РФ и ГПК РФ, представляется формулировка ст. 23 Закона о ГСЭД: «При производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (далее — комплексная экспертиза) каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний. В заключении экспертов... указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт... подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Общий

вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода...»

Применительно к КСППЭ эти законодательные нормы конкретизированы в приказе Минздрава России от 12.08.2003 № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе». Согласно данному приказу процессуальный статус КСППЭ позволяет в экспертном заключении формулировать как интегративные (синтезирующие) выводы, так и выводы эксперта одной специальности. В первом случае формулируются выводы комплексного исследования, входящие в совместную компетенцию экспертов разных специальностей, а во втором — выводы, которые входят в компетенцию эксперта лишь одной специальности.

Как видно, современное процессуальное определение КСЭ реализует «мягкий» подход, рассмотренный нами при обсуждении теории комплексных экспертиз.

20.5. Подходы к взаимодействию психолога и психиатра в комплексной экспертизе

Интересно, что закрепленные в процессуальном законодательстве положения о взаимодействии экспертов разных специальностей при производстве КСЭ соответствуют одному из принципов судебной экспертологии, сформулированных А. И. Винбергом и Н. Г. Малаховской еще в 1979 г., — принципу диалектического единства интеграции и дифференциации предметных экспертных наук[1]. Применительно к КСППЭ можно отметить, что подход к интеграции психологических и психиатрических знаний заключается в совместном экспертном исследовании юридических критериев (например, ограничения способности обвиняемого или нарушения способности истца, оспаривающего совершенную им сделку, к осознанной регуляции юридически значимых действий). Дифференциация специальных знаний психолога и психиатра проявляется в разведении психопатологических факторов (определение которых является компетенцией психиатра), влияющих на юридически значимые способности подэкспертных (например, на способность оказывать сопротивление или давать показания), и факторов эмоцио-

[1] См. гл. 5 настоящего учебника.

нальных, личностных и возрастных (установление которых входит в компетенцию психолога).

20.6. Модели интеграции судебно-психологических и судебно-психиатрических знаний

Отсутствие интегративных ответов. Каждый из вопросов, поставленных перед экспертами, входит в компетенцию судебного эксперта только одной специальности, поэтому ответы психологов и психиатров на вопросы практически не пересекаются. Например, при выводе экспертов-психиатров об отсутствии психического расстройства у обвиняемого и его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими возможно решение эксперта-психолога о наличии у подэкспертного состояния аффекта в момент совершения правонарушения. Как видно, в подобных случаях интеграция психологических и психиатрических знаний отсутствует (рис. 20.1).

Эксперт-психиатр ——→ Ответы на вопросы, входящие в компетенцию психиатра

Эксперт-психолог ——→ Ответы на вопросы, входящие в компетенцию психолога

Рис. 20.1. **Отсутствие интегративных выводов при производстве КСППЭ**

Последовательное комплексирование. Эта модель описывает ситуации, когда ответить на вопросы, поставленные перед психологом, невозможно без знания диагностического и экспертного решения психиатра. Типичным примером такого последовательного комплексирования психологических и психиатрических знаний является ответ на вопросы, имеющие значение для судебной квалификации ч. 3 ст. 20 УК РФ: «Имеется ли у несовершеннолетнего обвиняемого отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством? Мог ли он вследствие этого отставания во время совершения инкриминируемого ему деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими?» Ясно, что установление психологом отставания в психическом разви-

тии обвиняемого, которое не связано с психическим заболеванием, требует обязательного учета диагностического решения судебно-психиатрического эксперта. Поэтому такое отставание не может быть определено в рамках однородной СПЭ, за исключением случаев, когда психологической экспертизе предшествовала судебно-психиатрическая (рис. 20.2).

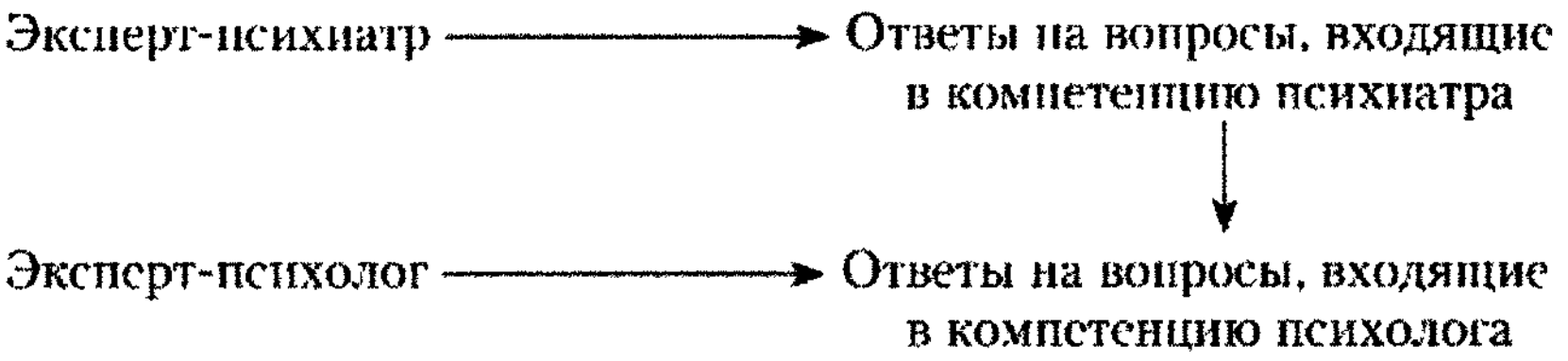


Рис. 20.2. **Последовательное комплексирование при производстве КСППЭ**

Последовательно-параллельное комплексирование. Предметом совместного применения знаний в психологии и психиатрии является юридический критерий. Так, при КСППЭ свидетелей нарушение способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, или давать о них показания могут быть обусловлены фактором психического расстройства (компетенция психиатра) или психологическими факторами — особым эмоциональным состоянием, непатологическими особенностями познавательных процессов, уровнем возрастного психического развития (компетенция психолога). Аналогичным образом можно устанавливать причины нарушения способности понимать характер и значение действий сексуального насильника или оказывать сопротивление при КСППЭ потерпевших.

Особое значение данная модель имеет для КСППЭ способности подэкспертного к совершению сделки (ст. 177 ГК РФ)[1]. Так, нарушение способности подэкспертного понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки может быть обусловлено фактором психического расстройства (компетенция психиатра) или психологическими факторами — особым эмоциональным состоянием, непатологическими особенностями

[1] См. гл. 17 настоящего учебника.

познавательных процессов, особенностями взаимодействия с контрагентом при совершении сделки (компетенция психолога). В этих случаях первоначально в процессе экспертизы указанные психопатологические и психологические факторы исследуются психиатрами и психологами параллельно. При диагностике психиатрами выраженного психического расстройства (психоза, выраженной умственной отсталости) для определения неспособности к осознанно-волевой регуляции своих действий при совершении сделки в принципе достаточно специальных знаний в психиатрии. В случае же диагностики у подэкспертного умеренно или мало выраженного психического расстройства роль психологического исследования резко возрастает: такие психические расстройства (в отличие от деменции, параноидной шизофрении, выраженной умственной отсталости) не могут непосредственно и прямо определять нарушение способности к саморегуляции, они опосредуются личностными факторами, сформировавшимися под влиянием заболевания. В механизме совершения гражданско-правового действия, нарушающего способность гражданина к свободному выбору действия, решающее значение имеет взаимодействие ИПО, обусловленных психическим расстройством, с конкретной ситуацией. Поэтому в этих случаях совместное экспертное исследование психолога и психиатра касается анализа юридически значимой способности понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки. При отсутствии же у подэкспертного психического расстройства в период совершении сделки психолог может выявить возможные психологические причины нарушения этой способности или констатировать ее сохранность.

Аналогичная модель интеграции психологических и психиатрических знаний применяется и в КСППЭ по делам о воспитании ребенка при раздельном проживании родителей[1].

В целом при определении психиатрами наличия психического расстройства у подэкспертного лица совместное экспертное решение психолога и психиатра касается только анализа того или иного из названных юридически значимых способностей, а при отсутствии психического расстройства — анализа не только юридически значимой способности, но и возможных психологических причин нарушения этих способностей, т.е. на последнем этапе комплексирова-

---

[1] См. гл. 18 настоящего учебника.

ние психологических и психиатрических знаний является уже последовательным (рис. 20.3).

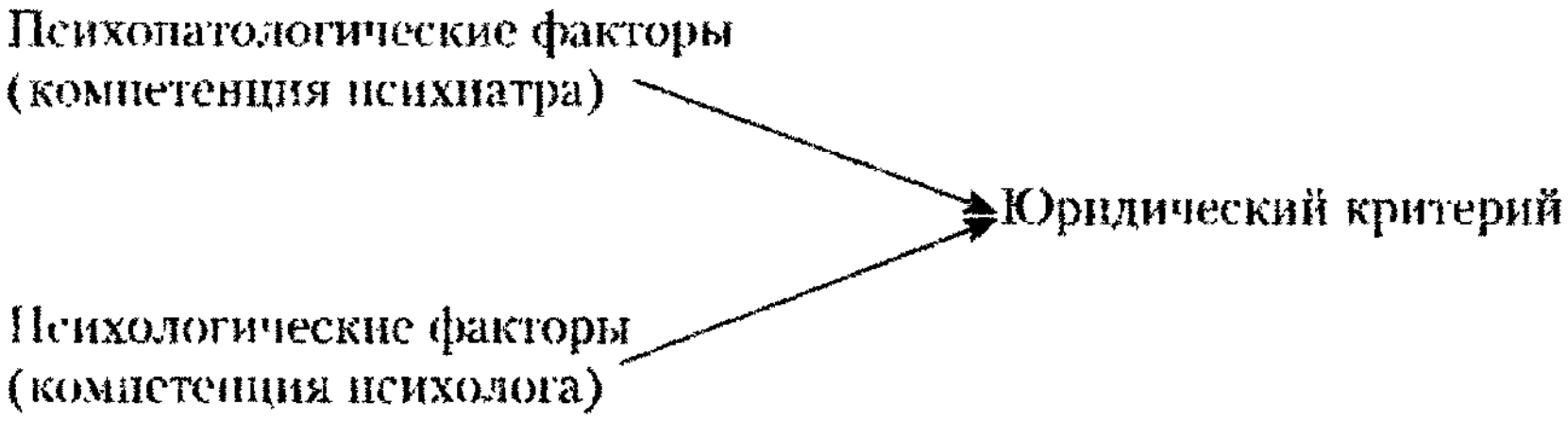


Рис. 20.3. **Последовательно-параллельное комплексирование при производстве КСППЭ**

Параллельное комплексирование. Этот вариант комплексного использования психиатрических и психологических знаний может применяться при оценке ограниченной способности обвиняемого к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости (что имеет значение для применения ч. 1 ст. 22 УК РФ), и его общественной опасности (что является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, сопряженного с исполнением наказания, в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ). При определении ограниченной вменяемости судебно-экспертная оценка учитывает не только структуру психического расстройства, но требует также анализа ситуативных и личностных факторов. Очевидны преимущества комплексной психолого-психиатрической оценки, поскольку ограниченная вменяемость у обвиняемого чаще всего является следствием совокупного влияния психической аномалии, уровня психического развития, личностных особенностей, эмоционального состояния, которые в криминальном поведении нередко опосредуются алкогольной интоксикацией, групповой динамикой, определенными ситуативными требованиями.

В этих случаях при производстве КСППЭ в экспертный вывод психиатра о способности обвиняемого в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в неполной мере вследствие психического расстройства может интегрироваться и использоваться при его обосновании вывод эксперта-психолога о существенном влиянии личностных особенностей обвиняемого на его криминальное поведение (рис. 20.4).

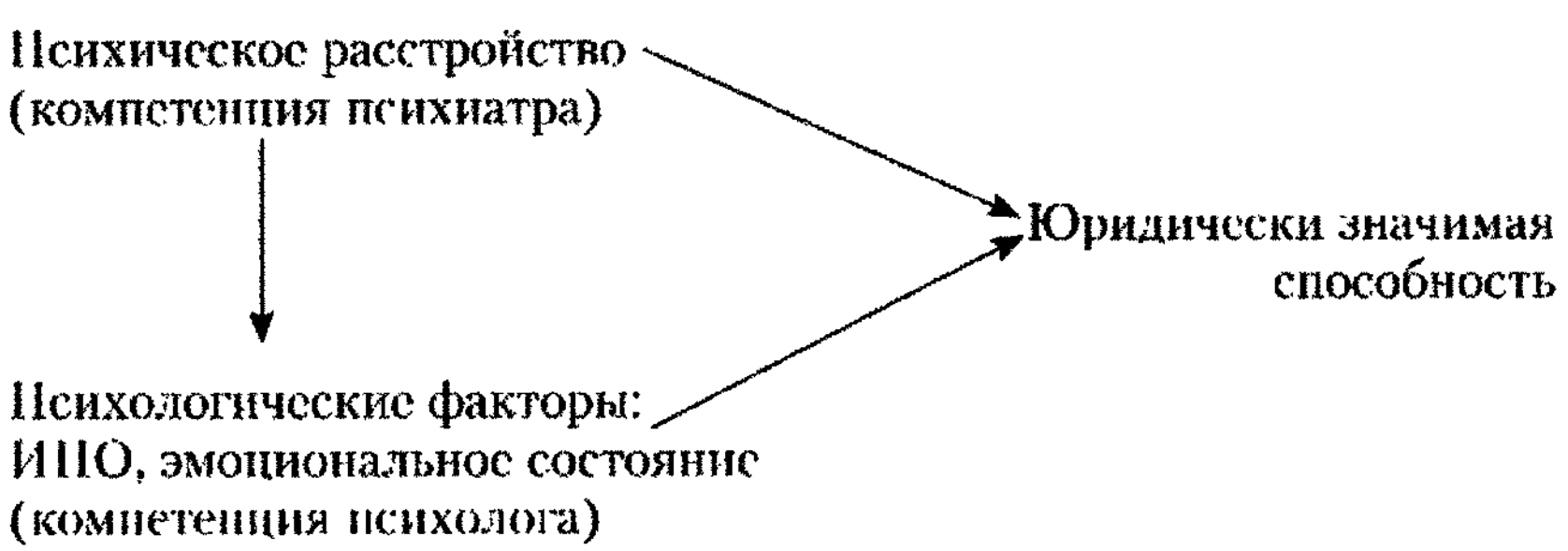


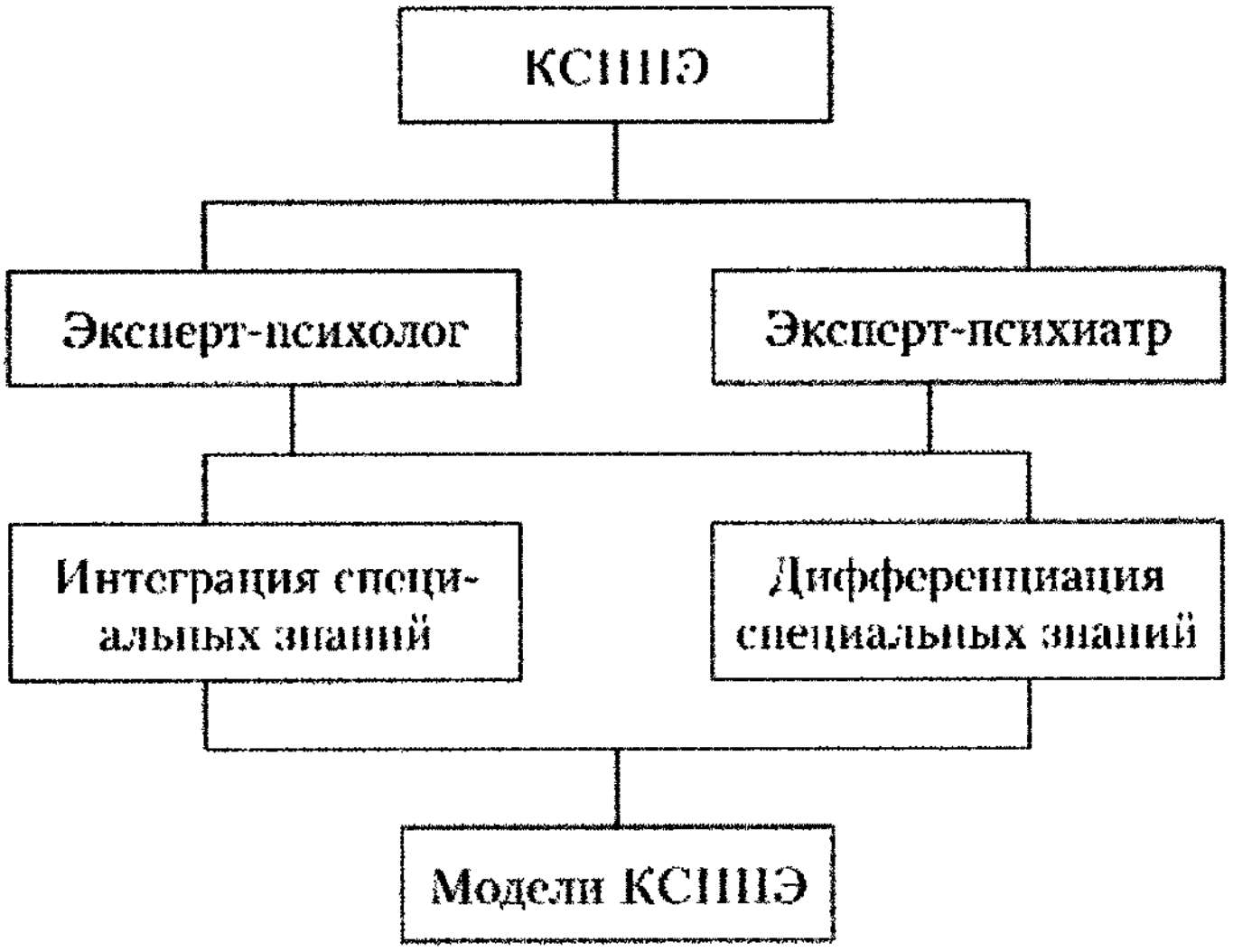
Рис. 20.4. **Параллельное комплексирование при производстве КСППЭ**

В качестве конкретных примеров из практики КСППЭ можно привести следующие выдержки из заключения экспертов.

«...Анализ материалов уголовного дела и данных настоящего клинико-психологического исследования выявил у подэкспертного следующие ИПО (приводятся личностные особенности). Данные ИПО сформировались вследствие психического расстройства (указывается диагноз) и оказали существенное влияние на осознанно-волевую регуляцию поведения в юридически значимой ситуации, ограничив его способность осуществлять адекватную смысловую оценку своих действий, контролировать их и прогнозировать их возможные последствия. Таким образом, вследствие (указывается диагноз) подэкспертный не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими при совершении инкриминируемого ему деяния».

«...Как следует из материалов уголовного дела и данных настоящего комплексного клинико-психологического обследования, в период времени, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния <...> такие проявления психических расстройств подэкспертного, как аффективная ригидность, склонность к застреванию на отрицательных переживаниях <...> определили сужение интеллектуально-волевого контроля поведения. Поэтому имеющиеся у него психические расстройства, с учетом констатированного экспертом-психологом существенного влияния на поведение подэкспертного ИПО в совокупности с характеристиками актуального психологического состояния, ограничивали его возможность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими».

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие подходы к определению комплексных экспертиз рассматриваются в теории судебной экспертологии?
2. В чем специфика определений КСЭ в уголовно-процессуальном и гражданском процессуальном законах?
3. Раскройте модели интеграции психологических и психиатрических знаний при производстве КСЭ.

Глава 21
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

- организационно-правовые основы КСППЭ;

уметь

- составлять заключение КСППЭ в соответствии с процессуальным законодательством;

владеть

- представлениями о роли эксперта-психолога при производстве КСППЭ.

21.1. Ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Они касаются в основном неправильного определения вида экспертизы — однородной или комплексной.

При ***определении вида экспертизы*** (назначать СПЭ или КСППЭ) можно выделить следующие основные ***ошибочные варианты:***

1) следователем или судом назначается КСППЭ, когда достаточно назначить однородную судебно-психиатрическую экспертизу. В результате в заключении экспертизы даются ответы только на вопросы, входящие в компетенцию психиатра, и утрачивают свое значение вопросы, требующие специальных знаний в психологии. Например, обвиняемый совершил преступление под влиянием галлюцинаторных переживаний или бредовых мотивов и по результатам КСППЭ признан невменяемым. Такого рода экспертные решения встречаются примерно в 20% случаев. Конечно,

далеко не всегда можно при назначении экспертизы предугадать, какие решения примут эксперты, но ряд таких случаев был достаточно очевиден — например, обвиняемый в убийстве нескольких человек давно болен шизофренией, неоднократно перенес бредовые приступы (что подтверждается медицинской документацией), а следователь необоснованно назначил КСППЭ;

2) следователем или судом назначается КСППЭ, но в постановлении (определении) отсутствуют вопросы, относящиеся к компетенции эксперта-психолога. В каждом десятом документе о назначении КСППЭ не содержится вопросов к психологам. С какой же целью в таком случае назначается не судебно-психиатрическая, а комплексная экспертиза? Скорее всего, во многих случаях происходит элементарная путаница из-за незнания следователем специфики КСППЭ по сравнению с судебно-психиатрической экспертизой. Этому способствуют и некоторые публикации, в которых преувеличивается роль КСППЭ, ошибочно утверждается, что юридический критерий вменяемости-невменяемости должен устанавливать эксперт-психолог;

3) следователем или судом назначается судебно-психиатрическая экспертиза, но в постановлении (определении) содержатся вопросы, которые не входят в компетенцию эксперта-психиатра, но относятся к компетенции эксперта-психолога. Такие случаи более редки, чем вышеописанные, но они также встречаются. Здесь очевидна ошибка при выборе вида экспертизы – следователя интересуют обстоятельства, входящие в компетенцию эксперта-психолога, но он не различает его компетенцию и компетенцию психиатра и неверно полагает, что психиатр может решить вопросы об аффекте, ИПО и т.п. Бывает перепутана даже компетенция психолога и сексолога — известны случаи, когда в постановлении о назначении сексолого-психиатрической экспертизы были сформулированы вопросы только к психиатру и психологу;

4) следователем или судом назначается судебно-психиатрическая экспертиза. В постановлении (определении) все вопросы сформулированы правильно, все они входят в компетенцию эксперта-психиатра. Но при первичном осмотре подэкспертного, при ознакомлении с материалами уголовного дела и медицинской документацией эксперты-психиатры сами приходят к выводу, часто после консультаций

с психологом, что в данном случае существуют обстоятельства, имеющие значение для дела, установление которых входит в компетенцию эксперта-психолога, но по поводу которых вопросы поставлены не были. Здесь ошибка следователя совсем другого рода, чем в предыдущем случае: он не путает компетенцию психиатра и психолога, он неверно оценивает следственно-экспертную ситуацию и не видит обстоятельств, требующих комплексного экспертного исследования. Наиболее часты ошибки, связанные с необходимостью квалификации деяния по ст. 107, 113 УК РФ, т.е. отсутствует вопрос об аффекте;

5) наконец, целый ряд КСППЭ назначается в тех случаях, когда можно было ограничиться однородной СПЭ. В ошибочных постановлениях и определениях примерно в одном случае из 70 при назначении КСППЭ и судебно-психиатрической экспертиз формулируются вопросы, входящие в компетенцию только психолога. Гораздо больше случаев, когда при формально верном оформлении документа о назначении КСППЭ можно было бы ограничиться однородной СПЭ. Например, обвиняемой в убийстве своего мужа назначена третья повторная КСППЭ из-за сомнений суда в экспертном установлении состояния аффекта в момент убийства. Все три предыдущие КСППЭ, проведенные в разных экспертных учреждениях, пришли к однозначному мнению, что обвиняемая представляет собой психопатическую личность истеровозбудимого круга, способна осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, но на двух экспертизах был диагностирован аффект, а на третьей — сделан вывод об его отсутствии. В данном случае очевидна необходимость производства не КСППЭ, а только СПЭ.

При всем разнообразии рассматриваемых ситуаций можно допустить две крайние позиции при их решении. Первая из них исходит из формального положения о том, что каждый раз должен проводиться тот вид экспертизы, который назначен. Вторая позиция основана на том, что каждый раз должен проводиться тот вид экспертизы, который действительно необходим.

В подобных ситуациях необходимо руководствоваться не формальными основаниями, а принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Этим принципом должны руководствоваться все участву-

ющие в уголовном процессе лица, в том числе и эксперты. Согласно этому принципу эксперты должны ответить на все поставленные перед ними вопросы (при условии, что их решение входит в компетенцию эксперта и что предоставленные материалы позволяют сделать это), а также могут дать заключение по обстоятельствам, по которым вопросы не ставились.

Поэтому в п. 4 Методических рекомендаций об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации, утвержденных на 19-м заседании Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебной экспертизе и экспертным исследованиям 13 декабря 2007 г., закреплено положение: «В случаях, когда при ознакомлении с представленными на исследование материалами либо в ходе производства отдельных экспертиз выявлена необходимость проведения комплексной экспертизы, ее производство организуется руководителем учреждения». Аналогичное положение содержится в п. 7 Инструкции об организации производства судебно-психиатрических экспертиз в отделениях судебно-психиатрической экспертизы государственных психиатрических учреждений, утвержденной приказом Минздравсоцразвития России от 30.05.2005 № 370: «Руководитель обязан: при получении постановления или определения о назначении экспертизы поручить ее производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы».

21.2. Роль психолога при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Роль психолога в производстве КСППЭ несколько шире, чем при проведении СПЭ. Для того чтобы четко очертить функции психолога в комплексной экспертизе, рассмотрим взаимодействие в ней психолога и психиатра.

Заметим, что при проведении судебно-психиатрической экспертизы психолог не выступает в роли эксперта — экспертом, решающим вопросы следственных и судебных органов, здесь является только психиатр (см. гл. 3 учебника). В судебно-психиатрической экспертизе для обоснования

клинического диагноза обычно применяют широкий спектр дополнительных параклинических исследований, привлекая при необходимости к обследованию подэкспертных специалистов — неврологов, электрофизиологов, биохимиков, рентгенологов и др., в том числе и медицинских психологов. Медицинский психолог оказывает эксперту-психиатру консультативную помощь для правильного решения диагностических и экспертных вопросов, относящихся к компетенции судебной психиатрии. Для этого проводится ЭПИ познавательных процессов и личностных особенностей подэкспертного, по данным которого составляется письменное заключение. Оно может помочь врачу более точно установить медицинский диагноз и ответить на вопросы судебно-следственных органов[1] (рис. 21.1). Очевидно, что в проведении судебно-психиатрической экспертизы может принимать участие психолог, не обладающий специальными знаниями в судебной психологии, но владеющий знаниями, навыками и умениями в медицинской психологии. Заключение по данным ЭПИ сохраняется в истории болезни, а отдельные его положения могут быть использованы в заключении судебно-психиатрической экспертизы для обоснования диагноза или решения экспертных вопросов.

Рис. 21.1. **Взаимодействие психолога с экспертом-психиатром при производстве судебно-психиатрической экспертизы**

При проведении однородной СПЭ психолог выступает как самостоятельный эксперт. Он проводит ЭПИ, в котором больший удельный вес обычно имеют методы, направленные на исследование личности, а не познавательных процессов (памяти, мышления, внимания). Кроме того, он обязательно проводит тщательный психологический анализ материалов уголовного или гражданского дела, приобщенных к нему

[1] См. гл. 3 настоящего учебника.

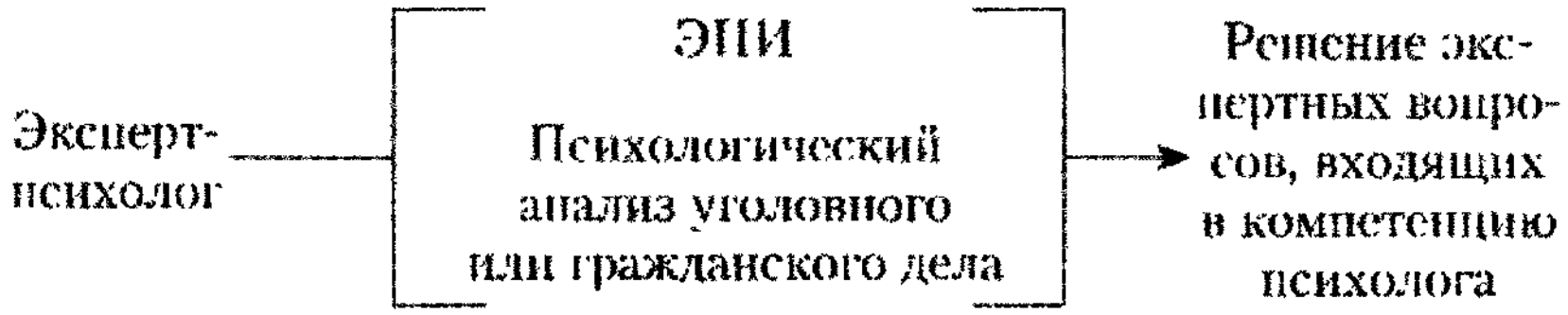


Рис. 21.2. **Функции психолога при производстве судебно-психологической экспертизы**

материалов (в первую очередь — медицинской документации). Ответы на вопросы, интересующие суд и следствие, базируются на сопоставительном анализе экспериментальных данных и результатов психологического анализа документов (рис. 21.2).

В КСППЭ психолог выступает сразу в двух ролях. На первом этапе производства комплексной экспертизы он проводит ЭПИ, из которого психиатр-эксперт извлекает данные, имеющие значение для установления психиатрического диагноза и решения экспертных психиатрических вопросов. В тех случаях когда эксперт-психиатр не находит у подэкспертного лица какого-либо психического расстройства или обнаруженное психическое расстройство не привело к нарушению юридически значимых способностей (например, обвиняемый признан способным «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»), эксперт-психолог использует ЭПИ наряду с психологическим анализом материалов уголовного или гражданского дела для ответов на вопросы судебно-следственных органов, относящиеся к его компетенции (рис. 21.3).

Рис. 21.3. **Взаимодействие эксперта-психолога с экспертом-психиатром при производстве КСППЭ**

21.3. Форма и структура заключения экспертов

Применительно к КСПЭ конкретно формальную структуру заключения экспертизы задаст приказ Минздрава России от 12.08.2003 № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе». Согласно данному приказу утверждены отраслевая учетная форма № 100/у-03 «Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов)» и Инструкция по заполнению отраслевой учетной формы, т.е. в соответствии с Законом о ГСЭД на ведомственном уровне регламентируется структура экспертного заключения, в том числе и КСПЭ.

В соответствии с законодательством и ведомственными документами *заключение по итогам судебной экспертизы состоит из трех частей: вводной, исследовательской, выводов.*

Во *введении* формулируется наименование экспертизы, эксперты других специальностей указываются в числе членов комиссии.

Исследовательская часть каждого из взаимодействующих экспертов в полном объеме выделяется особо и подписывается экспертом, ответственным за ее составление. Эта часть традиционно состоит из двух частей: анамнеза и описания соматического, неврологического и психического состояния (статуса).

Допускается приведение не только анамнеза заболевания, но и сведений о жизни подэкспертного, имеющих значение для формулирования экспертных выводов, которые входят в компетенцию эксперта-психолога или в совместную компетенцию экспертов — психиатра и психолога (клинико-психологический анамнез). В этом случае анамнез подписывается всеми участвующими в экспертизе специалистами.

В разделе, отражающем статус подэкспертного, в полном объеме должны быть представлены результаты ЭПИ подэкспертного, при этом должны быть указаны все методы (беседа, наблюдение, экспериментальные методики), использованные при обследовании. При этом эксперт-психолог подписывает только эту часть заключения.

Выводы комиссии экспертов при проведении КСПЭ могут быть двух видов.

Во-первых, *выводы эксперта одной специальности.* Это, к примеру, ответы на вопросы о наличии или отсутствии состояния аффекта у обвиняемого, его ИПО, которые, как

очевидно, входят в компетенцию эксперта лишь одной специальности — психологии. В этом случае эксперт-психолог формулирует самостоятельный вывод, который подписывается только им. При этом каждый из экспертов, участвующий в производстве КСППЭ, при обосновании собственных выводов может опираться на данные, полученные в ходе исследования или на выводы, сформулированные экспертом другой специальности, при условии, что данное обстоятельство будет отмечено им в экспертном заключении.

Во-вторых, по итогам КСППЭ могут формулироваться *интегративные, или синтезирующие, выводы, входящие в компетенцию и психиатра, и психолога.* Например, это ответ на вопрос о наличии у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, которое обусловливает способность не в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими при совершении правонарушения. Такие выводы подписываются и экспертами-психиатрами, и экспертами-психологами.

21.4. Состав экспертной комиссии при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

В настоящее время сложившаяся практика определяет состав экспертной комиссии при проведении стационарных и амбулаторных КСППЭ в количестве четырех человек — к трем членам судебно-психиатрической экспертной комиссии[1] добавлен эксперт-психолог (в суде КСППЭ может проводиться одним психологом и одним психиатром). Такое соотношение, несмотря на то что эксперты-психологи и эксперты-психиатры обладают равными правами и несут равные обязанности, определенные УПК РФ и ГПК РФ, может создавать некоторый перекос в профессиональных взаимоотношениях экспертов разных специальностей. Часто получается, что «все эксперты равны, но эксперты-психиатры равны больше».

---

[1] «Правило трех экспертов» как методический принцип закреплено в документе «Протокол ведения больных. Судебно-психиатрическая экспертиза», утвержденном Минздравсоцразвития России 23 мая 2005 г.

Как показывает практика КСППЭ, значительный круг экспертных решений требует совместной компетенции психологов и психиатров и поэтому более объективному, всестороннему и полному исследованию всех обстоятельств дела в таких случаях будет способствовать включение в состав экспертной комиссии по крайней мере двух психологов — членов комиссии. Сейчас к такому соотношению прибегают только в исключительных случаях, сложных в диагностическом и экспертном отношении (п. 10 Положения о производстве Комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского). Между тем уже в настоящее время созданы необходимые предпосылки формирования состава комиссии КСППЭ по формуле «3 эксперта-психиатра плюс 2 эксперта-психолога». В приказе Минздрава России от 19.05.2000 № 165 «О медицинском психологе в судебно-психиатрической экспертизе» количество медицинских психологов амбулаторных и стационарных судебно-психиатрических отделений по штатным нормативам увеличивается в четыре раза (по сравнению с приказом Минздрава РСФСР от 28.08.1992 № 240, где была определена одна должность психолога на 1000 проводимых комиссией экспертиз в год).

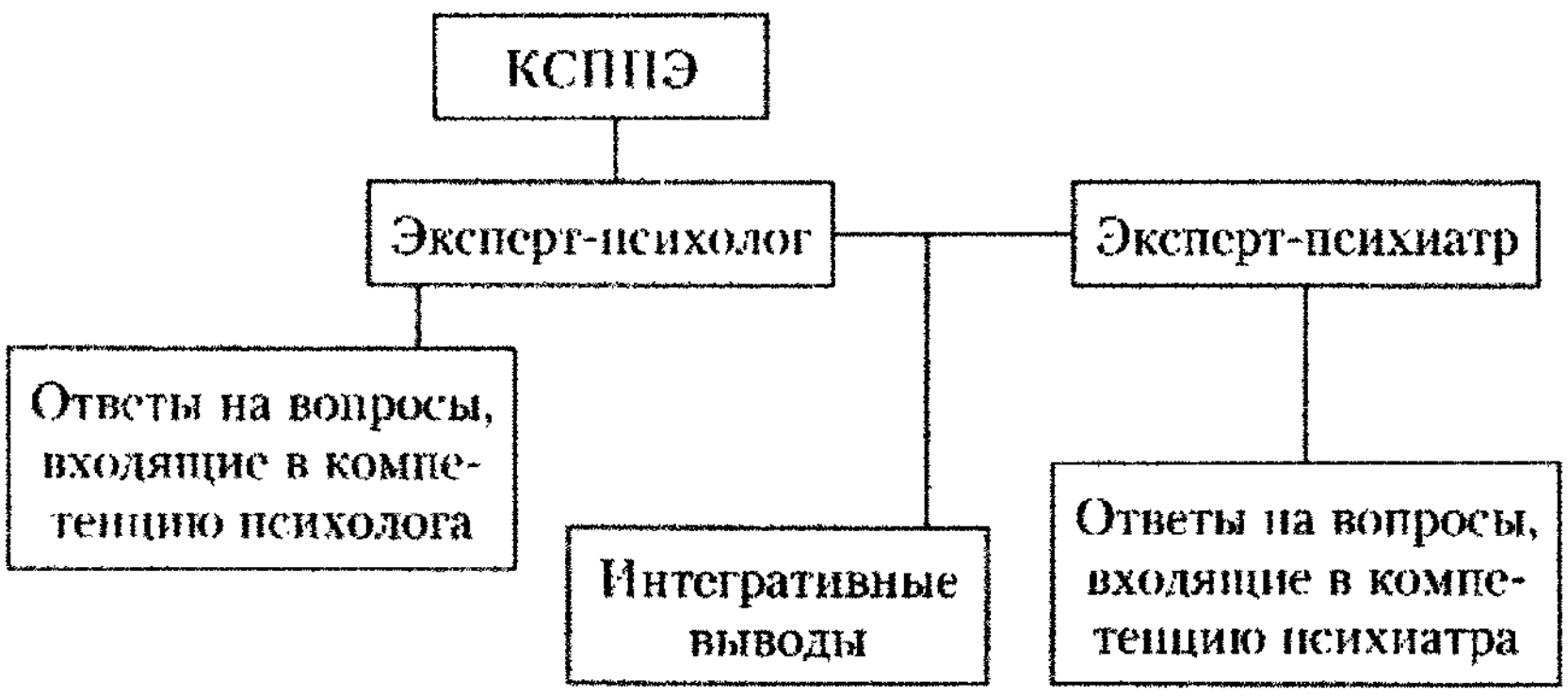
21.5. Нормы нагрузки эксперта-психолога при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Существует пособие «О должностных обязанностях и нормативах нагрузки психолога амбулаторных судебно-психиатрических экспертных комиссий и отделений стационарной судебно-психологической экспертизы» (М., 2000), которое является дополнением к приказу Минздрава России от 19.05.2000 № 165. Согласно данному документу медицинский психолог амбулаторной комиссии может провести 200 ЭПИ в год при производстве однородной судебно-психиатрической экспертизы. Как показал хронометраж, психолог, привлеченный в качестве эксперта для производства КСППЭ, затрачивает в два раза времени больше, чем при работе в качестве патопсихолога (медицинского психолога) в однородной судебно-психиатрической экспертизе. Таким образом, норма нагрузки психолога может быть исчислена исходя из того, что его экспертная работа при про-

ведении КСППЭ принимается за два ЭПИ при проведении судебно-психиатрической экспертизы. Иными словами, одним психологом за год может быть проведено, к примеру, 20 КСППЭ и 160 ЭПИ; 40 КСППЭ и 120 ЭПИ; 60 КСППЭ и 80 ЭПИ; 80 КСППЭ и 40 ЭПИ; только 100 КСППЭ.

Аналогично подсчитывается норма нагрузки медицинского психолога и при производстве стационарной экспертизы, только в этом случае суммарная норма нагрузки составляет 160 ЭПИ при проведении однородной судебно-психиатрической экспертизы в год. Легко подсчитать, что если психолог проводит, например, 20 КСППЭ, то он должен провести 120 ЭПИ; если 40 КСППЭ – то 80 ЭПИ; если 60 КСППЭ – то 40 ЭПИ; если 80 КСППЭ – то 0 ЭПИ.

Ключевые понятия (тезаурус)



Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие типичные ошибки встречаются при назначении КСППЭ?
2. Сопоставьте роль психолога при производстве судебно-психиатрической, судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз.
3. Какова структура заключения КСППЭ?

Глава 22
ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБВИНЯЕМЫХ

В результате изучения главы обучающийся должен:

знать

• психопатологические и психологические факторы, ограничивающие осознанную волевую регуляцию криминального поведения;

уметь

• соотносить варианты судебно-экспертных психиатрических и психологических оценок;

владеть

• представлениями о компетенции эксперта-психиатра и эксперта-психолога при проведении КСППЭ обвиняемого.

22.1. Психопатологические и психологические факторы, ограничивающие осознанную волевую регуляцию криминального поведения

Анализ предметных видов СПЭ и КСППЭ обвиняемых (см. разд. III учебника) показывает, что ограничение их способности в полной мере осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий либо руководить ими может быть следствием как психопатологических, так и психологических (не достигающих психопатологического уровня) факторов.

Обусловленность ограничения анализируемой юридически значимой способности каким-либо психическим расстройством (медицинским критерием) рассматривается в рамках судебно-психиатрической экспертизы, учитывается судом при назначении наказания и может служить основа-

нием для назначения принудительных мер медицинского характера.

В компетенцию СПЭ входит исследование влияния ненатологических психологических факторов на возможность обвиняемого адекватно осознавать и произвольно регулировать свое поведение. Констатация существенного влияния личностного фактора (ИПО) на криминальное поведение значима для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности. Установление влияния эмоционального фактора важно для квалификации «аффекта» (внезапно возникшего сильного душевного волнения) у обвиняемого (что имеет значение для квалификации деяния по ст. 107 и 113 УК РФ) или «повышенного эмоционального напряжения, вызванного психотравмирующей ситуацией» у матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка (что играет роль при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ). Когда причиной ограничения способности к осознанию и регуляции поведения выступает фактор психического недоразвития (не связанный с психическим расстройством), лицо, совершившее правонарушение, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ.

22.2. Варианты судебно-экспертных клинико-психологических оценок

Варианты экспертных оценок, применяемых в КСППЭ совершеннолетних обвиняемых в агрессивных преступлениях, можно представить в виде следующей схемы (табл. 22.1). В рамках КСППЭ возможно установление четырех обобщенных групп клинико-психологических экспертных оценок.

Аффект. Экспертная оценка психического состояния обвиняемого в момент совершения преступления как аффекта (экспертного понятия, синонимичного «внезапно возникшему сильному душевному волнению» по смыслу ст. 107, 113 УК РФ) возможна при нескольких вариантах психологических механизмов криминальной агрессии[1].

---

[1] Подробнее о психологических механизмах криминальной агрессии см.: *Сафуанов Ф. С.* Психология криминальной агрессии. М. : Смысл. 2003.

Таблица 22.1

Варианты клинико-психологических экспертных решений

1	Экспертная оценка	Ситуация	Диагноз	Механизм агрессии
I	Физиологический аффект	Психотравмирующая	Психически здоровые, органические психические расстройства	Агрессия в структуре эмоционального возбуждения
	Аффекты кумулятивного генеза	- «-	Психически здоровые, реже – органические психические расстройства, еще реже – расстройства личности	Агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения (в структуре стресса)
II	Ограниченная вменяемость и (или) эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение	- «-	Психически здоровые, органические психические расстройства	Агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения (в структуре личностного конфликта)
III	Ограниченная вменяемость и (или) существенное влияние ИПО на поведение	- «-	Органические психические расстройства, алкоголизм	Агрессия в структуре эмоционального возбуждения и состояния алкогольного опьянения

Окончание табл. 22.1

1	Экспертная оценка	Ситуация	Диагноз	Механизм агрессии
	- «-	Нейтральная	Органические психические расстройства и расстройства личности в сочетании с личностной незрелостью и аффективной ригидностью	Агрессия в структуре групповой динамики (идентификация с лидером)
IV	Ограниченная вменяемость	- «-	Органические психические расстройства и расстройства со склонностью к самовзвинчиванию	Отсроченная агрессия
	- «-	- «-	Умственная отсталость и органические психические расстройства с психическим инфантилизмом	Агрессия как результат личностной незрелости
	- «-	- «-	Органические психические расстройства, алкоголизм с эпилептоидностью	Агрессия в состоянии атипичного (измененного) опьянения
	- «-	- «-	Расстройства личности, органическое расстройство личности	Агрессия при декомпенсации

Физиологический аффект как непосредственная аффективная реакция в ответ на однократное психотравмирующее или фрустрирующее воздействие устанавливается в рамках определения механизма преступного поведения в виде агрессии, совершаемой под влиянием выраженного эмоционального возбуждения. Физиологический аффект чаще всего определяется у психически здоровых лиц или обвиняемых с органическим поражением головного мозга, значительно реже — у обвиняемых с расстройством личности. Отличительными особенностями личностной структуры обвиняемых является низкий уровень агрессивности как черты личности, что сочетается с затруднениями опосредования и контроля ситуативно возникающих агрессивных побуждений.

Часть таких аффективных реакций возникает при наличии состояния легкой степени алкогольного опьянения, т.е. в рамках психологического механизма агрессии, развивающейся в структуре не только выраженного эмоционального возбуждения, но и алкогольного опьянения. При этом сохраняются как феноменологические признаки классического физиологического аффекта (трехфазность динамики, частичное сужение сознания с фрагментарностью восприятия, постаффективная астения), так и нарушения психологических механизмов осознания и регуляции агрессивных действий.

Кумулятивный аффект и эмоциональное напряжение кумулятивного генеза, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого в криминальной ситуации, диагностируются в рамках психологического механизма агрессии как разрядки эмоционального напряжения, являющегося компонентом психологического стресса, и значительно реже — как компонента внутриличностного конфликта в виде ревности. Эмоциональная напряженность нарастает в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Часть кумулятивных аффектов совершается обвиняемыми в состоянии алкогольного опьянения — в большинстве случаев употребление алкоголя можно расценивать как один из вариантов совладающего поведения, призванного снизить уровень эмоционального напряжения.

Кумулятивные аффективные реакции характерны для психически здоровых лиц, реже — для больных с орга-

ническим расстройством и в редких случаях -- для обвиняемых с расстройством личности. Общей особенностью этих обвиняемых является наличие личностных структур, способных долгое время сдерживать проявление агрессивных побуждений, неизбежно возникающих в ответ на постоянные, многократные и повторяющиеся психотравмирующие воздействия. Эти особенности наряду с психотравмирующим характером самой ситуации играют значительную роль в кумуляции эмоционального напряжения, сдерживая агрессивные побуждения, обусловленные постоянными, многократными и повторяющимися психогениями. Поэтому при определении доминирующей роли личностных особенностей, обусловливающих накопление напряжения, экспертная оценка психического состояния обвиняемого как кумулятивного аффекта может дополняться установлением существенного влияния на поведение ИПО с конкретизацией личностных особенностей, которые определили рост эмоционального напряжения и тем самым оказали существенное влияние на поведение.

Экспертное решение об аффекте, включая все его варианты, которые обосновываются как «экспертные» понятия (физиологический аффект, кумулятивный аффект) на основе определения эмоционального состояния обвиняемого в общепсихологических категориях (стресс, фрустрация, конфликт и т.п.), в рамках КСПЭ является исключительной компетенцией судебного эксперта-психолога. Психолог должен учитывать клиническую диагностику психического состояния подэкспертного лица (для отграничения аффекта от временного психического расстройства), характера его психического расстройства (для установления его влияния на динамику эмоционального состояния), но выносить решение о наличии или отсутствии аффекта на основании психологических познаний.

Ограниченная вменяемость и (или) эмоциональное напряжение, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение. Экспертное решение о наличии выраженного эмоционального напряжения, ограничивающего способность обвиняемого к осознанию и регуляции своих криминальных действий (оказывающего существенное влияние на сознание и поведение), или его ограниченной вменяемости в рамках КСПЭ выносится при определении психологического механизма агрессии как разрядки

эмоционального напряжения, являющегося компонентом внутриличностного конфликта, возникающего при нежеланной беременности, т.е. в условиях психотравмирующей ситуации. При типичной трехфазной динамике течения эмоционального состояния, наличии частичного сужения сознания, психической и физической астении в период после содеянного у психически здоровых лиц и обвиняемых с психическими аномалиями диагностируется существенное влияние эмоционального напряжения, а при иной динамике психического состояния у лиц с психическим расстройством (в основном — с органическим психическим расстройством) при установлении его вклада в механизм преступного поведения — ограниченная вменяемость. И подэкспертные с пограничной психической патологией, и психически здоровые обвиняемые отличаются отсутствием агрессивности как базовой личностной черты, в то же время у них выражены личностные структуры, тормозящие агрессивные побуждения.

При убийствах новорожденных, совершенных их матерями, установление эмоционального напряжения, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение, возникновение и развитие которого обусловлено психотравмирующей ситуацией, приводит к квалификации «убийства матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации» по смыслу ст. 106 УК РФ (если убийство было совершено в течение 30 суток после родов). Определение ограниченной вменяемости (ограничения способности осознавать фактический характер или общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости) имеет смысл при совершении убийства младенца после истечения 30 суток после родов для применения ст. 22 УК РФ. Если же преступление совершено в течение 30 суток после родов, то достаточным экспертным решением является констатация «психического расстройства, не исключающего вменяемости», что является основанием для уголовно-правовой квалификации деяния по ст. 106 УК РФ.

Определение выраженного эмоционального напряжения в рамках КСППЭ является прерогативой судебного эксперта-психолога. Диагностика психического расстройства, не исключающего вменяемости, является компетенцией

судебного эксперта-психиатра, а установление влияния этого психического расстройства на способность в полной мере осознавать и регулировать свои криминальные действия — предмет совместной компетенции психиатра и психолога.

Ограниченная вменяемость и (или) существенное влияние на поведение индивидуально-психологических особенностей обвиняемого. В рамках КСППЭ экспертные решения об ограниченной вменяемости обвиняемых в агрессивных преступлениях в момент совершения деликта и (или) о существенном влиянии их ИПО на криминальное поведение могут выноситься в рамках определения разных психологических механизмов криминальной агрессии — агрессии, возникшей под влиянием лидера группы или диады, субъективно значимого и авторитетного для обвиняемого, или агрессии, возникшей у обвиняемого в состоянии алкогольного опьянения в психотравмирующей ситуации.

При ограничении свободы выбора действия под влиянием недостаточного осознания ситуации и регуляции своего поведения, вызванных неосознаваемой идентификацией с лидером, у обвиняемого с личностной незрелостью и чертами аффективной ригидности, но без психической патологии (у психически здоровых, лиц с акцентуациями характера) или с психическим расстройством, которое не внесло своего «вклада» в механизм частичной идентификации, выносится экспертное решение о существенном влиянии ИПО на поведение. При такой же неполной способности к осознанно-волевому поведению у лиц с психическими аномалиями, которые обусловили идентификацию с лидером, устанавливается ограничение способности обвиняемого к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий и руководству ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости.

При неспособности в полной мере осознавать и осуществлять произвольную регуляцию и контроль своих агрессивных действий, возникших в ответ на психотравмирующие воздействия у эпилептоидных лиц в состоянии алкогольного опьянения без психического расстройства (например, при акцентуации характера по эпилептоидному типу), также следует экспертное решение о существенном влиянии личностных особенностей на поведение. При органических психических расстройствах, эпилепсии, хроническом

алкоголизме (не исключающих вменяемости) у лиц с эпилептоидным складом личности в аналогичных ситуациях диагностируется ограниченная вменяемость.

Таким образом, экспертное решение комиссии КСППЭ может ограничиться констатацией только существенного влияния ИПО обвиняемого на его криминальное поведение (компетенция судебного эксперта-психолога) или дополнить это экспертное решение определением неполной способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий, руководству ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости (совместная компетенция судебного эксперта-психиатра и эксперта-психолога). В принципе экспертное решение комиссии экспертов в последнем случае может и ограничиться выводом об ограниченной вменяемости — в силу юридической определенности такого заключения (ст. 22 УК РФ), если проводится только однородная судебно-психиатрическая экспертиза.

Ограниченная вменяемость и существенное влияние индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на поведение. В ряде случаев экспертные решения КСППЭ не могут быть альтернативными. Иными словами, в этих случаях не может устанавливаться или ограниченная вменяемость, или существенное влияние на поведение личностных особенностей. Такое положение дел объясняется тем, что в этих ситуациях экспертное решение об ограничении способности обвиняемого к осознанно-избирательному поведению в момент совершения преступления опирается на определение психологических механизмов криминальной агрессии, в которых решающее значение имеют ИПО, обусловленные психическим расстройством.

Так, при отсроченной агрессии механизм ситуативного торможения агрессивных побуждений с последующей их реализацией объясняется наличием у лиц с расстройствами личности, с органическим психическим расстройством компенсаторных по отношению к исходной возбудимости механизмов, что сочетается с выраженной склонностью к самовзвинчиванию, — все эти личностные свойства формируются в рамках психопатических или психопатоподобных расстройств.

При агрессии у лиц с психическим недоразвитием сужены возможности правильной оценки ситуации, а как

следствие — ограничение выбора правомерного действия в актуальной ситуации обусловлено низким уровнем интеллектуальной и личностной зрелости, что прямо связано с их психическими расстройствами: умственной отсталостью или психическим (органическим) инфантилизмом.

Агрессия у лиц, находящихся в момент совершения преступления в состоянии атипичного алкогольного опьянения, обусловлена изменениями психического состояния в структуре измененных, утяжеленных форм опьянения, зависимыми от совокупного влияния органических расстройств разного генеза (в том числе и вследствие хронического алкоголизма) и эпилептоидного склада личности

Криминально-агрессивные действия, совершаемые обвиняемыми в состоянии декомпенсации, обусловлены диспозиционным влиянием черт личности, облегчающих проявления агрессии, которые в этом состоянии не компенсируются другими чертами, тормозящими такие проявления, что непосредственно связано с динамикой психопатий или расстройств личности в рамках органического поражения головного мозга.

Поэтому экспертные решения КСППЭ при рассматриваемых психологических механизмах криминальной агрессии почти совпадают с диагностикой этих психологических механизмов (особенно при определении декомпенсации личностных черт и психического состояния, а также при установлении умственной отсталости или психического инфантилизма) и представляют собой определение ограничения способности обвиняемых в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства, не исключающего вменяемости. Это экспертное решение является достаточным при проведении однородной судебно-психиатрической экспертизы, а при производстве КСППЭ экспертное решение о существенном влиянии личностных особенностей обвиняемых на их криминальное поведение должно интегрироваться в заключение об ограниченной вменяемости и использоваться при его обосновании. В целом, хотя в этих случаях экспертное решение является прерогативой судебных экспертов-психиатров, оно может быть сферой и совместной компетенции психиатров и психологов.

Ключевые понятия (тезаурус)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие психопатологические и психологические факторы могут обусловливать ограничение способности обвиняемого к осознанной волевой регуляции криминальных действий?

2. Раскройте соотношение экспертных понятий «ограниченная вменяемость», «возрастная невменяемость», «аффект», «существенное влияние ИПО», «существенное влияние эмоционального напряжения, вызванного психотравмирующей ситуацией» (при выполнении задания используйте и материалы гл. 9–12, 20 настоящего учебника).

УЧЕБНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
по предмету «Судебно-психологическая экспертиза» для студентов психологических вузов

Раздел 1. Использование психологических знаний в судебной экспертизе

Тема 1. Место СПЭ в системе научного знания

Соотношение теоретических областей и практических отраслей психологии. Юридическая психология как прикладная отрасль психологии. Структура юридической психологии. Криминальная, судебная, пенитенциарная и правовая психологии. Место СПЭ в структуре юридической психологии. Основные формы применения психологических знаний в судебной экспертизе: однородная СПЭ и КСППЭ. Междисциплинарные связи СПЭ и КСППЭ. История СПЭ и КСППЭ.

Тема 2. Формы использования специальных психологических знаний в уголовном и гражданском процессах

Процессуальные и непроцессуальные формы использования психологических знаний. Экспертиза. Заключение специалиста. Участие психолога в допросе. Справочно-консультативная деятельность. Определение целесообразности (необходимости) назначения экспертизы, выбора вида экспертизы и содействие при постановке вопросов эксперту. Обследование членов семьи и их взаимоотношений психологами учреждений здравоохранения или социальной защиты по поручению ООП при подготовке к судебному разбирательству по семейно-правовым спорам о воспитании детей. Проведение ОИП. Профайлинг. Разъяснение психологических аспектов следственных версий.

психиатрической экспертизе

Судебно-психиатрическая экспертиза. Вменяемость. Дееспособность. Возможности использования психологического психодиагностического исследования в судебно-психиатрической практике. Психопатология и патопсихология. ЭПИ. Основные задачи ЭПИ в судебно-психиатрической практике. Предоставление дополнительных патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики. Установление степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств. Выявление структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности. Определение установок испытуемых по отношению к патопсихологическому обследованию и к ситуации экспертизы в целом. Симуляция и ее разновидности. Аггравация. Диссимуляция. Заключение ЭПИ.

Раздел 2. Общие проблемы судебно-психологической экспертизы

Тема 4. Организационно-правовые основы судебно-психологической экспертизы

Организация СПЭ и КСППЭ в России. Права и обязанности судебного эксперта. Порядок назначения экспертизы, типичные ошибки при формулировке вопросов эксперту-психологу. Виды СПЭ и КСППЭ. Основная и дополнительная экспертизы. Первичная и повторная экспертизы. Очная и заочная экспертизы. Единоличная и комиссионная экспертизы. Амбулаторная и стационарная экспертизы. Экспертиза обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Экспертиза истцов и ответчиков. Предметные виды СПЭ. Этапы производства экспертизы. Форма и структура экспертного заключения. Оценка заключения СПЭ органом или лицом, назначившим экспертизу.

Тема 5. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Судебно-психологическая экспертология

Принципы судебно-психологической экспертологии. Принцип сравнительного экспертоведения. Принцип диалектического единства интеграции и дифференциации предметных экспертных наук. Объект СПЭ. Понятие юридически значимых ситуаций. Предмет СПЭ. Проблема специальных знаний в психологии: определение, объем. Теория экспертных понятий. Пределы компетенции эксперта-психолога.

Тема 6. Методологические основы судебно-психологической экспертизы

Системный подход. Норма и патология регуляции поведения. Методологические принципы проведения СПЭ. Уровневый анализ поведения и деятельности. Взаимодействие личностных и ситуационных факторов. Единство сознания и деятельности. Принцип развития. Планирование психодиагностического исследования: структура и этапы. Факторы выбора методов судебно-психологического экспертного исследования. Профессиональные знания эксперта-психолога в психодиагностике. Классификации психодиагностических методов. Валидность и надежность психодиагностических методов. Процессуальное положение подэкспертного лица. Половозрастные факторы. Психические аномалии и умственное развитие подэкспертного лица. Вид экспертизы по месту и условиям проведения. Уровень квалификации эксперта-психолога. Психологический анализ материалов уголовного или гражданского дела. Этапы психологического исследования при проведении СПЭ.

Тема 7. Этические проблемы судебно-психологической экспертизы

Базисные этические ценности СПЭ. Специфика этических норм эксперта-психолога. Взаимоотношение законности и этики в регуляции деятельности эксперта-психолога. Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога. Профессиональная компетентность. Личностный подход. Уважение прав личности подэкспертного. Уважение чести и достоинства подэкспертного. Независимость. Независимость от органа или лица, назначающего экспертизу. Независимость от других участников уголовного или гражданского процесса. Независимость от других экспертов-психологов. Независимость от себя. Конфиденциальность.

Раздел 3. Предметные виды судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе

Тема 8. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого

Юридическое значение СПЭ ИПО обвиняемого. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Понятие ИПО. «Существенное влия-

ние ИПО на поведение обвиняемого во время совершения инкриминируемого ему деяния» как экспертное понятие. Варианты существенного влияния ИПО обвиняемых на криминально-агрессивные действия.

Тема 9. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза ограниченной вменяемости обвиняемых

Юридическое значение КСППЭ ограниченной вменяемости. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Психическое расстройство, ограничивающее способность обвиняемого осознавать значение криминальных действий или руководить ими. Психическое расстройство, определяющее общественную опасность обвиняемого. Критерии экспертной диагностики ограничения способности обвиняемого к осознанию и регуляции своих действий. Варианты ограниченной вменяемости обвиняемых в криминально-агрессивных действиях.

Тема 10. Судебно-психологическая экспертиза аффекта у обвиняемого

Соотношение понятия «аффект» в общей и судебной психологии. Юридическое значение СПЭ аффекта у обвиняемого. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Критерии судебно-психологической экспертной оценки аффекта. Физиологический аффект. Кумулятивный аффект. Дифференциальная диагностика аффекта с другими эмоциональными реакциями и состояниями. Патологический аффект. Аффект на фоне алкогольного опьянения. Аффект у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Эмоциональные реакции и состояния, не достигающие степени выраженности аффекта.

Тема 11. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка

Понятие неонатицида. Проблема нежелашюй беременности. Юридическое значение КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. «Повышенная эмоциональная (психическая) напряженность, вызванная психотравмирующей ситуацией» как основное экспертное понятие. Алго-

ритм КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка. Варианты экспертной оценки психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка.

Тема 12. Судебно-психологическая экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими

Юридическое значение. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Способность несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Факторы, нарушающие юридически значимую способность.

Тема 13. Судебно-психологическая экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания

Юридическое значение. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Два типа задач, которые решает СПЭ: установление способности правильно воспринимать и воспроизводить внешнюю сторону событий; установление способности правильно воспринимать и воспроизводить внутреннее содержание событий или действий. Оценка субъективной стороны восприятия. Уровень развития и особенности органов чувств (анализаторов) у подэкспертного. Уровень психического развития подэкспертного. Психическое состояние подэкспертного. Оценка субъективной стороны способности давать показания. Уровень психического развития подэкспертного. ИПО подэкспертного.

Тема 14. Судебно-психологическая экспертиза способности потерпевшего по половым преступлениям понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление

Юридическое значение. Понятие беспомощного состояния. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Беспомощное состояние как состояние, когда потерпевшее лицо не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротив-

ление виновному лицу. Факторы, влияющие на способность потерпевшего понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с ним насильственных действий. Уровень психического развития. Эмоциональное состояние в криминальной ситуации. Структура ИПО как фактор, влияющий на способности потерпевшего оказывать сопротивление.

Тема 15. Судебно-психологическая экспертиза потерпевшего по делам о мошенничестве

Юридическое значение. Беспомощность и беззащитность потерпевшего как обстоятельство, отягчающее наказание. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Беспомощность и беззащитность как неспособность потерпевшего к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации. Клинико-психологические механизмы беспомощного (беззащитного) состояния потерпевших. Беспомощность вследствие психического расстройства. Беспомощность вследствие выраженного эмоционального напряжения.

Тема 16. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством

Диагностика суицидального поведения. Индивидуально-психологические факторы суицидального риска. Юридическое значение СПЭ психического состояния суицидента. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Психическое состояние подэкспертного лица в период, предшествующий смерти. Причинно-следственная связь между уголовно значимыми действиями обвиняемого и самоубийством потерпевшего. Ограничения при производстве СПЭ суицидентов. Требования к источникам информации.

Раздел 4. Предметные виды судебно-психологической экспертизы в гражданском процессе

Тема 17. Судебно-психологическая экспертиза способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки

Гражданско-правовое понятие «порок воли». Юридическое значение экспертизы сделкоспособности. Нарушение способности понимать значение своих действий или руко-

водить ими при совершении сделки. Сделка, совершенная под влиянием заблуждения. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Нарушение способности субъекта к осознанному принятию решения и его целенаправленному исполнению, реализации. Нарушение понимания существа сделки вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации.

Тема 18. Судебно-психологическая экспертиза по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка

Понятие интересов ребенка. Юридическое значение. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Этапы экспертного исследования. Индивидуальная диагностика членов семьи. Ситуационная диагностика семейных отношений. Прогностическая клинико-психологическая оценка психического развития ребенка. Диагностика возможного негативного влияния психического состояния, ИПО родителя на психическое состояние и особенности психического развития ребенка. Факторы, имеющие экспертное значение при КСППЭ родителя, с которым проживает ребенок; родителя, проживающего отдельно; ребенка. Методы судебно-экспертного психологического исследования.

Тема 19. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда

Юридическое значение. Вопросы органа или лица, назначающего экспертизу. Основные экспертные понятия. Психическое состояние подэкспертного (в том числе психическое расстройство). ИПО подэкспертного. Степень выраженности изменений психической деятельности. Динамические особенности изменений психической деятельности: стойкость — обратимость; длительность. Причинно-следственная связь между причинением вреда (психотравмирующим воздействием) и возникновением и развитием психических изменений.

Раздел 5. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза

Тема 20. Теоретические и процессуально-правовые проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Теория КСППЭ. Практика КСППЭ. Процессуальный статус комплексных судебных экспертиз. Взаимодействие

психолога и психиатра в комплексной экспертизе. Модели интеграции судебно-психологических и судебно-психиатрических знаний. Последовательное комплексирование. Последовательно-параллельное комплексирование. Параллельное комплексирование. Интегративные выводы в КСППЭ.

Тема 21. Организационно-правовые проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Ошибки при назначении КСППЭ. Роль психолога при производстве КСППЭ. Заключение экспертов, его структура. Состав экспертной комиссии при производстве КСППЭ. Нормы нагрузки эксперта-психолога при производстве КСППЭ.

Тема 22. Экспертные оценки при производстве КСППЭ обвиняемых

Варианты судебно-экспертных клинико-психологических оценок. Аффект. Ограниченная вменяемость и (или) эмоциональное напряжение, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение. Ограниченная вменяемость и (или) существенное влияние на поведение индивидуально-психологических особенностей обвиняемого. Ограниченная вменяемость и существенное влияние индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на поведение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»

(в ред. федеральных законов от 30.12.2001 № 96-ФЗ, от 05.02.2007 № 10-ФЗ, от 24.07.2007 № 214-ФЗ, от 28.06.2009 № 124-ФЗ, от 06.12.2011 № 409-ФЗ, от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 25.11.2013 № 317-ФЗ)

Настоящий Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (далее — государственная судебно-экспертная деятельность) в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве.

Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации.

Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Государственная судебно-экспертная деятельность

Государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами (далее также — эксперт), состоит в организации и производстве судебной экспертизы.

Статья 2. Задача государственной судебно-экспертной деятельности

Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам

дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Статья 3. Правовая основа государственной судебно-экспертной деятельности

Правовой основой государственной судебно-экспертной деятельности являются Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации, законодательство в сфере охраны здоровья, другие федеральные законы, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы.

Статья 4. Принципы государственной судебно-экспертной деятельности

Государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Статья 5. Соблюдение законности при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности

Государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется при условии точного исполнения требований Конституции Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности.

Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответствен-

ность, установленную законодательством Российской Федерации.

Статья 6. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности

Государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется при неуклонном соблюдении равноправия граждан, их конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, а также иных прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Судебно-экспертные исследования (далее — исследования), требующие временного ограничения свободы лица или его личной неприкосновенности, проводятся только на основаниях и в порядке, которые установлены федеральным законом.

Лицо, полагающее, что действия (бездействие) государственного судебно-экспертного учреждения или эксперта привели к ограничению прав и свобод гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 7. Независимость эксперта

При производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями.

Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц.

Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 8. Объективность, всесторонность и полнота исследований

Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Статья 9. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

медицинская организация, оказывающая медицинскую помощь в стационарных условиях, — медицинская организация государственной системы здравоохранения либо структурное подразделение медицинской или иной организации государственной системы здравоохранения, оказывающие медицинскую помощь в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение;

медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях, — медицинская организация государственной системы здравоохранения либо структурное подразделение медицинской или иной организации государственной системы здравоохранения, оказывающие психиатрическую помощь в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение;

судебно-психиатрическая экспертная медицинская организация — медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях и специально предназначенная для производства судебно-психиатрической экспертизы;

руководитель государственного судебно-экспертного учреждения (далее также — руководитель) — директор или начальник (заведующий) государственного судебно-экспертного учреждения либо приравненного к нему специ-

ализированного подразделения, осуществляющий функцию руководства при организации и производстве судебной экспертизы в соответствующем учреждении или подразделении;

судопроизводство – регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия;

судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу;

заключение эксперта – письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом;

образцы для сравнительного исследования – объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения;

повреждение объекта исследования – изменение свойств и состояния объекта в результате применения физических, химических, биологических методов при проведении исследований.

Статья 10. Объекты исследований

Объектами исследований являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза.

Исследования проводятся также в отношении живых лиц (далее также – лицо).

При проведении исследований вещественные доказательства и документы с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, могут быть повреждены или использованы только в той мере, в какой это необходимо для проведения исследований и дачи заключения. Указан-

ное разрешение должно содержаться в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы либо соответствующем письме.

Повреждение вещественных доказательств и документов, произведенное с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, не влечет за собой возмещения ущерба их собственнику государственным судебно-экспертным учреждением или экспертом.

В случае, если транспортировка объекта исследований в государственное судебно-экспертное учреждение невозможна, орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, обеспечивают эксперту беспрепятственный доступ к объекту и возможность его исследования.

Статья 11. Государственные судебно-экспертные учреждения

Государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы.

Организация и производство судебной экспертизы могут осуществляться также экспертными подразделениями, созданными федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В случаях, если производство судебной экспертизы поручается указанным экспертным подразделениям, они осуществляют функции, исполняют обязанности, имеют права и несут ответственность как государственные судебно-экспертные учреждения.

Государственные судебно-экспертные учреждения создаются и ликвидируются в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

Деятельность государственных судебно-экспертных учреждений по организации и производству судебной экспертизы регулируется настоящим Федеральным законом, процессуальным законодательством Российской Федерации

и осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

Организация и производство судебной экспертизы в медицинских организациях или их подразделениях, не относящихся к ведению федерального органа исполнительной власти в сфере здравоохранения, осуществляются на основании нормативных правовых актов соответствующих федеральных органов исполнительной власти, принимаемых совместно с федеральным органом исполнительной власти в области здравоохранения. В указанных организациях и подразделениях не может организовываться и производиться судебно-психиатрическая экспертиза.

Государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

Государственные судебно-экспертные учреждения производят судебную экспертизу в соответствии с профилем, определенным для них соответствующими федеральными органами исполнительной власти.

Государственные судебно-экспертные учреждения в обязательном порядке производят судебную экспертизу для органов дознания, органов предварительного следствия и судов, расположенных на территории, которая определяется соответствующими федеральными органами исполнительной власти. В случае невозможности производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем указанную территорию, в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности, необходимой Материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований судебная экспертиза для органов дознания, органов предварительного следствия и судов может быть произведена государственными судебно-экспертными учреждениями, обслуживающими другие территории.

Деятельность государственных судебно-экспертных учреждений по организации и производству судебной экспертизы для других государств осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Статья 12. Государственный судебный эксперт

Государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

Статья 13. Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту

Должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы.

Определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет.

Глава II. ОБЯЗАННОСТИ И ПРАВА РУКОВОДИТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Статья 14. Обязанности руководителя государственного судебно-экспертного учреждения

Руководитель обязан:

по получении постановления или определения о назначении судебной экспертизы поручить ее производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы;

разъяснить эксперту или комиссии экспертов их обязанности и права;

по поручению органа или лица, назначивших судебную экспертизу, предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, взять у него соответствующую подписку и направить ее вместе с заключением эксперта в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;

обеспечить контроль за соблюдением сроков производства судебных экспертиз с учетом дат, установленных судами при назначении судебных экспертиз, полнотой и качеством проведенных исследований, не нарушая принцип независимости эксперта;

по окончании исследований направить заключение эксперта, объекты исследований и материалы дела в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;

обеспечить условия, необходимые для сохранения конфиденциальности исследований и их результатов;

не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с организацией и производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Руководитель обязан обеспечить условия, необходимые для проведения исследований:

наличие оборудования, приборов, материалов и средств информационного обеспечения;

соблюдение правил техники безопасности и производственной санитарии;

сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Руководитель не вправе:

истребовать без постановления или определения о назначении судебной экспертизы объекты исследований и материалы дела, необходимые для производства судебной экспертизы;

самостоятельно без согласования с органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, привлекать к ее производству лиц, не работающих в данном учреждении;

давать эксперту указания, предрешающие содержание выводов по конкретной судебной экспертизе.

экспертного учреждения

Руководитель вправе:

возвратить без исполнения постановление или определение о назначении судебной экспертизы, представленные для ее производства объекты исследований и материалы дела, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности, необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат;

ходатайствовать перед органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, о включении в состав комиссии экспертов лиц, не работающих в данном учреждении, если их специальные знания необходимы для дачи заключения;

организовывать производство судебной экспертизы с участием других учреждений, указанных в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы;

передавать часть обязанностей и прав, связанных с организацией и производством судебной экспертизы, своему заместителю, а также руководителю структурного подразделения учреждения, которое он возглавляет;

требовать от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, возмещения расходов, связанных с:

1) компенсацией за хранение транспортной организацией поступивших на судебную экспертизу объектов исследований, за исключением штрафов за несвоевременное их получение данным учреждением;

2) транспортировкой объектов после их исследования, за исключением почтовых расходов;

3) хранением объектов исследований в государственном судебно-экспертном учреждении после окончания производства судебной экспертизы сверх сроков, установленных нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти;

4) ликвидацией последствий взрывов, пожаров и других экстремальных ситуаций, явившихся результатом поступления в данное учреждение объектов повышенной опасности, если орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, не сообщили руководителю об известных им специальных правилах обращения с указанными объектами или они были ненадлежаще упакованы.

Статья 16. Обязанности эксперта

Эксперт обязан:

принять к производству порученную ему руководителем соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения судебную экспертизу;

провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;

составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы;

не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;

обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;

осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта;

вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;

самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;

сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;

уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Эксперт или государственное судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от производства порученной им

судебной экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны, на которую судом возложена обязанность по оплате расходов, связанных с производством судебной экспертизы, осуществить оплату назначенной экспертизы до ее проведения.

Статья 17. Права эксперта

Эксперт вправе:

ходатайствовать перед руководителем соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;

делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;

обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Статья 18. Ограничения при организации и производстве судебной экспертизы

Государственному судебно-экспертному учреждению не может быть поручено производство судебной экспертизы, а в случаях, когда указанное производство начато, оно немедленно прекращается, если установлены обстоятельства, подтверждающие заинтересованность в исходе дела руководителя данного учреждения.

Эксперт подлежит отводу от участия в производстве судебной экспертизы, а если она ему поручена, обязан немедленно прекратить ее производство при наличии оснований, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации.

В производстве судебной экспертизы в отношении живого лица не может участвовать врач, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь. Указанное ограничение действует также при производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, осуществляемой без непосредственного обследования лица.

Глава III. ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Статья 19. Основания производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении

Основаниями производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении являются определение суда, постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя. Судебная экспертиза считается назначенной со дня вынесения соответствующего определения или постановления.

Орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, представляют объекты исследований и материалы дела, необходимые для проведения исследований и дачи заключения эксперта.

Орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, получают образцы для сравнительного исследования и приобщают их к делу в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации. В необходимых случаях получение образцов осуществляется с участием эксперта, которому поручено производство судебной экспертизы, или специалиста.

В случае, если получение образцов является частью исследований и осуществляется экспертом с использованием представленных на судебную экспертизу объектов, после завершения судебной экспертизы образцы направляются в орган или лицу, которые ее назначили, либо определенное время хранятся в государственном судебно-экспертном учреждении.

Особенности производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении в отношении живых лиц определяются главой IV настоящего Федерального закона.

Статья 20. Производство дополнительной и повторной судебных экспертиз в государственном судебно-экспертном учреждении

Производство дополнительной судебной экспертизы, назначенной в случае недостаточной ясности или полноты ранее данного заключения, поручается тому же или другому эксперту.

Производство повторной судебной экспертизы, назначенной в связи с возникшими у суда, судьи, лица, производящего дознание, следователя сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения по тем же вопросам, поручается другому эксперту или другой комиссии экспертов.

Статья 21. Производство комиссионной судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении

Комиссионная судебная экспертиза производится несколькими, но не менее чем двумя экспертами одной или разных специальностей.

Комиссионный характер судебной экспертизы определяется органом или лицом, ее назначившими, либо руководителем государственного судебно-экспертного учреждения.

Организация и производство комиссионной судебной экспертизы возлагаются на руководителя государственного судебно-экспертного учреждения либо на руководителей нескольких государственных судебно-экспертных учреждений.

Комиссия экспертов согласует цели, последовательность и объем предстоящих исследований, исходя из необходимости решения поставленных перед ней вопросов.

В составе комиссии экспертов, которой поручено производство судебной экспертизы, каждый эксперт независимо и самостоятельно проводит исследования, оценивает результаты, полученные им лично и другими экспертами, и формулирует выводы по поставленным вопросам в пределах своих специальных знаний. Один из экспертов указанной комиссии может выполнять роль эксперта-организатора; его процессуальные функции не отличаются от функций остальных экспертов.

Статья 22. Комиссия экспертов одной специальности

При производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами одной специальности каждый из них проводит исследования в полном объеме и они совместно анализируют полученные результаты.

Придя к общему мнению, эксперты составляют и подписывают совместное заключение или сообщение о невозможности дачи заключения. В случае возникновения разногласий между экспертами каждый из них или эксперт, который не согласен с другими, дает отдельное заключение.

Статья 23. Комиссия экспертов разных специальностей

При производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (далее — комплексная экспертиза) каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. Если основанием общего вывода являются факты, установленные одним или несколькими экспертами, это должно быть указано в заключении. В случае возникновения разногласий между экспертами результаты исследований оформляются в соответствии с частью второй статьи 22 настоящего Федерального закона.

Статья 24. Присутствие участников процесса при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении

При производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении могут присутствовать те участники процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством Российской Федерации.

Участники процесса, присутствующие при производстве судебной экспертизы, не вправе вмешиваться в ход исследований, но могут давать объяснения и задавать вопросы эксперту, относящиеся к предмету судебной экспертизы.

При составлении экспертом заключения, а также на стадии совещания экспертов и формулирования выводов, если судебная экспертиза производится комиссией экспертов, присутствие участников процесса не допускается.

В случае, если участник процесса, присутствующий при производстве судебной экспертизы, мешает эксперту, последний вправе приостановить исследование и ходатайствовать перед органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, об отмене разрешения указанному участнику

процесса присутствовать при производстве судебной экспертизы.

Особенности присутствия участников процесса при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц определяются главой IV настоящего Федерального закона.

Статья 25. Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание

На основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его. Подписи эксперта или комиссии экспертов удостоверяются печатью государственного судебно-экспертного учреждения.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

время и место производства судебной экспертизы;

основания производства судебной экспертизы;

сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;

сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;

предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;

объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;

сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;

содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;

оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью. Документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хранятся в государственном судебно-экспертном учреждении. По требованию органа или лица, назначивших судебную экспертизу, указанные документы предоставляются для приобщения к делу.

Глава IV. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОМ УЧРЕЖДЕНИИ В ОТНОШЕНИИ ЖИВЫХ ЛИЦ

Статья 26. Производство судебной экспертизы в отношении живых лиц

Судебная экспертиза в отношении живых лиц производится в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Круг лиц, которые могут быть направлены на судебную экспертизу, определяется процессуальным законодательством Российской Федерации.

Статья 27. Условия и место производства судебной экспертизы в отношении живых лиц

Судебная экспертиза в отношении живых лиц может производиться в медицинской организации или ином учреждении, а также в другом месте, где имеются условия, необходимые для проведения соответствующих исследований и обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого проводятся исследования.

В случае возникновения при производстве судебной экспертизы необходимости обследования лица в стационарных условиях оно может быть помещено в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, в порядке, предусмотренном статьями 28—30 настоящего Федерального закона и процессуальным законодательством Российской Федерации.

Доставка в медицинскую организацию или иное учреждение лица, направленного на судебную экспертизу, обеспечивается органом или лицом, назначившими судебную экспертизу.

Статья 28. Добровольность и принудительность при производстве судебной экспертизы

Судебная экспертиза в отношении живых лиц может производиться в добровольном или принудительном порядке.

В случае, если судебная экспертиза производится в добровольном порядке, в государственное судебно-экспертное учреждение должно быть представлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе.

Если лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза, не достигло возраста 16 лет или признано судом недееспособным, письменное согласие на производство судебной экспертизы дается законным представителем этого лица. Если лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза, связанная с медицинским вмешательством, не достигло возраста 15 лет или является больным наркоманией и не достигло возраста 16 лет либо признано судом недееспособным, письменное согласие на производство судебной экспертизы дается законным представителем этого лица.

Круг лиц, которые могут быть направлены на судебную экспертизу в принудительном порядке, определяется процессуальным законодательством Российской Федерации. В случае, если в процессуальном законодательстве Российской Федерации не содержится прямого указания на возможность принудительного направления лица на судебную экспертизу, государственное судебно-экспертное учреждение не вправе производить судебную экспертизу в отношении этого лица в принудительном порядке.

Статья 29. Основания и порядок госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях

В случае возникновения при назначении или производстве судебно-медицинской либо судебно-психиатрической экспертизы необходимости обследования лица в стационарных условиях оно госпитализируется в соответствующую медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, на основании постановления или определения о назначении судебной экспертизы. Порядок госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, определяется процессуальным законодательством Российской Федерации.

Лица, содержащиеся под стражей, госпитализируются для производства судебной экспертизы в медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь в стационарных условиях, специально приспособленные для содержания в них указанных лиц.

Для производства судебно-психиатрической экспертизы лицо госпитализируется в медицинскую организацию,

оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или судебно-психиатрическую экспертную медицинскую организацию только на основании определения суда или постановления судьи. Судебно-психиатрические экспертные медицинские организации могут быть предназначены для госпитализации в них лиц, не содержащихся под стражей, или для госпитализации в них лиц, содержащихся под стражей.

Орган или лицо, назначившие судебную экспертизу и госпитализировавшие лицо в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, в принудительном порядке, обязаны в течение 24 часов известить об этом кого-либо из членов его семьи, родственников или иных лиц по его указанию, а при отсутствии таковых сообщить в орган внутренних дел по месту жительства указанного лица.

Статья 30. Сроки пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях

Лицо может быть госпитализировано в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на срок до 30 дней.

В случае необходимости по мотивированному ходатайству эксперта или комиссии экспертов срок пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, может быть продлен постановлением судьи районного суда по месту нахождения указанной медицинской организации еще на 30 дней.

Ходатайство эксперта или комиссии экспертов о продлении срока пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, должно быть представлено в районный суд по месту нахождения указанной медицинской организации не позднее чем за три дня до истечения 30-дневного срока.

Судья выносит постановление и уведомляет о нем эксперта или комиссию экспертов в течение трех дней со дня получения ходатайства.

В случае отказа судьи в продлении срока пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, оно должно быть выписано из него.

Руководитель медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, извещает о заявленном ходатайстве и вынесенном судьей постановлении лицо, находящееся в указанной медицинской организации, а также орган или лицо, назначившие судебную экспертизу.

В исключительных случаях в том же порядке возможно повторное продление срока пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях. При этом общий срок пребывания лица в указанной медицинской организации при производстве одной судебной экспертизы не может превышать 90 дней.

Нарушение сроков пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, установленных настоящей статьей, может быть обжаловано лицом, его защитником, законным представителем или иными представителями, допущенными к участию в деле, а также руководителем медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации. Нарушение сроков пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, может быть обжаловано также непосредственно в суд по месту нахождения указанной медицинской организации.

Статья 31. Гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых производится судебная экспертиза

При производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц запрещаются:

ограничение прав, обман, применение насилия, угроз и иных незаконных мер в целях получения сведений от лица, в отношении которого производится судебная экспертиза;

испытание новых лекарственных препаратов для медицинского применения, специализированных продуктов лечебного питания и медицинских изделий, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также проведение биомедицинских эксперименталь-

ных исследований с использованием в качестве объекта лица, в отношении которого производится судебная экспертиза.

Лицо, в отношении которого производится судебная экспертиза, вправе давать эксперту объяснения, относящиеся к предмету данной судебной экспертизы.

Эксперт не может быть допрошен по поводу получения им от лица, в отношении которого он проводил судебную экспертизу, сведений, не относящихся к предмету данной судебной экспертизы.

Свидания лица, госпитализированного в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, с его защитником, законным представителем или иными представителями, допущенными к участию в деле, организуются в условиях, исключающих возможность получения информации третьими лицами.

Медицинская помощь лицу, в отношении которого производится судебная экспертиза, оказывается в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья.

Лицу, госпитализированному в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, должна быть предоставлена реальная возможность подачи жалоб, заявлений и ходатайств. Жалобы, поданные в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, цензуре не подлежат и в течение 24 часов направляются адресату.

Лица, не содержащиеся под стражей, имеют право на возмещение расходов, связанных с производством судебной экспертизы, по основаниям и в порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации.

Статья 32. Условия производства судебной экспертизы в отношении лиц, не содержащихся под стражей, в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях

Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении лиц, не содержащихся под стражей, производится как в судебно-психиатрических экспертных медицинских организациях, так и в иных медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях. Госпитализация в указанные медицинские организации лиц, содержащихся под стражей, не допускается. Госпитализация лиц,

не содержащихся под стражей, в иные медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, не должно существенно затруднять производство судебной экспертизы.

Лица, не содержащиеся под стражей, в период производства судебно-психиатрической экспертизы пользуются правами пациентов медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, установленными законодательством в сфере охраны здоровья.

В случае совершения лицом, не содержащимся под стражей, не страдающим тяжелым психическим расстройством, действий, угрожающих жизни и здоровью окружающих или дезорганизующих работу медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, руководитель указанной медицинской организации сообщает об этом в орган внутренних дел, который должен принять к нарушителю меры, направленные на пресечение указанных действий. В случае, если подобные действия совершены лицом, в отношении которого судебно-психиатрическая экспертиза производится в добровольном порядке, оно может быть выписано из медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, о чем руководитель указанной медицинской организации в письменной форме извещает орган или лицо, назначившие указанную экспертизу.

Статья 33. Условия производства судебной экспертизы в отношении лиц, содержащихся под стражей, в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях

Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении лиц, содержащихся под стражей, производится в судебно-психиатрических экспертных медицинских организациях, предназначенных для содержания в них указанных лиц. Обеспечение безопасности и охрана указанных медицинских организаций осуществляются органами, на которые возложены обеспечение безопасности и охрана мест содержания под стражей.

На лиц, содержащихся под стражей, госпитализированных в судебно-психиатрические экспертные медицинские организации, распространяются нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обви-

пяемых в совершении преступлений». При этом нормы, предусматривающие применение к указанным лицам мер взыскания и их материальную ответственность, не распространяются на лиц с явными признаками тяжелых психических расстройств.

Порядок взаимодействия лиц, обеспечивающих безопасность и осуществляющих охрану судебно-психиатрических экспертных медицинских организаций, с медицинскими работниками указанных медицинских организаций определяется совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, и федеральным органом исполнительной власти, на который возложены обеспечение безопасности и охрана мест содержания под стражей.

Статья 34. Обеспечение лиц, госпитализированных в судебно-психиатрические экспертные медицинские организации

Материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение лиц, госпитализированных в судебно-психиатрические экспертные медицинские организации, осуществляется по нормам и правилам, установленным для медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, законодательством в сфере охраны здоровья.

Статья 35. Ограничения в применении методов исследований при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц

При производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц запрещается применять методы исследований, сопряженные с сильными болевыми ощущениями или способные отрицательно повлиять на здоровье лица, методы оперативного вмешательства, а также методы, запрещенные к применению в практике здравоохранения законодательством Российской Федерации. Лицо, в отношении которого производится судебная экспертиза, должно быть информировано в доступной для него форме о методах исследований, применяемых в отношении его, включая альтернативные, возможных болевых ощущениях и побочных явлениях. Указанная информация предоставляется также заявившему

соответствующее ходатайство законному представителю лица, в отношении которого производится судебная экспертиза.

У лиц, в отношении которых производится судебная экспертиза, в медицинской организации берутся образцы, необходимые для проведения исследований, о чем указывается в заключении эксперта. Образцы получает врач или иной специалист в присутствии двух медицинских работников этой медицинской организации. Принудительное получение образцов у лиц, направленных на судебную экспертизу в добровольном порядке, не допускается.

Статья 36. Присутствие участников процесса при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц

При производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц могут присутствовать те участники процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством Российской Федерации. Присутствие иных участников процесса допускается с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, и лица, в отношении которого производится судебная экспертиза, либо его законного представителя.

При проведении исследований, сопровождающихся обнажением лица, в отношении которого производится судебная экспертиза, могут присутствовать только лица того же пола. Указанное ограничение не распространяется на врачей и других медицинских работников, участвующих в проведении указанных исследований.

Глава V. ФИНАНСОВОЕ, ОРГАНИЗАЦИОННОЕ, НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Статья 37. Финансирование судебно-экспертной деятельности

Деятельность государственных судебно-экспертных учреждений, экспертных подразделений федеральных органов исполнительной власти, в том числе экспертных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, финансируется за счет средств федерального бюджета.

Деятельность государственных судебно-экспертных учреждений, экспертных подразделений органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации финансируется за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации.

Государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц, взимать плату за производство судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам, делам об административных правонарушениях. Порядок расходования указанных средств определяется соответствующими федеральными органами исполнительной власти.

Статья 38. Организационное и научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности

Организационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений осуществляется соответствующими федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз, а также дополнительное профессиональное образование государственных судебных экспертов возлагается соответствующими федеральными органами исполнительной власти на судебно-экспертные учреждения из числа указанных в частях первой и второй статьи 11 настоящего Федерального закона.

Статья 39. Информационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений

Организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности обязаны безвозмездно предоставлять по запросам руководителей государственных судебно-экспертных учреждений образцы или каталоги своей продукции, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы, необходимые для производства судебной экспертизы. При этом государственные судебно-экспертные учреждения обеспечивают неразглашение полученных сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Государственное судебно-экспертное учреждение вправе ходатайствовать перед судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем о получении по окончании производства по делам предметов, являвшихся вещественными доказательствами, для использования в экспертной, научной и учебно-методической деятельности.

Статья 40. Охрана государственных судебно-экспертных учреждений

Охрана государственных судебно-экспертных учреждений обеспечивается их руководителями и финансируется за счет средств федерального бюджета, средств бюджетов субъектов Российской Федерации, а также за счет других источников, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Глава VI. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 41. Распространение действия настоящего Федерального закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами

В соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами.

На судебно-экспертную деятельность лиц, указанных в части первой настоящей статьи, распространяется действие статей 2—4, 6—8, 16 и 17, части второй статьи 18, статей 24 и 25 настоящего Федерального закона.

Статья 42. Приведение нормативных правовых актов в соответствие с настоящим Федеральным законом

Поручить Правительству Российской Федерации обеспечить приведение нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в соответствие с настоящим Федеральным законом.

Статья 43. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, за исключением части третьей статьи 29, которая вступает в силу после приведения Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями Конституции Российской Федерации.

Президент
Российской Федерации

Рекомендуемая литература

1. *Антонян, Ю. М.* Криминальная патопсихология / Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан. – М. : Наука, 1991.

2. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия / авт.-сост. Ф. С. Сафуанов, Е. В. Макушкин. — М. : Генезис, 2013.

3. *Гульдан, В. В.* Особенности экспертной оценки аффективных реакций у психически здоровых и психопатических личностей: методические рекомендации / В. В. Гульдан, Т. П. Печерникова, В. В. Остришко. — М., 1983.

4. *Дозорцева, Е. Г.* Современные методологические принципы производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних / Е. Г. Дозорцева // Правовые и криминологические проблемы защиты прав несовершеннолетних : сборник научных трудов. – М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2009. — Ч. 2. – С. 52 -65.

5. *Коченов, М. М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу / М. М. Коченов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.

6. *Коченов, М. М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды / М. М. Коченов. — М. : Генезис, 2010.

7. *Кудрявцев, И. А.* Криминальная агрессия / И. А. Кудрявцев, Н. А. Ратинова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.

8. *Кудрявцев, И. А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И. А. Кудрявцев. – М. : Юридическая литература, 1988.

9. *Леонтьев, А. Н.* Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. — М. : Смысл, 2000.

10. Медицинская и судебная психология. Курс лекций : учеб. пособие / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. – М. : Генезис, 2004 (2-е изд. — 2005; 3-е изд. — 2009).

11. *Морозова, М. В.* Психологический аспект экспертизы способности малолетних и несовершеннолетних давать показания по уголовным делам / М. В. Морозова // Психологический журнал. — 1997. — № 4. — С. 57—68.

12. Руководство по судебной психиатрии : практическое пособие / под ред. А. А. Ткаченко. — М. : Юрайт, 2013.

13. *Сафуанов, Ф. С.* Психология криминальной агрессии / Ф. С. Сафуанов. — М. : Смысл, 2003.

14. *Сафуанов, Ф. С.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка / Ф. С. Сафуанов, Н. К. Харитонова, О. А. Русаковская. — М. : Генезис, 2011 (2-е изд. 2012).

15. *Сафуанов, Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф. С. Сафуанов. — М. : Гардарика ; Смысл, 1998.

16. *Сахнова, Т. В.* Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам / Т. В. Сахнова. — М. : Юристъ, 1997.

17. *Секераж, Т. Н.* Методические рекомендации по производству судебной психологической экспертизы по делам о признании недействительными сделок с «пороками воли» / Т. Н. Секераж, С. С. Шипшин. — М. : РФЦСЭ, 2013.

18. *Ситковская, О. Д.* Новые направления судебно-психологической экспертизы / О. Д. Ситковская, Л. П. Конышева, М. М. Коченов. — М. : Юрлитинформ, 2000.

19. *Ситковская, О. Д.* Психология уголовной ответственности / О. Д. Ситковская. — М. : Норма, 1998.

20. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого : пособие для врачей и медицинских психологов. Методические рекомендации для экспертов / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Е. В. Макушкина. — М., 2012.